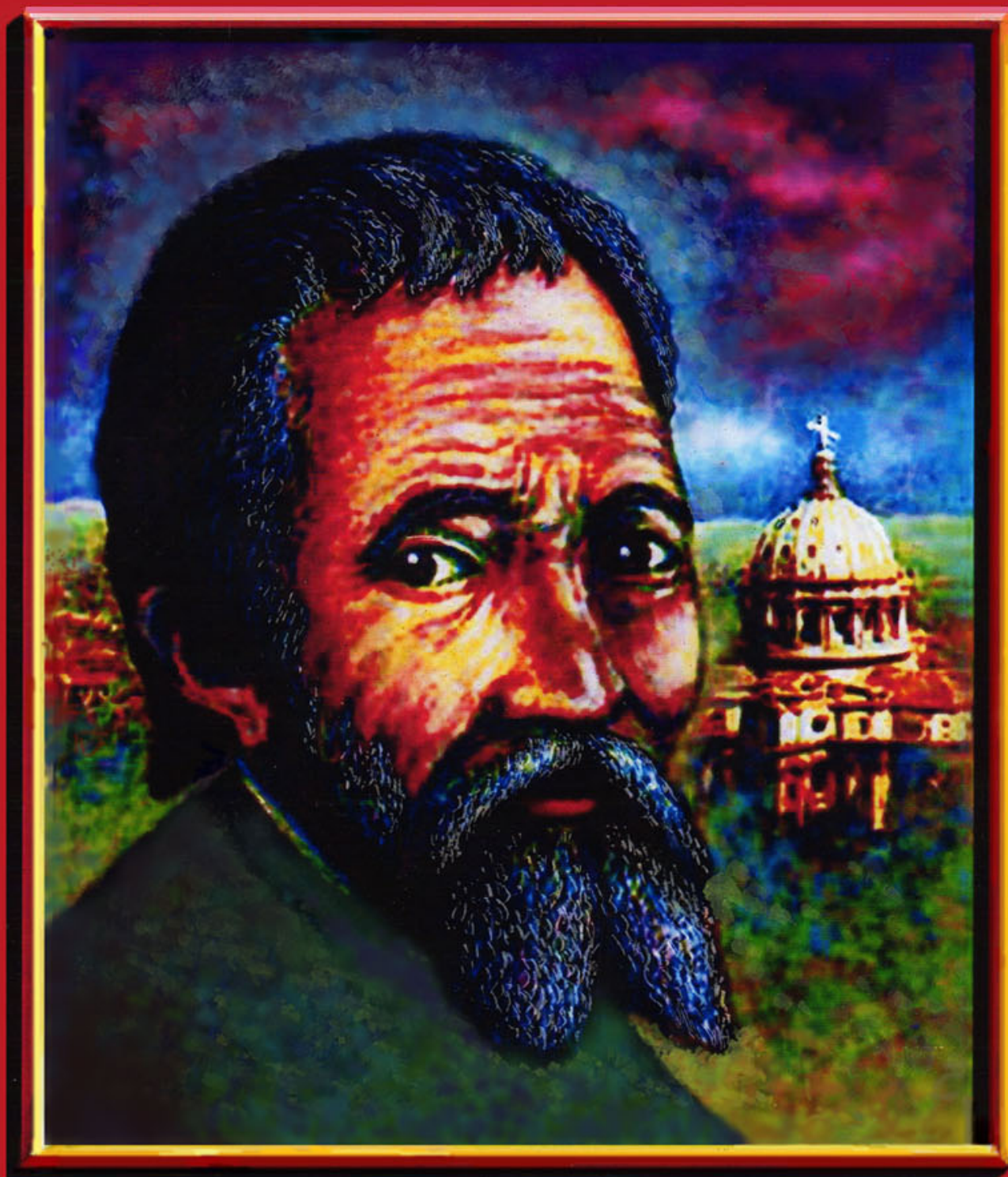

В. Ф. КОЗЛОВ

МИКЕЛАНДЖЕЛО

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
К59

Козлов Виктор Фёдорович

К59 Микеланджело: героическая поэма / В.Ф.Козлов. –
(б. и.), 2012. – 536 с. : ил.

Микеланджело Буонарроти – величайший итальянский гений эпохи Возрождения. Он скульптор, художник, архитектор, поэт, мыслитель, градостроитель, строитель, изобретатель, камнелом, камнетёс, чёрнорабочий, руководитель, инженер, подмастерье...

А трудился мастер всегда, как каторжный. Встал на защиту родной Флоренции патриот-герой...

Микеланджело известен всюду на нашей планете Земля.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

@ Козлов В. Ф., 2012
@ Иллюстрации, оформление

Авторское право

на героическую поэму «Микеланджело» (стихи и иллюстрации) Козлову Виктору Фёдоровичу выдано Фондом интеллектуальных и информационных ресурсов Удмуртской Республики
21 ноября 2013 года.

В. Ф. КОЗЛОВ

МИКЕЛАНДЖЕЛО
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Издание 2-ое,
переработанное и дополненное

ИЖЕВСК
2013

Светлой памяти

зодчих, художников, поэтов, моих друзей

Лагунова Рудольфа Алексеевича,

Митрошина Николая Павловича,

Добровицкого Александра Ехильевича

посвящаю

О Б А В Т О Р Е

В. Ф. Козлов. Автофотопортрет

Козлов Виктор Фёдорович родился в 1938 году в г. Невьянске Свердловской области в семье рабочего и служащей. В 1955 г. окончил Невьянскую среднюю школу № 1. В этом же году поступил в Нижнетагильский горно-металлургический техникум (ныне – колледж им. Е. А. и М. Е. Черепановых). На практиках рабочим набирал опыт в карьере Нижнего Тагила, в рудниках Кривого Рога на Украине. Довелось добровольно от техникума поднимать целинные земли Казахстана. После окончания техникума в 1958 г. трудился в руднике Темир-Тау Кемеровской области крепильщиком, взрывником, горным мастером.

Отслужил 3 года в Советской Армии радиомехаником ВВС. В 1961 г. при большом конкурсе поступил в Уральский политехнический институт в Свердловске (ныне – Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина в г. Екатеринбурге), который окончил в 1967 году по специальности «Архитектура»; там же, изучая военное дело, стал командиром взвода средних танков, шофёром.

По направлению работал в г. Ижевске в институте «Ипромашпром» (ныне – «Прикампромпроект») старшим архитектором, руководителем группы и исполнял обязанности главного архитектора этого института. Проектировал заводы, цеха, военные городки, жилые и общественные здания.

С 1970 по 1994 год трудился в институте «Удмуртгражданпроект» главным архитектором проектов. Выполнил для Удмуртии проекты жилых районов, микрорайонов, коттеджей, баз отдыха, пионерских лагерей, жилых домов,

клубов, кинотеатров, спортивных сооружений, школ, детских садов, больниц, памятников и других зданий. Многие из этих объектов построены. Козлов от Удмуртской АССР участвовал в трёх Всероссийских смотрах Госстроя РСФСР на лучшие выстроенные здания; получил диплом этого смотра.

В конкурсе «Монумент на воинском кладбище в г. Ижевске» получил он с соавторами 1-ю, 2-ю и 3-ю премии.

Переводом принят в Управление Государственной вневедомственной экспертизы проектов при Госстрое Удмуртской Республики на должность главного специалиста, там исполнял обязанности и начальника экспертизы.

Козлов В. Ф. член Союза архитекторов СССР и России. Награждён за заслуги в области архитектуры и строительства Почётной грамотой Президиума Верховного Совета Удмуртской АССР, Почётной грамотой Правительства Удмуртской Республики, Почётными грамотами Удмуртского Обкома профсоюзов, Почётными грамотами институтов «Ипромашпром» и Удмуртгражданпроект», Грамотой Удмуртского отделения Союза архитекторов России и другими. Награждён медалью «Ветеран труда СССР».

По совместительству он 17 лет преподавал в Ижевском механическом институте (нынче – Ижевский государственный технический университет им. М. Т. Калашникова) черчение, рисование и архитектуру; там принимал участие в становлении нового строительного факультета; избирали доцентом.

Женат. Жена Алла Павловна – инженер-теплотехник, выпускница Уральского политехнического института. Воспитали двух дочерей; Катя Русских – психолог, инженер-теплотехник, у неё – сын Данилушка-третьеклассник; Аня Гамм – инженер-теплотехник и психолог, у неё – муж инженер Владимир Александрович и сын Вова – ныне студент ИжГТУ.

На пенсии Козлов занялся писательской деятельностью. В 2001 году к 300-летию родного города издал историческую поэму «Невьянск и тайны падающей башни» с авторскими иллюстрациями, в 2005 г. книгу переиздал.

Написал легенды, стихи для детей; их иллюстрировал.

Стал Государственным степендиатом Российской Федерации 2012 года.

Предлагаемая читателю книга В. Ф. Козлова «Микеланджело» – героическая поэма о жизни и творчестве величайшего итальянского скульптора, художника, архитектора, поэта эпохи Возрождения¹, которую автор, тяжело боля, став инвалидом, написал героическими усилиями.

Оформление книги, обложка, форзацы, часть рисунков, акварелей; подбор: иллюстраций скульптур, фресок, рисунков, творений зодчества; стихов Микеланджело; компьютерная вёрстка, печать, переплёт выполнены автором.

Поэма интересна, в ней подробно, красочно описаны жизнь, творчество гения; будет полезна специалистам и широкому кругу читателей.

Заслуженный архитектор России

С. А. Макаров

ОТ АВТОРА

В книге рассказал о Микеланджело Буонарроти – о гении, о знаменитом человеке на все времена. Микеланджело родился больше пяти веков назад, 6 марта 1475 года в Италии, в небольшом городке Капрезе близ Флоренции. Прожил в муках, страданиях и радостях долгую жизнь. Микеланджело стал величайшим скульптором, величайшим художником, величайшим архитектором, величайшим поэтом; градостроителем, строителем, камнеломом, камнетёсом, чёрнорабочим, руководителем, экономом, инженером, подмастерьем... А трудился он всегда, как каторжный. Встал на защиту родной Флоренции патриот-герой. Пред Римскими папами («наместниками Христа на Земле») не преклонялся, для многих из них выполнял заказы, верой и правдой им десятки лет служил. Стал известен во всём мире.

Скончался гений 18 февраля 1564 года и похоронен в Риме, перезахоронен во Флоренции.

Микеланджело создал непревзойдённые творения в ваянии, живописи, зодчестве, поэзии. Память о Титане-итальянце жила, живёт, будет жить в веках.

Имя Микеланджело запомнил с детства, когда в книге увидел его скульптуру «Давид». И с тех пор лучшего изваяния не видел, его не раз рисовал. А в институте, учась на архитектора, стал я изучать жизнь и творчество Микеланджело, нарисовал с гипсового слепка голову Давида, с книг – Моисея, «Оплакивание Христа», «Вакха», Никодима... Трудясь в Ижевске, стал подробнее изучать творчество великого мастера эпохи Возрождения. Он в мою жизнь вошёл навсегда.

Удалось мне посмотреть не раз подлинную статую Микеланджело «Скорчившийся мальчик» в Эрмитаже Санкт-Петербурга. Смотрел, изучал копии творений мастера в музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

Увлечённость изучением многих книг, журналов, газет о Микеланджело Буонарроти, чтение его стихов, написанных болью сердца, вызвали ещё больший интерес к гению, отдавшему всю жизнь героическому творчеству, сделали его близким и родным, вдохновили меня на написание поэмы о великом мастере.

На решение писать книгу повлиял и сборник «Титан» о Микеланджело, подаренный мне наставником, другом, архитектором, художником, поэтом, Председателем Госстроя Удмуртской Республики, Почётным архитектором Удмуртской Респуб-

лики Митрошиным Николаем Павловичем, где есть интересные высказывания о величайшем мастере, Титане, герое.

Вдохновили меня и книги о Возрождении, подаренные мне друзьями, архитекторами, художниками, поэтами Лагуновым Рудольфом Алексеевичем и Добровицким Александром Ехильевичем – Заслуженным архитектором Удмуртской Республики.

По моим предварительным рукописям высказала ценные пожелания племянница, доктор психологических наук Ольга Михайловна Власова. Дали замечания по книге мои старшая сестра, учительница русского языка и литературы Наумова Тамара Фёдоровна и сестра инженер Бородина Зинаида Фёдоровна.

Большую помощь, поддержку оказали мне жена Алла Павловна, дочери Катя Русских, Аня Гамм, зять Владимир Александрович Гамм и внук Вова Гамм.

Им всем – моим друзьям и родным огромное спасибо.

Уже давно приобретаю, изучаю книги о Микеланджело Буонарроти, о Возрождении. В библиотеках, в Интернете черпал и черпаю новые, интересные сведения о жизни, творчестве Микеланджело. Поэтому стал перерабатывать, дополнять поэму текстом и иллюстрациями.

Находил разночтения в разных трудах, старался выбрать правдивые, на мой взгляд, суждения, написал и своё мнение о событиях, персонажах поэмы.

О первом издании книги собираю отзывы родных, друзей, знакомых, специалистов в области искусств и поэзии... Этим читателям поэма понравилась. Есть пожелания издать книгу большим тиражом.

Письма, записи, дневники Микеланджело, высказывания великих, знаменитых о нём, кроме поэтов, воплотил я в стихи.

Включил в поэму часть стихов Микеланджело в переводах А. Махова, А. Эфроса, Н. Банникова, М. Лозинского, М. Богословской, А. Вознесенского и других. Эти стихотворения выделил курсивом.

Для книги использовал цветные иллюстрации, часть из них нарисовал я.

Ставил целью показать в поэме многогранный талант гения, его героический, титанический, адский труд; жизнь, полную мучений, невзгод, редких радостей, его прометеевские дерзания, бессмертные творения, духовную чистоту, бескорыстие и доброту, героический патриотизм, преданность родине, его влияние на потомков.

Глава 1

Учёба у живописца Гирландайо

«Неизмеримы гения деянья».
Микельаньоло².

1

Пред Вами юнец тринадцати лет,
Словами рисую сразу портрет.
Он малого роста и хрупкий, худой;
Но всё же силён. Обделён красотой.
Завитки волос чёрных спадали,
Лоб высокий его обрамляли.
Щёки впали; скулы чуть выступают.
Как янтарь искристый, очи сияют,
И сидят они широко. Нос прямой.
Подбородок узенький и небольшой.
Мальчик смелый, подвижный; очень умён;
Волей твёрдой, талантом он наделён.
С душою чистой, магической; стойкий;
Уже рисует старательно, бойко.

Станет ведь герой наш великим в народе;
Это – Микеланджело Буонарроти.
Италию всю искусством вскоре прославит,
И в мире подлунном – сам известен всем станет.

2

Но пока же он и друг быстро идут;
И того Франческо Граначчи зовут.
А исполнилось ему – девятнадцать лет;
Из богатых, но – в наряд лишь простой одет.

Строен, высок; и светлым умом наделён;
Так красив; голубые глаза; русый он.
Душою добрейшей он отличается,
Серьёзно уже пять лет обучается
В живописной, известной в стране, мастерской.
И увидел ведь в друге дар Божий, большой.

Даже стал к искусству его приобщать
И карандашами, бумагой снабжать.
Часто приносил рисунки, гравюры,
Много показал и фресок в натуре.

Друзья по Флоренции бодро шагают,
А их в мастерской в этот час поджидают.
Проходят мимо дворцов интересных,
Мостов и замков, и статуй чудесных.
Вдруг видят изваянье Марка Святого.
– Скульптура лишь важней искусства любого! –
И ведь голос юнца зазвенел от волненья.
– Почему ж не слышал о твоём устремленьи? –
Удивился Франческо, за друга так рад;
Но к художнику оба теперь вновь спешат.

И к живописцу друга Граначчи зовёт;
Буонарроти снова совет он даёт:
– Доменико Гирландайо³ любит почёт;
Будь смиренней ты, когда беседу начнёт.
У него я давно и усердно учусь;
Пред художником даже сейчас ты не трусь.
Я верю, возьмёт ведь учиться тебя,
Старайся же сам проявить тут себя. –
И друга здесь мастеру бодро представил;
А тот встал, дела свои быстро отставил.

В стране Гирландайо – художник известный;
И пишет в церквях он чудесные фрески.

Нервный, но всё же держался учтиво.
Длинные пальцы его так красивы.
Пленяет пронзающе многих глазами
И чёрными, словно смола, волосами.
Вдруг Доменико взгляд на юнца устремил,
Яркие губы тотчас капризно скривил:
– Будет слишком учёба тут тяжела,
А персона ж твоя хрупка и мала... –
– Но не надо и силой большой обладать,
Чтоб держать карандаш или кистью писать! –

Так Микеланджело вмиг рассердился.
А Гирландайо всё ж вскоре смягчился:
– Ладно. Ты бы тут что сейчас срисовал? –
На бумагу и уголь он указал.
– Ну, вот хотя б мастерской уголок у Вас, –
Буонарроти за малый стол сел тотчас.

Его ум, глаза и руки трудились,
Работы мгновенья быстро продлились.
Вдруг почувствовал: кто-то стоит за спиной.
– Не закончил я, – вымолвил он, сам не свой.
– Хватит! Хороший ведь твой рисунок, юнец.
Радуешь крепкой рукой. И ты – молодец!
Да, буду за деньги тебя здесь учить. –
– Но я не сумею же Вам заплатить.
Отец мой меня непременно ведь бьёт,
Когда речь опять об учёбе идёт.
Но если всё ж станете Вы мне платить,
То папа к Вам смог бы меня отпустить. –

Может быть, они поменялись ролями.
Художник нервно задёргал бровями:
– Видали!? Должен лишь я расплатиться,
Чтоб ты теперь соизволил учиться! –
Доменико подумал вымолвить: «Нет»,
Но тотчас поразил столь дерзкий ответ.

Буонарроти твёрдость враз проявил,
На Гирландайо смелый взгляд устремил.
Ясный взор этот внушал, утверждая:
«Не ошибётесь, меня принимая».
Сражён живописец дерзким предложеньем,
Смотрел на юнца он с явным восхищеньем,
Но репутацию всё ж достойно держал,
А чуть с усмешкой бодрящей сразу сказал:
– Ведь не обойтись без подмоги твоей
Мне при выполнении фресок церковей.
С отцом постарайся ты к нам явиться. –
Сумел своего наш мальчик добиться,
И улыбкой счастья он озаряется,
А в глазах янтарных блеск появляется.

3

Ама только мачеха встретила с лаской,
У стола сидел отец в позе вновь властной.
И три сотни лет был род его знатным,
Но терял уже сам всё безвозвратно;
Ведь имел Лодовико земли свой клочок,
А трудиться не стал; но его всё ж сберёг.
Лишь внушал сынам: тяжкий труд – не их дело;
Может, надо знатным купцом стать умело.
И подестой⁴ городка Капрезе⁵ он был,
Даже тринадцать лет в нём – тогда прослужил.

Там весной

Микеланджело

Буонарроти Симони

пополнил род,

Шёл тогда

тысяча четыреста

семьдесят пятый год.

О том так Вазари⁶ позже написал,
Когда всё же другом скульптора он стал:

«Имя ведь ему Микеланджело дали,
Явление небесное тем предсказали,
Тогда лишь Меркурий, Венера вступили
В обитель Юпитера, чем подтвердили:
Разумом и руками создаст он творенья,
Будут всегда достойны они изумленья».

Пока ж у окна ныне мальчик тихо стоял,
Дом отчий в горах Аппенинах вновь вспоминал:
«Но прежде в доме родном была благодать;
Идёт со мною в сад тихо добрая мать.
Франческа ди Нери дель Сера – она,
Семейный уют создавала сполна;
Мамой так рано покинут наш белый свет»...
А Микеланджело было – только шесть лет.

Отец пребывал долго в горе глубоком.
Стал в доме ребёнок совсем одиноким,
Его лишь бабка Лесандра любила;
Творить – семья Тополино учила.

Так мастер про это время поздней писал:
«К ваянью любовь с грудным молоком всосал».
Ребёнка кормила им постоянно
Жена камнетёса из Сеттиньяно.
Тут скульптор с детства к труду приучился,
Он словно каменотёсом – родился.

А Лодовико сына в ученье отдал;
Даже к Урбино в школу – пока провожал.
Мальчик ведь больше рисует в тетрадке,
Чем выполняет там все распоряжки.
Юнец латынь зубрёжкой не заучил,
За что журил – учитель, папа – бранил.

Воспоминанья закончил мальчик с трудом;
И рад начать разговор свой сразу с отцом:

– В мастерскую я к Гирландайо ходил,
Тот меня учиться к себе пригласил. –
Но тишину никто здесь не нарушал;
А Лодовико грозный вскоре всё ж встал:
– Я не позволю жизнь тебе загубить,
Род наш позорить, чтоб художником быть. –
– У меня же не будет мечты другой.
Как и Вы, почитаю род древний свой.
И если лишите всё ж искусства всего,
То ведь не останется во мне ничего. –

Но любимца-сына не смог убедить
И его ругать стал, и в ярости бить:
– А споры об учёбе мне режут слух!
Я выбью из тебя весь плебейский дух. –
Но старая мать отца появилась –
И взбучка вдруг сразу тут прекратилась.

Так резко старуха кричит Лодовико,
Который сидел с угрожающим ликом:
– Не смог прокормить и сам даже гусей.
Как вырастишь ты пятерых сыновей?
Сын мой, не сумеешь ведь им помогать.
Так зачем же надо ещё и мешать? –

– Отец, подпишите моё соглашеньё,
Так будет всей нашей семье облегченьё;
Докажу я это ученьем своим, –
Убеждал вновь мальчик с упорством большим.
– Сын, ты чушь несёшь! Ведь нам не на что жить.
Как буду я там за учёбу платить? –
– Мастер бесплатно обучит многому сам;
Также и деньги платить сумеет он Вам. –

– Мне платить?! – Лодовико был удивлён,
И уже не сердито высказал он:

– Зачем же Вас творец начнёт обучать?
За что, не понял, деньги нам получать? –
– Мой падре⁷, ведь ценит живописец меня.
Учиться начну я, не теряя ни дня. –

4

мальчика там, в мастерской, представили,
Она ведь известна во всей Италии.
И фресками церкви могла украшать,
Но много ещё предстоит их создать.
Ведь сам познал Гирландайо старое всё,
А всё же в росписи внёс и слово своё.

Он так Микеланджело после сказал,
Чтоб тот лишь внимательно всё изучал:
– Вдруг крестьянка принесёт к тебе корзину
И попросит расписать её красиво.
Не чурайся этой, лёгкой работы,
И она влечёт лишь уйму заботы.
Приложь ты к делу своё всё старанье
И у людей так получишь признанье.
А хоть вся эта работа будет скромна,
Но всё ж вложить в неё душу просит она;
За труд, как за роспись дворца, ты берись
И также прилежно к нему отнесись. –

Но не страшили ведь мальчика трудности
И смело вновь постигал все премудрости.
Исполнил рисунок прекрасно, с душой;
Смотрел, как работают здесь, в мастерской.
У аптекаря краски он покупал
И мог сеять песок, его промывал...

И первые деньги ему выдают,
Но понял, что мало им сделано тут.
От радости большой сейчас трепетал,
Когда здесь золотых два флорина брал.

И представил, как папе выложит их,
Так услышит хвалу стараний своих.
А чтоб большую пользу родным приносить,
С живописцем юнец всё ж решил говорить.

У него ведь однажды эскизы достал,
Всё ж украдкой быстро копировать стал.
И это увидев, зайдя на минутку,
Озлился художник совсем не на шутку:
– Тебе кто рисунки здесь брать разрешил? –
– А разве секрет в них какой-то всё ж был?
Рисовать решил научиться с них сам;
Помогать побольше хотел бы я Вам. –
Гирландайо увидел взгляд так горячий;
Неподдельный гнев им был вскоре утрачен:
– Ну, хорошо, сейчас займусь я с тобой. –
Ученика повёл он быстро с собой.
Бумаги берут, сели тут за столом,
И стал рисовать Доменико пером.
Им создана фигура в наброске штрихом;
Дышит лиризмом, грацией, силой, умом.

А мальчик счастлив, увидав чудеса;
Восторгом сразу засветились глаза.
Своё создать он решил, увлекается,
Рука рассудку его подчиняется;
Так хотел рисовать и вновь рисовать,
Чувства, мысли теперь пером рассказать.
В рисунок вложил вновь душу, всё уменьше;
Уверовал с детства ведь в предназначенье.
Живописец так рад: «Юнец вдохновлён,
Несравненным талантом он одарён».

Гирландайо вкус свой к искусству познал,
Мастеров известных рисунки собрал.
Мальчик об этой коллекции знает,
Сам посмотреть её сильно желает.

Но в просьбе художник юнцу отказал,
И сразу про это всё так он сказал:
– Рисунки с трудом собирал двадцать лет;
Тебе же теперь дам хороший совет.
Только вкусу лишь своему доверяй;
И смелей шедевры творцов обретай. –

На коне как-то за город он укатил;
Но всё ж в спешке на столе рисунок забыл.
А бумага его уж очень древна,
Загрязнилась, вся жёлтой стала она.
Рисунок тотчас Микеланджело взял,
Похожий на подлинник сам срисовал.
Тёр всю подделку землёй, чуть-чуть закоптил;
Оригинал он тут, на столе, подменил.

Делал и кисти; краски все составлял;
Время в ученьи даром здесь не терял.
И может он стены уже штукатурить,
А фрески на них – выполняет в натуре.
Рисовать ещё научился углём;
Выполнял эскизы, картоны потом.
В перспективе⁸, анатомии – знания есть.
Ведь прошёл он так прекрасную школу здесь.
Хвалил наш юнец фрески Джотто⁹, М а з а ч ч о¹⁰. **Илл. 1,**
Пером рисовал, как рубил; не иначе. **стр.430.**

Изучал рисунки и композицию,
Сознавать тут стал теперь свою миссию.
А во фресках смело использовал краски.
С Доменико спорил уже без опаски.
Шло время. Но рисунки опять подменял;
Хотел, чтоб живописец об этом не знал.

5

мастерской закончен нынче вновь картон,
Иоанн Святой на нём изображён.

Рано утром артель собирается,
Роспись в церкви создать направляется.

И, как полководец, художник шагал;
А Буонарроти – ослом управлял.
Вёз картоны, бумаги, краски, горшки,
Кисти, вёдра, рисунки, тряпки, мешки...

Ведь в тележку всё это уложено;
Сердце мальчика – сильно встревожено.
Артель вся шагала за ним, позади;
А солнце сияло им всем впереди.

В создании фресок нужна быстрота,
Ни в коем же случае – лишь суета.
И с напряженьем бригада трудилась,
Новая фреска народу явилась.
В церкви Санта Мария Новелла – она,
Всей артелью прекрасно была создана.

«Но нет силы, энергии, свежести в ней,
Нет и сущности ясной в фигурах людей.
Показал красу, правду жизни искусством;
Отражать важней то, чем вызваны чувства», –
Так хотел уйти мальчик вновь в собственный мир;
Ведь ему Гирландайо – уже не кумир.

Художнику страстности – всё ж не хватало,
Его всей фантазии бурной – так мало.
Лишь быт простых людей он сполна показал;
А Микеланджело ж сам взял за идеал
Только геройский образ свой человека,
Дерзко творя почти в течение века.

И шёл он ныне только этим путём,
Привыкнув с ранних лет в искусстве своём

Характер сильный, смелый всегда закалять
И пред напастью всякой впредь – не пасовать.

6

В городе ярмарка была не впервой
С яркой, весёлой, разодетой толпой.
Буонарроти сейчас с друзьями стоял;
Тут саркофаг римский лишь его взволновал:
– А мраморы сильно и страстно влекут,
Ведь эти фигуры все дышат, живут. –

И хочет мальчик высказать всё поскорей,
Его тут слушал каждый из новых друзей.
Тайно страсть вырвалась сразу наружу
И обнажила упорную душу:
– А Господь в мире первым скульптором был,
И Адама красивым Сам сотворил.
Бьют баклуши много художников здесь.
Хоть один ваятель всё ж в публике есть? –

– Но их так давно у нас в городе нет, –
Он слова Граначчи услышал в ответ.
– Не стало ведь их потому тут, видать,
Что очень уж трудно скульптуры ваять.
Напряжение мышцы, мозг истощает, –
Микеланджело это так поясняет:
– А живописцу не надо сил тех больших,
Вот развелось вновь повсюду много так их.

Да, росписи век свой недолгий имеют,
Лишь статуи тысячи лет не стареют.
Конечно же, промах в картине – поправим,
Всегда в изваяньи огрех – недопустим. –

И сразу приятель ему возражал:
– Знать, тяжкий свой искус сам скульптор избрал.

Но всё ж камнетёсу рубить тяжелей.
Работу его полагаешь трудней?
Что ли каменщик зодчего смеет затмить,
А кузнец ювелира важней сумел быть?
Ты прав, что изваянья в века создают;
Но и фрески, мозаики долго живут. –

Ту тему продолжил товарищ другой:
– У скульпторов камень всегда дорогой.
Им теперь покровителей нужно искать,
Чтобы снова таланты свои раскрывать... –

И всё ж в споре друзья опровергли его,
А пока им не смог доказать ничего.
Сам понял, что знает ещё очень мало;
Ведь опыта также ему не хватало.
Но суть Микеланджело знал без сомнений:
«Людей изваянья – вершины творений».

– Вечно сёстры – живопись и скульптура,
Только лишь одна у них мать – натура, –
Граначчи хотел тут их всех примирить,
Но друга пока не сумел убедить.
Мальчик поздно по тропке ушёл от друзей.
Не сломил спор. Он верил в себя всё сильнее.

7

пустился юнец вновь под утро в долину,
Пришёл к камнетёсам, в семью Тополино.
И уже лет с шести камень он полюбил,
При работе всегда мрамор с ним говорил.
Были природные мощь, дух, сноровка;
А инструменты держал мальчик ловко.

Божественный камень стал почитаньем;
И понял, что свяжет всю жизнь с ваяньем.

Чудесные мосты и соборы, дворцы,
Прекрасные картины, скульптур образцы
Навечно с детства его чаровали,
Любовь к искусству они прививали.

Любимый свой город родной восхищал,
Своею красой он всегда вдохновлял,
Вновь мальчика вёл лишь к целям высоким,
Но ведь не считал то делом далёким.

С детства дерзкий и смелый, духом силён;
Твёрдо понял к скульптуре призвание он.
Но здесь ваятелей нынче не стало,
Тоска вновь мальчику сердце сжимала.

Гиберти¹¹, Сеттиньяно¹² уже нет в живых,
И умер Донателло¹³ - творец позже их...
При смерти Бертольдо¹⁴ с недугом своим.
Братья Поллайоло¹⁵ уехали в Рим...
Ведь прекрасны так все их творения;
Сохранятся они в поколениях.

8

спозаранок наш юнец в мастерской,
Тут Гирландайо, не ходил вновь домой;
А при свечах и ночью свой труд продолжал,
Хрупкий Христос в рисунке его огорчал.
Тихо проворчал: – Я робею пред Ним. –
Мастер не доволен наброском своим.

Микеланджело всю неделю творил,
И теперь И и с у с а – он предложил.
Но Его могучим мальчик показал,
А учитель сразу же здесь – негодовал:
– Пойми, у тебя не слабый Христос,
А лишь здоровенный каменотёс! –

Живописец закончил свой картон,
На нём сильным Христос изображён.
И рад ученик такому решению,
Но ведь не услышал он одобренья:
«Что ж мой труд учитель тут не оценил,
Ведь в споре негласном я всё ж победил».

Как-то раз юнец поутру рисовал,
Дивный облик церкви его восхищал,
Воплощал в рисунке своё уменье,
К идеалу было сейчас стремленье.
А его взгляд чей-то вдруг сзади сверлит.
Обернулся – тут Доменико стоит:
– Так знай, восхищён твоим дарованьем!
Тружусь я так много лет со стараньем,
Но тонкостей, как ты, постичь всё ж не смог,
Хотя не обделил талантами Бог.

Испытай же руку и на фреске моей,
Написать Апостолов прошу я на ней. –
Так в искусстве юнец крещенье получил,
Смело э т и х С в я т ы х он тут изобразил.
И выделяются здесь среди всех других,
Нового сила и дух исходят от них.

А мальчика вечером мастер позвал
И дал замечанья, но гордо сказал:
– Поверь, грубовата вся роспись твоя.
Тут все говорят, что завидую я;
Но горжусь тобой я. Мне уже ясно:
Ты рисуешь ныне с чувством, прекрасно.
Ярким мастером станешь – понял ведь точно.
А судьбу всю свою строй смело и прочно. –

Буонарроти всё ж совесть загрызла всерьёз –
Оригиналы художнику вскоре принёс.

– Это знал я, – художник так вымолвил здесь:
– Верю, что от рисунков уже польза есть. –

9

Зима холодной тут была в этот год,
Теперь весна вновь с ярким солнцем идёт.
И Граначчи вдруг влетел в мастерскую,
А глаза его горят, он ликует:
– Я тебя удивлю, пошли же со мной! –
И за руку юнца ведёт за собой.

В сад пришли, где аллеи, газон, светлый пруд;
Здесь цветы, кипарисы и пальмы растут.
А вдоль дорожек скульптуры большие,
Фонтаны, скамьи; беседки резные.
И все антики¹⁶ Греции да Рима
Так ведь манят к себе неумолимо.

Аллея к беседке друзей привела,
Тут дружно работа по мрамору шла.
И Микеланджело загорается:
– Что?.. Кто ж всем этим здесь занимается? –
– Школа ваянья в Садах есть для молодых. –
– Скульпторы это? И кто же учит всё ж их? –

– А Лоренцо Медичи¹⁷ Сады все создал
И сюда наставником Бертольдо призвал. –
– Но мастер был при смерти. Как выжил он? –
– С больницы пришёл. В школу тут приглашён.
Лоренцо ведь очень Бертольдо просил,
Чтоб тот дарованья младые растил. –

Илл. 2,
стр. 431.

В Саду до лоджии други добрались,
Теперь твореньями вновь любовались.
И все ученики на веранде видны,
Ваятелем здесь им указанья даны.

Он ведь с голосом мягким; болезненный,
А румянец его – не естественный;
Блестят чуть глаза старика голубые,
А волосы длинные – серо-седые.

Всё ж Бертольдо привстал; очень слаб, исхудал.
Подопечным про мрамор сейчас объяснял.
Тихим голосом странно так изрекает,
Но его молотков стук – не заглушает.
А Граначчи с маэстро уже был знаком,
Друга сразу представил, сказал всё о нём.

Скульптор спросил: – А из чьей же семьи ты, юнец? –
– Буонарроти Симони – родной мой отец. –
– О нём слышал. Как по камню работаешь ты? –
Но мальчик молча стоял и глядел на Сады.
А мозг ведь его, видать, вдруг оцепенел;
Пока же собраться с мыслями – не успел.
В это время за мастером кто-то пришёл;
Сразу он, извинившись, тихонько побрёл.

И его в Садах друзья долго так ждали,
Но всё ж время даром они не теряли.
Друга Франческо снова повёл в павильон,
Всем увиденным в нём был юнец удивлён.

И здесь все скульптуры, рисунки, модели,
Монеты, медали они осмотрели;
Было множество тут драгоценных камней.
Хочет это увидеть наш мальчик скорей.
Видны творенья в Садах больших мастеров.
Есть изваянья, которым много веков.

Ведь про большинство из них Граначчи-друг знал,
И так интересно о всех он рассказал:

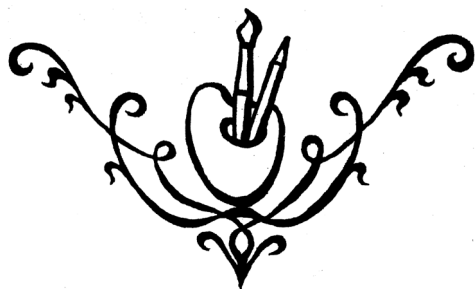
– Медичи гениев к себе приглашали,
Эти творения они им создали.
Уйму разных коллекций Лоренцо собрал,
У людей уваженье так сразу снискал...

Для Медичи трудились тут: Донателло,
Который изваял скульптуры умело;
Гиберти – создатель чудо-дверей всех резных;
Анджелико¹⁸ – автор многих рисунков Святых;
Мазаччо, в церквях написавший сам фрески;
И зодчий Собора старик Брунеллески¹⁹ ... –

Мальчик осматривал жадно творенья –
Всё вызвало сразу восторг, изумленье.
И пока не хотел домой уходить,
Все виденья в Садах желал он продлить...

А вечером поздним шли из Сада опять.
– Что сделать я должен, чтоб скульптуры ваять?
Франческо, надеюсь всё ж туда поступить.
Зачем же мне много лет рисунок учить? –
И на глаза накатились слёзы.
Когда же сбудутся мальчика грёзы?

Граначчи в друга верил и подбодрил,
Надежду смело вновь в него он вселил:
– Друг мой! Добьёшься всего. Не грусти.
Твоя великая жизнь – впереди! –

Глава 2

Сады Медичи

1

Сады уйти мальчик частенько старался
И долго скульптурами в них любовался.
Но себе отчёта в том не отдавал,
Чтоб побыть там всякий раз – повод искал.
Входил в калитку Сада тихонечко он;
В его душе – вновь радость, но всё ж огорчён.

Часами ведь мог неподвижно стоять,
За творчеством с жадностью здесь наблюдать.
Снова в глазах – мечты, боль, блеск голодный:
«Но почему ж я ныне – не свободный?»
А ночью ворочался, мало он спал.
«И как же попасть туда?» – выход искал.

Вдруг Гирландайо юнца подзывает:
– Нам дан заказ, срок теперь поджимает.
И уже пора тут тебе рисовать,
Надо и по улицам реже гулять.
Впиши мне Юношу в новую фреску;
А Старцы Древние будут здесь к месту. –

Микеланджело вновь впрягли в работу,
Оторвался он от своей заботы;
Мальчик сам захотел тут фреску создать.
– Наш учитель не сможет так написать, –
Ведь сразу Граначчи-друг им восторгался,
Когда смело росписью тот занимался.

И появились лики Старцев седых,
Всех энергичных, мудрых и волевых.
Вдруг Гирландайо угрюмый явился,
Каждого взор здесь к нему обратился.
– На днях у Медичи был по приглашенью,
Он у меня просил лучших двух в ученьи.
Конечно, мне не хотелось их отпускать,
Но ведь не смею Лоренцо я отказать.
Микеланджело, дай мне ответ и не трусь. –
– Лишь в Сады, как собака на кости, стремлюсь. –

В лице художника возник вдруг укор,
Ввалились щёки, потемнел его взор:
– Буонарроти, Граначчи! Выбрал я Вас!
И прекратилось ученье Ваше сейчас. –

Решил теперь чуткий наш мальчик благодарить,
Упорной учёбы два года тут – не забыть.
И Доменико проникся так вниманьем:
– Видимо, живопись – не твоё призванье.
Ведь рисунок освоил, это сам знаешь.
Ты рисуешь, как из камней вырубаешь.
Скульптором станешь. Помни же, мальчик мой:
Я – Гирландайо – первый учитель твой. –

Спор трудный дома опять с отцом предстоял,
Франческо смело теперь юнца поддержал:
– Мы от Гирландайо решили уйти;
Медичи берут наконец-то в Сады. –

– Сады для Вас? – стал Лодовико ворчать.
Граначчи в ответ: – Нас научат ваять.
И мы начнём у Бертольдо учиться,
Вы сразу станете сыном гордиться. –
– Граначчи и я – там выбор был таков,
Ведь взяли лишь лучших двух учеников. –

– А будут ли всё же Вам что-то платить? –
Тут стал и Франческо за друга просить:
– Мессер²⁰ ! Бесплатно нас начнут обучать,
Таланты полностью хотят раскрывать. –
Не дал Лодовико благословенья,
Дверь сильно толкнул, ушёл в озлобленьи.
Граначчи увидел, что друг огорчён:
– Ты делай своё, но не лезь на рожон.
И не надо на отца обижаться.
Ведь не прав он, а не может признаться. –

2

о в Садах у Бертольдо учился юнец,
Хоть не дал разрешенья сыночку отец.
В них текла так неспешно, размеренно жизнь,
За деньгами в ученьи сейчас не гнались.
Пронизано всё ведь заботой везде:
«Но не торопитесь пока Вы в труде.
Учитесь да зрелости все набирайтесь;
Успехов в скульптуре теперь добивайтесь».

Молвил Бертольдо больной, измождённый,
Мастеров века наследник достойный:
– Отдам всё, не тая, на уроках я Вам,
Чему меня учил Донателло тут сам.
И талант проявится только тогда,
Если будет каждый учиться всегда...
Знайте же, рисунок – скульптуры основа,
Без него успеха у Вас никакого, –
И мастер юнца здесь за стол усадил,
Ему карандаш да бумагу вручил.
И так наступил рисованья урок,
А мальчик мечтал взять резец, молоток.

Рядом с ним Торриджани тут рисовал,
Белозубой своей улыбкой сверкал.

Красавец, силач восемнадцати лет,
Из знати блондин и со вкусом одет.
Был у него голос резкий и громовой;
Не проявил здесь, в Садах, пока талант свой.
Микеланджело был красой поражён;
И ведь сам признавал, что ей – обделён.

Но вот явился к ним Лоренцо в Сады.
Достиг вновь город мощи и красоты
При его благотворном влиянии
И в делах неустанном старании.
Уровень торговли при нём тут подняли,
Творчество, науки сполна процветали.
Был сам Лоренцо искусств покровителем,
Поэтом, древних находок ценителем.
Флоренцией негласно сам управлял;
Его Великолепным мир называл.

И в мантии тёмной, охристой, просторной.
Ему – сорок лет. В общении прост, достойный.
Роста выше немного среднего он.
Крепким телосложением был наделён.
Груб лик его; глаза большие, тёмные;
Волосы с блеском и густые, чёрные.

Во всём мире у Медичи ныне успех;
Их дворец знаменит, и открыт он для всех.
И коллекции собрал – богатейшие:
Манускрипты²¹ и рисунки – старейшие,
Картины и скульптурные творения,
Керамику, резьбу и украшения...

Всё ж и к ним этот человек подошёл,
Речь об античных изваяньях завёл.
А с ним тут и дочка рядом стояла,
На Буонарроти взор обращала;

Он также свой взгляд на неё устремил –
Румянец щёк вспыхнувших так поразил.
Хрупка. Глаза – голубые, большие;
Волосы – чёрные, очень густые.

На вид Контессине – тринадцать лет;
У милого личика – бледный цвет.
В аленькой шапочке – с жемчугами;
В розовом платице – со цветами.
И с трепетом нежный взгляд отвела;
Отца догонять быстрее пошла.

3

Микеланджело домой не стремился,
Ведь в Садах он увлечённо учился.
И к нему шли натурщики здесь: силачи,
Старцы, юноши, слуги, кухарки, ткачи,
Прачки, швеи, торговцы богатые;
Дамы, дети; мужи – бородатые...

А Бертольдо к рисунку вкус прививал;
И всё мальчик с природы вновь рисовал.
Творил бойко левой и правой рукой;
Конечно же, это ему не впервой.
Работать любую рукой наловчился,
Когда в детстве камень рубить научился.

Скульптор как-то раз его критиковал,
Тот на это смело, твёрдо так сказал:
– Да, человека снаружи можно познать;
Мускулы, кости внутри – мне нужно узнать.
А пока не видал его изнутри,
То нельзя далеко в искусстве уйти. –

Стал мастер Бертольдо тотчас негодовать:
– А ведь запретили покойников вскрывать!

В этом – тяжкое сверхпреступление.
Дурь свою выкинь без сожаления. –
Но юнец в ответ: – Суть не смогу передать,
Если тело и внутри мне – не изучать. –

И ведь волновался Бертольдо-старик;
К его руке сухонькой мальчик приник:
– Молю, успокойтесь, учитель Вы мой.
Да так не тревожьтесь от мысли такой. –
Ваятель здесь успокоился вскоре,
Урок продолжил, забыв о раздоре.
Всё ж у них порою споры бывали,
Но они друзьями верными стали.

Пустели вечерами Сады наконец,
Но долго там трудился тогда наш юнец.
В те часы чудесные снова тайком
Смело брал он в руки резец с молотком.
И узор интересный уже возникал,
На обломке из камня его вырубал.
А то, что ваяет, срубает всегда,
Чтоб это никто не узнал никогда.

4

Ловил появленье здесь Контессины,
Хоть не было даже нужной причины.
К его друзьям всё ж она подходила
И вместе с ними смеялась, шутила.
Но мальчик с неё часто глаз не спускал,
А раньше о девушках он не мечтал.
Не уделяла вниманья только ему;
И Микеланджело злился: «Но почему?»
Ведь с ним и ни разу не говорила,
А исподтишка тут – всё же следила.
Когда ж девчонка вдали исчезает,
К юнцу досада опять подступает.

Его как-то раз под вечер застала,
Когда по аллеям с братом гуляла:
– Буонарроти, ты что ли не устаёшь?
Но почему же по камню яростно бьёшь? –
– Контессина, когда я мрамор вырубаю,
То ведь быстро себе – вновь силы прибавляю. –

5

Управлять хозяйством назначен Граначчи,
Наводит порядок – его тут задачи.
Пока же скульптуру – сам не полюбил,
Лоренцо его рисовать упросил,
И Франческо ему картину писал;
Декорации, арки здесь малевал,
Микеланджело этим он огорчал.

В доме своём юнец – вновь несчастный,
Если отец становится властным:
– Денег сколько-то хоть ты получал? –
– Их пока никто мне не предлагал. –
– А когда будешь делать скульптуры? –
– Но ещё я рисую с натуры. –

К конкурсам ваятель – не допускает,
Многие работы мальчика хает.
Их рисовать заставлял не по разу,
Даже не дал никакого заказа.
И сырость погоды юнца огорчает –
Теперь Контессина в Садах не гуляет.

Тревожило это, в себе ведь замкнулся,
Вновь он к Торриджани всё больше тянулся.
Граначчи сказал: – К красавцу – зависти нет.
Но будь осторожен, дам лишь дельный совет.
Не подумай, что тебя сумеет он чтить;
Преклоненье пред ним может злом отплатить. –

6

од прошёл. И день долгожданный настал;
Так юнцу ведь мастер Бертольдо сказал:
– Ваянью учить начну я старательно.
Но каждый раз будь здесь очень внимательным. –
А у мальчика вмиг глаза засияли,
Сердце сильно забилося, руки дрожали.

– Скульптура – искусство глину, воск добавлять,
А лишнее в камне, древе – всё отсекать.
Сперва из воска лепи со старанием. –
– Но я хочу лишь рубить изваяния.
Когда из камня ваять настанет мой срок? –
Ему в ответ мастер: – Ныне – лепки урок. –
Каркас ими сделан был маленький, жёсткий;
И мальчик лепить начинает из воска.

– А скульптура творится, видать, сотни раз,
Ведь её с разных точек увидит наш глаз.
Объект ваятеля лишь тогда завершён,
Когда любуешься им со многих сторон. –
Учителя речи – юнца зажигали
И действовать смело теперь заставляли.
В его статуэтке вся сила видна,
Но всё ж грубовата в отделке она.
– Сходства с этой натурой в ней не видать. –
– А портреты не буду я создавать. –
– Если денег в карманах давно уже нет,
То начнёшь по заказу ты делать портрет. –
Мастер объяснить подробно стремился;
Опытом своим огромным – делился...

А время шло, пролетали недели;
Юнца учитель испытывал в деле.
Очень часто из воска лепить заставлял,
Чтобы мальчик точнее с рисунков ваял.

Хотя Микеланджело придирки терпел,
Но даже и этому приходит предел.
Инструменты костяные бросает,
В уголок дальний Садов убегает.
В руки резец с молотком там дерзко он брал,
С камнем крепчайшим в работе гнев укрощал.
И сам ведь здесь твёрже, сильней становился,
Когда с камнетёсами вновь потрудился.

Из глины лепка – новое упражненье,
Его юнец осилил тут без сомненья:
– Я в камень модели хочу перевести? –
– Но рано о них разговоры нам вести. –
Учитель часто к нему придирается,
Хвалить не стал, хотя мальчик старается.

Настал ожидаемый долго день наконец –
Ведь мастер и с ним ученик пошли во дворец;
А его краса так юнца поражала,
Ведь отделка, лепка кругом восхищала.

Увиденным всем любовался он с чувством:
– И зодчество – тоже большое искусство.
Ваянье твореньем высшим прежде считал. –
Бертольдо на это так ему отвечал:
– Архитектора надо скульптуре учить,
Чтоб он, как и ваятель, мог форму творить.
Если объёму постройки краса не дана,
То ведь творившему зодчему – грош лишь цена. –

Здесь картины великих смотрят с желаньем;
Это – Джотто, Мазаччо, Липпи²², Кастаньо²³,
Сандро Боттичелли²⁴, Анджелико, Учелло²⁵ ...
Бронзы есть Вероккио²⁶ дель и Донателло...
Тут мраморы Роббиа²⁷ и Сеттиньяно...
– Ваял с Донателло тут я постоянно.

А после древних римлян он первым ведь стал,
Кто лишь скульптуры²⁸ круглые вновь создавал.
Я помог отливать ему здесь Давида²⁹ . –
И юнец изваянье это увидел.
Его смотрел он жадно, от счастья сиял;
Давид творца Вероккио – тоже пленял.
Оба хрупки, молодые, стройны;
Смело, изящно отлиты они.

Всё ж ученик и учитель дальше идут;
Статуй ряды сразу им теперь предстают.
Шли через комнаты, залы чудесные;
Смотрели фрески, картины известные.
И ряд барельефов³⁰ здесь их покорял;
Из них часть Бертольдо успешно ваял.
Красоты таковой наш юнец не видал...
Голова закружилась... И очень устал...

В кабинете Лоренцо виден уют,
Изваянья, картины, книги есть тут.
А рядом с камином – Геракла фигура,
На полках вверху – небольшие скульптуры.
Барельефы – над письменным, тёмным столом.
Заблестали стеклянные вазы кругом,
По заказу у Гирландайо отлиты.
А труды все в комнате так знамениты.
– О чём думаешь ты? – Бертольдо спросил.
– Голова разболелась, нет уже сил. –
– Понял. И вот древний Фавн³¹ найден на днях;
Всё же полюбуйся им – не второпях, –
Ненадолго мастер вновь удалился;
А беззубый Фавн улыбкой хвалился.

7
Не гордись похождениями, наглый старик, –
И рисует упорно юнец этот лик.

Но вдруг мальчик запах духов уловил
И здесь резко взгляд свой на дверь обратил.
Вошла Контессина. Бледна и в печали –
Её мать, сестра ведь недавно скончались.
– Я тебя и не мыслил увидеть теперь. –
– А отец за меня так боится, поверь.
Скоро мне неужель суждено умереть?
И смогу ли я снова весну посмотреть? –
– Так знай, Контессина, будешь долго ты жить;
Тебе предстоит сыночков много родить. –

– Мне верь, что я крепкая рядом с тобой, –
Заалела вдруг, не сдержав трепет свой.
В глаза большие смотрел он встревоженно,
И снова сердце его заморожено.
– Ты – неразговорчив. Скажи всё мне взглядом,
Как ведь вновь приятно с тобою быть рядом. –
Ему говорит с добротой: – До свиданья! –
Ей руку ручищей пожал на прощанье.

8

Проснулся ночью, не мог долго заснуть:
«Когда ж с камнями мне работать дадут?»
И на улицу вышел; светит луна;
А его голова от мыслей полна.
В лунном свете Флоренция снова блестит,
Сердце нежной любовью к ней с детства горит.
Видны тут и стены все городские,
Стремятся ввысь башни сторожевые.
Церквей купола и крыши мерцают,
Вдали река Арно лентой сверкает.
Вновь любовался городом дивным своим.
Создан весь он из камня, лежит перед ним.

Руки опять изнывали по камню,
Грёзы шли только лишь к древнему Фавну.

Быстро, тайно рубить здесь ночами он стал, **Илл. 3,**
Без рисунков, моделей его изваял. **стр. 432.**
Лукавым сделал и даже – без бороды,
Язык был высунут, кой-где – зубы видны.
Фавн тот понравился сразу Лоренцо –
Сильно забилося у мальчика сердце.

Был во дворец приглашён творец молодой,
Его там Медичи встретил с чуткой душой.
Спросил: – Тебе сколько лет? – Мне пятнадцать. –
– Ты будешь ваяньем впредь заниматься. –

В папке рисунки все из стола он достал,
Их разложил... И тотчас юнцу показал:
– Бертольдо рисунки твои сохранил,
А лучшие лишь мне всегда приносил.
Решили тебя мы сперва испытать,
Препятствия стали во всём создавать. –
Враз мальчик вспылит: – Но зачем же всё это?! –
Лоренцо продолжил: – Могу я ответить.
Ваятель часто к тебе придирался;
Ты не поник, ещё больше старался;
И деньги за труд – совсем не платили,
Порой похвалою – мы обходили.
Тебе ведь таланта – не занимать.
Упорен ли ты, хотели узнать? –
И вокруг наступила вдруг тишина...
Как же будет судьба юнца решена?
– Хочу во дворец я тебя пригласить
И в нём жить; как членом семейства здесь быть.
Ты смелей скульптуре себя посвети,
А отца быстрее ко мне приведи. –
– Лишь мрамор люблю. Творить вечно я ведь рад. –
– Меня тут, наверное, так благодарят? –
Лоренцо с улыбкою вновь вопрошал.
Ему Микеланджело всё же сказал:

– А Вас Великолепным мне называть? –
– Но как сам ты хотел? Тебе и решать. –
– Буду я звать Вас Лоренцо, без лести. –
– Мальчик, ведь этим достоин ты чести. –

А потом Лодовико у Медичи был,
И тот без предисловий к делам приступил:
– Микеланджело жить мы к нам приглашаем;
Он творцом здесь предстанет, так обещаем.
Тут учит ваянью наш скульптор отлично.
Всем будет юнец обеспечен прилично.
Нам смогли бы сына для ученья отдать? –
– Я не мыслю в этом ныне Вам отказать, –
И Лодовико тогда поклонился.
Снова Лоренцо к нему обратился:
– А также работу Вам предлагаю,
Служить здесь в таможне Вас назначаю. –

Хозяин также с юнцом затем говорил,
Ему задачи большие тут предложил.
А лицо Лоренцо тотчас изменилось,
И улыбкой светлой оно озарилось:
– Теперь минуло все шестьдесят долгих лет,
Когда сам старый Козимо – мой умный дед,
В дом Донателло-творца трудиться позвал,
Чтобы Давида из бронзы тот изваял.
Ты, юный мой друг, здесь талант раскрываешь,
Преемником этого гения станешь.
Нет предела в искусстве; будь твёрд и смел.
Мальчик, жду от тебя я великих дел! –

Глава 3

Ваятель во дворце Медичи

1

Мальчика паж во дворец проводил,
В дверь постучал; им Бертольдо открыл:
– Микеланджело, рад тебя видеть я здесь;
У меня места много, и мебель тут есть. –
А с полок на них скульптуры смотрели;
Стоят выше свечи, книги, модели.

С иронией ваятель всё ж говорит:
– Ведь мной Великолепный так дорожит!
Но знает он: проживу я не долго,
И чтоб с меня больше было бы толку –
Учить тут буду тебя неотступно
И даже ночью, хоть сплю беспробудно. –

Тут с узелочком малый скромно стоял,
На сундучок ему старик указал:
– Убери все свои богатства туда;
Был день труден, присядь за столик сюда. –
– Всё дорогое моё – пара рук.
И не хочу я их прятать в сундук. –

– Прав ты. Руки у тебя – золотые,
И дал их Бог на творенья святыя, –
Зажёг вновь старик в подсвечниках свечи,
И лёг отдыхать он рано в тот вечер.
А свечи скульптуры все осветили;
Они, сбросив мрак, другой жизнью жили.

И мальчик сказал: – Изваянья прекрасны!
Они бесподобно правдивы, изящны! –
– А мне горько, мой ученик, сознавать,
Что весь тяжкий труд могу взглядом объять.
Искал я в жизни удовольствий всюду:
В охоте, женщинах и вкусных блюдах...
Ты искусству всю жизнь свою посвяти;
Твой успех придёт, нет иного пути. –
Но к старцу усталость всё ж подступала,
И кутался тихо он в одеяло.

Долго ночью пасмурной мальчик не спал
И слова учителя – вновь вспоминал:
«Мастер столько сумел шедевров создать!
Скоро ль я всё ж начну скульптуры ваять?»

Раннее утро, но уже встал юнец;
С жадностью шёл смотреть сейчас весь дворец.
И даже сразу забыл всё на свете:
«Как дивны фрески, портреты все эти!»
От картин, скульптур голова кружится:
«Чудо мне большое, быть может, снится?»

И вскоре же сшита одежда портным;
Доволен юнец и смотрелся иным.
В зеркале вдруг увидал: «Я стал красивей».
Ныне на мир он глядел смелее, бодрей.
Силён, возмужал, уже немножко попрос;
На плечи спадают пряди чёрных волос.
Сорочка так светла, плащ яркий одет;
А щёки зарумянил алый берет.

К обеду с Бертольдо пришёл мальчик рано,
В столовой места ведь – не все постоянны.
Лоренцо в центре с Контессиной сидит.
Воскресный день был. Стол богато накрыт;

И красивый он, букву «П» представлял,
Шестьдесят человек свободно вмещал.
– Микеланджело, место есть рядышком, вот, –
Дружелюбно, с улыбкой Лоренцо зовёт.
Парень не смело идёт и стесняется,
К старшему другу сейчас приближается.
А Контессина – пригласила лишь взглядом,
С нею всё ж садится наш юноша рядом.
– Я рада, что мой отец в наш дом тебя взял,
Теперь же членом семейства ты у нас стал.
Могу ли звать братом? – вот так вопрошает.
Смущён, озадачен он... Не отвечает...

Ведь она тут о многом хочет сказать,
Разговор продолжает с другом опять:
– По воскресеньям пышно всё обставляют,
В те же дни женщин к нам сюда приглашают. –
– Контессина, неделю надобно ждать,
Чтоб тебя мне бы снова здесь повидать. –
И глаза засветились, вспыхнула вмиг:
– А дворец ведь у нас – не так уж велик. –

Тут приглашённые шли на обед,
Каждый из них был нарядно одет.
И заиграли гостям музыканты.
Шли кардиналы и коммерсанты,
Купцы, иностранцы, учёные,
Поэты, мужи просвещённые...
И Лоренцо сыны здесь Пьеро, Джованни,
Дочь Лукреция; и монах, и посланник...
Шут развлекал, и гости смеялись,
Разные блюда всем подавались.
Рыба речная заменилась жарким;
Вина, колбасы, сыр, чай подали им...
Импровизатор пел и на лире играл,
Всем новостям язвительность он придавал...

Тех разнообразных десертов не счесть...
Умные беседы ведут гости здесь.
Лоренцо нравилось это, шутил,
Но и дела за обедом вершил.

2

Солнечно утром. Небо чуть-чуть в облаках.
Выбрали всё ж ваятели мрамор в Садах.
Здесь Микеланджело с Бертольдо идёт;
Старый учитель вновь советы даёт:
– А с камнем сумей, как с живым, говорить
И чётко структуру его изучить.
Найди все полости, также пороки.
Всегда внимательно слушай уроки!
И смотри же: прожилки, вкрапления
И жил твёрдых железных скопления.
Учись ты скульптуры так вырубать,
Чтоб камня кристаллы – не разрушать.

По-гречески «мрамор» ведь –камень сияющий,
А в солнечных утром лучах –он мерцающий.
С изъянами мрамор лишь глухой звук даёт;
А лучший, как колокол, – звенит и поёт.

Надо плотью и кровью с камнем сливаться,
Смело вновь познавать его устремляться.
Чувствуй камень, трудясь. И верь лишь себе,
Будет мрамор тогда послушным тебе.

Сразу в детали ты не углубляйся,
С главным единства всегда добивайся.
Но слеп не будь и твори со старанием.
Вложу в тебя ведь сполна мои знания. –

И скульптор тут с дрожью и печально сказал:
– Всё ж понял: ваятелем большим – я не стал. –

Вдруг просиял. Но случилось с ним что же?
Молвит сейчас: – Относись к себе строже.
А я твой талант пробуждать не устану.
Наверно, великим учителем стану. –

Железо от шведов вдруг Граначчи купил,
И верному другу те бруски он вручил,
Чтобы тот изготовил быстрее резцы;
Выбрал за основу бы сейчас – образцы.
А ученик с Бертольдо горн разжигает,
Нужный набор резцов ковать начинает.
Весь инструмент получился надёжный,
Смело по камню работать им можно.

Вновь солнца луч первый здесь всё осветил,
А мрамор прозрачен, изъяны открыл.
Юноша камень со звоном смог отыскать;
Старца с бородкой он сразу стал вырубать.
Воедино с камнем сливается вскоре,
Ощутил мощь дерзкую снова с ним в споре.
Голову нервно, с досадой клонит учитель:
– Ты ведь отважно творишь, но словно любитель. –
Не слышал его ученик и храбро рубил,
В тот миг остальное герой тотчас позабыл.

3

Настал вновь вечер. Лоренцо идёт в кабинет.
От ламп струится неяркий, мерцающий свет.
А на стенах рельефы, картины есть тут.
С манускриптами полки все – вносят уют.
Огонь, искрясь, догорает в камине.
Здесь, за столом, сидят только мужчины.
Они – все учёные; в ужин мужи
Вновь споры, беседы ведут от души.

Марсилио Фичино тут. Небольшой;
И в возрасте; теперь тщедушный, больной.

Но справочник так живой философии – он,
В Платоновской Академии³² сам испокон
Деловой, энергичный, умный и достойный;
Итальянский мыслитель яркий, просвещённый.

Ландино Христофоро писателем стал,
Лоренцо молодого давно обучал.
Политик; и знает творчество Данте³³ ;
Смог сделать простой язык элегантным.
Лишь в жизнь научные знания смело вводил.
И семь неполных десятков лет он прожил.

Здесь и Полициано Анджели – поэт;
Пока ведь молодой, ему – тридцать шесть лет.
Поэмы его – всегда образцовые
И ясные, а в стилях – смелые, новые.
Но некрасив. Друзей себе не искал.
А сыновьям Лоренцо знания дал.

Мирандола Пико – ведь стройный, крепчайший.
Двадцати семи лет. И учёный – ярчайший.
И красив, прозорливым умом обладает;
Двадцать два языка все прекрасно он знает.
Также философию создать постарался,
Сплачивать религии теперь – попытался.
И знаниями всеми овладеть был готов.
Крупнейший учёный не имеет врагов.

Хозяин Лоренцо тут за столом небольшим;
Бертольдо и Микеланджело – рядышком с ним.
– Гении Европы ведь сейчас собрались;
Ты их перестань стесняться, смело держись, –
Всё ж юношу мастер опять наставляет.
– Мой юный друг, – Медичи так подбодрят:
– А когда не занят своими делами,
То бывай же здесь побеседовать с нами. –

О юноше и гости тут не забыли,
О фресках, изваяньях с ним говорили.
И вспомнили скульптуру Лаокоон³⁴ ;
Не слышал о ней, сильно был огорчён.
Речь зашла и о древнем Гомере,
О поэзии, церкви, Венере...

Буонарроти здесь не всё понимал,
Но ведь он твёрдо лишь сейчас осознал:
«Девиз есть у них: гуманизм воспевать,
Искусства, науки всем людям отдать.
Человек не рождён быть низким и подлым;
А стать должен свободным и благородным».

С Бертольдо лишь ученик поделился:
– Ещё так мало я тут научился. –
И решил учитель его подбодрить:
– Но они не могут ведь в камне творить;
А всё ж думать все, несомненно, обяжут,
Для больших работ темы верно подскажут. –

Идут напряжённо, быстро недели;
А мальчик упорно лепит модели.
Научился по камню здесь высекать
И натурщиков разных мог рисовать.
С друзьями своими стихи вновь читал,
Под новой опекой и сам сочинял.
А языки изучал без желанья,
Но всё ж они не дались при стараньи.

Друзья учили мыслить постоянно,
А кредо жизни дал Полициано:
– Творец лишь великий обязан: искусства знать,
Ваятелем и живописцем, и зодчим стать...
Но чтобы полно, ярко выразить это,
То он ведь должен смело быть и поэтом...

А стихосложенье изучишь у нас. –
Свои же стихи стал читать здесь сейчас:
– Листвой весны одетый,
Блаженством дышит край,
Красавицы обеты
Любви не отвергай, –
Ведь всех, в ком сердце бьётся,
Любовью дарит май... –

4

И радостный юноша к дому спешил,
Одеждой нарядною – не удивил.
Ведь за неделю три флорина дали.
А в доме же все о том не мечтали.
Золото видя, отец обозлился;
Месяц за столько же сам потрудился.
Понял сын – поступил неловко с ним он:
«Но талант оценили, труд – поощрён».

У друзей новых юный ваятель бывал,
У Лоренцо смелей в кабинете ведь стал.
Молвил о встрече с учёными просто,
А Торриджани воспринял всё злостно:
– Ты, замухрышка, и хвастать ими не смей.
Видать, отныне забыл ты прежних друзей. –

И Микеланджело сильно вновь брат огочил;
Он – Лионардо, теперь в монастырь уходил.

Вызван как-то раз юноша вдруг к Пьеро,
Сразу требует тот высокомерно:
– Ваяй портрет-бюст жёнушки милой моей,
Создай же нам, как можно, его красивей. –

– Не сделает это и скульптор большой;
Видать, я не справлюсь с задачей такой. –

От слов тех Пьеро тотчас разъярён:
– Бедняк-деревенщина, из дворца вон! –

Ученик огорчён, ведь обижен он был.
В узелочек скарб свой убогий – сложил.
Почувствовал скульптор, что сейчас одинок;
Собрался быстрее выходить за порог.

Но всё же с няней пришла Контессина:
– А если б я лишь о том же просила? –
И долго друг её о том размышлял:
– Он не просил, а властно мне приказал. –
Потом Лоренцо пришёл, помрачнел,
О всём случившемся так сожалел:
– Ты в нашем семействе; и это твой дом.
Тебя не позволю я делать шутом. –
Контессина шепчет: – С Пьеро всё ж помирись;
Жизнь твою испортит, ты его берегись. –

5

Микеланджело хочет скульптуру создать,
Но ему ведь идею так трудно избрать.
Дали тут платоники мысль не одну:
Жуткою представить троянов войну;
Борьбу амазонок; также Афины,
Воспетую в разных мифах Богиню;
Победы все Геракла и Прометея³⁵ ...
Любовь Амура и Психеи³⁶ ; Антея³⁷ ...

А сейчас в голове так много всего,
Но лишь только подскажет сердце его.
Здесь он под гул разговора учёных
Вдруг вспомнил детство своё обострённо:
С мамою тихо в часовне стоит,
На Богородицу робко глядит.
И вновь виделась ясно любимая мать:
«Лишь её Божьей Матерью мне изваять».

По дворцу с Лоренцо поздно он ходит,
О Пречистой с ним беседу заводит:
– Лик Святой Марии – образ мамы моей,
Тему ту хочу творить с душою, смелей. –
Как много повсюду здесь фресок, икон,
Рельефов, скульптур и полотен Мадонн³⁸.
И создал во дворце рисунки с работ,
Но и жизнь бедняков, конечно, влечёт.
Уходил вновь в какой-нибудь бедный квартал,
Там старательно женщин, детей рисовал.
Стал в соборах, церквях Богоматерь писать;
Покорён красотою так дивной опять.

Хотя эти матери – все хороши,
Но не было в них материнской души.

А после раздумий твёрдо он знает:
«Лишь образ Марии главным предстанет,
У груди Материнской Малыш размещён,
И спиной обращён сразу к зрителю Он.
Богородица любит Его и сильна,
Так красива, духовностью нежной полна».

В рисунках Богородицу вновь создавал.
«Но как мне выбрать камень?» – вопрос волновал.
К каменотёсам ушёл в этот вечер,
Там он друзьями приветливо встречен.
И сделал подарки всем Тополино,
Вручил им тут скатерть от Контессины.
Утром мрамор при солнышке всё ж отыскал,
Так прозрачно весь камень белейший сверкал.
На воле Тополино его прикатил
И в Садах, на веранде, потом поместил.

Вновь учит юноша камня природу:
Слои, кристаллы и жил переходы.

А руки, глаза его познавали,
Уму повинуюсь, снова ваяли.
Но сейчас ведь не было прежних сомнений;
И весь слился с камнем, творил вдохновенней.
В рисунках, моделях уже не нуждался,
Под натиском мрамор пред ним покорялся.
В замыслах образы все шли один за другим,
Выразить думал своё поклонение им.

А ваял только быстро, смело и с жаром,
Над рельефом работа нынче в разгаре.
Но раз как-то к нему друг Джованни пришёл,
И так радостно здесь разговор он завёл:
– Тебя зову на охоту снова теперь,
То праздник самый весёлый, ты мне поверь. –

Он, сын Лоренцо, не был красотой наделён;
Но добродушный; пухлый и подвижный; умён.
Рядом Джулио-кузен – весь мрачная тень,
Брату даже помогал во всём каждый день.
Бойкий, рослый красавец другим угождал,
Но и холодность, твёрдость всегда проявлял.

– Ведь, друзья, так сейчас благодарен я Вам,
А всё ж личное время скульптуре отдам. –
На лице Джованни в тот миг – огорченье:
– Разве ты не любишь и сам развлеченья? –
– Сможет мне лишь труд дать наслаждение, –
И творит вновь с большим вдохновением.

А вечером вскоре пришла Контессина,
За доброго брата она попросила.
– Но я вечно хочу свой мрамор рубить. –
– И ты брата лишь можешь так рассердить.
Ты Пьеро отверг, уступи же Джованни. –
– Ну ладно, поеду, – сказал при прощаньи.

И работу в камне уже завершал;
Лишь Бертольдо-мастер советы давал;
Учил его – изваянье полировать,
Но чтобы только слащавость – не придавать;
Юноша мрамор чистил пемзой и нождаком;
Тщательно лишь: промыл; сушил, тёр губкой потом...
Мать, Христос, Иоанн видны, словно живые.
Перспективу творец применяет впервые.
И полгода труда он скульптуре отдал,
Всё же образ Марии с Младенцем создал.
А назвали Мадонной у лестницы,
Вся любовью духовною светится.

Илл. 4,
стр. 433.

Лоренцо платоников в дом пригласил,
Смотреть барельеф сразу их попросил.
Для одних было – грекам подражанье,
Для других – христианское ваянье.
Все хвалили, но у них речи кратки;
Также указали на недостатки.

И слушали все Бертольдо внимательно:
– Хороший рельеф, в нём всё основательно.
Ведь здесь у него композицию своя,
Ему помогал только в технике лишь я. –

А за всем следил Медичи довольный,
И подвёл он итог как бы невольно:
– В твореньи юный друг наш синтез применил,
Идеи греков, христиан в нём воплотил.
Полна ведь так скульптура жизни святой;
И лучшая из всех, увиденных мной. –

В кошельке ему деньги Лоренцо вручил:
– Ты, друг юный, награду за труд заслужил.
Искусства все в Риме всё ж сперва изучай,
Неаполь, Венецию потом повидай.

А первый рельеф – талисман верный твой,
Оставь же его ты навечно с собой. –

С деньгами домой ученик побежал;
Отец тут флорины все жадно считал:
– Будем полгода безбедно мы поживать. –
Но Микеланджело смог с обидой сказать:
– Премию дали мне для путешествий,
В семье ведь она нам ныне уместней. –
Его Лодовико не стал благодарить:
– Сын, если тебе будут щедро так платить,
То завтра ж приступай ты к новой работе. –
И юноша ушёл вновь мрачным, в заботе.

6

Росписи в церкви Кармине волнуют;
Скульпторы бойко с Бертольдо рисуют.
Буонарроти – смелый, увлекается,
И тут он ни на что не отвлекается.
А к нему Торриджани приставил здесь стул,
Грубо локтем соседа он тотчас толкнул.

Резко юноша встал, отодвинулся,
А красавец высокий – обиделся:
– И почему же ты так привередлив?
Песенку слушай, – сказал он, помедлив.
– Но всё ж мне делом позволь заниматься. –
– Кончай над фрескою сильно стараться?
Не сможешь ли, малый, отвлечься сейчас?
А премии кто-то добился из Вас? –
– Нет. И поэтому дай мне трудиться. –
– Ничтожный, хочешь зачем же учиться?
Ты посмотри, ведь я – большой человек;
Будет жизнь моя долгой, может быть, век. –
– Но человек громадный больше воняет. –
А Торриджани дерзость эта взрывает.

Схватил юношу резко, бил с ожесточеньем,
Кулачищем сломал нос в это же мгновенье;
Микеланджело враз теряет сознание,
Исказили лицо его боль, страдание.
Во рту – кости; крови вкус он ощущает.
Сник... Болит всё... Фреска пред ним проплывает...

А вечером всё ж очнулся в постели;
Его нос, глаза и губы болели.
И доктор его навестил, отвар дал;
Больной в забытьё и сон снова впадал.
А вскоре к нему пришла Контессина;
Пока приподняться сам – был не в силах.

– Отец приказал Торриджани поймать. –
– Не надо. Сам должен себя наказать.
А стал теперь я совсем безобразный, –
И льются слёзы из глаз его ясных.
Дева к нему головою склоняется
И перенося губами касается.
Трепет, тепло губ её ощущает,
Нежный бальзам их – его исцеляет.

Так тянулись медленно длинные дни;
А беда осталась уже позади.
Был и папа, но только лишь огорчил,
О каких-то деньгах тут всё говорил.
К творцу приходил Буонаррото-брат,
Сейчас всё ж ему он был, конечно, рад.

И сам Лоренцо каждый день заходил,
Камеи³⁹ да монеты вновь приносил;
Многие – из неведомой древности,
Всем им, красивым, не было ценности.
А с Пико рельеф египтян изучал,
Ландино сонеты все Данте читал.

Под вечер и Контессина бывала,
Вновь с ним рисунки смотрела, болтала.
С ним Джованни и Джулио говорили,
О сочувствии Пьеро всё известили.

Вдруг юноша в зеркало как-то раз глянул,
Калека возник там тотчас – он отпрянул:
«Ведь я стал только уродцем-вятелем,
Но буду статуй прекрасных создателем».

Граначчи здесь у друга был часами,
Рисунки исполнял карандашами.

А с Гирландайо друг не один приходил.
Юношу вновь Бертольдо и тут подбодрил:
– Бездарь одарённых всегда презирает;
Бог ведь Сам злодея за грех покарает.
Продолжить работу надобно вскоре;
В заботы уйдя, забудешь о горе. –

7

ыне нет синяков, и опухоль спала;
Время выйти на люди снова настало;
Ученик вновь гулял. Красив город ночной.
Любовался церквями, дворцом и рекой.
Даже в тихие улочки вдруг забредал,
Долго домики, башни опять созерцал.

А Полициано его навестил,
Тотчас же и новости все сообщил.
Закончил он перевод метаморфоз⁴⁰
И другу юному – рукопись принёс:
– Тема прекрасная, быстро всё прочитай;
Битву кентавров сильнейших ты изваяй. –
Ужасную схватку сейчас описал
И силу, свирепость – в ней показал.

А утром враз двое седлают коней
И сразу направились в Пизу скорей;
Это Бертольдо и его ученик.
Но вдали башни силуэт вдруг возник.
Сперва смотрели все церкви, соборы;
Вели они о надгробиях споры.
Виден рельеф им здесь на саркофаге:
Воины в битве, полны все отваги.
И любовались башней наклонной,
В прошлом столетии тут возведённой,
Смело с тех пор в небеса устремлённой.

А заснул в тот вечер Бертольдо вновь рано;
Мыслил юный скульптор всю ночь неустанно:
«Как всё же битву ту изобразить?
Мрамор большой мне надо отыскать.
Я придам борьбе азарт, напряженье
И создам фигур здесь много в движеньи.
Дам в руки камни и палки с рогами,
Дубинки, копья, деревья с корнями.
Как показать мне все виды орудий?»
С хаосом этим что делать он будет?

Читал и многие мифы под вечер;
Всё ясно стало, сюжет свой намечен.
Юный скульптор дрожит от волнения,
Он отбросил и сразу сомнения:
«Увидят пусть силу всех обнажённых
И только камнями вооружённых».

Сейчас лишь кентавров в мыслях вновь нёс,
Забыл и про свой покалеченный нос.
Себе не ставил больше тех вопросов,
Теперь рисует мощных камнетёсов.
А позировать всё ж не могут они,
Но борцам все в работе были сродни.

В труде же эти мужчины красивы.
Во всех ведь столько энергии, силы!
Набросок за наброском тут рисовал,
Своих заветных целей в них достигал.
Мысли и силы творчеству лишь отдаёт,
Битвой Кентавров свой горельеф⁴¹ назовёт.

8

как-то вновь из дворца он выходил,
Его монах мрачный там остановил,
И вдруг передал письмо тот мгновенно,
В нём брат Лионардо требовал гневно:
«От дьявольских мыслей, идей откажись;
Быстрее в лоно церкви Христовой вернись».

Он с письмом от брата, где дан был совет,
Вновь к Лоренцо быстро идёт в кабинет.
Великолепный записку ту прочитал
И, лишь обиженный кровно, резко сказал:
– Не поддавайся, друг мой, на злой уговор,
Савонаролу держим зря здесь до сих пор.
Но уступать мы не будем монаху;
Труд продолжай, не давай места страху.
И всех деспот теперь решил запугать,
Всё искусство попать, цензуру создать. –

Эскиз ученик вновь делает броско,
И вылепил он фигуру из воска.
Ищет в утро то нужный мрамора блок,
А помощник его – доставить помог.
В рельефе бой ваять начинает,
Об успехе своём твёрдо сам знает:
«Здесь женщина, кентавры, мужчины –
Сильны все, в монолите едины».
Три яруса вырастут разных фигур,
И в них разместит он все двадцать скульптур.

Ваятель и камень союз создают,
Единым и дерзким опять предстают.

Вечер, сияет вновь в небе луна,
И тишиной вся природа полна.

А в библиотеке – покой и уют;
Ценные все книги имеются тут.
Микеланджело книгу читает,
Контессина окно открывает:
– Волшебен при луне наш город опять;
Но сверху я его хочу увидеть. –

– Я место такое узнал за рекой –
Чарует Флоренцией дивной, ночной. –

– Ну, пойдём быстро, буду я рада, друг мой;
И ты следуй в калиточку Сада за мной. –
Он её до крепости старой ведёт;
Панорама дивная вдаль их зовёт.

И юноша ей показывал город,
Ведь им бесконечно с детства он дорог.
Видны дома и скверы, дворцы и сады,
Соборы, церкви, виллы, река и мосты,
Башен и стен силуэты ночные;
С давних пор все они стали родные.
Сидя рядом, друг друга прикасались,
Робко пальцы их рук теперь – переплетались.

Утром он сразу был вызван к Лоренцо,
Чаще забилось у юноши сердце:
– Ведь знаю, неправильно я поступил,
Но город вечерний там нас покорило.
Флоренция, словно бы изваянье,
Вся виделась нам при лунном сиянии. –

– Я верю тебе, у меня нет сомненья;
Но много есть злых языков к сожаленью.
Тотчас принял меры. Не огорчайся,
А сейчас скорей – в Сады отправляйся. –

Обед начинается, как и обычно;
Лоренцо представил вошедшего лично:
– Вот он, Джанфранческо Альдовранди, – наш гость,
Снова ему ведь к нам прибыть теперь удалось. –
Ныне богат, знатен, любит искусство.
И говорит с Микеланджело с чувством:
– Твои скульптуры духа, силы полны,
Любовью дышат, и прекрасны они.
И, если же сможешь, приедь к нам в Болонью,
От всех изваяний ты будешь довольным.
Ты обрати там на Кверча⁴² вниманье,
Гений его всё ж окажет влиянье. –

Раннее утро, прохлада, светает;
Юноша вновь из Садов поспешает.
О Савонароле много слышал,
Но ведь никогда его не видал
И в церковь поскорей тотчас побежал.
Слушал проповедь в церкви Сан Марко,
Речь монаха так гневна и ярка.
Он в длинной сутане, резок, худой;
Толпу всю вверг сразу в ужас большой.

А внешность проповедника жутка, мрачна; **Илл. 5,**
Опять С а в о н а р о л а ругает сполна: **стр. 434.**
– Сейчас у Вас разлагаются нравы,
Оставьте же роскошь, лень и забавы,
И Ваши мерзость, злые деяния.
Они несут лишь только страдания! –
Сверкают злобно глаза у монаха,
Молчат все люди, чуть живы от страха.

Вновь Савонарола грозил, предрекал,
Жителей Флоренции тут бичевал:
– Ведь Божий гнев грозит всей Италии.
А Вы все крови реки оставили!
Грехам же земным – впредь не предавайтесь.
Теперь заклинаю Вас всех: раскайтесь! –

Буонарроти этим всем потрясён;
И вновь он братом в церковь был приглашён.
Ему Лионардо сказал с теплотой:
– Мой брат, я всегда так доволен тобой.
Но тебя ведь дворец не сумел развратить;
Может, век суждено, как отшельнику, жить.
А Савонароле явилось виденье:
Медичи падут скоро без сожаленья.
И всё искусство бесстыдное сгинет.
Совет дам: надо дворец всё ж покинуть. –

Подросток известием тем поражён,
И что-то сказать не пытается он.
И его спросил брат очень сурово:
– Хочешь ли спастись? Ответь же мне снова. –
– Только всегда своим искусством спасаюсь,
И покидать дворец я – не собираюсь. –

Вскоре же он в церкви решил побывать,
Там Савонарола бичует опять,
Всех горожан проклинал за разбой
И обвиненья священникам строил.

В толпе безумной слышны рыдания,
Гремят монаха тут заклинания:
– И скоро здесь страшные беды нагрянут,
Сурово всех острым мечом покарают! –
Вновь Микеланджело от речей всех дрожал;
Грозный тот голос невольно он вспоминал.

Снова в библиотеке подросток засел,
С древними манускриптами долго корпел.
Вдруг Контессина к нему подошла:
– Здравствуй! Я долго в деревне жила.
Обо мне сплетни разносят, поверь;
Новость тебе сообщу я теперь:
А очень недавно подписан контракт,
Ведь с Пьеро Ридольфи назначен мой брак. –

И это горько его поразило:
– Да, лишь всегда так у Медичи было;
По расчёту замуж невест выдают.
Верить не стал, что сроки быстро придут. –
– Я молода, но отсрочки не дали.
Мы ведь с тобою друзьями остались, –
И у девушки слёзы катились из глаз.
Сник... Сказать ей он что-то не может сейчас.

Они друг к другу робко прижимаются,
И нежно пальцы рук переплетаются.

Враз вновь народ с утра Собор заполняет,
Савонарола же всех здесь обличает.
И Медичи тут семьёй многочисленной
Видны все теперь в толпе многотысячной.
У монаха речь тут гневная, жёсткая;
Так давно презрел искусство всё плотское⁴³.
И держит в страхе людей постоянно,
Опять назвал он Лоренцо тираном.

От поста и многих молитв ослабевший,
Вновь монах бичует весь мир этот грешный.
Властям даёт здесь сполна предупрежденья,
Он жаждет нынче Лоренцо низверженья.
И сам от имени Господа Бога
Намерен править народами строго.

А в городе смута от этих речей,
И Медичи кличет монахов скорей:
– Нам Савонаролу всё ж надо проучить,
Умными речами его – разоблачить. –
Проповедники людей всех убеждали,
Но всё также здесь они – негодовали.

А Микеланджело весь в работе опять,
Проповедь вскоре же он не стал посещать.
Новую скульптуру увидел Бертольдо,
Высказал сомненье о ней недовольно:
– Твой горельеф, как видно, прост и убог,
Выразить битву эту ярко не смог. –

К юноше прибыл и посетитель другой.
– Очень тебя рад видеть в моей мастерской, –
И Микеланджело сразу слушать готов.
Брат Лионардо-монах был снова суров:
– Но ты должен костру рельеф свой предать;
И с картинами будем так поступать.
Всех Савонарола от скверны спасёт,
В городе костёр первый сам он зажжёт. –
От слов таких еле скульптор сдержался
И с братом холодно вновь попрощался.

Не стал полировать своё изваянье
И к Медичи его понёс со стараньем.
Тот Б и т в у К е н т а в р о в рассматривать стал,
Хоть он болел, морщился сильно, хромал
И в кресло присел, но весёлым всё ж встал.
Очень доволен здесь увиденным был,
Об горельефе всё с душой говорил:
– Ты полировку камня не стал выполнять;
Силу правдивей, ярче сумел показать.
И я ведь не видал подобных т в о р е н и й;
В нём много движенья и столько прозрений. –

**Илл. 6,
стр. 435.**

– Требуют бросить и рельеф мой в костёр. –
– К нам проповедник тоже руки простёр, –
Медичи гневен, но не стал вдруг хромать,
А юноше с жаром он начал объяснять:
– Разрушенья силы всегда там идут,
Где искусства дивные ярко цветут.
Если монах сам ныне возьмёт в руки власть,
Знай, суждено прекрасному сразу пропасть. –
Он пригласил подростка к церкви потом;
И обошли её тихонько кругом;
Медичи молвил о заветном своём:
– Видишь, это церковь у нас родовая,
Для тебя тут будет работа большая:
Камнем фасады сперва облицевать
И на них фриз⁴⁴ с орнаментом создать.
Ты двадцать фигур в нишах здесь вырубай,
Так ими Италии славу воздай! –

От радости той ученик воспылал,
Уже сам в задумках скульптуры ваял.

9

Тут в комнате мастер сидит чуть живой
И сильно дрожит, побелел, сам не свой.
– Вы, учитель, больны, Вам надо лежать. –
Но Бертольдо не скоро смог отвечать.

И ученик старика в постель уложил,
Но тяжело тот дышал, едва говорил:
– Да, мальчик. Я – глупый, слепой; был неправ;
Тебя ведь обидел, рельеф не поняв.
Ты прости меня за оценку скорую. –
– Мастер, завтра дайте мне лепку новую. –
Ваятель дышал лишь едва, всё кляня:
– Но будет ли завтра опять для меня? –
Всё ж таки помочь ему доктор не смог...
Но Буонарроти – всю ночь не прилёт,

На руках он учителя долго держал,
Чтоб тот легче дышал и покрепче бы спал.

– Микеланджело, знай же, наследник ты мой, –
На другой же день старец наш, еле живой
Тут преемнику на ухо так говорил...
И вдруг очи свои навсегда он закрыл...
Наставников у юноши больше не будет;
И только сам трудом адским гений пробудит.

10

в Садах тяжёлые дни наступили:
Мастерскую скульпторов вскоре закрыли
И ваятеля не стали вновь приглашать,
А подопечным уже здесь нечего ждать;
Каждый из них ведь решил работу искать.

Микеланджело тоже стал не при деле.
Во дворце перемены нынче назрели.
Лоренцо вёл дела все со стараньем,
Но вскоре начались недомоганья.
На вилле, в лесах отдохнуть он решил,
Хотел там набраться энергии, сил.
На природу лечиться вновь уезжает.
А сын Пьеро – делами сам управляет.

В Садах юный скульптор гуляет под вечер,
Был грустен и ждал с Контессиной здесь встречи.
И о поэзии они тут говорили,
А Данте-гения опять – боготворили.
Платоники и стихи приобщили писать;
Дерзая и мысля, с чувством их стал сочинять.
Написал всё ж стихи, бродя одиноко,
Посвятил Контессине эти все строки:
*«Меня влечёт прекрасное лицо –
И больше в мире нет мне наслаждений...»*

*Столь тонкую, столь редкостную душу
Лишь я постиг, лишь мой увидел дух».*

Древний род Медичи весть взволновала —
Примет Джованни здесь сан кардинала.
И в мантии он красной сейчас предстаёт,
Ему благословенье священник даёт.
Буонарроти также там, в церкви, ведь был,
А на обряд Лоренцо его пригласил.

Теперь Великолепный уже не у дел;
Подагрой тяжело он опять заболел,
С трудом невыносимые боли терпел.
Кончается всё ж земная круговерть;
Встречает лишь смело, мужественно смерть.
Он сына Пьеро к себе вызывает
И откровенно ему завещает:
— Будь благороден, управляй здесь честней,
Не забывай же интересы людей. —

Савонаролу срочно Лоренцо позвал;
И лишь быть твёрдым в вере монах заклинал,
Тут наклонился, прочитал отходную,
Благословил Медичи в жизнь неземную.
Пора уже уходить Савонароле.
И жизнь Лоренцо закончилась вскоре...

Сразу сник для юноши весь белый свет;
Ведь отныне друга великого нет.
И Микеланджело плачет... Он одинок...
Что его ждёт? Пред ним путь весь очень далёк.

Глава 4

Уход из дворца Медичи

1

Покинул юноша вскоре Сад и дворец;
А жить стал в доме отцовском ныне беглец.
Скульптуры свои под кровать положил,
Их обе Лоренцо ему подарил;
Рельефы тут укрыл лоскутом шерстяным,
Чтоб не смогли увидеть их глазом дурным.

– Забудь же гордость, Пьеро ты поклонись;
И во дворце вновь за работу берись, –
Так возмущался Лодовико опять:
– Или устрою я в цех деньги менять. –
Всё ж ему сын любимый сказал наконец:
– Только гордость моя и осталась, отец. –

Гирландайо работать его приглашал,
Там Граначчи уже свой картон создавал.
Юноша камень ваял с душой, всё смелей
У Тополино-друзей вновь несколько дней.
Удар за ударом здесь мрамор рубил
И мысли свои в это время гранил.
Но его изваянья и нынче влекут.
«Не пойду к Гирландайо», – решает лишь тут.

Встретился с ним Никколо Бикьеллини,
В монастыре – настоятель отныне;
Во дворце у Лоренцо частенько бывал,
Он и там Микеланджело всё ж повстречал.

Высокий, кряжистый, бодрый, очень силен;
Ему уже пятьдесят лет; честный, умён.
Остались ведь оба довольными встречей,
Дворец им вновь вспомнился сразу в тот вечер.

Скульптор молвил: – А можно мне Вас посещать,
Чтобы книги читать и с картин рисовать. –
И ему сказал монах так сердечно:
– Приходи же. Буду рад я, конечно.
Ныне библиотека – старейшая,
Древних книг в ней подборка – ценнейшая.
Боккаччо⁴⁵, Петрарка⁴⁶ у нас тут писали,
Свои манускрипты все нам завещали.
Хранит монастырь и фрески чудесные,
Творенья, давно народу известные. –
Сразу словам тем тёплым юноша рад,
Ярко глаза огнём янтарным горят.

Монастырские книги его вдохновляли;
Срисовал и часть фресок, гробницы детали.
С Бикьеллини чаще беседовать стал,
Здесь с ним о Лоренцо опять вспоминал.
И помянули его добрым словом.
А о диктаторе Пьеро суровом,
Которым в народе все недовольны,
Вели разговор свой также невольно...

2

юноше хочется мрамор рубить.
Так много идей. Но какой из них жить?
Печален. Думает вновь о Лоренцо,
Наставник будет всегда в его сердце.
Великого друга лишь с Гераклом сравнил:
«Героем для всех Великолепный ведь был.
А подвиги он, как и Геракл, совершал;
Искусства, науки на века возрождал;

Ведь боролся с косностью и фанатизмом;
Всегда был мыслителем и оптимистом;
И много коллекций искусства собрал;
Поэтов, учёных, друзей вдохновлял».
Всё ж Гераклом Лоренцо он изобразит,
В изваяньи любовь к нему так отразит.
Геракл – есть символ великий и вечный,
Зовущий к подвигам всех бесконечно.

Юный ваятель денег немного скопил,
Нужный лишь камень сам для скульптуры купил.
Тоска о всём прошлом ведёт вновь в Сады,
А там мастерская, веранды пусты:
«Но так мне нужна комнатуха сейчас.
Быть может, не буду мешать на сей раз?»
К Пьеро пока не хочет идти на поклон,
Место другое станет подыскивать он.

Выходя в калитку, фигуры заметил –
Контессину и Джулиано здесь встретил.
А мальчик то этот – младший брат Контессины,
Пятнадцати лет, силён и очень красивый.
И Джулиано дружески так говорил:
– Ты почему же раньше к нам не приходил? –
– Ведь меня не звал побывать тут никто,
Но в Сады по-прежнему всё же влекло. –

И она говорит так с упрёком тогда:
– Мы друзей наших рады увидеть всегда. –
Ярко вмиг у неё засияли глаза.
О мечте Микеланджело тотчас сказал:
– Задумал скульптуру большую создать,
Но нет мастерской, где бы мог я ваять.
Образ Геракла предстал предо мной,
Был для Лоренцо – любимый герой. –
И прикоснулся к подруге рукой.

– Рада очень я твоему вдохновенью;
Но у Пьеро всё же спрошу разрешенья. –
Она лишь только через несколько дней
Пришла опять со старой няней своей:
– Пьеро ни да ни нет мне не отвечал;
Это ведь значит точно – он отказал. –
С тоскою молвил юноша: – Мне не везёт.
И нынче стал оправдан от Вас мой уход.
Хотя так хотелось с тобою встречаться,
Вновь дивным искусством в Садах любоваться. –
Она к нему здесь подходит несмело...
В глаза янтарные нежно смотрела.
Друг к другу они в сей миг приближались,
Совсем расставаться – не собирались...

3

помог ему тут десятник-старик,
Он к нему доверием снова проник;
Но выручил ведь его раньше с камнем,
Сейчас же отнёсся с большим вниманьем;
Сарай-мастерскую творцу освободил,
Её быстро даже бесплатно – предложил.

Всё ж Буонарроти тем местом доволен,
Начал здесь трудиться и снова спокоен.
Теперь окунуться в заботы – рад опять:
Тут стал для работы места подготавливать,
Инструменты все ведь ковал лишь от души,
Приносил бумагу, картон, карандаши.

И замыслом вновь наш герой увлечён:
«Геракл могуч будет – вопрос мой решён».
Снова он рисует на улицах людей:
Грузчиков, ткачей, бондарей, богатырей,
Подростков, носильщиков и кузнецов,
Купцов и крестьян, крепких старцев, борцов...

Сделал здесь каркас, стал из воска лепить;
Лишь разочарован – пришлось отступить:
«Не знаю теперь я, чего добиваюсь?
Создать только облик наружный стараюсь.
Но человек внутри как всё же устроен?
Путь, чтоб вскрывать всем трупы, ведь не дозволен.
Мускулам как же даётся движенье?
Органов всех каково назначенье?
Анатомию должен я изучать,
Покойников рискну всё ж сам тут вскрывать.
И должен взор весь организм охватить,
Не может успеха ведь иначе быть.
Но за вскрытия казнию карают,
А без риска дел – не совершают.
Как же выполнить здесь это всё ныне?
Надо только говорить с Бикьеллини».

Приветливо встретил его настоятель;
Про жизнь расспросил, словно старый приятель.
Скульптор знал: «Его мне нельзя подводить».
Сразу и решился о деле спросить.
А монах негласно, видать, разрешал:
– Будто не слышал, ничего я не знал... –
В изученье зданий творец погружён,
По ночам заходит в мертвецкую он;
Но был осторожен, свечу зажигал;
И всё ж поначалу от страха дрожал,
Бывали и рвота, испуг, отвращенье,
Стучало и сердце быстрее от волнения.
Но охладевшие трупы дерзко вскрывал,
Так анатомию долго здесь постигал.

Дома плохо он ел, часто тошнило,
Мало спал и в жар бросало, знобило.
Тепло одетый шёл в ночь и шатался;
Опыт за опытом – вновь продолжался.

По утрам отец ждал и злобно ворчал:
– И где ты, сын, ночью опять пропадал? –

4

Вдруг от чумы Гирландайо скончался.
А скульптор в страхе, дрожит, испугался,
Закончил с трупами сразу занятия,
И встретил вечером он настоятеля:
– Хочу исполнить Вам изваяние,
Воздам так церкви я почитание. –
Бикьеллини высказал так, благодаря:
– Да, И к о н у надо ведь нам для алтаря. –
Юноша вновь изучает распятия,
Хочет вложить здесь свои в них понятия.
У Донателло Иисус – безмятежен,
У Брунеллески – эфемерен⁴⁷ и нежен...

«А всё ж Христа без нимба теперь покажу,
В Него духовность, силу сполна я вложу.
Пусть же в Нём видят божественность, вечность,
Но и, конечно, Его человеченость.
В муках тяжких предстанут борения;
Тела, чистой души потрясения».
В набросках он образ Христа создавал,
Единственный замысел снова искал.
И и с у с как бы молвит: «Я умираю,
За грехи людей кару всё ж принимаю».
Из дерева ореха творец вырезал
И вскоре ту с к у л ь п т у р у монаху отдал.

Илл. 7,
стр. 436.

А от святого и доброго дела
Враз у монаха лицо просветлело.
– Я именно образ такой и желал,
Спасибо тебе, – он душевно сказал.
Укорял сынка Лодовико опять:
– Почему ж за труд ты не стал деньги брать? –

5

нова работает наш творец в мастерской;
Холодно; выпал снежок так чистый, густой.
Сразу же грум⁴⁸ вдруг его приглашает,
Юношу видеть сам Пьеро желает;
И ваятель вновь во дворец пришёл вскоре,
А семейство Медичи было всё в сборе.
У Джулиано ныне день рожденья,
Он принимает бодро поздравленья.

А Пьеро при встрече приветливым был,
Казалось, о ссоре давнишней забыл:
– Тебя здесь, конечно, видеть мы рады.
Ведь для Джулиано будет отрада,
Если снежную бабу станешь лепить. –
Мастер же не сумел досаду смирить.
– Ты, пожалуйста, бабу нам изваяй;
Только самой большой, чудесной создай, –
И тут Джулиано взмолился пред ним.
Потом Контессина – с желаньем таким:
– А тебе здесь будем все мы помогать. –
«И теперь как можно друзьям отказать».

Во Флоренции вечер уже наступил,
Во двор Медичи сразу народ поспешил.
А Баба огромная, снежная там
Несёт радость взрослым и всем малышам.
Пьеро в отцовском, большом кабинете
Скульптора нынче приветливо встретил:
– Микеланджело, во дворец наш вернись;
Мы тебя все ведь ждём, на нас не сердись. –

А юношу мучают снова сомненья:
«Мне надо ль сейчас тут принять предложенье?
От опеки отца вновь я избавляюсь...
Денег всё ж заработать сам постараюсь.»

В семействе Медичи всех уважаю –
Для них скульптуры я здесь изваяю».

6

снова в комнате прежней мастер жить стал;
А там же все статуэтки вновь увидал.
Не забыл учителя тихие речи;
И зажѐг он также на полочках свечи.

Юношу, как прежде, тут нарядили
И еженедельно деньги платили.
У Пьеро – шуты, друзья приглашѐнные;
Давно не бывали в доме учёные.
Но снова гуляки, конечно же, были...
Так дни монотонные вновь проходили...

А ваятель творчество тут продолжает;
В сараюшке мрамор теперь размещает.
И углѐм наброски делает снова,
Вот уже модель из глины готова.
Г е р а к л здесь предстанет могучим да большим;
Герой явит мужество, он непобедим.

Бодро юный мастер пред глыбою встал
И своё могущество вновь ощущал.
У него была ведь природная сноровка,
И теперь держал инструменты вновь он ловко.
Мрамор для него стал вечной любовью,
Страсти воплощеньем, трепетом, болью.
И в камень лишь с силой дерзкою врубался,
Ведь с мощью Геракла он – сопоставлялся.

Но на днях печаль у отца в дом пришла,
Алессандра-бабушка там умерла;
Заботливость внука она понимала,
Любовью и лаской его одаряла.

Так стал ещё мрачней родительский дом,
И редко же совсем бывал скульптор в нём.
Всё чаще думал о Геракле своём.

Свадьба теперь во дворце предстояла,
Самою пышною быть обещала.
Сейчас у Контессины лишь уйма забот:
Приданое готовит, себе платья шьёт...
И ей шлют подарков много с Италии,
Восток и Европа – также поздравили...

«Что ж Контессине смогу я подарить?
Как мне за дружбу её благодарить?
Хочу ей Геракла в подарок прислать,
Его ведь намерен быстрее изваять».

От зари до зари наш мастер трудился;
От работ всех устав, в постель он ложился.
И поесть забывал, и спал совсем мало.
Во всей силе его скульптура предстала,
Красива, духом единым тут создана,
Таланты юноши вновь явила она.

И хотя хвалил Граначчи приятеля,
Но сказал: – Подарок твой – не желателен.
Всё это будет воспринято дурно,
Лишь для богатых вельмож так разумно;
Но семейство Строцци сюда приводил
И твоею статуей их восхитил.
Ей видное место они отведут;
А сотню флоринов ведь сразу дадут. –

– Да, Пьеро прав был, прав и папа родной;
Ведь мне уготовано трудной судьбой:
Идёт художник путём, быть может, одним:
Торгует даже порой талантом своим.

Чуждое себе ведь я – не буду творить;
Это всё равно, что суп в корзине варить, –
Чуть не заплакал, но не мальчик же он.
Едва сдержался... Сильно ведь огорчён.

И всё же под вечер сиренево-синий
Ваятель на свадьбе был у Контессины.
Здесь теперь собралось до трёх тысяч гостей,
Столы все ломятся от явств, закусок, сластей.
Вино, как говорится, рекою лилось;
На свадьбе той три дня отгулять довелось.

Хотя на улицах всех – угощенья,
Но нынче мрачен народ, к сожаленью.

7

авонарола опять всех бичует сейчас;
Он ведь правление Пьеро ругал каждый раз.
А против всех правителей поднят народ,
Борьба за власть у Медичи ныне идёт.
Ведь сотрапезников мало стало в обед,
Смеха и шуток уже в помине тут нет.

Теперь Микеланджело грустный без дела,
Сказал о творчестве так Пьеро он смело:
– Ваша светлость, польщён я очень заботой;
Но хочу оплатить хлеб только работой. –
– Разве плохо так во дворце тебе жить?
Мне, быть может, подумать, что поручить? –

А в Сады вновь однажды Граначчи пришёл
И с собой двух заказчиков-братьев привёл.
Те по дворцу Микеланджело знают,
И сразу оба в беседу вступают;
Лоренцо, Джованни с ним откровенны;
Ведь с Медичи Пьеро – даже кузены.

О Геракле сказали они с похвалой,
Тотчас же поделились и давней мечтой.
Иоанна статую братьям надобно в дом,
Постоянно думают там они о Святом.
Потом давали и деньги большие;
Так лестны все предложенья такие.
Обдумать просьбу ту творец попросил;
Его никто покамест не торопил.
Мастер слышал ведь об их с Пьеро раздоре;
Все тут рвутся к власти, узнал о том вскорее.
И юноша заказ тот братъ не намерен,
Он памяти Лоренцо Медичи верен.

Скульптору тоскливо, конечно же, очень;
Всё ж он вырубать здесь из мрамора хочет.
В его талантах никто не нуждается,
Порой случайным трудом занимается.
И ныне только один Джулиано
Приходит в гости к нему постоянно.

Мастер часто видит, что Пьеро мрачен:
«Но что же не ладно? Чем озадачен?»
Немного наш юноша пока понимал,
Но ведь Бикьеллини всё ему объяснял:
– А Медичи всё ж людей уважали,
Умело всегда они управляли.
Пьеро дурной и народа не знает;
Время печальное тут наступает.
Снова здесь рвётся во власть Савонарола;
Верит, что папу сместит он лишь с престола. –

В Садах вновь наступает вечер глубокий;
Теперь Буонарроти так одинокий.
Чудились опыты на трупах опять,
Тщательно стал всё для себя уяснять.
И ныне он анатомию всю вспоминал,
А знанья часто рисунками вновь подкреплял.

Но всё ж предосторожность решил соблюдать,
Закончив те наброски, стал их все сжигать.

И с книгой опять Джулиано пришёл,
Под вечер ваятель беседы с ним вёл.
Друзья по дворцу погуляли потом,
А в нём изучали шедевры вдвоём.

Нынче снова наш творец вдохновлён,
Пишет ведь стихи о творчестве он:

*«Недаром жизнь сама нам повелела
Первейшим средь искусств считать ваянье.
Оно неистоцимо на дерзанья,
Имея с грубым матерьялом дело.*

*Будь в воске, глине или камне тело,
Ему не угрожает увяданье.
А памяти, обредшей очертанья,
Дано к потомкам обращаться смело».*

Как-то раз Микеланджело вдруг вызвал отец;
Крикнул, глядя в сундук: – Джовансимоне – подлец?!
И неужто сын мой нагробил всё это?
Он род наш позорит. Как жить нам на свете? –
– Да, в армии у Савонаролы мой брат,
Юнцы ведь её всё так жестоко громят.
Богатые семьи они разоряют,
А все драгоценности – с женщин снимают. –
– Но к чему ж всегда держат вещи все тут? –
– А монахам потом юнцы их сдадут. –

И по просьбе творец в монастырь всё ж пришёл,
Брата в школу искусств Лионардо провёл:
– Ведь в ордене нашем нужен ваятель,
А так повелел и школы создатель. –

– И что же надо мне творить ныне Вам? –
– Савонарола указать должен сам.
Ему возражать не посмеет монах,
На всех непокорных нагонит лишь страх. –

8

Лозен всегда король Франции Карл Восьмой,
Снова идёт на Италию он с войной.
Пьеро ведь теряет союзников всех,
Сам же не придёт к одиночке успех.
А тут горожане не все хотят воевать,
Но надо французов всех и Пьеро изгнать.
Сам Савонарола долго Карла склонял,
Чтобы флорентийцев тот быстрее покорял.

Вспомнил юноша вновь Бертольдо, Лоренцо;
И забилося тревожно чуткое сердце:
«Творить у Бертольдо учился три года,
В ваянии мне предоставил свободу.
Меня старший друг Лоренцо – наставлял,
Он день каждый – опыт свой передавал.

И с тех пор пролетело больше двух лет,
Как моих друзей и наставников нет.
За это время не ушёл я вперёд;
Мне Пьеро дела здесь совсем не даёт.
Не стали учёные нас посещать.
И кто нынче сможет меня поддержать?
Но я смогу ли жизнь огнём снова зажечь?
Как суетой и страхами мне пренебречь?»

С зарёй однажды опять пустел весь дворец;
И ниц упал перед Карлом Пьеро-беглец.
Он сдал ему крепости все береговые
И выплатил сразу же деньги пребольшие.
Здесь в колокол бьёт весь Совет городской:
– Мы Медичи скажем – нет! Пьеро – долой! –

А толпы народа безумно кричат,
Разграбить дворец поскорее хотят.

Разворовали здесь нагло подвалы,
Все напились, учинили скандалы.
Рвали тут шторы, рисунки, картины,
Книги топтали, ломали каминны.
А кубки, вазы, статуи – разбили,
Со золотом сейфы все – опустошили...

У скульптуры юноша смело стоял,
Донателло сам ведь её изваял;
Заслонил быстрее герой наш Давида,
А в душе его – лишь досада, обида:
«Толпа почему же так сильно звереет?
Большое искусство она не жалеет».
И пронеслись все мятежники мимо –
Ныне остался Давид невредимый.

Творец прибежал к кабинету Лоренцо
И там открывает подъёмника дверцу.
Сложил туда картины, скульптуры,
Рельефы, утварь, книги, гравюры...

Опустил враз подъёмник и дверцу закрыл;
И повстанцев рой сразу к нему заскочил...
Контессине записку он переслал,
Чтоб спасённое им здесь кто-то забрал.

9

Буджардино⁴⁹, Якопо у дворца его ждут
(У Бертольдо с ним оба учились тут),
И приятели сели на резвых коней,
Всё ж решили в Венецию ехать быстреей;
Работы пока не нашли никакой,
Направились в город любимый домой.

Встретил друзей Альдовранди в Болонье,
Сразу все встречей здесь были довольны.
Во дворец привёл сам хозяин гостей,
Усадил всех их тут обедать скорей.
А в библиотеке – с ним книги читали,
Данте и платоников вновь вспоминали.
Смотрели коллекции – диво искусства,
Прекрасные кладези мысли и чувства.

Этим всем Буонарроти был восхищён,
И о цели их поездки высказал он:
– В период смуты мчались мы из Флоренции;
И не смогли найти работу в Венеции. –
– А все Вы потрудиться сможете здесь;
У тебя же, друг, опыт творчества есть. –
И Микеланджело тут остаться решил;
Два друга едут домой, он их – проводил.

Юноша много с Альдовранди гуляет,
Стройки, скульптуры все теперь изучает.
Ко дворцу Аморини они по пути
Захотели к ваятелю тотчас зайти,
Который творил бюсты из терракоты.
Немного его отвлекли от работы.
Этот юноша им Винченцо назвался,
Силой, ростом большим блондин отличался.

Дальше вновь идут к церкви Сан Доменико;
Видят изаянье, оно знаменито.
– Ведь сам Пизано⁵⁰ гробницу ту выполнял,
И лишь Делл' Арка⁵¹ работу всю завершал.
Но и этот наш скульптор недавно скончался,
Саркофаг незаконченным нынче остался.
И тут надо быстрее три фигуры создать,
А теперь их Винченцо решил изваять, –
Сказал Альдовранди. Вновь с гостем идёт,
Пред ними творение вдруг предстаёт.

И юноше он указал на портал⁵² ,
Об авторе смелом ему рассказал:
– Его золотые руки, как известно,
Создали здесь диво-статуи чудесно.
Сам Делла Кверча – скульптур сих создатель,
Он – наш прекрасный болонский ваятель. –
Увидел тут гость труды легендарные;
Глаза загорелись, словно янтарные:
– Ныне каждый образчик здесь, будто живой,
А по замыслу все – глубины неземной.
Сумел им всю силу духовную дать;
Такие мечтаю и я высекать! –

Всё ж Альдовранди добился заказа,
И объяснил всю задачу он сразу:
– Ведь нужны нам тут: Ангелок со свечой,
Мощный, мудрый старец Петроний – Святой,
Но ещё и юноша Прокл – удалой.
А мрамор каррарский тебе привезут;
Мы тридцать дукатов даём за весь труд. –

В библиотеке друзья нынче снова сидят,
Об изваяньях заказанных там говорят.
Поэзию Данте ваятель листает,
Её иллюстрировать он начинает.
Рисует для друга в ней благодарно:
Собор, дома, Старый мост через Арно,
Флоренции улочки с детства родные
И церкви да башни, врата городские...

Подросток многих Святых в церквях срисовал,
Скульптуры Кверча подробно здесь изучал.
Не разгибая спины, он трудился опять,
Можно в эскизах фигуры уже увидеть.
И вдруг скульптор Винченцо ввалился к нему:
– Ты тут нашу работу забрал! Почему?

Сейчас у нас хлеба кусок отнимаешь.
Так брось же ваять! Или всё потеряешь! –
О том Альдовранди промовил тогда:
– Ты этого парня забудь навсегда.
Делал скульптуры всегда неумело,
Лишь кирпичи обжигать – его дело. –

Но могучий Винченцо вновь прибегает,
Микеланджело так ему отвечает:
– Тут ничем не могу тебе я помочь. –
А Винченцо не может злость превозмочь:
– Буонарроти, так что же бледнеешь?
Ведь жизнь свою ты совсем не жалеешь. –
Мастер вспомнил вдруг Торриджани ручищи,
Близко, пред глазами, его кулачище:
«Любить мой мрамор, как жизнь, не устану;
Бросать работу свою – я не стану».

10

тец из дома так пишет ваятелю:
«Отдали город уже неприятелю;
Сразу теперь с подготовкой большой
Вступил во Флоренцию, к нам, Карл Восьмой;
Вскоре контрибуцию он получил,
С армией всей мощной из града отбыл.
И стал руководить Савонарола,
Добившись тут у правивших раскола».
Опечален юноша вестью плохой.
И в работу тотчас ушёл с головой.

А Пьеро приехал в Болонью тогда,
Но чем-то расстроен был, как и всегда.
Отряды бойцов решил прежде собрать,
Чтоб штурмом свой город родной покорять.
Рядом с ним здесь стоял Джулиано-брат;
Так ведь встрече нежданной вновь скульптор рад.

Альдовранди войны все лишь презирал,
И на войско Пьеро он деньги не дал:
– Ждать надо, когда Вас народ пригласит. –
А юноше Пьеро затем говорит:
– Ко мне в армию, как инженер, ты вступай;
Ведь займём город, стены его укрепляй.
И что ж, Буонарроти, ты будешь молчать? –
Но мастер все те планы не стал одобрять:
– Вы неужели с войною пойдёте?
Ядрами город свой весь разобьёте. –

– А Флоренция – «груда» старых камней,
Мы, конечно же, после сложим их в ней. –
– Но ведь уничтожите Вы искусство. –
– Не будет всё ж место святое пусто;
Наш город с новейшей архитектурой
Заполним картинами и скульптурой. –
Так смог юноша твёрдо, громко сказать:
– И готов во всём добром Вам помогать!
А свой город не буду я разрушать! –
Пьеро резко поднялся, быстро ушёл;
В Болонье помощи он совсем не нашёл;
Джулиано взгляд брата не разделял;
А ведь скульптора-друга крепко обнял.

11

Вновь Микеланджело Ангелов лепит,
Но на вопросы свои не ответит:
«Какие же эти все Ангелочки?
Тут Господа дочки или сыночки?»
Духовно ваяет здесь он созданье;
Слова Бикьеллини снова в сознаньи:
«Те духа творенья все без сомнения
У Господа Бога в сопровождении».

Натурщик – мальчик крепкий, здоровый,
В руках его – подсвечник тяжёлый.

А на спине – есть крылья резные,
Как у орла, но очень большие.
По камню работа вновь быстро идёт –
И Ангел с подсвечником тут предстаёт.

**Илл. 8,
стр. 437.**

Себе на память мастер гостей рисовал;
Святой Петроний в мыслях его возникал.
Старец в длинной мантии очень силён,
Держит здесь в руках модель города он.
Но юноша не доволен был собой:
«Я сделал работу, как мастеровой».

**Илл. 9,
стр. 438.**

Уже Прокла Святого он с жаром творит;
В мастерской и ночует; так мало ест, спит.
«Сумею своё для всех я изваять
И ярче искусство другим показать».
Святой молодой, силён и суров,
И с недругом в бой вступить он готов.
Свои черты в лицо Прокла вложил
И твёрдым взглядом его наделил.
Прокл предстаёт, как стойкий воитель⁵³ ;
И негибаем он – победитель.

**Илл. 10,
стр. 438.**

12

Скульптор через год вновь приехал домой;
Стал с кудрявой, чёрной, как смоль, бородой.
Родные рады ему, большим новостям;
Опять под вечер пошёл к любимым друзьям.

В семью Пополано его пригласили
(А раньше по фамилии – Медичи были).
И ныне был в силе тот прежний заказ,
Сказал о том другу Граначчи сейчас;
Друзья о своих делах говорили,
Когда ко дворцу теперь подходили;
Их ждали там братья Лоренцо, Джованни,
Ведь помнят они о своём обещаньи;

Просят: у них ваять скульптуру Иоанна;
И о Святом лишь оба помнят неустанно.

И во дворце Ридольфи творец побывал,
Подругу Контессину он там увидал.
Так нынче друзья опять рады встрече,
Беседа долгой была в этот вечер.

Снова во Флоренции битва партий велась,
У Савонаролы же очень крепкая власть.
В городе ныне Юдифь-скульптура стоит,
В гнев врагам здесь мечом жестоко грозит.

Работать художники всё же боятся,
Ведь стало искусство тут принижаться.
Но им жить хорошо придётся навряд ли?
Вновь усилились смуты и беспорядки.
Теперь и ваятелю тоже тревожно,
Ему всё ж привыкать так к этому сложно.

Он Иоанна рисовать приступил.
Сразу по сходной цене мрамор купил.
Буонарроти мысленно снова дерзал:
«И всё ж зачем Господь Иоанна прислал?
Приход Иисуса как подготовил?
И чем же свой подвиг Он обусловил?»
Из описаний разных сполна узнаёт:
С а м И о а н н К р е с т и т е л ь уходит в народ.
Ему пятнадцать лет исполняется;
В Завете Ветхом так сообщается.
Крестить Иисуса юноша будет;
И славу себе ведь быстро добудет.

Предстал Иоанн – живой и полнокровный,
Без нимба, креста – теперь изображённый.
А Пополано работой довольны;
Думы же мастера вновь беспокойны:

«Я вырубил скульптуру, но не знаю,
Какой ей смысл сейчас предназначаю?»

Также решил читать про Матфея скорей,
Так ведь хотел добраться до сути вещей.

Микеланджело ныне – лишь двадцать лет;
Он так жаждет достигнуть ярких побед.
«Но как же я мало сделать успел?
Порой остаюсь опять не у дел».
На верстаке вновь белый мрамор лежит,
Радостно на него герой наш глядит.
На камне тут надпись: «Ты руби снова!» –
Подарок Граначчи – друга большого.

Начинает сразу творец вырубать,
Малыша быстрее решил изваять.
Но не стал делать рисунки, модели;
Из-под резца пыль и камни летели.
В древнеримском духе создать всё ж решает,
Крепыща лишь пухленьким он представляет.
О мальчишке мысль давно появилась
И в камне точней теперь воплотилась.
Работал так смело, без напряженья,
Создал быстро мастер чудо-творенье.
Тот спящий малыш очень мирно лежит,
Под голову ручку свою подложив.
«Ведь подарить его надо Граначчи.
Благодарить как мне друга иначе?»

И вскоре к нему подошёл Пополано,
Но он почему-то смеялся так странно;
Лоренцо всё в скульптуре той нравится,
Античной лишь – ему представляется:
– За Купидона⁵⁴ древнего ныне сойдёт,
С радостью и его Рим богатый возьмёт.

Всё ж ты камню сумеи такой вид придать,
Словно долго в земле пришлось пролежать. –

И в него землю скульптор втирает,
А потом нождаком подчищает.
Сейчас же замазывал снова землёй...
И стал уже Мальчик вовсе иной.
Мастер ваял под старину, увлечён;
Дерзкий и смелый, энергичен, силён.

Работа с подделкой тут – завершена,
Судьба Купидона сразу решена.
Её ведь купец Миланезе забрал,
Быстрой кардиналу Сан Джорджо продал.
Лишь флоринов тридцать творец получил,
Думал: «Сделку лучшую я совершил».

13

Вновь в барабаны под вечер забили,
Мрачные дни здесь опять наступили.
И уже у дворца Синьории – народ,
Идёт войско подростков тут дружно вперёд.
Армию эту создал Савонарола,
Жаждет теперь с её помощью престола.
А юнцы с жезлами, ветвями олив
Громко здесь скандируют страстный призыв:
– Да здравствует наш Христос, города царь! –
Тотчас же: – Сильней в барабаны ударь!
Вечно пусть здравствует Дева Мария! –
Снова бушует людская стихия.

Громадное дерево тут предстаёт;
Весь, как пирамиды, – вокруг эшафот.
Его оцепили сразу монахи,
А в толпах безумных ропот и страхи.
Вновь юнцы в балахонах белых идут,
И они для костра пожитки несут.

Кидают здесь зеркала, амулеты,
Духи и серьги, шкатулки, браслеты...
Вверх кучи бросают тут ожерелья,
Виолы, сапожки, в камне творенья,
Вазы, шторы, наряды, скульптуры,
Маски, книги, цепочки, гравюры...

Всё ж Боттичелли рисунки приносит,
Бартоломмео⁵⁵ этюды здесь бросит.
Роббиа также ведь тащят созданья –
Из терракоты у них изваянья...
Толпа вся безумно гудит и кричит,
Но только Совет Синьории молчит.

Приготовленья уже свершены,
Савонарола хотел тишины.
Вскинул он руки и – замолчать всем пришлось,
Факел поднял – безумство тотчас началось.
Факелом сам эшафота коснулся –
Сразу пламени столб ярко взметнулся.
Кричали повсюду подростки все эти,
Толпа же теперь всё забыла на свете.

А юный скульптор, и сам не свой, здесь стоял,
В глазах так яростных ярко пламень блистал.
Костёр бушующий, огромный горит,
Толпа безумная тут громко кричит.
Ваятель видел сцены суровые,
Из глаз катились слёзы солёные:
«Как долго будет здесь всё продолжаться?
Мне, может, с городом надо расстаться?»

14

Пополано юноша был приглашён –
Там из Рима гость ждёт. Творец удивлён.
Он, Лео Бальони – римлянин знатный,
Общительный и в делах аккуратный.

Этот блондин красивый лет тридцати
Всё ж в мастерскую быстро хочет пройти.
Здесь обратился с уважением Лео:
– Слышал, что стали Вы ваять лишь умело.
Можно Ваши работы мне увидеть? –
– Не смогу, к сожаленью, их показать.
Есть Святой Иоанн, тут созданный мной. –
– Но, быть может, у Вас рисунки с собой? –
И сотни рисунков творец показал,
От всей красоты долго гость ликовал:
– Вы смогли бы младенца мне нарисовать? –
Микеланджело и не стал ведь возражать,
Быстро два наброска создал совершенно.
И тогда Бальони сказал откровенно:
– Сомненья нет. Вы тот самый ваятель!
Мне ясно, что был у Вас покупатель.

Но Вы извините за ухищренья –
Меня кардинал послал с порученьем:
Создателя Купидона здесь отыскать.
Вы – автор! И не смейте теперь отрицать! –
Микеланджело так ему отвечал:
– Да. Торговец мне тридцать флоринов дал. –
Лео разгневан, скульптора он ошеломил:
– А кардинал Сан Джорджо все двести уплатил!
Тот Миланезе-торговец – вор и нахал.
Ведь Купидона хозяин мой восхвалял.
Я предлагаю сразу поехать со мной;
Рад кардинал принять Вас в дом новый, большой.
А талантами сможете Рим покорить!
Дарования Ваши мир будет ценить! –

Глава 5

Вечный город Рим

1

Здесь дворцы и есть трущобы... Ведь всё иначе.
Долго же Буонарроти, Бальони скачут;
Ниже их тарантас на камнях дребезжит.
На холмах и в низовье весь город лежит.
А Тибр разлился от наводнения;
Чума всех косит без сожаления.
Развалины Древнего Рима встречают,
Пред ними вдруг мрачно теперь возникают
Термы⁵⁶, базилики⁵⁷, свалки, гробницы...
Но не дай Бог лишь такому присниться.

Быстро едут по улицам узким;
Здесь когда-то селились этруски.
Вскоре подъехали к дому Бальони;
Дом разместился в низине, на склоне.
Кардинал после обеда их принимал,
Он ваятеля с приездом в Рим поздравлял:
– Этот Ваш Мальчик – чудо-творение,
Яркий успех придёт без сомнения.
Наш Рим – столица древнейшей культуры,
Смотрите лучшие все тут скульптуры.
Сразу к колонне Траяна⁵⁸ сходите
И Капитолий потом осмотрите... –

Риарио долго ещё объяснял;
Творения Лео быстрее показал.
Видели здесь изваянья коней,
Также диковинных, разных зверей,

Тигров и львов, и сфинксов дремавших,
Грубою силой многих пугавших.
Видали Божества рек Тибра и Нила,
Потом красотой Венера пленила.
Все те статуи огромных размеров;
Так творец был рад всем этим не в меру.

И в сад кардинала Ровере идут,
Их там чудеса лишь несметные ждут.
Здесь Венера, Марс, Антей и Апполон...
Юный мастер всё ж опять – ошеломлён:
«Скульптуры ведь времени не подвластны
И через две тысячи лет – прекрасны».

Но с юношей Лео тот сад покидает
И к Марку Аврелию⁵⁹ с ним поспешает.
Ваятель взмолился, решил говорить:
– Хочу отдохнуть, это всё уяснить. –

И вечером вызвал к себе кардинал,
А ныне он в новом дворце восседал.
Багровый, в красном облачении,
Крючком нос, губы в напряжении.
И воздал всё ж юноше тотчас вниманье:
– Видел, как прекрасны тут все изваянья? –
– Понял, но своё ваять я намерен. –
– Верю, ждёт тебя триумф, в том уверен. –
Риарио звал осмотреть весь дворец,
Сказал и о деле ему наконец:
– Поедем мрамор сейчас покупать. –
Велел и сразу карету подать.
Каррарский белейший камень купили,
А грузчики к ним свезли и сгрузили.

И опять кардинал вызывает,
Жить здесь, в новом дворце, приглашает.

Но о делах ведь не вспомнил ни разу,
А Микеланджело – жаждет заказа.
Вселили, словно бы мастерового,
Хотя хотел тут всё же он иного.

К Миланезе мастер под вечер пошёл
И торговца толстого еле нашёл:
– Для чего же Вы обманули меня? –
А торгаш озлился, его здесь браня:
– Ты с Пополано фальшивый антик прислал,
То распознал наш знаток искусств кардинал. –

– Во всём Миланезе, конечно же, был прав, –
И тихо ваятель под нос пробормотав,
Вдруг услышал за спиною крик молодой:
– Буонарроти, что шепчешь ты сам с собой? –
Сразу юноши, словно друзья, обнялись;
Во Флоренции оба они родились.
Он ведь приятель, его Бальдуччи зовут,
Старшим счетоводом ныне трудится тут:
– В банке Галли Якопо давно здесь служу.
Хочешь, весь флорентийский квартал покажу? –

2

Капелла⁶⁰ Сикстинская тут на пути;
Ну как же туда им сейчас не зайти.
Но всё ж в архитектуре гармонии нет,
Хотя ведь и давненько её ценит свет.
А смертных своей громадою давит,
Италию всюду – фресками славит.
И всем Микеланджело здесь – ошеломлён,
Ведь столько во фресках великих лишь имён.
Видит и росписи творца Гирландайо,
Малость учителю завидует тайно.
Также тут – Тайная Вечеря Росселли⁶¹;
Грозный, Святой Моисей у Боттичелли.

Здесь есть Христос и Пётр – фреска Перуджино⁶².
Хвалы ваятеля всё ведь заслужило.

Приятелей с радостью все повстречали
Под вечер в прекрасном дворце Ручеллаи;
Скульптору – родственник дальний по матери;
Дома в компании весел, внимателен.
И познакомил с друзьями общины,
Чуткие все тут, дружны и едины.
Флорентийцы мудрость в делах показали,
Их кварталы все образцовыми стали.

Но кардинал о теме не говорит;
Лишь одиноко, долго мрамор лежит.
Юноше Лео сказал в утешенье:
– Быстро поднимешь своё настроенье,
Если ныне ты станешь Рим обозревать;
То сумей чудеса, красоты отыскать.
Смотри всё внимательно, больше учись,
Скорей познавать и с природы берись. –
– Сможешь, Лео, натурщиков мне подыскать? –
– Но скажи, каких смеешь теперь пожелать? –
Мастер рисовал в сарае бондарей,
Грузчиков, ткачей, вельмож, богатырей...

В ракурсах разных всех изображает,
Он к себе Лео снова приглашает;
Тут Бальони рисунки все нравятся,
Но всё ж множеству их – удивляется:
– Не набьёт оскомину одно и то же,
А у всех ведь головы, тела похожи? –

– Да, не надоест мне мужчин рисовать,
Лишь так хочу каждого душу понять.
Если бы мог, то изображал всех мужчин;
О них знал бы правду я только один. –

– Что ж, можем побывать мы в банях любых,
Ты станешь рисовать там сотнями их. –

Посещал ваятель баню за баней,
Рисовал мужчин с азартом, стараньем.
Но ведь каждый раз новое дерзко искал,
Смелой линией много идей воплощал.

Лео и женщин рисовать предложил,
Но всё ж задумку ту творец отклонил:
– Ведь сила, краса всех мужчин мне родней. –
И «вычеркнул» он – половину людей.

3

Работать, жить в Риме ещё привыкает;
А город в разрухе пока пребывает.
Плохо, очень грубо строили всюду.
Лишь здесь толпы наций разного люда.
Городом жители теперь не гордились;
Даже искусства все давно тут забылись.
Долго Рим изучал, не нравится он;
Лишь во Флоренцию с детства скульптор влюблён.

И, вдруг возвратившись, письмо получил:
Земляк Ручеллаи к себе пригласил.
Там флорентийцев много вновь собралось,
Трапезой пышной всё опять началось.
И Медичи Пьеро был на приёме,
Но холоден, мрачен он в этом доме;
Друг добрый Джованни той встрече так рад,
Кузен его Джулио – был суховат.

И папу ругали все в разговорах –
Ведь Борджиа стал жаднейшим в поборах.
О Флоренции гости тут тосковали,
Синьорию, мосты, Собор вспоминали...

А работы в Риме у юноши нет,
У друзей своих хотел взять он совет:
– Как же заказы тут все получают? –
– Скульптора Бреньо давно уважают.
Ведь хороша у него мастерская, –
Паоло так говорит, предлагая
Быстрее приятелю с ним познакомиться;
Но, может быть, и трудиться устроиться.

Вдруг скульптор впервой папу римского видит,
Которого Медичи все ненавидят.
И заиграли трубы, и толпы – окрест,
А впереди процессии подняли крест.
Кардиналам всегда и всюду вниманье,
В дорогом, ярко-красном всём одеяньи.

А папа Александр Шестой – всемогущий;
Старик здесь на богатства очень везучий.
Весь в белом и жемчугами сверкает,
Тут он на белом коне восседает.
Шествие это князья замыкали;
Люди на улице громко кричали.

Работой юношу – не беспокоят,
Всё ж у Риарио кормят и поят.
Раздражал ваятеля этот покой;
А отец ведь помощи просит с мольбой.
Денег творец для родных не жалеет –
И тотчас весь кошелёк – вновь пустеет.

Он не может уже заказа тут ждать –
Сразу начал модели две выполнять.
Нынче выбор фигур здесь был необычный:
Из религии, но и также античный.
Сперва ваял А п п о л о н а из воска,
Фигура эта могучая броска.

Потом Христа О плакиванье лепит,
И в нём он смерть Святейшего отметит.

Кардинал о скульптуре, быть может, забыл;
В государстве теперь вновь дел много вершил.
И вскоре мастер шлёт письмо и другое;
Ему ответа всё нет – он не спокоен.
И с Риарио Лео вновь говорил,
Но к себе кардинал их – не пригласил.

Шли недели, но всё ж – хозяин молчал;
А от дум тревожных ваятель устал:
«Так не портит мне ничто настроенье,
Как невольное порою безделье.
Таким ожиданьем я очень томлюсь.
Когда же любимым ваяньем займусь?»

Но он беспокоит Бальони опять:
– Когда кардинал всё ж изволит принять? –
– Мне не объяснял ничего никогда;
Терпи и, конечно, дождёшься тогда. –
– Уходит жизнь каждый день, – творец огорчён:
– Неужто стать камнем на века обречён? –

Юноша встречи пока не дождался –
У кардинала весь флот затерялся.
– Он потерял, видать, вкус снова к искусству.
О кораблях молись, дружище мой, с чувством, –
Лео молвил, сказав здесь о всех новостях;
Но скульптор уносился к ваянью в мечтах.

4

в церквях увидел работы все Бреньо,
Не понравились сразу эти творенья;
Тот ведь мастерскую давно содержал,
Группу молодёжи в ней он обучал.

А гостя мастер приветливо встретил
И часть творений своих тут отметил:
– Работы делаем мы в назначенный срок.
Узнал, за сколько минут мне высечь листок
И, может быть, большую гроздь винограда... –
Но у Микеланджело – сразу досада.
Бреньо – преклонный старик, но силён;
Быстро даёт совет юноше он:
– А ведь фантазия здесь совсем не нужна,
Прилежность же подражанья будет важна. –

Его труды увидав, слова услышав,
Гость сразу понял всё ясно: «Старец – не прав»:
– Ваятель должен смело неведомым жить,
Своё и только новое людям явить. –
– Ты работай у нас без сомнения,
Глупость свою забудь в рассуждениях, –
И ваять Ангелочков старик предлагал;
Но всё новое сам до сих пор не признал.

Смог Пьеро много войск своих потерять
И в Риме ныне пребывает опять.
Проигрался в карты, очень надменен;
И в разгуле жил, в себе был уверен.
На Рождество ваятеля он пригласил,
Гостя теперь, конечно же, вновь удивил.
Медичи весел, но молвил устало:
– Ты драгоценностей спас нам не мало.
Я от Контессины ту весть получил.
А прежде же думал, что ты изменил.
Здесь ваяй мне Геракла большого. –
Не сказал Пьеро после ни слова.

5

ынче скульптор вновь весел и оживлён,
На приём новогодний он приглашён.

Были Риарио, его все друзья,
Папа, епископы, вельможи, князья;
Сыновья, дочь папы; кардиналы и знать...
Богачей, дам можно тут в гостях увидеть...
Две скульптуры им ваятель сразу показал,
Ими папу и мужчин сейчас – очаровал,
Дамы здесь рукоплескали, зал – возликовал.
А кардинал сказал, увидев модели:
– Но ведь ещё не то, чего мы хотели.
Всё превосходно! И так дерзать продолжай.
Самое лучшее ты быстрее создай! –

А под вечер юноша грустный идёт,
Только дума мрачная снова гнетёт:
«Может, как торговец, ходить и кричать:
«Так хочу скульптуру Геракла продать!»
Время всё, как пустоту, я запомню,
Если скульптурами мир не заполню».

Джулиано С а н г а л л о⁶³ вновь он встречает,
Так ему рад, давненько зодчего знает.
Ведь другом Лоренцо был Джулиано.
И юношу сам учил постоянно,
Давал познания ему в архитектуре
И молвил о её связях со скульптурой.
Всегда энергичен, ещё молодой
И очень красив, и с открытой душой;
Волоса длинные и серебристые,
А глаза так голубые и чистые.

**Илл. 11,
стр. 439.**

Скульптор с зодчим о горькой судьбе говорил,
Но его ведь нисколько тем – не удивил:
– Знаю, твой хозяин – пустой человек.
Жить ты у него собираешься век?
Представлю тебя кардиналу Ровере;
Искусства все ценит, и людям он верит;

И есть шансы, что папой его изберут;
Но сейчас только страны другие влекут. –

Сангалло древности прежде изучил,
Но только зодчество он – боготворил.
Приглашает ваятеля Рим рисовать,
Вдохновлён архитектор, его не узнать.
И развалины Римские все показал,
Облик их прежний в рисунках здесь создавал.
И объяснял про зданья зодчий усердно;
Юноша слушал, вновь рисуя всё верно.

6

Но ныне не может жить без ваянья;
Лишь мальчика образ снова в сознаньи.
На последние деньги мрамор купил,
Купидона опять в рисунках творил.
Радостно, смело скульптуру вырубает,
В страсти натуру кипучую являет.
Ваяет снова здесь быстро, правдиво;
Явился в камне малыш шаловливый.

И стало в Риме опять беспокойно,
Теперь испанцами тут недовольны.
Против наёмников все ополчились,
Улицы кровью вновь здесь обагрились.

А Савонаролу папа сам отлучил.
Пьеро всё ж с войсками враз из Рима отбыл.
И вскоре в Риме сын папы зверски убит;
Вся стража при Ватикане – пытки чинит.
А Риарио важно ведёт все дела,
Но в числе их скульптура пока не была.

Опять к творцу Буонаррото-брат приезжал,
О смерти мачехи и о родных рассказал:

– Отцу тяжело; ещё и забота –
Быть может, товары брал у кого-то.
И ему срочно надобно деньги платить,
А иначе же могут в тюрьму посадить.
Чтоб не платить долг, сидеть он срок станет;
Так нам, наверно, наследство оставит. –

А кардинал упорство вновь проявлял,
Мастера он так долго – не приглашал.
Наконец-то оказал внимание:
– Оценил я твоё ожидание,
Явил ведь ты редкое терпение,
И мрамор дарю – в вознаграждение. –

Юноше надо вновь отца выручать,
Срочно решает в банке деньги занять,
Он всё о делах Ручеллаи сказал,
И тот деньги в долг без процентов отдал.
Рад так этому скульптор, словно юнец –
Ведь дукаты, письмо получит отец:
«Папа, сколько надобно денег – я дам,
Даже пусть и в рабство себя запродам».

7

тполирован всё ж быстро здесь Купидон –
Вновь в изваяньи творчества дар воплощён.
Прелестный малыш вверх тянет ручонки;
Беспечную радость видно в ребёнке.

Бальдуччи скульптура опять восхищает;
Чтоб Галли купил, он творца приглашает;
Ведь Якопо Галли – у друга властитель
И к тому ж в искусстве отменный ценитель.

И на муле везут Купидона в сад,
Лишь чудесные статуи там стоят.

И в сторону книгу банкир отложил,
В саду все скульптуры смотреть пригласил.
А Галли – огромный, с трудом поднимался;
Не скоро же с креслом хозяин расстался.
Приходят все в сад, с давних пор богатейший,
Ведь славен подбором творений ценнейших.

Под грузом лет Якопо сутулиться стал,
Но рост большой и силу ещё сохранял.
Потом рокошущим басом стал вопрошать
И голос свой умерял, чтоб не оглушать:
– А Ваш Купидон в саду теперь кстати,
Прекрасен в ряду античных всех статуй.
Мальчика Вашего мне продадите?
Цену скажите. Какую хотите? –

– Что-то дадите мне? – скульптор так покорен.
Сразу ответом банкир – обеспокоен:
– Как же дела обстоят, расскажите?
Если нуждаетесь, то не таите? –
Но юноше это скрывать не пришлось;
И ведь так тяжело ему год жилось.

А Якопо щедро труды оплатил,
О подарке-мраморе он говорил:
– Ну и что ж изваять из камня здесь можно? –
– Есть уйма рисунков моих всевозможных.
Весь год уже этот блок ведь я изучал,
В воображеньи моём лишь Вакх⁶⁴ представал.
А Бога веселья создам молодым;
Надеюсь, не будет Он схож ни с каким. –

Привычный порядок не был нарушен,
Все вечером сели вместе за ужин.
– Ко мне мрамор перевезти согласитесь?
У меня тут Вы над Вакхом трудитесь.

Будет же улажено всё с мастерской,
Долго предстоит здесь теперь труд большой.
Проявлю ведь заботу, участие к Вам,
За труды все тут триста дукатов я дам. –

Творец Микеланджело ныне спасён,
Стал вновь обеспечен работою он:
«Ваять тут буду вещь интересную,
Не надо мне бежать во Флоренцию.
Но ведь пьяным Вакха всё ж – не представляю,
И вина так мало я употребляю».

Банкиру Ручеллаи долг он отдал,
Пожиточки опять в узелок собрал;
И один по улочке грустно идёт.
Но что у хозяина нового ждёт?
Когда ж лишения все позабудет?
Быть может, и мастерская здесь будет?

8

поселили в комнате очень уютной;
Сделана также и мастерская попутно.
И на телеге мрамор доставили,
Юношу с ним трудиться оставили.

К Галли вечером гости приходят,
Об искусстве беседы заводят;
Живописцы, друзья посещают,
Музыканты, поэты бывают,
Художеств ценитель к нему приходил.
Француз кардинал Жан Сен Дени тут был;
Он – умный, с бородкой, седой старичок;
От разных интриг Ватикана далёк.

Планеты всей столица бывшая – Рим;
Опять Буонарроти робок пред ним.

А в городе смерть, преступления,
Коррупция и разрушения...
«Ненависть в белейший мрамор проникнет –
И для людей красота тут погибнет».
Всё ж Греции древней познал идеал,
Который всегда лишь красу воспевал.

Ваятель по ночам просыпался,
Раздумьям тяжким вновь предавался.
Ненависть бурлит в нём. Он – одинокий.
Гневно изливал поэзии строки:

*«Здесь делают из чаши меч и шлем,
Здесь кровь Христову продают ковшами,
Здесь крест обвит терновыми шипами,
Здесь Бог на грани гнева, хоть и нем.*

*Иисус, не приходи сюда совсем,
Иль к небу брызнет кровь твоя струями!
Здесь даже кожу жадными руками
С тебя сдерут, чтоб в торг пустить затем,*

*Я от труда невольно здесь отвык:
Как взор Медузы, сковывает руки
Одетый в пурпур мантии старик.*

*Но если есть на небе высший суд,
То чем нам, чадам горя, воздадут
За эту нищету, за эти муки!»*

Вновь изучал нынче мифы, преданья;
Видел древнейшие тут изваянья.
На рисунках были Вакхи – старики;
Но они увяли, хоть и все крепки.
А в мыслях его сам Бог Вакх предстаёт:
«Лишь радость в живительной влаге найдёт.

Я в нём передам смело дух увяданья,
На время забытые горе, страданья.
И в центре Бог Вакх – человечный, земной;
А рядышком с ним здесь – Сатир озорной».

В банях скульптор рисует, ищет натуру,
Но пока не родилась Вакха фигура.
С просьбой к Бальони он всё ж обратился,
Сразу с натурщиком тот появился.
Выбрал сам модель прекрасную Лео,
Ныне вновь рисует юноша смело;
Граф красотою ещё щеголяет,
Всё же от вин он уже увядает.

А Галли-банкир подыскал малыша;
Открытая, нежная эта душа.
И гроздь винограда мальчик держал,
Ваятель таким его рисовал.

Антики искусство его вдохновляло;
Волю живописца тут как бы сковало.
В рисунках замысел свой воплощает
И радость в Вакха, Сатира вдыхает.
Враз чашу с вином Бог Веселья поднял,
Но этим он гибель себе приближал.
Чётко так видно за ним Сатирёнка,
А виноград – символ жизни – в ручонках.
Львиная шкура рядом с ними тут лежит,
К символу смерти вечно ведь – принадлежит.

Рисунком тем Галли был заморожен:
– Меня Вакх с Сатиром сильно встревожил.
Вы что хотите? Не смогу отказать. –
– А я так ведь хотел отцу помогать. –
– Но не надо о деньгах волноваться
И на все заботы – не отвлекаться.

Агент мой во Флоренции не подведёт,
Дукаты регулярно пусть им выдаёт. –

Дни и недели опять пробегают;
В камне тут Вакх и Сатир вырастают.
И ваятель наш вновь в труде так зреет,
Дни и ночи себя он не жалеет:
«Ведь здесь композиция очень сложна;
В ней мысль инженерная всё же нужна.
А хрупкий мрамор надо всегда уважать,
Все жилы и вкрапления в нём осознать.
И удары мыслю только так наносить,
Чтобы камень ни на йоту не повредить».

Этот образ Вакха пока грубоват,
Но ведь каждый же день даёт результат.
Все удары яростно вновь наносил,
Лишь судьбой единою с камнем он жил.
И работу сразу же всю продвигал,
А скульптуру цельною враз ощущал.

Приходил вновь к нему Бальдуччи-друг часто
И высказывал сразу – только участие;
Приглашал он с девицами всё ж погулять,
А от камня ваятеля – не оторвать.
Но не манят его развлечения;
Лишь к работе своей устремления.

Кардинал Сен Дени к нему приходил;
Увидав тут Вакха, творца похвалил:
– От изваяния есть впечатленье,
Всё вдруг находится, словно в движеньи.
Ведь ещё не закончен, но ярко живёт.
Чувствую, как его кровь в сосудах течёт.
Рад очень, что с мастерами встретился здесь.
У Вас талант несравненный, истинный есть. –

А через несколько дней – приглашенье,
Ведь у кардинала есть предложенье.
Жан-Вилье де ла Гроле Сен Дени
Микеланджело-скульптора ценит:
– Сын мой, век, назначенный мне, доживаю;
От себя и Франции я поручаю:
Статую дивно создай, пусть радуется взор;
Для неё место – Петра Святого Собор. –

«Самый главный в мире Собор христиан.
И за что же выбрал меня кардинал?»
Мастер туда направляется вскоре –
Место скульптуры его беспокоит.
Но всё там нынче в плохом состоянии,
На полумрак обратил он внимание.

Банкир Галли юношу вновь подбодрил,
Ему выбрать тему сейчас предложил:
– Блаженство теперь кардинала спасает –
И гнилости Рима сам не замечает.
А чистое сердце вечно святое;
Он добрый, не видит зло всё земное.
Но Господа руку всё ж ощущает
И только о Вечной Церкви мечтает. –

Ваятель вновь мыслит над темой смело:
«Заказчик живёт лишь божественным делом.
Идея вся величавая, чиста:
Мать в тяжкой скорби над Сыном – Пьета⁶⁵».
Этим всё ж поделился с Сен Дени –
И глаза у того – заблестели,
Хотя и теплилось тело едва.
Спросил о мраморе нужном сперва...

– А кардинал сумеет много ль прожить?
Вакха ваянье ты решишь прекратить, –

По дороге домой так Галли сказал.
Но ваятель ему тотчас возражал:
– Не мыслю ж старания сразу прервать,
Иначе прекрасное мне не создать.
Всё ж мне Вакха надо сперва завершить,
А потом начну Пиета я творить. –

Флоренция вновь бушует и сурова;
Уже арестован там Савонарола;
Монаха долго и зверски пытали,
Виновным в ереси всё же признали.
Он на эшафот взошёл. Помолился.
Повесили. Вверх огонь устремился.
Вскоре пепел весь из костра там собрали,
Над рекою Арно его разбросали.
Расстроен ваятель той казнью жестокой,
Узнав о Флоренции ныне далёкой.

Но опять творчеством он увлечён,
Вскоре В а к х с С а т и р о м был завершён. **Илл. 12,**
Восхищенью Галли нет и предела: **стр. 440;**
– Изваянье здесь ты сделал умело. **илл. 13,**
А Вакх, как живой. Вот-вот выронит чашу. **стр. 441.**
В Италии нету творения краше. –

Скульптуру всё ж тут, в основном, похвалили;
Но даже противники нового были.
Ещё у кого-то есть и сомненья.
Друг зодчий Сангалло высказал мненье:
– Я тебе похвалу свою передам.
Делал Вакха так, как возводится храм.
А эксперимент твой в конструкциях смел.
Верю ведь, что это ещё не предел. –
Вакх предвестником дел величайших предстал;
Твёрдо это теперь Микеланджело знал.
Мысли к новой работе уже устремлял.

9

Галли на Пьета создал договор,
Заверен кардиналом тот уговор.
Сам банкир затем его подписал,
Рукою твёрдой снизу в нём приписал:
«Я, Галли Якопо, так здесь заверяю,
Что скульптор прекрасно Пьета изваяет.
А лучше творец ни один не создаст».
И юноше сей договор передаст.

Этому наш мастер рад бесконечно,
Вновь благодарит банкира сердечно.
И мрамор белейший теперь обретён,
У юноши он в мастерской размещён.
Начал работать над темою новой,
Прежде ему ведь совсем незнакомой.

Ваятелем многие тут возгордились,
В его честь тогда вечера проводились.
О Вакхе вели здесь долго беседы,
По поводу их вновь были обеды.

«Изрядно так это всё надоело,
Настала пора и взяться за дело.
Всё ж надо купить себе мастерскую
И комнату для жилья – небольшую.
От суеты хочу отстраниться,
Днями, ночами там буду трудиться.
Уже возмужал и дело всё знаю,
Пока о пути ином – не мечтаю».
Галли он сказал об этом решеньи:
– Не хочу быть гостем, на иждивеньи.
Надо купить мне тут домик удобный.
Благодарю. А Вы были так добры. –
Банкир ведь не смог спокойным остаться,
Ему тяжело сейчас расставаться:

– Счастья желаю. Меня вспоминайте.
Только прекрасное Вы создавайте! –

В Рим приехал вновь Буонаррото-брат,
Ведь год с ним не виделся. Был скульптор рад.
Сразу нашли и глухой уголок,
Мастеру брат здесь в ремонте помог.
Бальдуччи мебель сумел сам достать;
Служанку он предлагал подыскать.
Ваятелю всё ж возражать пришлось,
Ему ведь теперь тяжело жилось:
– Не хочу осложнять жизнь весельем,
Нужен лишь молодой подмастерье. –

Опять работой себя истязал,
Ел и спал мало, совсем исхудал.
Мальчуган к нему вдруг входит нежданно,
Обучаться хочет он постоянно.
Парня Пьеро Арджиенто с детства зовут;
Быстро хочет ведь познать ремёсла все тут.

Всё же очень худой; тринадцати лет.
Глазки карие. Русый. Бедно одет.
Умеет он бойко читать и писать,
А в доме – готовить, стирать, прибирать.

Творец думал: «Как создать здесь Деву, Христа?
Я ведь нимбы уберу, не будет креста».
Вновь Библию долго ваятель читал,
Скульптуры, картины опять изучал.
Но много фигур всегда изображали.
Мария, Сын Божий в мыслях представали:
«Когда же были враз только лишь Двое?»
Тот факт его не оставил в покое:
«И никто ведь с Ними не должен тут быть,
Ей дано – всё выстрадать и пережить».

Арджиенто освоился скоро,
Выполнял всё с любовью и споро.
Ходит на базар и пищу готовит;
Моет пол; уют, порядок наводит.
Безупречно честен и трудолюбив,
А к тяжёлой жизни он – неприхотив.

Мастер на улицах толпы вновь изучал,
Сразу и нужные лица в них подмечал.
Рисовал по памяти многих потом,
Приводил порой он натурщиков в дом.
Для Христа позируют чаще евреи.
Тут же все большие заботы назрели:
«Но ведь старой Марию не представляю,
Юной, нежной Её тут я изваяю».
По совету Галли всё же в семьях бывал
И замужних милых женщин там рисовал.

«У Девы Святой на коленях Христос,
Безжизненный Бог – в натуральный свой рост.
Хочу убедительно Их показать.
Как Матери хрупкой Его удержать?»

Ритмично жизнь в мастерской протекает,
Подсобник быстро во всём помогает.
А однажды резцы здесь скульптор точил,
Но вдруг стали осколок в глаз отскочил.
Лечь мастеру мальчик помог на кровать,
Примочки горячие стал налагать.

Ночью он не отходил от постели,
Но компрессами – помочь не сумели.
И привёл врача; а лечил тот с любовью –
Промывал тут глаз голубиною кровью.
И даже ночи три подмастерье не спал –
А вскоре скульптор вылечен, на ноги встал.

Трудится много; мчатся недели;
Вновь воплощал в рисунки идеи.
Из глины и воска модели создал;
Мысль к цели заветной теперь направлял.
А с резцом в руках действовал смело,
В белый мрамор врезался умело.

Любовь Марии всегда негасима,
Склонивши голову, смотрит на Сына.
Он мёртвой тяжестью мирно лежит;
В Ней сердце с тяготой большей болит.
А в Её лице – сострадание,
Скорбь, любовь и кротость, отчаянье.

Божественна Дева в печали святой,
Христос на коленях – Её Сын родной.
Так изваять две рядом фигуры –
Шаг дерзновенный, новый в скульптуре.

Нынче нежданно зима здесь пришла,
Сырость и стужу с собой принесла.
Стало холодно и течёт в мастерской,
Вновь углём растопили горн небольшой.
А тепла ведь почти не прибавилось;
И с работой тут вовсе не ладилось.
Но лихорадкой вдруг ученик заболел,
Так в жар бросало, бредил; и мало он ел.
И всё ж ваятель так редко дом покидал,
Лишь от доктора сам лекарство достал.
А их выручал друг Бальдуччи с едой,
Вновь к ним приходя ежедневно домой.
Болеет три недели помощник-юнец,
Здоровье поправилось, встал наконец.

Зима кончалась вновь своим чередом;
Весна приходит с ярким солнцем, теплом.

И сам кардинал у творца побывал,
Скульптуру скорей получить пожелал;
– Я так хочу свой молебен быстрее отслужить,
Пьета намерен в Соборе потом освятить.
Как Мария, сын мой, юной осталась,
Время словно бы Её не касалось? –
– Непорочная и святая Она,
Ведь не старится, юность вечной дана. –
Успокоился лишь теперь кардинал.
А мастеру вновь труд большой предстоял.

10

Болезнях время опять улетело;
Вперёд так слабо продвинулось дело.
Не мог всё ж сделать то, что им намечено,
Хотя трудился с утра и до вечера.
Только свет от лампы к ночи был очень мал,
И от этого сильно он уставал.

С плотной бумаги свой шлем смастерил,
Спереди быстро петлю прикрепил.
Вставил в неё восковую свечу,
Работа ночью теперь по плечу.
От изобретенья сильны восторги,
О нём здесь ходили разные толки.
Бальони друга тотчас засмеял,
Но с жира козьего свечи прислал;
Они ведь медленней, дольше горели;
В работе тёмные ночи летели.

А скульптор ел мало, урывками спал,
Лишь мрамору силы свои отдавал:
«Перенёс невзгоды все величайшие,
Утомленье снова крайне тягчайшее.
Уже ничем не занят здесь больше другим,
Как только днём и ночью твореньем своим».

А ныне порой видался с друзьями,
Бальдуччи делился с ним новостями.

Как-то раз к Ручеллаи творец поспешил,
Вести сразу хозяин ему сообщил:
– Флорентийцы мне пишут то, что передам;
Ведь есть блок Агостино ди Дуччио там.
Из камня мыслят создать изваянье,
Добьются конкурсом быстро вниманья. –
Буонарроти рад вестям интересным;
Но всё ж сказал и то, что стало известно:
– Я этот мрамор очень хотел занять,
Когда задумал подвиг Геракла воспеть.
И видел: по дурости вырублен блок;
Ведь врез в середине был сделан глубокий,
Дуччио дальше ваять отказался –
Камень лежать там надолго остался. –

Вступил в разговор Ручеллаи опять:
– От власти Флоренции смог я узнать,
Что конкурс хотят объявить через год. –
В ответ мастер: – Время так быстро пройдёт.
Но у меня ещё столько работы здесь,
И не могу ведь спешить, я в заботе весь ...
Так хотел я создать Пьета в нужный срок;
Но и конкурс меня, конечно, привлёк. –

И юношу Ручеллаи крепко обнял,
Почувствовал, как тот сразу сильно дрожал:
– Но пока не надо себя волновать,
А про конкурс буду я всё извещать. –

В Риме умер кардинал Жан Сен Дени;
Он ведь скульптуру уже не оценит.
К Галли ваятель опять приходил
И со смущеньем ему говорил:

– Не смогли бы Вы деньги быстрее переслать;
У родни неприятности дома, видать. –
– Но ведь всё сполна высылать невозможно,
О делах подумать Вам надо серьёзно. –
И деньги всё же банкир высылает –
А скульптор в нищенство снова впадает.

Вновь в мастерскую заходит Сангалло,
Он обозлён, лицо гневным вдруг стало:
– Да, церковь Сан Лоренцо тут разрушают!
Резные все колонны там убирают!
И она здесь тобою так любима,
А Браманте⁶⁶ сейчас – необходима;
Он ведь, зодчий новый, в Риме пребывает,
Теперь кардиналу дворик завершает;
В доверие даже к Риарио втёрся
И другими связями вновь обзавёлся.
Поближе знаешь сам ты кардинала,
Всё ж нам препятствовать время настало. –
И пошёл с Бальони ваятель к Браманте,
Увидали вдруг во всей мощи гиганта.
И это Микеланджело не нравится,
Но лысый архитектор приближается.
И друг Бальони обоих представил,
А скульптор сразу же робость оставил:
– Жестоким вандалом тут надобно быть,
Чтоб эту древнюю церковь безбожно сгубить. –
– Вам, не зодчему, зачем это рвение?
И не портите моё настроение... –

Лодовико сыну письмо написал,
И теперь опять его мастер читал:
«...Я слышал, что нынче живёшь ты в нужде;
Нужда – только грех, неудобный нигде;
Вред приносит это душе и телу.
Относись лишь честно к любому делу.

Живи умеренно, не страшися невзгод;
Поверь, жизнь лучшая, сын мой, снова придёт...»

В душе у скульптора ныне – досада:
«Опять жить не на что, думать мне надо».
Едят с Арджиенто скудно и мало,
Одежда совсем у них обветшала.

Сумело письмо от отца подбодрить.
Задумался: «Надо иначе нам жить».
И ваятель вновь к Ручеллаи ходил,
Денег там займы у него попросил.
С помощником стал лучше питаться,
Опрятнее нынче с ним одеваться.

Как прежде, с душой Буонарроти творит,
Сейчас с изваянием своим говорит,
Чутко смотря на хрупкий мрамор свой в упор:
«Но не могу дерзать тебе наперекор».
Ваяет шедевр до деталей тончайших,
Вновь скульптор являет талант свой редчайший.

Но показывать муки Христа он не стал,
Чтоб испуг у людей смертных не возникал.
А любовь к Нему всегда бесконечна.
И Сын Божий стал земным, человеческим.

Мария – нежная и молодая,
Её печаль величава, святая.
Достигает изящества мастер во всём –
Отзывалась любовь, так горевшая в нём.

Опять незаметно зима подошла;
Ваятелю много хлопот принесла.
Ветром холодным жильё продувает,
Снегом всю землю вокруг застиляет.

Жаровнями в доме едва нагревало.
Закутался в шапке творец в одеяло,
Продолжил трудиться, но в горячке враз слёг;
Юнец тут его поднять всё ж на ноги смог.

К счастью, Пьета всю надо лишь полировать;
Это привык работой лёгкой всё ж считать.
Достиг много полировкой нежной, терпеньем.
И шедевр стал неземным, воздушным явленьем.

Вновь мастер и камень – непобедимы,
А в горечи сдержанной – так едины.
И возвышенный дух фигурам придал,
Веру в Бога правдиво здесь передал.
Пьета – Дева с мёртвым Христом – завершил,
В Них душу, труд адский ваятель вложил
И снова же дерзко себя победил.

Скульптура трагичная так совершенна. **Илл. 14,**
Печаль Богоматри вечна, безмерна. **стр. 442;**
И она личною быть перестала, **илл. 15,**
Горем всего человечества стала. **стр. 443.**
Изваянье – есть новая из вершин искусств,
Воплощенье красот, святых материнских чувств.

Якопо Галли долго и молча стоял,
Потом он твёрдо сдержанным басом сказал:
– Выполнен так теперь договор кардинала –
В Риме ведь лучше этой скульптур не бывало.
Поместим в Соборе мы это творенье,
А сам папа ныне давал разрешенье. –

Вазари, став Титану другом, поздней
Так о Пьета напишет в книге своей:
«Никто так ваять пусть и не мечтает,
Сделать сам такое – не помышляет.

Пусть изумительней и не мыслят создать,
Но и красиво не смочь другим изваять.
А как можно творить так божественно?
Ведь и всё здесь печально, естественно.
Снова явлены дух, сила таланта
Так великого в искусстве Гиганта.

До изумления им удивляешься,
Пред дерзким гением вновь преклоняешься,
Скульптором мёртвый камень был оживлён,
До совершенства граней им доведён.
И с ним природа едва ли сравнится;
А это чудо в века устремится».

Верил мастер в таланты, их он не скрывал
И с надеждою смелой в дневник записал:
«Новый век, пред которым все мы стоим,
Твёрдо понял, всецело будет моим».

Сейчас изваянье пора перевозить,
Бригадой в Соборе прочней установить.
Приятели снова помогли, как всегда:
Закутали сразу в одеяла Пьета,
Верёвками быстро связали надёжно,
Потом на телеге везли осторожно,
На вагах по ступеням враз дружно подняли,
А коснуться создателю даже не дали.

И закончена вся работа под вечер,
Пред Пьета зажигают в скорби тут свечи.
За труд свой тягчайший оплату не взяли.
На статую тут все смотрели, молчали.
И преклонился старший, сказав за всю семью:
– На небесах получим мы плату всю свою. –
Это стало лишь лучшей наградой святой,
У ваятеля ведь – не бывало такой.

И перед Марией грустно склонились,
Шепча здесь молитву, долго крестились.
Дева Святая теперь одинока,
К Сыну любовь Её очень глубока.
Ведь состраданье Христос вызывает
И безучастными – не оставляет.

Два года работе творец посвятил,
Души боль, труд адский в неё он вложил.
И вновь Храм Святого Петра посещал,
Тут перед любимым созданием стоял.
Вдруг слышит, что автором назван другой,
И весь день ваятель бродил, сам не свой.
Резец с молотком снова в руки здесь взял,
Красивое имя своё вырубал
На нагрудной ленте Марии в ночи,
В тишине, при свете неярком свечи.

И закончил скульптуру. Грустным он стал.
А заказов ему никто не давал.
Изнурительный, долгий труд утомил
И без цели тут в тихом домике жил:
«Но теперь ждёт что же меня впереди?
Мне домой, на родину, надо идти».

А его жизнь здесь, в Риме, была не легка.
Сжёл так много рисунков в огне очага.
Не хотел ведь он, чтоб о них кто-то узнал –
Подготовкой к большой всей работе считал.

Скульптор и подмастерье скарб скудный собрали,
Во Флоренцию быстро они пошагали.

Гигант Давид

1

Микеланджело вновь вернулся домой.
Тут ведь тоже работы нет никакой.
Он и заказов пока не нашёл;
А подмастерье в деревню ушёл.
Отец Лодовико ещё постарел,
Все братья здесь нынче почти не у дел.

Радостно встретился вскоре с Граначчи,
Были у друга тут только удачи,
В мастерской ведь по-прежнему он рисовал,
От богатых заказы теперь получал.

Скульптор и в горы сходил к Тополино,
В доме уютном женаты два сына;
Недавно внуки в родне появились;
В большом семействе все ими гордились.

«Хорошо во Флоренции милой, родной;
Здесь из камня соборы и домик любой.
И так радостно снова в городе жить,
Мрамор белый на зданьях вновь ощутить».
Влюблён был ваятель в чудеснейший камень,
Дарил ему силу, души своей пламень:
«Мрамор всегда, как живое созданье,
Сам отзовется на Ваше призванье».
В нём ощущал теплоту и трепет, и цвет:
«Лучше ведь мрамора всюду, в мире всём, нет.
– А камень холодный, – так что же твердят?
Как мрамор чарует, понять не хотят».

Стал за четыре лишь года город иным;
Мастер почуял тревогу сердцем своим.
Здесь ведь монах Савонарола сожжён,
И вопрос свергнутой всей власти решён.
Гонфалоньер⁶⁷ Пьеро Содерини
Стал управлять Флоренцией ныне;
Он в гостях у Лоренцо порою бывал,
Тот политиком умным его воспитал;
Содерини со скульптором часто встречался,
Лишь ваянью который в Садах обучался.

Стройки, торговля в городе вновь оживлялись,
Люди искусства снова сюда возвращались.
Козимо⁶⁸, Креди⁶⁹, Липпи ди Филиппино,
Леонардо да Винчи⁷⁰ и Сансовино⁷¹,
Бенедетто Бульони⁷² и Сандро Боттичелли,
Поллайоло, ещё Роведзано и Росселли...
Общество, что все создали, Горшком зовут;
Раза два в месяц его собирают тут.
И рады снова художники многим гостям.
Не раз бывали здесь люди, известные там.

2

Буонарроти встретил тут солнца восход;
Но лишь к Собору Санта Мария идёт.
И колонну-блок Дуччио вдруг увидал,
Здесь его в лучах солнечных вновь изучал.
Тот блок «тощим» или «жидким» зовётся;
А работать с ним никто не берётся.
И весь обследовал долго и тщательно.
«Что же мне сделать?» – решал основательно.
Он читал ночью Данте и Ветхий Завет,
Так хотел для себя всё ж найти в них ответ.
Леонардо да Винчи уже так знаменит,
Что всегда только живопись он боготворит;

А ваянье не чтит, низкосортным считал
И заказ на блок Дуччио даже не взял.
Но ведь скульптор ни разу с ним не встречался,
Хотя мненьем того всю возмущался.

На колонну Дуччио снова смотрел,
Изучить её досконально сумел.
А когда лучи солнца утром упали,
То они от камня тень резкую дали.
Тень вся таинственная по содержанию,
Словно гиганта в ней сейчас очертанье.
И сразу возникла тут мысль о Давиде,
Он чётко его перед подвигом видит.

А вскоре письмо отослал банкир Галли,
В нём мастеру крупный заказ предлагали:
«Займитесь быстрее эскизами лишь ныне,
Решил так на днях кардинал Пикколомини.
Согласно договора ваять Вам Святых;
Конечно ж, Вы хотели заказов иных.
Надо ведь пятнадцать фигур создавать,
В нишах алтаря они будут стоять».

Стало мастеру грустно от строчек таких.
Прежде только Давид – вновь в задумках больших.
Скульптор не стал старцев Святых тех ваять;
Мненье Содерини хотел здесь узнать:
– Надо ли и эту работу мне брать? –
Глава властей ему так в ответ пробасил:
– Ты без заказов, денег тут ты не скопил.
Пока делай лишь то, что теперь надлежит,
Твоё мечтанье – завтрашний день всё ж решит.
Гласит наш закон жизни: надобно выжить! –
Но от Бикьеллини – иное он слышит:
– Ведь весь твой срок жизни судьбой определён;
И твори лишь то, для чего ты был рождён.

Но помни, что воспитать и твой нрав волевой,
И о тебе здесь заботиться – вечный долг мой. –

А друг Граначчи свой совет дал тогда:
– Ведь ты несчастный человек – без труда. –

3

кульптор помнил: «Надо изваять Святых». Даже не пытался рисовать тут их.

И только о Давиде мыслит вновь он:
«Не может слабым быть, герой мой силён».
Библию, сам не заметив, раскрыл:
«...Если медведь или лев приходил
И овцу быстро брал у раба Твоего,
Я, гонясь, нападаю на врага моего,
Брал его за космы, овцу отнимал,
А медведя или же льва – убивал».

Изучает он здесь многих Давидов опять:
«Почему мощным не могут его увидеть?
Но неужто на Библию взгляд был другой?»
И ведь видит вновь строки её пред собой:
«... А душил льва, медведя сам раб верный Твой».

Картины Кастаньо и Поллайоло он знал,
Ведь юный Давид здесь хиленьким в них представал.
Верроккио и Донателло мастер смотрел,
Но и у двух статуй Давида тот же удел.
«А всё ж надобно быть лишь отважней, сильнее,
Чтоб душить им руками всех мощных зверей».

Чётко снова свой мрамор творец замерял
И рисунок на камне теперь подгонял.
Обдумал, рисовать всё стал тщательно,
Решил враз вырубать окончательно.

От камня ваятели все отказались
И статую в нём создавать побоялись.

4

Скульптору пакет вручили вновь из Рима,
Ныне же работа ведь – неотвратима.
Это был договор окончательный,
Даже прислан задаток желательный.
Ваять тех Святых всех дают лишь три года,
Но и ограничена в деле свобода.
И требуют мрамор каррарский добыть,
Фигурам тем надобно в мантиях быть.
И тогда же рисунки – одобрены,
Но всё дальше читает подробнее:
«Наглец Торриджани ваял неумело,
Скульптуру Франциска ведь он не доделал.
В Сиене статую ту доработать,
К ней отнестись со вниманьем, заботой».
Галли вновь подбодрял, чтоб не огорчать:
«Верь мне, будем мы вести добрые ждать.
А Мускроны-братья с Брюгге всё скажут,
Богоматерь со Младенцем закажут».

Скульптор злился, так сказав лишь Граначчи:
– Для чего же всё так, а не иначе?
Выправить статую эту – бесчестье. –
– Съезди, друг. Ты всё увидишь на месте. –

«Очень грозен мощный в броне Голиаф⁷³ ;
Сразу жутко станет, его повидав.
Но Давид наслышан о великане,
На него пойдёт он без колебаний.
Ведь умом и силой пастух обладал,
Многих львов, медведей всегда побеждал».

И снова Давида Титан рисовал,
Наброскам тем чувства и мощь отдавал.

Ныне ваятель идёт к Содерини:
«Как же рисунки мои он воспримет?»
– Да, Давида не сможет никто покорить;
Но заказчиков надобно мне убедить. –

Творец вызвал вновь Арджиенто письмом,
Мастерскую здесь подыскал всё ж потом.
Сразу без рисунков, моделей опять
Сам намерен многих Святых вырубать.
В мантиях П а в л а , П е т р а он изваяет, **Ил. 16, 17;**
Сдержанность мудрых Святых – изображает. **стр. 444.**

По совету Граначчи в Сиену отбыл,
Изваянье топорное сам изучил.
И враз закипела у скульптора кровь:
«Я отдам свои мастерство и любовь.
А бедного Ф р а н ц и с к а всё ж смелым создам,
В творение все чувства свои передам».

Ему вдруг вспомнились удар Торриджани,
Лицо разбитое, недели страданий.
Своими чертами Святого он наделил,
И всепрощение в нём так творец воплотил.

5

Не покидала скульптора долго печаль;
Вдоль по дороге виделась синяя даль.
А взор обнимал леса, горы, долины
И древние башни; холмов, скал вершины;
Ручьи; кипарисы все стройные; нивы,
Сады, виноградник, ячмень и оливы;
Утёсы острые; склоны лесистые;
Да небо ярко-лазурное, чистое.
Почувствовал мастер сейчас наслажденье:
«Природы великое это творенье».

Видна тут, в долине, крыш черепица,
И Арно-река внизу здесь искрится.

По Тоскане ведь он всегда тосковал,
Песню детства порою вновь вспоминал:
«Наша Италия – есть Европы всей сад,
Нынче народы Планеты так говорят.
Тоскана – чудеснейший сад Италии всей,
Флоренция – яркий цветок Тосканы моей».

6

В работе опять Арджиенто, старается.
К вошедшему скульптору он обращается:
– Содерини Вас видеть срочно желал,
Сюда несколько раз пажа присылал. –

С гордостью так говорит Содерини:
– Мы Конституцию приняли ныне.
Теперь старшины цеха шерстяников,
В Соборе нашем также избранники
Тебе мрамор Дуччио будут вручать;
Гиганта они здесь предложат ваять. –

Микеланджело вновь спустился в долину,
Там живут испокон друзья Тополино.
Тут с ними радость свою разделяет
И в камень светлый резец свой врубает.

В деревне он навестил Контессину...
В подарок дал её старшему сыну
Резцы все и мрамора белый кусок;
Луиджи уже шёл девятый годок.
И решил его ремеслу обучать,
А, как сам учился, здесь стал вспоминать.

Впервые Ридольфи ныне с ним говорил:
– Понятно мне, это шаг любезности был.

Ведь мы отвергнуты. Вы о том знаете.
Беду теперь на себя навлекаете. –

А отец ваятеля встретил с досадой:
– Мне учить тебя, сын, по-прежнему надо.
Всё ж работать дешёво ты не берись,
Лучше от Давида быстрее откажись. –
Едва ведь сдерживал мастер обиду:
– Отец, а я изваяю Давида! –

Но вдруг однажды скульптор был огорчён,
Когда вновь быстро шёл по площади он;
Леонардо да Винчи тут проходил,
Удивлённых глаз наш герой не сводил.
Его сейчас сразу же факт раздражал,
Что здесь живописец со свитой шагал.
Слуг много и паж у художника есть,
Поклонников таланта – даже не счесть.
Буонарроти его тут впервой увидал,
Так поражён был им, он – совершенств идеал.

И высок, широкий в плечах и красивый;
Статность, ловкость в нём сочетаются с силой.
Нежная дымка упавших на плечи волос;
Полные губы, чуть-чуть лишь широк прямой нос.
Лоб величавый его высокий, большой;
А подбородок точёный и волевой.
И черты лица так благородные.
Но глаза голубые, холодные;
В них читается ум поразительный.
И прошёл Леонардо стремительно.

Всегда с царственным блеском художник одет,
Излучает манер лишь изысканных свет.
Себя ваятель чувствовал жалким пред ним:
«А я ж для всех – уродливый простолюдин».

А Граначчи стол пышно к обеду накрыл,
О том членам Горшка и друзьям сообщил.
Тут было очень много приглашённых,
Людей богатых, властью наделённых.
Скульптора с заказом стали поздравлять,
Даже незнакомцы – руку пожимать.
Ваятеля в Общество это избрали,
Ему все признательно рукоплескали.
Содерини – нынче республики глава,
Высказал творцу здесь чуткие слова:
– Савонароле ведь дали за козни сполна;
И лишь теперь искусству дорога дана.
Тут будем заказы мы всем раздавать,
Тебе ж – повивальной бабкою стать. –

7

делал скульптор времянку, но – небольшую,
И, если так хотим назвать, мастерскую.
Делать с юга забор и крышу не стали,
Чтобы солнца лучи весь день проникали.
Здесь с блоком Давида один лишь остался,
Уже от рисунков теперь отказался:
«Мой Гигант воплотит отвагу и силу,
Будет стойким и мудрым, очень красивым.
Гуманным, справедливым предстанет герой,
Его вся суть правдивой дана будет мной».
Из мрамора малый эскиз он рубил,
А всё-таки понял: не то сотворил.
Ведь хочет Давид пращой камень кидать,
Но и Голиафа – ногой попирать.

Видит Франческо Граначчи: друг очень устал –
Сразу на виллу его отдохнуть он позвал.
А жил здесь Франческо с хозяйкой младой.
– Тебя познакомлю с девицей одной. –
– Спасибо. Но я живу, как умею.
О встречах случайных думать не смею.

Если женщине сам отдашься на ночь,
То работать днём с камнем будет невмочь. –
У окна здесь, на вилле, мастер сидел,
На Флоренцию ночью снова смотрел.
И вставал, ходил; но не мыслил о сне:
«А ваять каким же Давида тут мне?»

Всё, шаг за шагом, обдумал к рассвету;
Ясно представил скульптуру всю эту:
«Надо веру в победу мне отразить,
В ней двух действий лишь враз не может же быть.
А мёртвую голову надо убрать,
И только Гигант один должен предстать».
От дум мастер измучился, был утомлён...
Сном глубоким заснул лишь с зарёй ранней он.

Опять рисованье его увлекает;
А мысли все чётче теперь излагает:
«В какой момент Давид великим предстал?
И как на подвиг он себя вдохновлял?
С Голиафом биться – принял решение;
И уже нет страха в это мгновенье.
Хоть в нём воля, к победе стремление,
Но всё ж было ещё и сомнение.
Ведь Давид мой в Израиле любит народ,
С великаном один сам бороться пойдёт».

Но все традиции так лишь диктовали:
После борьбы пастуха – изображали,
Не был там дан пафос победы Давида,
И высокий миг напряженья не виден.

«И ловким, и умным будет дерзкий Герой:
Один с великаном грозным вступит он в бой.
В минуты пред битвой очень силён,
И взгляд его смело вперёд устремлён».

Опять рисует, ликует ваятель,
Модель из глины здесь лепит создатель.
Даёт отдых себе совсем небольшой,
В работу вновь уходит он с головой.
Как-то церкви служитель к нему приезжал
И в алтаре скульптуры Святых проверял.
Мастер дал Баччио в мастерской уголок,
Друг две фигуры тут всё же сделать помог.

Ваятель бывал на холмах иногда,
Ходил чаще в дом Контессины тогда.
Малыш Луиджи радостью снова пылал,
Когда урок скульптуры он здесь получал.
На счастье их вновь глядит Контессина:
– Тебе ведь надо, конечно же, сына. –
– Семейю создам – не будет удачи,
Я ведь теперь – художник бродячий. –
– Намерен с родной скульптурой ты не расстаться,
Начертано с нею лишь навек – повенчаться.
Тебе дороже ведь всего тут на свете
Твои все статуи. Они – твои дети!–

И увлёкся он стихами опять,
Стал с душою о прекрасном писать:

*«С рождения пленён я красотой
И высшее в том вижу назначенье.
В искусствах добиваться совершенства,
За кисть иль за резец берясь рукой, –
Вот цель моя и вечное стремленье.
Иного в жизни не ищу блаженства»...*

8

Зодчий Сангалло – ваятеля верный друг,
Сделал подмости, затем поворотный круг.

Помощник и скульптор ему помогали,
И камень все враз полиспастом подняли.
Блок мрамора Дуччио прочно стоит,
А здесь Микеланджело – в деле горит.
Вырубает смело Давида-бойца,
Вылетают камни здесь из-под резца.
Великий творческий взлёт ощущает,
Заветный замысел свой воплощает.

Решительно вмиг говорит вновь: – Пошёл! –
И с яростью храбро в работу вошёл.
И семь раз крепко Титан ударяет,
Всё же на счёт до пяти – размышляет.
Удары сильны, удалые – опять;
Лишь только мгновенья – потом отдыхать...

Но вновь творец, молоток, резец, изваянье
Слились в цельное духом, силой созданье.
К ваянью призванье, любовь сознавал,
И скульптором с детства себя он считал.
Ощущает теперь огромную силу,
На десяток людей, наверно б, хватило.

Всё холоднее перед близкой зимой.
Сделать пришлось тут крышу над мастерской;
И полностью вновь её огородили;
Так ведь от дождей осенних защитили.

Он решил всю свою страсть камню отдать,
Но с трудом заставлял себя есть и спать.
Пыль едкая ноздри и рот забивала,
Все волосы, как сединой, покрывала.
Вдруг в изнеможении мог ликовать,
Слепо повалиться потом на кровать.
Но быстро здесь бодрим он просыпался,
Как каторжный, вновь за труд принимался.

Иногда погулять приглашали друзья,
Но его оторвать от работы нельзя.
Если же правая рука устаёт,
То молоток в левую – сразу берёт.
Само собой, резец он переложит,
Любой рукою работать ведь может.
Бодро трудился творец и ночами,
Вновь освещая скульптуру свечами.
«Я очень силён, на земле стою прочно;
Готов рубить мрамор свой даже и ночью».

Ведь тысяча пятьсот второй год наступил;
Но праздники ваятель всё ж нынче забыл.
И холодно вновь стало в сарае большом,
С подручным разжигает жаровни с углём.
А Дуччио мрамор давно повредил,
Всю выемку грубо в нём он прорубил.
Чтоб вырез творению не помешал,
Титан как конструктор теперь мыслить стал.
Им фигура так была наклонена,
Что в колонну стала вписанной она;
Устойчивость Давид обрести ведь сумел,
Лишь выемку чуть бок его левый задел.

Весна. Лучи солнца вновь ярко сияли.
Всю крышу и стенку в сарае убрали.
А из камня здесь вырастает Давид,
О себе он может уже заявить.
Пришли шерстяники и Содерини;
Хотят знать, как заказ движется ныне.
Они работу всю тут одобряли,
В солидной грамоте так указали:
«Творцу здесь, с этого дня начиная,
Гиганта значимость всю понимая,
Четыреста флоринов – за труд заплатить,
Но через два года – изваянию быть».

«Мой Давид – независим, смел и силён;
И свободным века стоять будет он».
Ваятель рвеньем своим поражает –
Из камня мощный Гигант вырастает.
Снова с камнем яростно в битве горит
И в суровой борьбе всё ж его победит.
Из сарая теперь не уходит домой,
Бодрый днями, ночами – в работе святой.
Друзей своей дерзостью он удивляет;
Сангалло с тревогой ему замечает:
– В ваяньи смелостью можешь гордиться,
Но лишь на волос поглубже врубиться –
И скульптура вся сразу к чертям полетит. –
Гений чётко сказал: – Это мне не грозит. –

9

Микеланджело приглашён к Содерини опять,
А тот сразу же стал здесь просьбу свою излагать:
– Ведь у нас во дворце из бронзы Давида
Француз маршал Пьер Жие с радостью видел;
А маршал влюблён в этот труд Донателло,
Подобное просит; возьмись же за дело. –

И Титан всё ж в часы отдохновенья
Изучает из бронзы все творенья.
Пришлось вновь Давида ему рисовать
И в копии нечто своё создавать.
Д а в и д здесь у скульптора – старше, сильней,
В нём – мужество; выглядит дерзким, смелей.
«Голиафа голову мне ваять надо,
Без неё у маршала – только досада».
И выполнил быстро из глины фигуру,
А вскоре отлили из бронзы скульптуру.

Спешно пришлось всё чеканить, вырубать,
Резать, пилить, шлифовать, полировать.

Из бронзы теперь скульптура готова...
И стал ваять из мрамора снова.
Античность, колоссальность его вдохновляют,
А знания анатомии тут помогают.
И тихонечко осень вновь подошла,
Нынче холод и мрак в сарай принесла.
Но работать и ночью всё ж продолжал
И творенье свечами здесь освещал.
Вдруг пришла и зима, теперь холодней;
Сразу стал одеваться мастер теплей.
Арджиенто греет жаровни углём;
Одолеют кое-как стужу вдвоём.

10

уонарроти приглашён к Содерини;
Ведь тот пожизненно стал править отныне.
А после обеда сходили в Собор,
И власти глава там завёл разговор:
– Двенадцать Апостолов нам тут нужны,
Повыше людей ведь они быть должны.
Но их всех изваяешь ты чередой,
А тебе мы построим дом с мастерской.
Скульптором Флоренции ныне назначу. –
Счастлив был творец тем, но он озадачен:
«Двенадцать Апостолов скучных ваять.
И столько ж лет жизни труду здесь отдать?»

Видит Сангалло у друга досаду:
– Договор твой заключать всё же надо.
А заказ ведь крупнейший за всю сотню лет.
Но власть не обижай. Я дам только совет:
Послушай. Ты руби, сколько сможешь, смелей.
Отдай лишь за остаток весь деньги поздней. –

Подписанье контракта всё ж состоялось,
И теперь новость быстро тут разлеталась.

А незнакомые здоровались с ним,
Радостно было и всем близким, родным.
Отец вновь ворчал: – Я совет нужный дам.
Быстрее построй, чтоб вселиться всем нам. –
– Строю себе мастерскую с малым жильём.
А всё семейство же будет здесь ни при чём.
Но мне то прежде всего – мастерская нужна,
Комната отдыха малая в ней – лишь одна. –
Но споры долго ныне не утихали,
Творца смысл здравый, стойкость – не покидали.

11

Дньюло Дони визит вдруг нанёс;
Он по соседству с ваятелем рос.
Весь изворотливый, хитрый торгаш.
Словом напыщенность – не передашь.
А в жизни давалось ему всё легко,
И нынче вознёся богач высоко.
Перестроил дворец и всем стал доволен,
С Маддаленою Строцци был он помолвлен.

– Но, мой товарищ детства, не протестуй,
Святое Семейство ты мне нарисуй. –
– А в городе, Дони, тебя не поймут,
Художники видные все здесь живут.
Лет пятнадцать я кисти в руки не брал,
Всюду только скульптуру вновь познавал. –

– Ведь выросли мы с тобой по соседству.
Порадовать мыслью к свадьбе невесту.
Круглый столик с картиной ей подарю;
Тридцать флоринов сразу щедро даю. –
– Я берусь создать за все сто золотых. –
– Не обидь приятелей старых своих.
Помнишь, как мяч мы тут вместе гоняли. –
И, сговорившись, ворчать перестали.

– Ты – самый здесь модный ваятель, прощай. –
– Всё ж семьдесят флоринов мне припасай. –

Лишь немного в жару и дождь – отдыхал,
Но наброски в то время он выполнял.
Разбужен его интерес вновь к картине,
Рисует теперь и на улицах ныне.
Фигуры все стал сразу тут рисовать:
Здесь пухленький Малыш и юная Мать,
Иоанн Его тут же принимает.
На траве гений – Их располагает.
Святое Семейство Дони Титан написал,
Динамику, яркий цвет смело в нём показал. **Ил. 18, 19;**
стр. 445.

Дони творенье забрать отказался,
Гневно увиденным в нём возмутился:
– Как понял, здесь святости нет никакой.
Мазню мужика вижу я пред собой. –
А со слугой записку он переслал
И деньги за работу с ней передал:
«На картинке твоей – голытьба одна,
Только тридцать пять флоринов – ей цена».

Теперь Микеланджело был возмущён,
И сто сорок флоринов требует он.
Но всё ж столько Дони не хочет платить,
И тогда ваятель решил подшутить.
Нынче пишет срочно записку ему:
«Я дарю картину дружку своему.
Договор я с тобою – прекращаю,
От обязательств всех – освобождаю».
Вновь Дони прибежал, достал кошелёк,
День свадьбы у него совсем недалёк:
– А мне этот рисунок придётся купить,
Обещал ведь невесте – его подарить.
Для чего же в деле тебе я поддался?
И себя тут сам понимать отказался. –

Мастер скульптуру уже завершает,
Смелый Давид светом мир озаряет.
А во взгляде ненависть, есть и сомненья;
Вены, мышцы мощные все – в напряженьи.
Содерини нравится тут изваянье,
Но вдруг, глядя вверх, всё ж сказал пожеланье:
– Нос его, видать, чуть-чуть великоват. –
Но молчал творец, сам словно виноват.
Поняв, что ему плохо снизу всё видно,
Ваятелю сразу совсем не обидно.
Щепоть мраморной пыли, резец в руки взял
И побыстрей на подмостки бодро взбежал.
Лишь помахал вверху он легонько резцом
И побросал всю пыль понемногу при том.
Всё ж так и оставил нос в прежнем виде;
А правитель рад. Творец это видит:
– Вы сейчас посмотрите. Так представляли? –
– Хорошо. Больше жизни тотчас придали. –

А Папа Александр Шестой вдруг скончался;
Ведь в памяти народной вновь оставался.
Папой здесь Пикколомини был провозглашён,
Пиём Третьим лишь теперь в Италии стал он.

И Микеланджело мыслит в волнении:
«Но как пойдёт тут всё Пия правление?
Ведь Сиенских Святых не ваяю сейчас;
Папа в гневе. И выполню ль я свой заказ?
Вскоре скульптуру Давид закончу творить
И над Святыми хочу труды все продлить».

Но всё ж ваятель наш вновь заперся в мастерской,
Во всех ведь думах его лишь Давид дорогой.
Ныне трудится адски тут мастер опять
И все силы Гиганту стремится отдать.

«Выражает облик его: он смел и силён;
Победит воитель зло», – скульптор в том убеждён.

Про труд свой героический Титан⁷⁴ говорит:
– Под звездою счастливою родится Давид.
Знаком юнцом с камнем Дуччио – глыбой большой;
Тогда так трепетно гладил её я рукой:
Гигант мне виделся. Мысленно камень рубил;
Меня трясло, был в огне, сам с собой говорил.

Часто смотрю на него – Победителя,
Верного друга, в делах Покровителя,
От которого буду зависим в судьбе,
В дерзком, творческом и непосильном труде.
Но вместе всех врагов победим – ты с пращой,
А я с резцом. И много свершим мы с тобой.
Он так верит в меня и всегда подбодряет,
Наши души надежда опять озаряет.
Исступлённо и смело я в камень вгрызался,
А Давид мой настойчиво вновь упирался.
Но, сразу заметив твою непокорность,
Тебе отдохнуть всё ж давал я возможность.
И также валился сам в изнеможеньи,
Часа три хватало на отдохновенье.

И только лишь ранний рассвет наступал,
Гигант молчаливо из тьмы вырастал.
Друг на друга смотрели мы в изумленьи –
Ведь счастливыми были эти мгновенья. –

А через месяц Пий Третий скончался;
Здесь папой Юлий Второй назначался,
Им стал кардинал умнейший Ровере,
В него так давно Сангалло-друг верит.

В городе всё ж пепел тайком посыпают,
Так Савонаролу теперь вспоминают.

Пьеро Медичи вдруг в бою утонул;
Кто-то добрым словцом его помянул.

И год тысяча пятьсот четвёртый настал.
Гениальнейший, большой совет заседал.
Тут живописцы Креди, Боттичелли
И Леонардо да Винчи, Росселли,
Давид Гирландайо⁷⁵, Липпи Филлипино,
Ещё Козимо, Граначчи, Перуджино...

И скульпторы сейчас на совете этом:
Рустичи⁷⁶, Сансовино, Бульони Бетто...
Архитекторов собралось ведь немало:
Джулиано и Антонио Сангалло,
Аньоло Баччио⁷⁷, также Кронако⁷⁸ ...
Творцов всех список не полон, однако.

Здесь: члены Синьории, ткач и плотники,
И мастер терракоты, и суконники;
Ещё пушек литейщик да иллюстратор книг,
Ювелир, вышивальщик и часовщик-старик.
Умельцев всех дел золотых пригласили...
Тут лишь знаменитые личности были!

– Где же ставить Давида? – они выбирали.
Только автора в этот совет не позвали...
И здесь же после споров сумели решить:
– У дворца Синьории – творению быть. –
Думал и скульптор также, так полагают.
Но о всём том до сих пор люди не знают.

Ваятель явил снова всю мощь таланта,
Из мрамора вырубил смело Гиганта.
И выше четырёх метров создан был он;
Скульптур гигантонизм так теперь превзойдён.

Больше двух лет отдал битве мастер-воитель;
И предстал ныне миру Гигант-победитель.
Гений горд, творенье создав для людей;
Стал Давид ведь символом эры своей.

13

Зваяние надо уже увозить,
У дворца Синьории его разместить.
Семейство зодчих Сангалло и плотники,
Ещё подсобные в деле работники
Всю из брёвен башню тут соорудили,
Вертикально в ней Гиганта поместили.
Его затем на канатах подвесили здесь,
Обшили досками часто каркас прочный весь.

На катках конструкцию всю – передвигали;
И её лишь вечером поздним – покидали.
Но ваятель не спокоен был по ночам,
Охраняет стойко тут Давида он сам.
В них бешено, сильно камнями кидали,
Бог праведно всё ж пощадил – не попали.

И стражу на ночь быстрее установили,
Тогда нападавших злобных изловили.
И сторонникам тем Савонаролы
Наказания были так суровы:
За юнцов родители – штрафы платили,
Из всех много взрослых – в тюрьму угодили.

Продвигали башню работников сорок,
Но везли творение трудно, не скоро.
И всё ж четыре дня занял весь этот путь,
А ведь неспешной ходьбы – лишь десять минут.

Когда на постаменте Д а в и д тут предстал, **Илл. 20,**
То мастер у ваятелей славу отнял. **стр. 446.**

Смелый, могучий Гигант – одухотворён,
Он и никем на Планете—непревзойдён.
Земля давно той скульптурой – покорена;
Шедевром стала на вечные времена.
Во Флоренции все великим называют
И его лишь надёжным символом считают.

Илл. 21,
стр. 447.

А нынче детище людям мастер отдал...
И снова пусто внутри. Печальным он стал:
«Давида нет в мастерской, и мне – одиноко,
Герой мой выдержит битвы, верю глубоко».

Почти ночи четыре скульптор не спал,
Изваяние смело сам охранял.
Не ощутил вновь в победе он радости,
Еле держался Титан от усталости.
До дому Граначчи его проводил,
А там лечь помог, одеялом укрыл.

14

Пошли заказы здесь неумолимо;
Писал Якопо Галли так из Рима:
«А братья Мускроны из Брюгге –вновь тут;
На днях договор подписать нам дадут.
Теперь Богоматерь с Младенцем им надо,
Она ведь для них там – большая отрада;
Это словно поджарка вкуснейшая.
Также – соуса доза кислейшая:
Вновь наследники все Пикколомини
Не довольны работою здесь ныне.
Но я ведь недавно их всех убедил,
Теперь договор на два года продлил».

И ныне ваятель рад этой отсрочке,
А всё ж таки были лихие денёчки.
Тут Бартоломео Питти вдруг посетил,
Скромное желанье быстро он изложил:

– Порадуйте меня изваяньем святым,
Оно чтоб Вам и также мне стало б родным. –
– Деву с Младенцем сразу я Вам изваяю,
Круглым, по форме тондо⁷⁹, рельеф представляю. –

Для Микеланджело здесь возводится дом;
И мастерская большая рядом, при нём.
Друзья Тополино это построили,
Уютно, красиво всё обустроили.
Обзавёлся скульптор мебелью дешёвой;
С подмастерьем быстро въехал в дом свой новый.
И в мастерской бодрей нынче трудился,
Много работ опять сделать стремился.
А замыслы друг друга вновь обгоняли,
Но руки всё ж за ними – не успевали.
В картине о Христе писал он детали. **Илл. 22,**
«Надо мне: создать из бронзы Давида, **стр. 448.**
Чтобы маршал сам его мог увидеть;
Творить всё ж для Питти рисунки все тондо,
Чтоб чувствовать ныне быстрее свободно;
Модель Богородицы мыслю создать,
Её для Мускроны хочу вырубать».
Думал начать тогда эскизы Матфея,
Перед Святым теперь ничуть не робея.

Богоматери Брюггской очень печально,
Ведь Малец Иисус не ведаёт тайну.
И знает, чем кончится жизнь Христа-Сына;
Святая любовь к Малышу – негасима.
Мария не хочет Его отпускать,
Ему о печальном не надобно знать.
Эту скульптуру, что тут попросили, **Илл. 23,**
Быстро ваял, без особых усилий. **стр. 449.**

Монах Бикьеллини к нему приходил,
И дом по всем правилам он освятил.

Здесь на колени потом опустился,
Пред Богоматерью долго молился.
– Дальше путь твой премного в жизни тернист;
Вечно сердцем своим ты нежен и чист.
Доброту, любовь всё ж твореньям отдай
И души всей нежностью мир озаряй.
Да благословит тебя Сам Господь Бог. –
Скульптор вновь трудиться по-прежнему смог.

Он тондо М а д о н н а П и т т и ваяет,
Такое впервой сейчас выполняет.
Эти фигуры все – непринуждённые.
Дева Мария – одухотворённая;
А прелестного Сына с Ней видно сперва,
Позади Иоанн, различимый едва.

**Илл. 24,
стр. 450.**

Папа сам с Тосканой, Флоренцией дружит,
Медичи Джованни ему верно служит.
Здесь между людьми все распри забыты,
Дороги теперь торговле открыты.
Работа тут есть, её многим хватает;
Любой живописец заказ получает,
Новую эру всей Флоренции видят,
Мыслят: «Мы обязаны только Давиду».

Мастер погостил в семье Тополино.
Встретился в деревне вновь с Контессиной;
Он уроки ваянья Луиджи давал,
А с её же сынком Николло поиграл.
И в доме у отца теперь сын бывает;
Тот скудный доход, ругаясь, считает.

Взял скульптор заказ у Таддео Таддеи;
Лишь мысли им смело сейчас овладели.
И творец нарисовал Мадонну сейчас,
Так уже очаровал заказчика враз ...

Ваятелю тридцать лет исполняется;
Неистово вновь побед добивается.
Уже совершить наш мастер смог многое,
В искусстве идёт он твёрдой дорогою.
К нему ведь, смелому, слава столь рано пришла;
Его стезя плодотворной и честной была:
«Всё ж так хочу человеком свободным я стать;
Громады камня нужны мне, чтоб их вырубать,
Множить вновь силы и черпать вдохновенье
Да будоражить всегда воображенье».

15

ворит Леонардо да Винчи охотно,
Пока Синьории так очень угодно;
Для фрески отдали ему большой зал,
Картон Битву конных здесь он создавал;
Ценнейший рисунок теперь изучают,
Ведь всюду усердно ему подражают.
И тут стали Давида уже забывать,
Все картон Леонардо хотят увидеть.
Героем дня вновь его называют,
Везде художником первым считают.

И увидал Буонарроти тот картон:
«Он стал великим живописцем всех времён.
Ведь сумел передать пыл сражения,
Сколько в воинах всех вдохновения!»
Но не дают мысли эти покоя,
И к Содерини явился вновь вскоре:
– Я видел, как Леонардо рисует дерзко;
Но и меня также волнует фреска.
Мне дайте под роспись стену другую,
Достойно борьбу на ней нарисую. –
– Зачем же тут хочешь ты живопись брать?
Апостолов надо тебе изваять. –
Скульптор книги читал вновь несколько дней:
«Но нет нужного в них для фрески моей.

Только конников там изображают,
Это лишь за канон все почитают».

Вскоре же мастер находит рассказ
(Сильно колотится сердце сейчас),
Речь о местечке Кашине в нём шла,
Там битва при Арно упорной была.

А день жаркий летний близ Пизы стоял,
Здесь на травке кто-то лежал, отдыхал.
Другие воины в реке тут купались,
А третьи же из них – уже одевались.
Часовые быстро к ним прибежали:
– Погибаем мы! На нас вдруг напали! –
Тотчас все хватают ружья, доспехи;
В той битве бойцы добьются успеха.

Дерзко схватку на больших листах создавал,
Содерини сразу он её показал.
И правитель сказал, борьбу увидав:
– Микеланджело, видно, был я неправ.
Истинный мастер живопись должен познать,
Смело ваять и зодчеством мир восхищать.
Вижу новое слово в битве твоей;
Очень рад... Дам заказ, рисуй же смелей. –

Борьбой с Леонардо творец вдохновился
И дерзко картон рисовать устремился:
«Вижу картину нынешних событий сполна,
У Леонардо ж битва времён древних дана.
Кровопролитности в сцене этой достиг,
Но ведь один только воин в битве погиб.
Вымучил работу, дал обычный сюжет;
Долго восхищались ей, но правды то—нет».

Пролетело месяца три адских трудов,
И набросок Б и т в ы при К а ш и н е готов. **Илл. 25,**

Купальщички – также картон тот называет, стр. 451.
На нём обнажённых всех он – изображает.

А всем увиденным Граначчи восхищён:
– Ведь ты сюжета простотой – непревзойдён.
Тут искусство большое, мой друг дорогой;
И открой для всех двери своей мастерской.
Трудишься отшельником ты месяцами;
Надо отдыхать и встречаться с друзьями. –

Бросил Титан вызов миру, художникам всем;
Город родной покори́л он творением тем.
Отличной работой теперь восторгались,
Всей бурной экспрессией так поразились.
Тот картон ведь понравился всем молодым,
Восхищенных новаторским рвением таким.

И они здесь копируют смело, кстати;
А заметен среди них – Рафаэлло Санти⁸⁰.
Ваятель его впервые – увидал;
Большими глазами он – околдовал.
Ведь в них столько нежности и внимания.
У него чудесное дарование.
Санти двадцать один год исполняется.
А наряд модный юноши – всем нравится.
И собой красив, независим, умён;
С волосами пышными, длинными он.
Волевое лицо, чуть-чуть бледное,
Полнота же губ – еле заметная.

Держался уверенно, очень спокойно.
Сейчас обратился без лести, достойно:
– А когда ж дивный Ваш картон решил изучать,
То ведь живопись по-другому стал понимать.
У Леонардо я сумел мало узнать;
И мне теперь придётся учиться опять. –

В дневнике ваятель вновь записки ведёт:
«Флоренция. Тысяча пятьсот пятый год.
Рафаэля имя на устах здесь у всех,
Он – художник юный наш, имеет успех.
Так хотят лишь купить все рисунки, картины
Живописца прекрасного тут из Урбино.
Покорил и город весь обаяньем,
Весь люд смотрит на него с обожаньем.
Красавец со свитой поклонников ходит;
Застенчив, но женщин с ума сразу сводит.
Всё вокруг него преображается,
Весь мир ярким светом – наполняется.
Выручал и в беде, помог бедным, больным.
Мог польстить покровителям многим своим.
Даже заимствовал кое-что у других,
Но приукрашивал это в целях благих.
Лишь копирует то, что на пользу ему.
Злобы, зависти нет у творца ни к кому.
А выбор ведь время на нём остановило,
Чтоб радость его всё искусство – приносило.

Идёт вперёд Рафаэль, преград не встречает,
В дивном творчестве опыт здесь пополняет.
Лишь прекрасного много художник наш свершит.
Он, природы всей чудо, векам – принадлежит!»

А картон ваятеля не лишён укоров,
Порицаний старцев, ханжей и мелких споров.
Ныне Перуджино (он уже немолодой),
Также отзывается со злостью лишь большой:
– А мы тут потратили жизнь! Понимаешь?
Ты, как зверь, каноны опять разрушаешь! –
Ваятеля везде художник ругал,
Частенько и тюрьмой ему угрожал.
Живописца убедить Содерини смог,
Чтоб нападки все на скульптора тот пресёк.

Леонардо да Винчи так говорил:
– Да, соперник молодой меня победил
Картоном столь дерзким Битва при Кашине. –
Рисунки с него хранятся и поныне.

Долго же беспокоил огромный картон,
Им народ весь Италии был покорён.
В нём видна божественность силы искусства,
Никому, нигде так не выразить чувства.

16

в Рим папа скульптора вновь пригласил;
У того недолгим в дорогу сбор был.
С родною Флоренцией снова прощался,
Но в мыслях своих он теперь сомневался:

«К Юлию-папе спешно я уезжаю.
Битвы картон надолго ль тут оставляю?
Рафаэль, Бартоломмео, Вазари
И другие здесь его срисовали.
А мне очень нравилось творчество здесь;
И дом у меня, мастерская в нём есть.
Какую ж работу дают ныне там?
Как примут вновь? Что ждёт, не знаю и сам?
Ведь о себе заявил я серьёзно.
Но даст ли папа заказ грандиозный?»

А Рим всё ж приветливо встречал в этот раз;
Перемены к лучшему заметил сейчас.
Уделялось постройкам вниманье,
Возводились тут многие зданья.
Не видать теперь старых развалин,
Подметать и мыть улицы стали.

Он пришёл к Джулиано Сангалло,
Тот трудился упорно, немало;

Жил во дворце, подмастерьев имел,
К папе был вхож и богатством владел.
Творил проекты больниц и церквей,
Дворцов, домов и мостов, площадей.

Сангалло радостно друга вновь встретил;
Сказал, что папа заказ свой наметил :
– Дерзай! Величайшей пусть будет гробница,
Чтоб мог бы которой сам Юлий гордиться.
Двадцать иль тридцать статуй в ней он предвидит,
А высота же каждой больше Давида. –

Микеланджело сразу был – ошеломлён:
– А её ведь всю жизнь рубить я обречён. –
И в ответ Джулиано другу сказал:
– Папу Юлия смело я убеждал:
Саркофаг красивый ему изваять,
При его же жизни творить начинать. –

А банкира Галли скульптор вновь навещал,
И ему надолго тот наставником стал.
Ведь Галли высох, прикован к постели,
Глаза при встрече чуть-чуть потеплели:
– Тут отзывы я о Давиде слышал,
Так счастливы те, кто его повидал.
Слава же зазнайство порой порождает;
Вас всё ж скромность, друг юный, не оставляет.
Но ведь не случайно Вы приехали в Рим? –
– Призвал сам папа меня приказом своим.
Даёт здесь Юлий на гробницу заказ,
Помог в том мне Сангалло ныне как раз. –

На троне высоком вновь папа сидел,
И свиту всю рядом творец разглядел.
Папа Юлий Второй – честнейший старик,
Весел, нрава прямого, смолк вдруг на миг.

Когда-то был молод, красив и силён;
В морщинах – сейчас, энергичен всё ж он.
И первый из пап всех бороду носит,
А в ней уже появилась проседь.
Юлий со сжатыми плотно губами,
С умными очень, с задором глазами.
И к воздержанью во многом стремился.
Он – художавый. Порой горячился.
Хитёр, но железный характер имеет;
Строптив, признать все ошибки умеет.
Поднял взор, вошедших к себе поманил;
Сангалло колена пред ним преклонил,
Зодчий перстень у папы тотчас целовал
И на друга ему здесь потом указал:
– Род Буонарроти давно стал известен. –
Скульптор наш всё ж также целует тут перстень.
Друга представив, Сангалло так вновь продолжал:
– Ведь Микеланджело много уже изваял... –

И сам Юлий так начал разговор деловой:
– О тебе я наслышан здесь, сын юный мой.
Да, Марию с умершим Христом повидал;
А ты в этой скульптуре талант показал.
И рядом себе полагаю гробницу,
Пусть будет достойно в веках возноситься. –
– Святой отец, приложу всё старание.
Какие будут ещё пожелания? –
– Её в Соборе Святого Петра возведи
И всю затем посредине ты в нём помести.
О всех моих деянья сумей рассказать,
Но наверху фриз бронзовый надо создать. –

Вынашивал скульптор свои все мотивы;
Ночами опять изучал он архивы:
«В саркофагах зодчество всё ж – преобладает,
А ваянье ниши едва в нём заполняет».

С архитектором книги теперь изучал;
И представил гробницу, о том так сказал:
– У меня ведь главным станет в ней скульптура,
У неё лишь только фон – архитектура. –
Рисунки вновь в книгах смотрел, уяснял;
Уже саркофага эскиз выполнял.
Трудится много, упорно, старается;
Другу Сангалло идеи все нравятся.

Утром рано ваятель бодрим встаёт
И по улицам тихим в Риме идёт.
Пришёл он вскоре в Собор Святого Петра;
Ведь о Христе и Марии память светла.
Всю скульптуру утренний свет заливал,
Живым, несравненным вновь мрамор предстал.
Враз воспоминанья в душе промелькнули,
Словно бы в минувшее время вернули.
Коснулся трепетно опять изваянья,
Всегда любимого, святого деянья.

Творец бывал у Медичи часто в гостях,
Узнал там о последних больших новостях.
Кардинал Джованни уже располнел;
О Давиде больше узнать захотел.
И о Флоренции Титан говорил,
А с деликатностью он после спросил:
– Могли бы ведь Вы, пользуясь правом своим,
Приехать Контессине быстрее сюда, в Рим?
Так тяжело в доме деревенском ей жить;
Боятся многие её навестить. –
– Конечно, очень тронут преданностью к нам;
Ведь это помню я, и сделаю всё сам.
Спасибо, что к нам пришёл. Ты нас не забывай.
Есть если возможность, во дворце у нас бывай. –
И приветливо Джулио также встречал,
Джулиано творца горячо здесь обнял:

– Рад я, что навещаешь ты старых друзей,
Часто ведь помогаешь сестрице моей. –

А ваятель один в гостинице «Медведь»;
Он решил вновь страницы Библии смотреть.
Поражает усердием сильным своим,
Книг изученных стопы лежат перед ним.
И всё тут внимательно мастер читает,
На Святых все мысли сейчас обращает:
«Герой Моисей вождём народным ведь стал,
А Бога идеи все старик утверждал.
Апостол Павел искусства, науки ценил;
Заветы дал христианам, людей всех любил.
И Моисей, и Павел главными станут;
Очень большими – тут внизу же и встанут».

Творец подумал об образах гробницы,
Они все в мыслях встают вновь вереницей:
«Люди её ведь увидят со многих сторон;
Быть пирамиде – мой замысел сразу решён.
Но я лишь ступенчатой всю представляю,
Всё ж тридцать фигур для неё изваяю.
На ступенях – скульптуры все стоят чередой,
А вверху здесь на троне – папа Юлий Второй».

Рисовал дни и ночи ваятель опять
И быстрее стал последний эскиз создавать.
На платформу нижний ярус тут поместит,
После Пленных мощных на него водрузит.
Будет их много, только обнажённые,
Духом сильны, в борьбе – несокрушённые.
И женщин фигуры здесь потом размещал,
Ваять Руфь, Рахиль и Лию он полагал.
А Победители – группа большая;
Также видна выше группа вторая.
На ней мудрецы Моисей и Павел;
И между же ними храм малый ставил.

А позади саркофаг помещается;
Много тут Ангелов вверх устремляется.

17

Скульптор поделился замыслом с Галли.
– Жизни Вам не хватит, чтоб всё ваяли, –
Но банкир, конечно, ему помогает,
Договор вновь с мастером он составляет:
– А работу в десять лишь лет – оговорить,
Сразу двадцать тысяч дукатов – запросить... –

Но тотчас подошла жена Галли к ним:
– Что ж ты не дорожишь здоровьем своим. –

А банкир, хотя тяжело тут дышал,
Громовым вновь голосом твёрдо сказал:
– Видать, последнюю ныне услугу
Даю я нашему юному другу... –

Ваятель и Сангалло к папе пришли,
Рисунки на просмотр они принесли.
– Грандиозней всё, чем сперва я ожидал;
Мавзолей прекрасный ты мне нарисовал.
Будет гробница здесь лучшею в Риме. –
– Также в большом христианском всём мире, –
Пришедший Браманте к ним так подтверждал.
А скульптора папа потом наставлял:
– Немедленно ты в Каррару всё ж поезжай,
Быстрее же весь лучший мрамор там выбирай. –

– Но, святой отец, а как же договор? –
– Здесь с тобою будет строгий уговор.
Десять тысяч дукатов, а сроку – пять лет. –
Сразу мастер опешил, ни слова в ответ:
«Это значит, придётся мне выход искать,
Чтобы быстро так много творений создать».

Враз скульптор, зодчие молча уходят,
В Собор Святого Петра все заходят.
Видят, что для гробницы места здесь мало,
Света из окон всех совсем не хватало.
Загрызли вятеля всё ж сомненья:
«Да, нынче скуден свет для обозренья.
А всем статуям тесно тут будет стоять;
Нет возможности двигаться, лучше дышать».

И скульптор предложил к торцу сделать пристрой,
А высказал Сангалло резон свой простой:
– Хотя так добьёмся высоты, также света,
Но станет лишь длиннее всё здание это.
Так ведь узким будет оно оставаться,
Негде же гробнице здесь и размещаться. –
Они и в округе той всё осмотрели;
У каждого из них идеи созрели...

– А базилику нужно всё ж соорудить;
И взамен тех халуп тут надобно ей быть.
Свершу я проект и построю Собор,
С него все увидят Рим, дивный простор, –
Сангалло высказал сразу здесь мнение;
Браманте же – выражал одобрение,
Но тотчас в углу рта – усмешка кривая,
Возникла мысль тайная и не простая:
«Я на этом холме свой огромный храм
Только сам спроектирую, после создам».
Микеланджело с ними тут согласился,
На большую надежду он вдохновился.

Глава 7

Папа Юлий Второй

1

Кульптор часто вновь бывал в Каррарских горах;
Мрамор ведь ему добыли в этих местах.
Камень срочно по Тибру теперь отправлял,
В Риме сразу же с барок его принимал.

И всё ж опять, проявляя все таланты,
Уговорил вскоре Юлия Браманте
Гробницу заранее, в спешке не строить,
Всё это смерть папы поможет ускорить.
Для неё и замыслен огромнейший храм;
И снесут все халупы, конечно же, там.
Чтобы Собор Святого Петра возводить,
Конкурс проектов папа решил объявить.

А мастер вновь поселился в доме своём,
И спешно к папе явился он на приём.
Но Юлий о гробнице теперь – ни слова;
Творцу же и не дали тут денег снова.
Одну лишь статую надо здесь изваять,
Потом и папа позволит деньги забрать.

Стал в конкурсе Браманте победителем,
Высот архитектурных покорителем.
В чертежах всех центрическим здание дано,
И при том грандиозно, изящно оно.
Он ведь Сангалло в честной борьбе победил,
На всю постройку храма права получил.

Микеланджело с Лео проекты смотрел,
Уяснил, что Сангалло уже не у дел;
В эскизах друга – храм тесный, суровый
И, словно бы крепость, грубый, тяжёлый.

Скульптор вспомнил, как конкурс здесь проходил,
Это так всё он для себя уяснил:
«О базилике все идеи Сангалло
И мои мысли о гробнице немало
Видному зодчему с ярким талантом,
Но и со нравом упорным Браманте
В личных целях, конечно же, помогли
И внушить храм построить – папу смогли».

А друга Галли недавно не стало;
Но ведь его так теперь не хватало.
Бальдуччи – друг скульптора, тут преуспел,
Он банком управлял, жениться успел.
Мастер взял у него же сотню дукатов,
Чтоб платить по мрамору быстро затраты.

2

Все подручные лепят модели сейчас,
Из досок для гробницы тут собран каркас.
Ваятель решил вырубать Моисея,
О Пленниках также возникла идея.
А денег у него не стало опять
И папе надо обо всём рассказать.

Создал здесь Браманте проекты Собора
И строит согласно всего договора.
Прежде первый камень сам Юлий заложил,
А его закладку затем – благословил.

И снова пред папою мастер стоит,
О бедах своих он ему говорит:

– Ведь привезут на днях нам мрамор на барках;
Надо платить, заботясь вновь о поставках. –
– Приходи в понедельник, – папа сказал,
Отвернулся, его он слушать не стал.
В понедельник скульптор у папы ведь был,
Тот на завтра всё же его пригласил.
Приходил и во вторник, среду, четверг.
Но всё тщетно, пред ним закрылася дверь.
Сразу стражник сказал: – Приказ не пускать. –
«Как же мне на него теперь возражать?»

Буонарроти бредёт тихонько домой:
«И почему поступил так Юлий со мной?»
Дрожа весь, быстро папе письмо написал:
«Святой отец, такого от Вас я не ждал.
Выставил стражник, из дворца вон гоня.
Если Вам нужен, то ищите меня».

3

Ночью спешно едет ваятель из Рима,
Но не ждёт Форенция папой гонимых.
А вскоре шесть всадников с Лео Бальони
Его поутру всё ж в дороге нагонят.

– Ведь Юлий узнал, что приятель ты мой;
Поэтому сразу послал за тобой.
Но я и не буду тебя принуждать,
Мне приказа не было силою брать. –

– Лео, лишь во Флоренцию снова вернусь,
И за службу ненужную я не держусь.
А если надгробие нужно опять,
То дома смогу и его изваять. –

Переползли уже слухи горный перевал,
И вновь героем дня Микеланжело предстал;

В Общество Горшка тотчас приглашают,
Смелость и талант его восхваляют.

И нынче пришёл в Синьорию он снова;
А речь Содерини тут – кратка, сурова:
– Папу Савонарола всегда презирал,
Дерзко ты вслед за ним послушанье попрал.
И продлить договор мы не сможем с тобой,
Оправдай ты пред папой уход дерзкий свой. –

– Можно ли моих Купальщиков писать? –
Но сейчас не смог правитель грусть сдержать:
– А ты ведь вновь ещё не был в зале Большом?
Посмотри же, что сделалось с росписью в нём. –

– Битва при Ангиари осталась ли в зале? –
В нём лишь часть небольшую её увидали;
Краски вдруг струями к полу стекли
И на гибель всю роспись там обрекли.
А Микеланджело про вражду позабыл,
Жалость тотчас к Леонардо тут проявил:
– Ведь больше года упорства, воли, труда!
Но как же всё ж приключилась эта беда? –
– Леонардо древнейшее здесь возродил,
Энкаустику⁸¹-роспись теперь применил.
А в состав воск, известь, камедь добавлял,
Роспись тут кострами потом прогревал.
И воск растопился в сильном огне,
А с ним краски все сползли на стене. –

И скульптор к живописцу вскоре явился:
– Увиденным в том зале я огорчился. –
Художник теперь стал немного хромать –
Пытался машину на днях испытать;
Пролетев всё ж на ней с холма, он упал.
Леонардо да Винчи сразу сказал:

– Вы так любезны. Да, бывает подчас,
Что неудачи вновь преследуют нас. –
– Леонардо, извиняюсь пред Вами.
Обругал я Вас плохими словами.
Над Миланской статуей⁸² как-то язвил. –
– Ведь у Вас для этого повод всё ж был.
А раньше я скульптуру всегда унижал,
Но Вашего Гиганта здесь ныне признал;
С любовью большой рисовал я Давида,
На днях и Купальщиков также увидел.
Картон изумительный этот у Вас,
Он славу Флоренции сразу создаст. –

Скульптор к Содерини вскоре вызван опять,
Строгое письмо от папы стал тот читать:
– ...Если злобы от меня Вы не хотите,
То ваятеля немедля к нам верните. –
– Может, мне во Францию надо сбежать,
Чтобы гнева папского Вам избежать? –

Мастеру пишет Росселли так из Рима:
«... К папе, друг мой, вновь прибыть необходимо.
Юлию всё ж Браманте сумел доказать,
Чтобы заказ гробницы тебе не давать:
Так папы кончину приблизить поможет.
А роспись Сикстины тебе тут предложат».
Ваятеля вести теперь угнетали,
Энергию, силу его враз сковали.

Так Буонарроти здесь стало всё ясно,
Что там, в Риме, с ним поступили ужасно:
«Удачно в горах каменоломни открыл
И мрамор отличный в Андюанах добыл.
Прошёл год, камень для гробницы вывез я в Рим,
Но папа Юлий указаньем новым своим
Для оплаты работ этих денег не дал;
Кто-то мрамор прекрасный уже своровал».

Только сейчас у речки встретились братья,
Сразу монах и скульптор в крепких объятьях.
А Лионардо знал, что с братом творилось;
Хочет помочь он, чтоб беды не случилось:
– Да, ты, как и я, поклоняешься Богу.
И сам выбрал правильно в жизни дорогу.
Прости же грехи мои все против тебя. –
– Я ведь их давно простил, – сказал брат любя.
– И помни: Господа наместник – отец святой.
Винись, иначе все осудят проступок твой.
Но как же ты не боишься Божьей кары? –
– И так я в жизни терплю порой удары.
Ведь тружусь с отвагой, дерзко и свободно.
Раболепство перед Богом не угодно. –
– А ты, Микельаньоло, может быть, прав,
Божественно скульптуры все изваяв. –
С вершин холмов руками помахали;
Они друг друга после не видали.

Нынче же пришло вновь от папы посланье,
Он в нём Содерини давал указанье:
«...Мы на него здесь не смеем сердиться;
Но убедите, чтоб смог возвратиться.
Свою благосклонность к нему сохраним.
Характер у гения зная, простим...»

4

Юлий Второй покидает вновь Рим,
Теперь вести войны – задачи пред ним;
Занять Перуджию без крови смогли
И подкупом вскоре в Болонью вошли.
О беглеце там папа не забывал –
Он среди хлопот и дел письмо отослал.

С коллегами вновь Содерини сидит,
На скульптора он раздражённо кричит:

– А ты папе пытался дать бой такой,
Что так сделать не смеет король любой!
Ты виною своей войну не приближай,
А скорей собирайся и к папе езжай!
Святой отец захотел тебя повидать;
Работу даст и не станет вновь обижать. –
Стал сразу он к Микеланжело внимательным:
Снабдил посланьем большим рекомендательным,
Быстро в нём брату кардиналу написал,
Просьбу свою всю здесь ему так излагал:
«Но всё же ваятель наш нрава такого,
Что только посредством лишь доброго слова
От него возможно премного добиться.
А им вся Италия ныне гордится.
Надо ведь с ним любезным и ласковым быть,
Мастер тогда сумеет весь мир изумить».

«Они же все правы, я должен уступать,
Чтоб с городом родным мне войн не допускать».
Творец всё ж в Болонью поехал с письмом,
И сразу пошёл к кардиналу он в дом.
Но ведь тот болеет, епископа шлёт,
И теперь ваятель с ним к папе идёт.

А во дворце заходят в обеденный зал,
Юлий умолк – тут скульптора он увидал.
Приблизённые с азартом наблюдали –
Ведь о бегстве Микеланджело узнали.
Пред папой здесь мастер на колени не пал;
Пронзительно каждый друг на друга взирал.
И метали огни обоих взоры;
Молвить первым стал папа Юлий вскоре:
– Долгонько же задержался ты, замечу,
Пришлось к тебе мне продвинуться навстречу. –
– Святой отец, к Вам отношусь я с почтеньем;
Вины моей нет, но гоним униженьем. –

Мёртвая враз тишина в огромнейшем зале,
Дерзости тут таковой ещё не слышали.

Епископ при папе сейчас находился,
Он за Микеланджело здесь заступился:
– Но, Ваше святейшество, есть моё мнение,
Что надо художникам дать снисхожденье.
Да, лишь ремесло они понимают,
Манер же хороших часто не знают. –

Папа Юлий поднялся и загремел:
– Как ты мне говорить такое посмел?
Манер же не достаёт лишь только тебе! –
Епископ бледен, ему тут – не по себе.
Дал папа знак рукой, злость сдержать невмочь;
И вытолкала стража прелата⁸³ прочь.
Юлий на большее здесь не решился,
Как бы таким путём сам извинился.
А мастер тогда на коленях тут стоял;
И перстень у Юлия он – поцеловал;
Тот благословил его: – Судьба нас свела.
Завтра у меня ты будь. Решим все дела. –

В полночь у камина ваятель сидит,
Так друг Альдовранди ему говорит:
– Всё ж Вы и Юлий оба так похожи,
И это в службе у него поможет;
Вы устремлённые оба, что Вам под стать;
Благоговейный страх можете всем внушать.
Семь месяцев папе Вы не внимали,
Таких христиан ведь люди не знали. –

5

Папа Юлий – на смотре войск всех своих,
В холод он здесь сидит в мехах дорогих.
И прошёл в свой шатёр, а челядь вся – за ним;
А ваятелю крикнул гласом громовым:

– Придумал тебе работу иную,
Из бронзы создай скульптуру большую.
Мой огромный, торжественный, яркий портрет
Лишь в нарядные ризы пусть будет одет. –

Тут мастер возмущён тотчас задачей такой:
– Но бронза – ведь труд не по мне, отец наш святой! –
– Наслышан здесь о бронзовом Давиде;
А маршал на него, знать, не в обиде. –

– Но тогда ведь меня Совет уговорил,
Для Флоренции только так я сослужил. –
– Хватит! – крикнул Юлий рассерженный ему:
– А теперь послужишь и папе своему!
И трудись же так, чтоб меня восхитил.
Деньги будут, чтобы счастливым ты был. –

– А после же бронзы позвольте ваять,
Из мрамора статуи вновь создавать,
Снова буду счастлив я только тогда. –
– Не вступаю в сделки ни с кем никогда. –

Ваятель едва смог с собой совладать.
Скульптуру всё ж надо из бронзы создать,
Ведь установлены жёсткие сроки.
Вспомнил вновь Данте любимого строки:

«...Лёжа под периной
Да сидя в мягком, славы не найти.
Кто без неё готов быть взят кончиной,
Такой же в мире оставляет след,
Как в ветре дым и пена над пучиной»...

Ведь те стихи сумели его подбодрить,
И мастер начал сразу здесь снова творить.
По памяти папу он стал изображать,
Так облик его характерный лишь искать:

А на нём ведь одежда вся дорогая,
На его голове – корона тройная;
Достойно сейчас на троне восседает,
Рукою вверх жестом всех – благословляет.

Скульптор делал рисунки больше недели,
Вместе тут он и Юлий их рассмотрели;
И не смог папа сдержать восхищенья,
Ему понравилось очень творенье.
Искать стал подручных ваятель скорей,
Когда выдал деньги ему казначей.

Мастер к себе Арджиенто здесь ждёт.
И нужных литейщиков быстро найдёт;
Из Флоренции – двоих всё ж прислали,
А оплату им высокую дали.
Арджиенто приезжает к ним вскоре,
И бригада вся теперь уже в сборе.

Мастерскую ваятель тут сразу же снял
И скульптуру с подручными в ней создавал.
Натурщики к ним от Альдовранди идут,
И мастер вдохновенно рисует их тут.
А в мире уже сознаёт своё место,
К работе всегда он относится честно.
Отцу да братьям на родину письма шлёт,
Но только из них всех каждый там денег ждёт.

Мог часами за папой творец наблюдать
И в движеньи эскизно его рисовать.
– Сын мой, покажешь ты когда мне работу?
Меня уже в Рим потянули заботы, –
Единственный вопрос папой задан здесь был.
Микеланджело чётко ему разъяснил:
– Скоро скульптуру в глине хотим завершать;
Через неделю смог бы её показать. –

С ним артель денно и ночью трудилась,
Вскоре из глины модель появилась.

А Юлий увиденным был восхищён,
Но сразу совет дал ваятелю он:
– И надо в левую руку меч мне вложить! –
Творец сказал: – Но позвольте Вам возразить;
Ключ от Собора нового может быть в ней. –
Папа доволен: – Правильно! Действуй смелей.
И этот ключ-символ будет нам помогать,
Чтоб денег побольше из церквей выжимать. –
Папа Юлий, как всегда, вновь торопился
И со свитой ожидавшей – удалился.

Мастер вынужден был литейщика прогнать –
Начал деньги тот у него здесь воровать;
Не стал тут трудиться рабочий другой.
Ваятель в заботы ушёл с головой;
И опять он днями, ночами не спал,
Наконец модели из воска создал.
Одну папа Юлий здесь благословил,
Быстрей в Ватикан со свитой укатил.

А литейщика скульптор еле нашёл,
И огромную печь тот быстро возвёл.
Покрыв он модель всю землёю нужной,
И оба взялись за отливку дружно.
Половину скульптуры отлили с трудом –
Затвердел сплав металлов всех в горне большом.
И печь переключивать сразу решили,
В состав сплава – олова больше включили,
Теперь без изъянов всю бронзу отлили.
С Арджиенто трудился творец целый год;
И уже полировка успешно идёт.
После тяжких усилий всё ж готова
Статуя папы Юлия Второго.

И здесь в нише церкви Сан Петронио
Изваянье это установлено.

Огромной толпой, как намечено,
Открытие радостно встречено,
А скульптор стоял незамеченный...

Уже не чувствовал он успокоенья,
В его душе вновь теперь – опустошенье.

6

Обрался до Флоренции мастер с трудом
И сразу к Содерини пришёл на приём.
Блестит взор правителя, быстро поднялся:
– А папа скульптурой твоей восторгался.
Тебя поджидает подарок от нас,
Мы ныне даём на Геракла заказ. –

Ваятель хорошо анатомию знал
И знания в работе опять применял.
О том трактат написать собирался,
Но только замысел книги остался.

Апостолов прежде здесь надо ваять.
Решил и Святого Матфея создать,
Который стал сам писать Новый Завет;
Жил много, ему отведённых тут, лет.
И начал Матфея творец вырубать:
«А что же сумею я в нём передать?»
Читал он Библию, также предания:
«Но ведь так разнятся эти сказания.
Здесь я как же должен теперь поступить?
Снова надо мне Бикьеллини спросить».

И сам настоятель опять подбодрил,
Со знанием дела ему говорил:

– Лишь на мудрость свою уповай всё сильней,
Создавай же Святого Матфея смелей.
И то, что читаем, многое спорно;
Ведь истинный твой, твори же упорно. –

И Микеланджело трудится снова:
«А как представить Матфея такого,
Который сам в поисках Бога предстал?
Из недр многобожия дерзко восстал».
Из глыбы камня Святой вырывается,
И по спирали ввысь он устремляется.
Камень коленом Матфей пробивает,
С торса Святого вся ряса спадает.
А теперь Матфей – в резком движении,
Смело ищет пути все спасения.

Мастерство и силу творец ощутил;
И здесь снова мрамор свой резал, рубил.
Наш Буонарроти горит вновь в работе,
Мысли все его лишь в высоком полёте:
«А М а т ф е й себе пробивает дорогу,
Вознесись душою он жаждет вверх, к Богу».

**Илл. 26,
стр. 452.**

И тут в руках всё у мастера спорится;
На лад лирический нынче настроился.
Ваял с душой он М а д о н н у Т а д д е и ;
В труде любимом дни быстро летели.
Образ юной Марии ясен и нежен,
На коленях – Христос-Малыш безмятежен.

**Илл. 27,
стр. 453.**

Папа писал Содерини так из Рима:
«Вам провести праздник свой необходимо.
Деньги на торжествах больших собирайте,
На постройку их храма все направляйте».
Ведь праздник тот скульптора стал раздражать:
«А строить гробницу не будут, видать?»

Папа Юлий ваятеля в Рим вновь призвал;
Тот в дневник свой теперь лишь так с грустью писал:
«Я свою Пьета в Риме увидел опять,
Богоматерь напомнила добрую мать.
Здесь словно маму вижу, говорю с ней, родной;
Молю её – подольше оставаться со мной.
Франческой ди Нери её называют,
Судьбу мамы трудную вновь вспоминают.
А родила она нас, пятерых сыновей;
У меня никого на всей земле нет милей;
Помню, грустные песни ты напевала
И в церквях со мной на молитвах стояла.

Мне тогда исполнилось только шесть лет;
И на белом свете с тех пор тебя нет.
Умерла ты, мама, совсем молодой;
До сих пор мне помнится облик родой.
Образ красивый и ласковый вижу,
Даже и голос твой нежный я слышу.
Он ведь и в работе меня подбодряет,
От тяжких трудов отдохнуть помогает.

Богоматерь также нежна и красива,
Придаёт в искусстве мне новые силы.
Но времени юная Она неподвластна;
И мне озаряет путь Её образ ясный».

И вот в Ватикан вновь творец прибывает,
А папа со свитой его поджидает.
Ваятеля Юлий Второй увидал,
Беседу свою он тут сразу прервал:
– А ныне, Микеланджело, ты здесь у нас.
Той статуей в Болонье доволен сейчас? –
– Скульптура эта всем нам сделает честь. –
– Меня, конечно же, так радует весть.

Всё же ты в себя и не верил в тот раз,
Взяв великолепный, солидный заказ.
«Не моё ремесло!» – ты тогда закричал, –
Хрипотой он ваятелю здесь подражал.

Сразу хохочут все приближённые,
Выходкой папы очень довольные.
– Но бронза – твоё ж ремесло, доказал,
Когда ты прекрасно скульптуру создал. –

– Вы, наш святой отец, великодушны. –
– Таким же буду, если впредь так нужно. –
С горячностью папа опять продолжал:
– Хочу, чтоб ты лучшим художником стал.
Нам также здесь искусство своё покажи,
Плафон⁸⁴ в капелле Сикста для всех распиши. –

Средь придворных всех сейчас – аплодисменты;
Скульптор замер, поражён был тем моментом.
И крикнул тут, не сдержав негодованье:
– Но живопись – не моё же ведь призванье! –
А выходка папу тотчас возмущает,
В отчаяньи он головою качает:
– Лишь столько хлопот, чтоб тебя уломать!
Мне легче всё ж – земли в боях покорять. –

– Но в Вашем, папском же, я подчинении;
И нет напрасной нужды в покорении.
Не тратьте месяцы все драгоценные. –
И все враз смолкли тут в это мгновение.
Произнёс здесь Юлий тоном ледяным:
– Воспитан кем ты в религии таким?
Как же ты ставишь теперь под сомненье
Первосвященника-папы сужденье? –
И в упор на скульптора папа смотрел,
Но всё ж мастер выдержал взгляд, не робел:

– И, как Вам в Болонье высказал прелат,
Ведь художник я, невежда, виноват.
Манер приличных не хватает мне. –
– Шедевры лучше высекать в тюрьме, –
Папа зубами скрипел. Раздражён,
В тюрьму посадить мог бы скульптора он.
– Это мало чести может Вам дать;
Мне позвольте мрамор снова ваять.
Те статуи будут люди все хвалить,
Святейшество Ваше вновь – благодарить. –

И папа фыркнул сейчас недовольно,
Ведь речь не может вести он спокойно:
– И я должен тебе ваять разрешить,
Чтобы в мире известность мне получить?! –
Высказал ваятель затем пожеланье:
– Этому поможет моё всё старанье. –
И все здесь теперь слышат в зале дыханье.
– Но Вы посмотрите! Я, Юлий Второй,
Создал всем в Италии нынче покой.
Я папские земли опять возвратил,
Скандалы все Борджиа тут – прекратил.
Всюду симонию⁸⁵ в церквях запрещаю,
Новое зодчество уже насаждаю.
Микеланджело, должен тебя я спросить,
Чтоб мне место в истории всё ж утвердить!? –
Но трудно дышать, расстегнул воротник,
Чуть-чуть отдохнул, продолжает старик:
– Ведь во Флоренции картон ты создал,
Осведомитель мне о том рассказал.
Всё ж, Буонарроти, шедевр воспевают,
Копии творят, а тебе подражают.
Для любых поколений ты ныне – кумир!
И художником лучшим считает весь мир! –
– Но я тогда лишь отвлёкся немного. –
И папа глянул на скульптора строго:

– Для Синьории сумел отвлекаться,
Для нас сможешь ты теперь постараться. –

Тишина и жутко в тронном зале большом,
Вдруг ужасный голос стража слышится в нём:
– Ваше Святейшество, только лишь слово,
Мы флорентийца повесить готовы. –
А Юлий глядит – так повелительно,
Но и Микеланджело – пронзительно.
Да и взоры у них – неколебимы,
Ведь так оба горячи, одержимы.

А у папы так лицо озаряется,
И улыбка на устах – появляется,
У творца в глазах вдруг огоньком отразилась.
Поворчал всё ж Юлий, но явил к нему милость:
– Хотел, чтоб тебя вороньё тут клевало?
Но на всей Земле таких гениев – мало.
Галли прав был, прошло ведь уже десять лет,
Что достойней в Италии мастера нет.
И таковой теперь. Ты – непревзойдён! –
Вновь речью здесь папа Юлий поглощён,
Как рассерженный, но любящий отец:
– Понял ты, Буонарроти, наконец,
Что надо орнаментом свод украшать,
Двенадцать Апостолов там написать.
Ведь хорошая будет тебе оплата –
Это тысячи три золотых дукатов.
Пятерых помощников можешь тут взять,
Чтоб тебе быстрее плафон расписать
И потом вернёшься свой мрамор ваять.
Сказал я всё и ты свободен, сын мой. –
Тот перстень целует, уходит домой.

«Сей договор подписью сам закрепляю.
Я, скульптор, здесь к росписи всей приступаю», –

Теперь Микеланджело его подписал;
К работе огромнейшей готовиться стал.

Пишут, у мастера запись осталась:
«И часто с давних времён мне казалось,
Что светоч искусства – скульптура, немало
Влиянье на живопись всё ж оказала.
А разница та же меж той и другой,
Как яркого солнышка с тусклой луной».

Идёт ваятель с зодчим, другом Сангалло;
И вот вдруг вблизи им Сикстина предстала.
– Микеланджело, папа же ведь соглашался,
Чтоб ты только гробницею тут занимался.
Но Юлия Браманте здесь в ином убедил,
На своде сам он роспись для тебя предложил;
Тебе потолок весь Сикстины отдали.
Художники на её стенах писали.
Здесь есть фрески Боттичелли и Росселли,
Гирландайо, Перуджино, Синьорелли...
А теперь же мы оба с тобой не у дел, –
Архитектор заплакал, всё ж он не стерпел.
Скульптор крепко тут обнял друга за плечи:
– Мне скажи о капелле в этот же вечер.
Себе дорогу ведь ещё мы пробьём
И все преграды одолеем трудом.
Пока ж помыслию о заданьи своём. –

«Как чудовищна здесь архитектура?
Неуклюжа и эта вся структура.
Конструкции очень грубо создали,
Они лишь с трудом плафон поддержали.
Как мне замазать чужие огрехи?
А папа ждёт от меня тут успеха».

Гением сам Юлий всегда восторгался;
Будто для него он нарочно старался:

Работы самые трудные всюду искал;
А мастер, словно назло, с блеском их выполнял.

8

т папы задаток им сразу получен;
Творец отдал старый должок весь Бальдуччи.
В тот же дом ныне быстро приехал опять;
Мрамор свой увидал, но стал всё ж рисовать.
Арджиенто и Граначчи он написал,
Их в артели же работать вновь приглашал,
Тут труд долгий, грандиозный им предстоял.

А утром ваятель пошёл в Сикстину,
Но сделал ведь это он через силу.
Браманте да плотники там поджидали,
Они все подмости ему настилали.
Быстро отверстия в своде пробили,
Много верёвок там в них пропустили;
На этих верёвках висит платформа.
– Браманте, конструкция очень спорна. –
– Но мы прочной её сумели создать,
Чтоб тебе здесь на ней до смерти торчать. –
– Что с дырами станешь делать потом?
Быть может, сумеешь взлететь ты орлом,
Когда внизу платформа будет стоять?
И надо папе всё об этом сказать. –

Творец объяснил, что тут прежде волнует,
На зодчего Юлий сейчас негодует:
– Браманте, как дыры заделаешь там? –
– Пока ничего не придумал я сам.
Пусть будут, малы все, снизу их не видать. –
– Сын мой, а как будешь ты в делах помогать?
Но, Буонарроти, можно ль иначе? –
– Сделаю, святой отец, всё удачней.
Так смогу создать, моя лишь забота,
Чтоб леса все не касались свода. –

– Верю тебе, сам будешь леса возводить. —
Скульптор ночь думал: «Это сумею решить.
Замысел будет очень уж прост, он таков:
Доски ложить на выступы всех поясков
(Но сперва доскам тем выгиб кверху создать),
А ступенями-помостом их нагружать.
Весь распор от тех грузов стены возьмут,
И так прочность леса тогда обретут».

Он рассказал всё старшему артели,
Также помощнику Пьеро Росселли:
– Тут доски вновь на леса Вы пустите,
А все верёвки – себе заберите. –
Сразу старший артели, конечно, был рад:
– Ладить с Вами всем трудно, так здесь говорят.
Но как же нелепо это утверждение.
Да будет пусть Божье Вам благословенье! –
– Так сильно в нём я сейчас и нуждаюсь,
За дело святое тут принимаюсь. –

Подготовкой занялся один только он;
На него словно давит огромный плафон.
В масштабе ваятель весь свод изображал,
Распалубки⁸⁶, также люнеты⁸⁷ – срисовал.
«Старую штукатурку надо здесь сбить,
Метров шестьсот квадратных фреской покрыть,
Буду достойных всех Святых тут писать,
Также орнаментом тот свод украшать».
И по ночам он работает снова,
Теперь идея вся быстро готова.

О помощнике пишет отцу своему,
И тот сильного Мики направил к нему.
Ведь лишь всухомятку наш скульптор питался;
Но Мики теперь здесь и кухней занялся.

И прибыл Граначчи, уверенность внёс,
С собой четверых живописцев привёз.
И артель уже вся прежняя в сборе,
Приступать к работе надобно вскоре.

Объяснил тут мастер замысел свой им:
– Всё ж Святых на фреске мы изобразим,
Выше их здесь – кариатид⁸⁸ всех крылатых,
Быстро придумаем орнамент богатый. –

Тот большой картон рисовать уже нужно,
Принялись бригадой эскиз делать дружно.
Всюду всё разбросано в доме опять,
Некогда им всем и постель прибирать.
Никто и не варит, пол не подметает,
Но вот Арджиенто всё ж к ним приезжает.
Беспорядку, компании очень был рад;
И всегда ведь он любит варить, прибирать.

9

Как и много лет назад, все рано встают
И вновь роспись здесь артелью делать пойдут.
Всё нужное быстрее в тележку собрали,
А Мики-ученик тут осликом правил.
Микеланджело, Граначчи идут впереди,
Остальные же работники – здесь, позади.

И ваятель внутри пустоту ощутил,
Но Граначчи в пути лишь над другом шутил:
– Раньше могли ль, маэстро, так вообразить,
Что во главе артели надобно Вам быть? –
– Я не представлял и в кошмарах ночных.
И знаю ведь мало о фресках больших. –

Но всей артелью работали споро –
И часть плафона расписана скоро.

Всё ж скульптор один наверх поднимается:
«А, может быть, папе это понравится?
Но всё хорошо ль теперь в работе моей?»
И вновь у творца забота только о ней.

Творить лишь лучшие из многих творений
Призвал его же сам неистовый гений.
Хочет ведь грани уменья во всём превзойти,
Новое и непохожее смело найти.
Всегда и везде в нём безудержное рвенье,
И трудится мастер вновь до изнеможенья.
В компромиссы он никогда не вступает,
И кристально честным его весь мир знает.

Отправил артель Рождество вновь отмечать.
«Но надо ли нынче мне труд продолжать?»
Тысяча пятьсот девятый год наступал;
Ныне тут в горах его ваятель встречал.
Тирренское, синее море пред ним;
Отлично с вершины здесь смотрится Рим.
Далеко, далеко враз кинул он взор:
Там леса покрывают цепи всех гор.
Видны хорошо поля и долины,
Селенья, дороги, речки, равнины...

«Дивный мастер Господь – Вселенной создатель;
Вечно Сам живописец, зодчий, ваятель.
Нам по замыслу мир этот построил
И своими чудесами наполнил».

И книгу Бытия Титан вспоминает,
Все подвиги Бога вновь он представляет.
Осознал Его все деяния ясно:
«Ведь Господь Планеты создал так прекрасно;
Быть им на своде – достойны вниманья,
Сразу исчезнет уродливость зданья».

Всё изящество фрески смело покажет,
О дерзаниях Бога людям расскажет.
«Но Бог сперва Воду и Сушу творил,
И о Птицах, и Тварях земных не забыл.
Также Солнце, Луну и все Звёзды создал,
Он жизнь первым Мужчине и Женщине дал».
Победит ваятель и свод непокорный,
В нём создаст мир целый с душой благородной.

10

Всё папе поведал скульптор старательно,
Его тот послушал очень внимательно.
– Понял, когда написал я участок свода,
Что вся посредственной видится мне работа.
И долго думал. Но дело всё ж не пойдёт.
Почёта мало Вам, также мне принесёт. –

– Когда же спокойно меня убеждаешь,
То чувствую сразу, что прав ты бываешь. –
– Святой отец, и новые замыслы есть,
Поверьте мне, работа нескорая здесь.
И теперь писать фрески буду я сам,
Грандиозную роспись миру создам. –
– Ведь в тебя я, конечно же, верю, сын мой;
И ты в тайне держать можешь замысел свой.
Всё твердил мне: «Фреска – не моё ремесло».
Но, однако, тут куда тебя занесло?
Огромную фреску один задумал творить,
В неё труда тяжкого годы надо вложить.
И тебя кто же только сумеет понять? –
– Я не знаю, – лишь робко смог скульптор сказать:
– Ведь часто сам себя едва понимаю.
Не буду плохо делать. Это я знаю. –
А папа Юлий покачал головой,
Творца тотчас благословил он рукой.
Большой ум, такт папа опять показал
И действий свободу художнику дал.

Но возникла и другая задача,
Скульптор о ней рассказал всё Граначчи:
– Новый замысел стану я воплощать,
Фреску только один намерен писать.
Будет штукатурить вновь Росселли весь свод,
Краски растирать – для Мики доля работ...»
– Один же ты будешь трудиться лет сорок. –
– Нет! Года четыре работы всей спорой. –
А Граначчи друга обнял за плечи;
И ведь у них долго не будет встречи:
– Да, ты – герой наш с отвагой Давида. –
– И в тоже время – я трус, как сам видишь.
Но как мне сказать, что артель распущу?
Им, может быть, скажешь? Я очень прошу. –

И утвердился мастер в мыслях своих:
«Много людей и Бог, создавший всех их,
Станут сильными и красивыми видны,
Будут волей, душой, умом – наделены.
Фрески миром реальным начнут представлять,
Жизни правду и трепет дано показать».

Так стремительно день за днём проходил;
В композицию скульптор ясность вносил:
«И нужно распалубки мне украшать,
Фигуры скульптурно тут в них расписать.
Составят они весь фриз яркий, сплошной,
Он явится рамой для фрески большой.
Сюжеты все Бытия на ней отражу,
С любовью Бога деянья я покажу».

Пророкам, Сивиллам⁸⁹ места он отдаст,
А позже двенадцать им тронов создаст.
Видны М л а д е н ц ы – чудесные созданья,
Творит похожими их на изваянья.
Повыше – Ю н о ш и все обнажённые,
На фрески взорами здесь – обращённые.

Девять картин на плафоне же он поместит,
Из них на каждой сюжет Бытия отразит.

Арджиенто сник, в печали со слезами;
И спросил учитель чуткими словами:
– Ну и какая беда случилась с тобой? –
– Ведь умер брат у меня. Я еду домой.
Там на его вдове должен жениться,
И о их детях забота ложится. –
А ему Микеланджело денег здесь дал;
Подмастерья же больше творец не видал.

Вскоре покинул его и Росселли,
Лучшее место ему присмотрели.
Ныне в помощниках Мики остался;
В трудностях скульптор опять надрывался.

11

Для фрески Потоп – эскиз стал рисовать,
У входа замыслил её размещать.
Уже к весне он изготовил картон,
Его решил перевести на плафон.
Пока стужа в Риме не убывала,
Ужасно капелла вся промерзала.
И писать Титан всё же начинает,
Он на фреске П о т о п изображает.
А люди спешат на клочочек земли,
Там Ноев ковчег чуть заметен вдали.
Все на Планете уже обречены;
Ужас, спаситесь устремленья их – видны.

**Илл. 28,
стр. 454.**

И свой взор на фреску творец устремлял,
Запрокинув голову, снова писал.
Ведь краска в лицо ему попадала,
А со штукатурки влага бежала.
Всё ж слабел от неудобства тут быстро,
Но ваятель вновь в работе – неистов...

Технику росписи здесь теперь познавал,
Бойко работал и меньше он уставал.
Лишь полный гнева и ярости, смелый;
Но фрески пишет как мастер умелый.

Как-то утром скульптор на фреску глянул,
От неё вдруг в ужасе тут отпрянул.
Со свода каплями влага стекала,
А плесень пятнами здесь проступала.
И к папе сразу же торопится он,
Его печалью Юлий был поражён:
– Сын мой, ты так болен. Что же случилось? –
– Ведь неприятность со мной приключилась.
Наверное, фреска вся обречена?
Есть плесень и влага каплями видна. –
Мастер сник и сидит отрешённо.
– Я не видел тебя побеждённым. –

По просьбе папы пришёл к ним Сангалло.
– Скажи нам, что же там с росписью стало? –
– Страшного тут ничего не случилось.
Ныне от ветра и холода – сырость.
В Риме раствор ведь мы делаем иначе.
Всё ж лей воды меньше, будет так удачней.
Пуццолану⁹⁰ совсем ты здесь – не добавляй,
Порошок же из мрамора – чуть подсыпай. –
– А краски сейчас же мне надо счищать? –
– Подсохнет – и плесень начнёт исчезать. –
Всё ж теплее стало, плесень пропала,
Сразу роспись свода яркой предстала.

Семья Сангалло покинула Рим.
«Что будет нынче же с другом моим?»
Ведь Юлий заказов ему не давал,
Лишь трубы прокладывать тут заставлял.
Только в трудах Микеланджело опять;
Стали другие заботы волновать.

Отец, как и прежде, стал деньги просить;
Хотел земли, лавку он детям купить.
Скульптор им сбереженья отослал;
С Мики впроголодь вновь – существовал.

Спешит отца успокоить скорее:
«...Вы не волнуйтесь, есть беды страшнее.
Сыты все и тем будьте довольны,
Жить в почёте не все люди вольны.
И почестей здесь не хочу никаких;
Живу в трудах тяжких, тревогах своих.
И живите во Христе, как я, честно.
Как несчастлив, то лишь Богу известно...»

А юный Рафаэль приехал вдруг в Рим,
И здесь Буонарроти встретился с ним;
Художник свиту завёл и праздным бывал,
Он и в богатстве большом, и славе блистал.
И подумал творец о быте своём:
«Но почему живу я тут бедняком?»
Вновь одинок, в нищете жизнь проходит,
Только в работе всю радость находит.
Хоть вздыхал ваятель, но отлично сам знал:
«Своего таланта снова жертвою стал».

О встрече в дневнике своём отозвался:
«Сегодня Рафаэль в пути повстречался.
Он приятной наружности и молодой,
Хрупок ведь; но решительный и волевой.
Умён, ему хитрости – не занимать,
Такт и осторожность дано проявлять.
Предан искусству. А поклонниц – не счесть,
Любит нарядным быть. Амбиция есть.
Хочет работать и заказы имеет,
Трудности на пути своём – одолеет.
Очень много картин создать успеваает,
Лёгкость их написанья – всех поражает.

**Илл. 29,
стр. 455.**

И не только рисует прекрасных Мадонн,
Но и пишет портреты отличнейше он.
Написал интересный Юлия портрет
И теперь приобрёл большой авторитет.
Краски картин – с прозрачностью и чистотой,
Словно разводит их родниковой водой.
Его искусство держит всех людей во власти
И души просветляет, примиряет страсти.
Из подручных своих растит учеников.
Превзошёл флорентийских старых мастеров».

Священник скульптора однажды упрекал:
– Что ж не женатый ты. – Ваятель отвечал:
– Живопись ревнива, требует при том,
Чтобы отдавался ей – я целиком.
Оставляю бессмертных своих дочерей –
Все картины, скульптуры – дух жизни моей. –

У него есть гордость и самолюбие;
О том пишет: «Верю я в трудолюбие,
В том виновен стал мой собственный гений,
Что заставил при создании творений
Вновь не на жизнь, а на смерть адски трудиться,
Победами мне – никогда не кичиться».

К работе тяжёлой опять приступил,
Родство к нарисованным он ощутил.
И не знает вновь ваятель покоя,
Пишет Ж е р т в о п р и н о ш е н и е Н о я .
Сразу престарелый Ной виден с семьёй;
Гибнет всё ж Овен с незавидной судьбой.

**Илл. 30,
стр. 456.**

Также Д е л ь ф и й с к а я Сивилла видна,
Ведь как божественно красива она.
И о и л ь-Пророк сейчас сосредоточен;
Изучить древнейший свиток здесь всё ж хочет.

**Илл. 31,
стр. 457.**

Между Пророком, Сивиллой – фреска тут есть,
Но я пьянение так правдивое здесь.

Пишет мастер пламенных Сивилл и Мадонн;
Погрузил Пророков всех в задумчивость он.
Грешным же повелел тут зубами скрежетать,
В муках корчиться страшно, от боли им страдать.

Папа Юлий все росписи видеть желал,
Но его Микеланджело – не приглашал.
Но осмотрели всё же труды наконец.
Папа теперь доволен: – Ведь ты – молодец!
Меня ты порадовал снова, сын мой.
Так всё необычно на фреске большой. –
И денег выдал творцу казначей;
Отцу вновь сын часть их выслал скорей.

Капеллу на ночь всегда закрывал,
Никто чтоб роспись здесь не изучал.
Видит, что вещи лежат иначе:
«Ночью заходят. Что это значит?»
И там Мики втихомолку всё уследил:
– А Браманте с Рафаэлем вновь приходил.
Нам роспись надо держать под секретом. –
Сказал ваятель всё папе об этом:

– Рафаэль хочет фрески тут изучить
И мои все новинки – сам применить. –
А слушавший это Браманте молчал,
И ключ у него тогда папа забрал.

Скульптор вдруг зван к кардиналу Джованни;
Видеться чаще – того пожеланье:
– Под крышей отца жил ведь вместе со мной,
Ты друг для меня всегда – близкий, родной.
Хочу, чтоб у нас на обедах бывал,
Охотиться чаще теперь выезжал,

Также ходил и на приёмы ко мне,
К мессе в свите моей скакал на коне.
Видно будет всем: ты из близких мне людей. –
Гость в ответ: – Объявите это, так верней. –
И понял: «Защитит он, хочет помочь.
Но как же я себя смогу превозмочь?
А так можно ли мне в приспешниках быть
И вновь в это же время фрески творить?
Если я не буду трудиться всегда,
То и не раскрою себя никогда.
Все годы жизни пролетают быстро,
А мне дорога – предстоит тернистой».

О своих размышленьях он рассказал,
А Джованни на это так возражал:
– Но всегда Рафаэль ведь творит всё легко
И здесь нынче сумел вознестись высоко.
Спешит на обеды, с дамами гуляет,
Спектакли, друзей, знакомых посещает,
Хотя берёт заказов много он всё же.
И как успеть художник это сам может? –

– Ценю, хвалю вновь я Рафаэля творенья;
Искусство для него – праздник и наслажденье,
Оно вроде весеннего яркого дня.
Но работа – мучение ведь для меня;
Тяжкая она, но – одухотворённая,
Радостная часто, порой – иступлённая.
А после труда опять – опустошён;
Уже нет сил, от всего я отрешён. –
– А ты никогда не спускался с небес?
Ну и в чём же жизненный твой интерес? –
– Но меня влечёт любовь к работе вперёд;
Лишь прекрасно всё творить – талант мой зовёт.
Ведь я люблю лишь искусство родное!
Видать, пройдёт, как дым, всё остальное. –

ыслится мастеру ныне только плафон.
«Не отвлекаться», – всё ж так решил твёрдо он.
Предстоит ему все рисунки воплотить,
Здесь фигур побольше трёхсот – изобразить.
В мужчин и женщин, детей жизнь, разум вдохнёт;
И каждый душу да облик свой обретёт.
Ведь как реальную жизнь всем смертным давал,
Себя сам, словно бы Богом, тут признавал.

Изголодался и высох, мало так спал.
«Но сотворю я всё, Боже!» – скульптор взывал.
Воплощает фрески свои быстро, смело,
В дерзновенном рвении не знает предела.
Стоя и лёжа, на коленях писал,
От напряжения он – слепнуть здесь стал.
С потолка беспощадно краска стекала;
И на бороду, и в лицо попадала.
Еле живой домой возвращался,
На три часа лишь – в сон погружался.
Писал Г р е х о п а д е н ь е, Изгнанье и з Рая. **Илл. 32,**
А спал, обувь, одежду давно не снимая. **стр. 458.**
И помог раз Мики снять сапоги,
Но и с ними слезли кожи куски.

Мастер сна лишился, от боли страдал,
При свечах вновь ночью стихи написал:

*«Я получил за труд лишь зоб, хворобу
(Так пучит кошек мутная вода,
В Ломбардии – нередких мест беда!),
Да подбородком вклинился в утробу;
Грудь – как у гарпий; череп мне на злобу,
Полез к горбу ; и дыбом – борода;
А с кисти на лицо течёт бурда,
Рядя меня в парчу, подобно гробу;*

*Сместились бёдра начисто в живот;
А зад, в противовес, раздулся в бочку;
Ступни с землёю сходятся не вдруг;
Свисает кожа коробом вперёд,
А сзади складкой выточена в строчку,
И весь я выгнут, как сирийский лук.
Средь этих то дожук не странно
Мутится мой рассудок снова.
Нужна ль стрельба с ружья кривого?
И живопись моя с изъязном!
Поруган я, но труд мой сирый⁹¹ смел.
Не место здесь мне. Кисть – не мой удел!»*

13

Весь испачкан, иссох, сутул, оброс, брёл домой;
Спотыкался опять в дороге, словно слепой:
«Вид многих меня раздражает упорно,
Не нравлюсь я людям за нрав непокорный.
На лице печать глубочайших всех страданий
И также тяжёлых, больших переживаний.
Обо мне, как о муле, любят здесь рассуждать,
Хотят при том же от себя подальше держать,
А фрески лишь мне писать позволительно
И все скульптуры рубить – изумительно».

Только он ночью домой возвращался,
Многими тут сумасшедшим считался.
Но в росписи цели основной достигал
И жизнь, как реальную, на ней создавал.
Как призраков, встречных всех провожает;
Друзьями А д а м а , Е в у считает.
Здесь ведь на фреске – все живые творенья;
Молоды и сильны, прекрасны в движеньи.

Художник записал в дневник свой немало,
Конечно же, то, что его волновало:

«Пришёл от отца слух о смерти моей,
И в Риме теперь говорят все о ней.
Эти сплетни идут потому тут, видать,
Что тружусь, не могу я на людях бывать».

Год тысяча пятьсот десятый шёл чередой;
Творцу Буонарроти – шёл год тридцать шестой.

А Юлий решил осмотреть всю работу,
И папу ваятель повёл с неохотой.
И требует Юлий леса разобрать,
Чтоб фрески прекрасные здесь – увидеть.
А мастер создал их лишь половину,
Леса не убрал, имея причину:
– Разбирать, святой отец, их не надо. –
– Почему же? – папа молвил с досадой.
– Дожен много Младенцев ведь я дописать
И детали какие-то тут уточнять. –

Папы спокойствие было задето:
– Будет когда же всё сделано это? –
Но скульптора сразу тот вопрос рассердил.
– Когда всё готово будет! – дерзко вспылал.
Так Юлий ведь подражал зло слово в слово:
– Когда готово всё будет! Всё готово! –
Сразу же в ярости он посох поднял,
А Микеланджело – едва гнев сдержал.
И папа враз посохом ударил его,
Опять непокорного слугу своего.

Тишина. Противники в гневе стояли.
Друг друга глазами они пожирали.
Всё же творец поклонился и отступил,
Юлию тотчас дорогу он уступил:
– Мы завтра леса все начнём разбирать,
Чтоб Ваше святейшество – не волновать. –

Папа закричал зло вновь, так грозен он:
– Ты, Буонарроти, мной отставлен! Вон! –

Мастер на тропинке лишь стал размышлять:
«Я престиж художников клялся поднять.
В искусстве всём очень хотел – Богом быть,
А Юлий пытался мой пыл укротить.
Бога наместник – папа на этом свете;
Я за свои творенья пред ним в ответе».
И едва доплёлся скульптор мрачным домой:
– Мики, плохо всё. Бежим мы сразу с тобой.
И где же вновь буду сейчас я творить?
Но папа и жизни здесь может лишить. –

Уже было поздно, в дверь постучали.
Пришёл камерарий⁹². Стражу лишь ждали.
– Ближе ведь к сердцу, друг, принимаете.
Папа и Вы так дерзки бываете,
Но любит всё ж Вас – одарённого,
Хотя и сынка – непокорного.
А если б он не любил – не ударил.
Для Вас сам Юлий дукаты направил. –
– Видать, золотым тем снадобьем стану
Залечивать я сердечную рану? –

Под утро ведь бодрым наш мастер опять
Уверенно, с чувством стихи стал слагать:

*«...И живописец, кто бы ни был он,
Добьётся в цвете чуда воплощенья,
Будь делу предан до самозабвенья
И от мирских соблазнов отрешён»...*

А за временем скульптор не наблюдал,
Но что ныне вновь лето, точно он знал.
На богослуженье никто не зовёт,
О нём лишь случайно творец узнаёт.

Даже совсем не выходит из дома,
Делал эскизы другого картона.

А однажды вдруг в полдень пришёл Рафаэль,
Он с одрябшим лицом и ещё постарел.
– Лишь Вашею фреской я так поразился, –
И мастера хвалит, и весь озарился:
– Стыдно, маэстро, мне; к Вам извиниться пришёл;
Как-то раз, встретившись с Вами, ведь грубо я вёл. –
Скульптор в памяти случай один воскресил,
Как его Леонардо так гордый простил.
И сумел он Рафаэлю просто сказать:
– Но художники должны грехи всё ж прощать. –

Никто больше не поздравлял из горожан;
А папу уже волновал лишь Ватикан.
И с армией мощной покинул вновь Рим.
Крепить государство походом своим,
Вытеснять французов, что одолели –
Лишь теперь его ближайшие цели.

А скульптор все деньги отцу отсылал,
И в бедности снова же сам пребывал.
Он даже не знал, как и где взять заказ.
Но, может, найдёт всё ж работу сейчас.
Писать фреску вновь тут – разрешения нет.
И Юлию мастер посвятил свой сонет:

*«...Я ж – твой слуга: мои труды даны
Тебе, как солнцу луч, хоть и порочит
Твой гнев всё то, что пыл мой сделать прочит,
И все мои старанья не нужны».*

14

Часто был не у дел, стал работу искать;
О куске хлеба тяжки заботы опять.

Огорчений много творец испытал,
Продолжать труды все быстрее желал.
Ему дают наконец-то разрешенье,
Рождает в муках своё произведенье.

Дерзок, силён и не знает вновь покоя;
Кроме лишь фрески ничто не беспокоит.

Ведь Микеланджело в битву вступает,
Господа Бога писать начинает.
Сотворенье Адама он рисовал,
Тут для Солнца, Луны места указал.
И Свет, и Тьма стали всю суть обретать,
Всё ж Воду от Суши решил отделять.
Здесь Бога на фреске той – изображение
Всегда сердцевина этого творенья.
Думал: «Надо правдивей Его написать,
Этим душу всей росписи тут показать».

**Илл. 33,
стр. 459.
Илл. 34,
стр. 460.**

А Господа вечно ваятель любил;
В часы лишь столь мрачные так говорил:
«Но Господь решил не для того ж нас создать,
Чтоб во время тяжкое теперь покидать.
И вера в Него меня укрепляла,
Создать всё святое мне помогала.
И я должен Бога таким показать,
Чтоб Его смогли все принять, почитать».

Сам Буонарроти вновь парил в небесах,
Юлий же погряз в земных, военных делах.
От феррарцев здесь неприятности были,
Казну папы войны опять истожили.
А французы захватили Болонью,
Стали Юлием там все недовольны.
И сброшена статуя на соборе,
А пушку с неё там отлили вскоре.

Вмиг вспомнил творец, как скульптуру отлил,
Ведь столько стараний тогда он вложил.

Трон папы Юлия всё ж пошатнулся
И с войском снова в Рим – ныне вернулся.
А судьбу свою скульптор с папой связал,
Повстречаться с ним в трудный час пожелал:
– Святой отец, я пришёл к Вам с почтеньем. –
И папа встретил его с уваженьем.

Фреску хочет он зреть, не смог усидеть,
На леса поднялись и стали смотреть.
И отдышался тут Юлий немного,
Вдруг над собою увидел он Бога:
– Веришь, что Господь к нам всем милость являет? –
– Да, святой отец! – наш герой отвечает.
– Но уже я скоро предстану пред Ним;
И Его увидеть надеюсь таким.
Тобою я очень доволен, сын мой. –
Согрелся творец похвалою большой:
«Спросил меня Юлий о личных делах,
Об общих знакомых, о близких друзьях.
Я вести здесь получаю ли от родных?
Как правят братья, отец в поместьях своих?»

Вновь веру, надежду Титан ощутил
И днями, и ночами упорно творил:
«А чем ближе работа к завершенью,
Тем всё больше во мне – воображенья.
Но должен в реальную жизнь возвратиться;
Свод мал, чтоб идеям другим воплотиться.
Девять картин Бытия заполняют весь свод,
Это движенье народов, времён предстаёт».

Как-то раз Микеланджело кинул свой взор:
«Не из цельного камня возводят Собор.

А в кладке здесь слабый раствор применяют
И мало цемента в него добавляют,
Из бута и щебня видна забутовка⁹³ ».
Сказал он всё зодчему, молвил тот ловко:
– Ах, ты ещё стал и строителем тут!
Я – лучший зодчий! Стены здесь не падут. –
– Лишь дня два за кладкой всё ж понаблюдаю;
Не исправишь быстро – папе сообщаю. –

Но Браманте тех нужных мер не принимал,
Микеланджело Юлию всё рассказал.
– Сын мой, на это ты не отвлекайся,
А лучше фрескою тут занимайся. –
Лишь Лео Бальони знал всё на свете
И мастеру сразу сумел ответить:
– А Браманте богатым стал очень скоро,
«Подгрызая» все стены, столбы Собора. –

О нём писал Буонарроти всё так:
«...Понять же это не могу я никак.
Ведь больших творцов превзошёл зодчий властный.
Ко всему в строительстве он стал причастным,
Даже сносил античные в Риме постройки.
Может подмять любого здесь властью стойкой.
Как сумел заслужить уважение он?
И силён, энергичен, упорен, умён.
Ныне и папская печать доверяется.
И стихоплётством лишь порой занимается.
Умеет большой весельчак на лютне играть.
Дружков-проходимцев сумел себе тут набрать.
Ведь давно приспешников зодчего знаю;
Близко к сердцу козни их я принимаю».

15

Теперь у Юлия – приступ малярии,
И только недруги все так говорили:

– Скоро папы не будет в подлунном мире. –
Всё же он излечился – узнали в Риме.
На лад дела у Юлия снова идут,
В казну его с церковей быстро деньги текут.
Также и скульптор за труд получает,
Сразу часть денег отцу высылает.

А остальные – в банк к Бальдуччи вложил,
Но всё же в гости к другу он не сходил.
Тот очень солиден, намного ведь стал полней;
С женою растит здесь уже четверых детей.

Но Бальдуччи сам к другу в гости идёт;
Потрясён был, что мастер бедно живёт:
– Человек – ты! И ведь жить можешь достойно.
В нищете надорвёшься вскоре невольно. –
– Поверь мне, не надорвусь. Я – из камня! –
– А это только твои пожеланья. –
– Но для хорошей жизни нет мне терпенья. –
Высказал тут приятель все сожаленья:
– И всё-таки станешь ли, друг мой, удачлив? –
– Живётся отлично, когда будешь счастлив.
Когда я за мрамор возьмусь – счастлив буду.
Тогда всё другое на свете забуду. –

Выходных и всех праздников мастер не знал,
Только фреску упорно он вновь рисовал:
«Здесь свод этот огромный висит надо мной,
И меня он преследует, я сам не свой.
А ликов толпа обступила – с разных сторон;
Во рвении диком бросаюсь тут на плафон».

Совсем не знал и теперь, что творится кругом;
Писал П р о р о к о в, С и в и л л всех своим чередом.

А в Пророке И о н е – озарение,
К исполнению надежды есть стремление.

И е р е м и я – мудрый, но он омрачён;
Голову клонит; верой, силой наделён.
В Д а н и и л е же тут – властность, напряженье
И к познанию манускриптов всех есть рвенье.
З а х а р и я здесь фолиант⁹⁴ вновь читает,
Ведь высшую мудрость он так обретает...

**Илл. 35,
стр. 461.**

Всё ж скульптор видное место Захарию дал,
Но Юлий там Иисуса увидеть желал.
Уважал папу мастер, ныне Юлий Второй
Энергичен, умён, Христа наместник земной.

Творец Пророка похожим на папу писал,
Ему так он на столетия почестъ воздал;
Видать, предвидел, новый свой подвиг совершит:
В Сикстине же – Христа на стене изобразит,
Который смело праведный Страшный Суд свершит...

И к Сивиллам Титан направил старанья.
А в Персидской Сивилле – мудрость и тайна.
Дельфийская – в думах, самая прелестная,
Глаза у неё большие и чудесные.
И в Ливийской красота и движение,
В Эритрийской же ко чтению стремление.

**Илл. 36,
стр. 462.**

Тут парней двадцать юных, обнажённых,
В основаниях арок размещённых,
Воплотят к миру новому влеченье;
Образцам подражают поколенья.

Флорентийцы покоя не знали,
Там в войну папу не – поддержали:
Войск не дали, в деньгах – отказали.
От церкви Республику Юлий сам отлучил,
Глава Содерини теперь в немилости был.
Нынче папа опять войско стал собирать,
Ведь намерен Флоренцию враз штурмовать.

А Джованни Болонью хотел покорить,
Но тогда он в плен с Джулио смог угодить,
Там вскоре оба из плена сбежали
И во Флоренцию с войском вступали.

Всё ж город тот покидал Содерини,
Пришёл конец всей Республике ныне.

А в Колизее творец негодует,
Каждая новость опять так волнует:
«Здесь давно гладиаторов были бои;
Колизей, ведь тут помнят всё стены твои.
Древний Рим хотел побоищ и крови», –
И себя на мысли этой он ловит:
«В Италии ведь не знают иного;
Тут нынче кровь и побоища – снова».

И вновь сам папа Юлий вскоре твердил,
Чтоб мастер быстро фреску всю завершил.
Пришёл как-то папа без предупрежденья:
– Когда же закончишь эти все творенья? –

– Лишь тогда, когда буду ими доволен. –
– Почему сказать мне такое ты волен?
Хочешь ты, чтоб сбросили? Так тут страже скажу.
В день Святых Всех всё равно мессу я отслужу. –

И скульптор думает о твореньях своих:
«Но ведь нет ультрамарина, золота в них».
Только сделать всё это всё ж не успевал
И с подручными быстро леса разобрал.

Здесь подвиг дерзкий, адский теперь завершён,
В трудах ведь больше трёх лет потребовал он.
Сам свыше трёх сотен фигур нарисовал,
И только помощников мастер приглашал

Писать всё же кой-какие детали.
Во всей красоте тут фрески предстали.

Роспись вся Книга Бытия вдохновенна, **Илл. 37,**
Бога свершения здесь видны мгновенно. **стр. 463.**
Не знал ведь ещё мир подобных явлений,
Представших примером для всех поколений.

Фрески на сводах сперва так писали
(До Микеланджело их создавали):
Так видна безмятежность в картинах таких;
И покой, и слащавость присущи для них;
По характеру – лишь декоративные,
Их смотреть ведь легко, но – примитивные.

Плафон же Сикстины тут – гения творенье,
Из правил неписанных всех – исключенье.
В адских мученьях было рожденье его,
При обозренье требует прежде всего
Сразу в ответ напряженья; чтоб фреску,
Где воплощён был весь замысел дерзкий,
Постигнуть со множеством судеб различных,
Познать всю огромной её, непривычной,
То главу с напряженьем надобно поднять,
Со стараньем, неспешно всё – обозреть.

Плафон величием всех потрясает,
Смятеньем души людей наполняет.
Эта фреска – гимн красоте человека,
Воле, духу, силе геройской на веки.
Но тут и тревога Титана видна.
В той росписи есть и трагизма тона.

Вечен на своде – порыв торжествующий,
То затаённый, а то вновь бушующий.
Люди ведь не подвластны грозной той буре.
Это зримо во всём и в каждой фигуре,

В дивных фресках содержание – не исчерпать;
Могут трепет благодатный все испытать.
И есть в них – грандиозность мироощущенья,
К идеалам святым, высоким устремленья.

На другой же день папа в Сикстину явился,
Только в бедных одеждах сейчас усомнился:
– Сын мой, есть у меня одно пожеланье.
Может, золотом украсишь все одеянья? –

Ему Микеланжело так отвечал:
– На фреске ведь бедных людей написал.
И не нужны одежды им дорогие;
Я убеждён, что тут они все – святые. –

И не был здесь на освященьи творенья,
Писал о скульптуре он в эти мгновенья:

*«И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, – и лишь это нам
Рука, послушная рассудку явит».*

А в это утро оделся нарядно.
Ведь взять резец, молоток так отрадно.
Словно исчезли усталость, страданья,
Боль и обиды, в труде испытанья.
Первые тут солнца лучи осветили
Струйки белоснежные мраморной пыли.

Глава 8

Медичи

1

После же, как папа фреску тут освятил,
То ведь на Земле совсем немного пожил.
Первый флорентиец занял высший трон,
Папой Львом Десятым он был наречён.
Знатный Джованни де Медичи это,
Избран теперь кардинальским советом.
А Микеланджело, ехавший в свите,
Празднества пышные в Риме увидел.

Илл. 38,
стр. 464.

Приобрёл здесь домик и лошадь гнедую
И ещё лишь дёшево мебель простую.
Сразу Фалькони – слуга-подмастерье
Вновь проявляет большое усердьё.
А вблизи разместились домики тут,
И помощники все творца в них живут.

Рубить лишь мрамор – у мастера желанье,
Почти ведь восемь лет думает о камне.
Так давненько не брался за мрамор большой,
Ставит сразу три глыбы в своей мастерской.

Гений сейчас здесь с камнем сливается,
Воле его тот вновь подчиняется.
Днём и ночью от него не отходит,
В исступленьи радость снова находит.
Разом три скульптуры тут вырубает,
От одной к другой проворно шагает.

Во время всех пауз, к тому же и малых,
Мечтал о твореньях ещё небывалых.
И так продвигается дело скорей –
Являются миру Рабы, Моисей.

Задуман Моисей здесь – сидящий, большой;
Лишь крепко прижимает скрижали⁹⁵ рукой.
Ведь мудрейший Пророк, вождь народа – он,
Сам Господь Бог Святому вручил Закон.
Мастер ваяет мощную очень натуру,
Вновь выражает волю и в этой скульптуре:
«И скоро народы спасёт слуга Бога,
Всегда так верна Моисея дорога.
Строго люди будут тот Закон исполнять,
На Земле в труде жить мирно и процветать».

На тех мыслях его Бальдуччи прервал,
Распросить о заказе он пожелал:
– И сколько же статуй надумал создать? –
– Их сорок одну я намерен ваять. –
– Но тебе ведь надо всю жизнь потрудиться,
Чтоб гробнице Юлия здесь появиться. –
– Всё ж двадцать пять скульптур изваяю я сам,
Помощникам своим – остальные отдам. –

Художники самых различных течений,
Чтоб праздновать ярко им Льва восхожденье,
Из Европы, Италии в Рим приезжали;
Микеланджело, фреску его повидали;
Ныне же восхищались все кумиром,
Дали ему титул «Первый мастер мира».

Но сторонники и друзья все Браманте
Не признали совсем Титана таланты.
Фигур анатомичность их возмущала;
И что свод перегружен, группа считала.

2

Как-то раз в окошко под вечер стучат,
Этим стукам громким ваятель не рад.
А юный парень вдруг быстро заходит
И так на друга Граначчи походит.
Ведь также строен, красив, белокурый;
С весёлой и энергичной натурой.
Васильковым, чудесным взглядом сияет
И приятнейшим гласом всех покоряет.
– Живописец ведь я, венецианец,
А зовут – Себастьяно дель Лучани.
И лишь исповедаться Вам тут желаю,
Сейчас и спою, и на лютне сыграю.
Только Рафаэля сперва воспевал;
Злился я, когда он меня обобрал,
Но спасибо сказал за учение.
Нынче буду петь Вам восхваление. –
А о госте подумал мастер потом:
«Для чего ж посетил Лучани мой дом?»

Себастьяно часто к нему заходил;
Он играл, болтал, распевал и шутил.
Всё ж портреты писал, но мизер получал,
О заказе солидном давно он мечтал.
Ваятель трудился, но слушал порой,
А гость наслаждался своей болтовнёй.
Но мастер три блока здесь враз вырубал,
И этим он гостя всегда удивлял.
Спросил Себастьяно его так однажды:
– Как помните, что делать надобно с каждым? –
– Ведь я восемь лет о скульптурах мечтал
И удар свой каждый в уме намечал. –
– Копировать хорошо я умею.
Но не знаю, как найти мне идею? –
– А если б я знал, как идеи рождал,
Одну бы из тайн глубочайших познал.

Видать, ты вполне колоритом владеешь,
Понять композицию верно сумеешь. –

Отдавался скульптор все дни ваянью,
По ночам занялся он рисованьем.
С наслажденьем сюжеты все создавал,
Себастьяно потом с них маслом писал.
Творец его Льву представил и подбодрил,
А тот рисунки Лучани очень хвалил.
Часто его играть папа Лев приглашал,
Ведь развлечения он всегда уважал.
И Себастьяно тогда получил заказ,
Фреску писать пребольшую на этот раз.

О верном Тополино, забавном лишь чуть-чуть,
Конечно же, здесь надо теперь упомянуть.
Мрамор ведь для ваятеля он отправлял,
С ним игрушки смешные друзьям посылал;
Даже многих из них забавлял так порой.
И собрались однажды они все гурьбой,
Каждый лепил, рисовал здесь что-то смешное,
Сделать комичное – дело всё ж непростое.
Микеланджело первенство сразу отдали;
Статуэтку его все забавной признали;
Явилась мерилom без всяких усомнений
Для всех смехотворных, чудных произведений.

Ныне в Риме живёт с семьёй Контессина,
Друга вновь на обед к себе пригласила.
Провела его в кабинет небольшой,
А был так давно у Лоренцо – такой.
И чуть не заплакал ваятель тогда,
Ведь Великолепного – помнил всегда.

Контессина так твёрдо смотрела в упор,
А в её глазах тёмных – был явный укор:

– И трудишься ты всё ж для Себастьяно?
А он воспарил, как это ни странно? –
– Во многом шутки его помогали,
Когда творенья мои порицали.
Лишь недавно песнями фреску защитил,
Мой набросок – быстренько в роспись воплотил. –

Так ирония вся её возмущала,
Что она кулачки лишь гневно сжимала:
– Ведь это не может ничуть забавлять,
Я властью хочу всё ж тебя отстоять. –
К ней шагнул, кулачки в ручищах он сжал,
Улыбаясь, друг сразу ей отвечал:
– Мне, Контессина, заботы не надо;
Верь же, всегда мне труд – праздник, отрада. –
И уже подруга вовсе не сердится,
А лицо её – улыбкою светится:
– И если меня перестанешь посещать,
То Ваши уловки – начну разоблачать. –

3

Предался папа Лев увеселеньям
И деньги тратил здесь без сожаленья.
Пышные обеды всегда задавал,
Там всё ж Микеланджело часто бывал.
Просил Льва: – Можно мне – пиры не посещать;
Всё время я скульптуре буду посвящать. –
Лев к ваятелю милость явил наконец,
Разрешил не являться ему во дворец.

Но на приём в честь Леонардо он приходил,
Когда лишь папа вновь об этом сам попросил.
Джулиано, брат папы, с жаром объяснял:
– Леонардо болота, топи осушал;
В оптике, ботанике тут преуспел,
Вычислить и возраст деревьев сумел...

Умом многогранным, ясным он наделён. –
Услышанным скульптор сразу был удивлён:
– Это превыше моего пониманья,
Как расточает все свои дарованья?
Но лучше б чудные фрески снова писал,
А не все кольца бы на деревьях считал.
И в науках теперь проявляет рвенье,
Но не может порой завершить творенья.
Так хочет всё ж он, чтобы ему подражали,
Всегда нравуоченья его – постигали. –
Композиции гения скульптор изучал,
И пока ведь влиянья его не избежал.
Джованни-кардинал тут всё быстро пояснил,
Как он к ним Леонардо да Винчи пригласил
И ему условия для работы создал;
О творцах лишь радостно и с любовью сказал:
– Ты, Леонардо, Рафаэль – величайшие;
Ценит Земля Вас за таланты редчайшие.
А мы, Ваши друзья, гордимся все Вами,
Так хочу я, чтоб Вы всё ж стали друзьями. –

И тут появляется сам Леонардо;
Уже постарел, а одет так нарядно.
Встрече этой здесь оба гения рады;
Но тотчас Леонардо молвил с досадой:
– Ведь я долго изучал Сикстинский плафон,
Анатомией фигур в нём – был удивлён;
Все они на фреске очень совершенны.
Подражать Вам робко будут несомненно.
В анатомии дерзко ясности добились;
Никому торжества такие и не снились.
Вы сами же сумели себя превзойти.
Видать, в искусстве дивном другим нет пути. –

И молча у окна Микеланджело стоял.
«Неужто я подавлен?» – сейчас осознавал.

Гостей всех Леонардо теперь развлекает,
Он им изобретенья свои представляет.
Ведь тут самоходные ходят игрушки,
Летают кругом надувные зверюшки.
– И кому же нужна вся эта потеха?
Всё сверх меры, а дальше некуда ехать, –
Проворчал ваятель, всё начало злить.
И домой рванулся, чтоб мрамор рубить.

4

Риме старцем скончался зодчий Браманте,
Папа Лев оценил его все таланты.
Стены Собора уже возводили,
Строить Сангалло сюда пригласили.
Так рад был Микеланджело встретиться с ним;
Джулиано занялся вновь делом своим:
– Друг мой, жить мне осталось очень немного,
В архитектуре будь же верной подмогой. –
– Помогать Рафаэль, конечно же, станет,
Ведь ремонтом Собора ныне он занят.
Но хочу я лишь только скульптуры ваять. –
Также с жаром здесь трудится мастер опять.

Написала вдруг письмо творцу Контессина,
Она срочно в нём прийти его попросила.
Недавно лишь заболела так тяжело,
Её знобило, хотя тут было тепло.
Здесь у постели старый друг грустно сидел,
Он ей в глаза горящие нежно глядел.
На лице её слёзы сейчас увидал,
Долго тонкую, бледную руку держал.

– Теперь, Микельаньоло, жизнь вспоминаю.
Она не повторится, это я знаю.
Первый раз так ведь в Садах я спросила:
«Яростно рубишь! Откуда же сила?» –

– А тогда тебе ответил: «Так бывает.
Если камень рубишь – сила прибывает». –
И прошлое снова вспомнила она:
– Была тобой сразу я – восхищена.
Все тогда ведь думали, что умру я.
Но один сумел подбодрить ты меня.
Как нежен ты и добрый. Горжусь я тобой. –
Щеки её он с лаской коснулся рукой:
– Я только тебя, Контессина, любил;
Тобой вдохновлённый, упорно творил. –
– И я тебя люблю. Умираю. Прощай.
Ты, как друзей, детей моих не забывай. –
Она закашлялась и отвернулась,
А у него враз – слеза навернулась...
Он смертью Контессины был потрясён...
С печалью лишь в работу вновь погружён.

А отец его плакался, денег всё ждал;
Их, как в бочку бездонную, сын отсылал:
«... Не даёте работать, так сварливы.
Почему же ко мне несправедливы?»

Его братья отцу – порою грубили;
Микеланджело письма строгими были:
«...Изведал я столько нужды и лишений,
Вновь не причиняйте же мне огорчений...»
Снова нынче во власти творений своих,
Для него самых близких трудов дорогих.

А про доброту ваятеля знали;
Родные, конечно, вечно считали,
Чтобы тот всегда им во всём – помогал,
Только бы для них капитал наживал.

«...Пришпоривать всё же коня не годится,
Когда он, что есть мочи, резво вновь мчится.

Деньгами ведь сорить – грех очень большой», –
Лишь так Буонаррото-брату пишет домой.

Недавно вдруг скончался тут зодчий Сангалло,
Надёжного наставника, друга – не стало.
Постройку всю Храма Рафаэль продолжал,
Ведь в Риме он главным архитектором стал.

А ваятелю труд – всегда утешенье,
Только в нём обретал задор, вдохновенье.
Гробницей Юлия вновь занимался,
Набрать помощников здесь постарался.
Моисей предстал так, словно бы живой;
С бородой могучей; сильный, волевой.
Святой на весь мир пронзительно глядит;
Ведь кажется, что тотчас – заговорит.
И пленников двух творец вырубает,
Свои все утраты в них выражает.
Один со смертью борется упорно,
А Раб другой – смиряется покорно.
Всю жизнь Контессины представил ясней,
Но с детства ведь знал, что ему не быть с ней.
Была на земле – радость он ощущал,
Сознанием этого дух укреплял.

И, как одержимый, наш мастер трудился;
Ведь с камнем белейшим на век подружился.
Всё ж делал рисунки сперва Победителей.
Победу творил всё смелей и решительней;
Ему и подручные здесь помогали,
Детали гробницы лишь с ним создавали.

А папа Лев Десятый вернулся вновь в Рим,
Тогда Буонарроти тут встретился с ним.
Лев ему сказал: «Во Флоренции был,
И твоих родных всех я там навестил».

Папа для Лодовико придворный сан дал,
Во дворянство который так путь открывал.

Было искусство для Льва большою отрадой,
Джулио снова же тут находится рядом.
А коллекций камней, что здесь смотрят, не счесть;
Но всё ж папу намерен ваятель отвлечь:
– Мой святой отец, Вы так великодушны. –
И промолвил Лев на это добродушно:
Принадлежишь давно ты к нашему дому,
Не посвящай себя вновь делу иному.
Только время зря на саркофаг не теряй,
А от Медичи ныне заказ получай. –

– Гробницу для Юлия делать намерен,
Иначе преследовать будут Ровере. –
– Дадим мы тебе величайший заказ;
Работай теперь же ты только на нас. –

И Джулио тоже вмешался в разговор:
– Ровере с противником шли на уговор. –
– Но есть договор! Я Вам обещаю,
Что через два года труд завершаю. –
Папа Лев от гнева тотчас покраснел:
– Ну и как же нам возражать ты посмел?
Нет! Тебе никаких двух лет не дадим.
И работай на нас. Лишь так мы хотим! –
Вскоре папа смягчился и поостыл:
– Ведь всегда же и нашим другом ты был.
Украсть лишь фасад весь церкви родовой;
Хотел так Лоренцо, папа мой родной.
Быстро от нападков тебя защитим,
Мы же твой договор с Ровере продлим. –

– Ведь этот фасад – огромное дело. –
– Мне спорить с тобой уже надоело.

А сейчас в Каррару быстрее поезжай,
Для фасада мрамор ты там выбирай! –
Скульптор поник. С ним жестоко вопрос решён.
И возражать уже больше не может он.

5

Тром мастер вновь взял узелочек с едой
И направился сразу в Каррару тропой.
С рабочими мрамор для колонн добывал,
Но лучшие глыбы – для скульптур оставлял.
И рубил он также блоки здесь для фасада;
Но творца теперь тревожит снова досада:
«Нутро моё точит гробница Юлия.
Её всё же нынче ваять смогу ли я?»
Видать, пока сам папа Лев в Ватикане,
То на него трудиться мастер наш станет.

Омрачён был также и вестью неожиданной –
Ведь скончался друг, кардинал Джулиано.
Умело Флоренцией он управлял,
Но папа его срочно в Рим отозвал;
Джулиано отбыл; сразу рухнул Совет;
И республики ныне в помине там нет.

Скульптор узнал вновь вести беспокойные;
Братья все и отец, им недовольные,
Лишь требуют, как прежде, денег опять;
Не могут свой азарт к растратам унять.
Снова о Лодовико много забот;
Ведь сварлив он стал, часто жалобы шлёт.
Брат Буонаррото недавно женился,
В доме же отцовском с женой поселился.
Ваятель пишет брату в письме небольшом:
«... Да будем так молиться теперь мы о том,
Чтоб предобрая твоя Бартоломея
Даровать лишь сыновей бы всё ж сумела.

Продолжите славный и древний наш род.
Я верю, его не забудет народ».

Вспомнил он, как у церкви с Лоренцо стоял,
Тот её видеть только прекрасной желал:
«Создать нам фасад – тебе цель поставили
И пусть же предстанет чудом Италии».
Но будто двадцать пять лет с тех пор не прожил,
Ведь словно с ним так недавно друг говорил.
И здесь ваятель чертил фасад за фасадом:
«Великолепному были все бы отрадой».

И теперь же творец приезжает вновь в Рим
С нарисованным новым проектом своим.
Ведь так папа Лев ласково молвил: – Сын мой,
Удовольствие видеться мне тут с тобой. –
Здесь мастер рисунки быстрее разложил,
Подробно и замысел свой изложил.
Башней два яруса тут завершены,
В нишах фигуры святых размещены.
И мощных три портала во храм ведут;
Им пластика, декор красоту дают.
Этот фасад церкви папа Лев одобрял.
– Что ж, мы согласны с тобою, – он так сказал.
Также и Джулио начал всё ж говорить:
– Место добычи вновь надо нам изменить,
В Пьетрасанте придётся мрамор весь брать;
Самый лучший он в мире, должен сказать. –
– Слышал. Но туда дорогу не пробили,
Хоть и сотни лет попытки эти были. –
– Так, значит, все древние плохо старались. –
И папа сказал: – Мы с Каррарой расстались.
А люди все там – бунтари, к сожаленью,
Они не пошли ведь в Рим для соглашения. –
– Но, мой святой отец, могу утверждать,
Что мрамор с тех мест свыше сил добывать. –

– Поедешь и скажешь, как всё обстоит. –
Ваятель ни слова тут – не говорит.

6

И сразу же в Карраре мрамор покупал,
А Льва пожеланья пока – не выполнял.
Дошли об этом до папы все вести,
И скульптор – на Пьетрасанте, на месте;
Над округой гора возвышается,
Альтиссимой она называется;
Побольше полутора вёрст высотой,
Белейший лишь мрамор стоит в ней стеной.
До вершины с мальчиком быстро добрался,
Совершенным камнем вверху любовался.
Скульптора огнём обжигало желанье
Смело бой начать с горой – на испытанье,
В созданье природы вонзить свой резец.
Решил твёрдо в битву вступить наконец.

И мастер в Каррару вновь приезжает,
Его Сансовино там ожидает,
Который творил для фасада свой фриз,
По просьбе Льва-папы исполнил эскиз.
И когда про новость ваятель узнал,
То уже спокойно он сразу сказал:
– Всё же в помощниках я не нуждаюсь,
Ныне фриз выполнить сам собираюсь. –

Но Буонарроти в ту ночь не поспал,
Только ведь проект вновь его волновал:
«И почему ж я не сделал модели?
Будут, видать, неприятности в деле.
Отчего же к работе – не приступил?
Понапрасну себя теперь обольстил».
Он суетился, мрамор опять закупал...
Попусту время даже порою терял.

Едет вскоре домой, на землю родную;
Слышал с радостью там про новость благою:
Ведь в семье Буонаррото дочка родилась,
Ей, Франческою, мамаша сильно гордилась.

Фасад церкви мастер красиво решает,
Из дерева быстро модель завершает:
И снова папа Лев требовал из Рима:
«... Начать работы тебе – необходимо».

А отец Лодовико часто ворчал
И ваятеля этим вновь раздражал:
– Вы, отец, перестаньте же вечно ворчать.
Почему придираетесь ныне опять? –
Так Лодовико обидело это,
Что он из дома ушёл до рассвета.
В жалобах погряз, врал близким и знакомым:
– Выгнал всё ж мой сын из собственного дома. –

И вновь скульптор письмо отцу написал:
«Из любви же к Вам я всегда лишь страдал.
Вынес все трудности, также лишенья,
Тридцать лет долгих пытали терпенье.
Помыслы все мои лишь к Вашему благу.
Но для чего черните? Нет уже сладу.
Так не было, но готов себя винить.
Как грешника, всё ж прошу меня простить».
Домой Лодовико теперь возвратился,
Он сына простил, очень долго молился.

А Граначчи, встретив друга, рассказал,
Что большой картон Купальщики пропал:
– Кусками резали его, растащили.
Скульптуру Юлия в Болонье разбили. –
Потерями теми творец огорчился;
Стал очень печальным, покоя – лишился.

«И лишь Бикьеллини мне может помочь,
Хотя и с постели ему встать невмочь».
– А на жизнь философски всё ж надо смотреть;
Всё единым и целым представить, заметить.
Ведь жизнь – не череда разрозненных событий:
Периодов мрачных, ярких всех открытий.
Лишь из предыдущего любое идёт,
Новое всегда к нам непременно придёт. –
Здесь вскоре скончался монах Бикьеллини;
И друга большого не стало отныне.
А настоятель святым для скульптора был.
Нынче награду на небе он заслужил.
С головой непокрытой мастер стоял;
Беспросветнейший ад в горах поджидал.

Сил не жалел, создал проект свой серьёзный,
На нём представлен был фасад грандиозный.
А помощник в модели его исказил,
Все скульптуры да башни в ней – не поместил.
Папа Лев выдаёт на фасад предписание:
«Сорок тысяч дукатов за труд и старанье».
Всю постройку на восемь лет намечали;
А жилище бесплатно мастеру дали.
Только его святейшество очень желал,
Чтоб с Пьетрасанты скульптор все мраморы брал.

**Илл. 39,
стр. 465.**

Зовёт опять ваятеля Каррара;
И не предвидел ныне там удара.
Каррарцы всю площадь здесь заполняли,
И скульптора лишь они поджидали.
А в толпе этой дикой кричат: – Баламут! –
Кулаками ему угрожают все тут.
Ведь знали, что мрамор не будет он брать,
Всё ж на Пьетрасанте начнёт добывать.
И все камнеломы лишатся работы,
Появятся скоро вновь тяжки заботы.

Скульптор быстро стал гневной толпе говорить:
– Папа мне приказал в Пьетрасанте рубить,
Хоть трудно прокладывать эту дорогу;
Но камня у Вас всё ж закупим мы много... –
Толпа не умолкла тут, не унялась:
– Ты прихвостень папы! Там продал всех нас! –

А свору ту мастер не может унять,
В него все камнями стали кидать.
Сразу скульптору камень в лоб угодил,
Всё лицо его кровью быстро залил.
– Хватит! Мы пустили кровь, – люди кричат.
Видят – мастер ранен, и здесь – все молчат.
Толпа поредела, скрылась вся вскоре.
Остался один в обиде и в горе.
За голову он схватился руками:
«Впервые в меня кидали камнями».

7

Кардинал Джулио вновь ему сообщал,
Чтоб и впредь мрамор творец всю добывал
Для церкви Лоренцо, на фасады её,
А после – и на ремонт Собора ещё;
Также для строения редчайшего –
В древнем Риме Храма величайшего.

И ваятель решил камнеломов искать,
В Пьетрасанте лишь мрамор быстрее добывать.
Но ему в горах был устроен бойкот,
И теперь работать никто не идёт.
К друзьям Тополино осталось сходить:
«Они то мне смогут в делах пособить».
Младший из братьев тогда согласился,
Так Микеланджело вновь подбодрился.
Рабочих потом всё ж с трудом отыскали
И в горы артелью тотчас отбывали.

Но камнеломов найти не сумели,
Скульпторы и камнерезы – в артели.
Сам папа для них интенданта назначил,
Тут он выполнял по снабженью задачи.

Гору подробно они изучают,
К добыче мрамора здесь приступают.
Сперва же пробы, оплошности были,
Но камень первый, прекрасный добыли.
И вот дорожный мастер к ним приезжает,
Упрямство, твёрдость сразу он проявляет:
– А цель ведь мне дана – заказ выпонять,
Лишь до горы дорогу всю пролагать. –
Поразмыслил скульптор и молвил строго:
– Мне на гору нынче нужна дорога!
Но всё ж мрамор буду с неё увозить,
А тут я подряд Ваш не дам воплотить. –

8

Микеланджело с ним здесь же расстался,
Так ненадолго с собой сам оставался:
«Я – скульптор. И об этом всем мог бы сказать;
Дорожник – не мой промысел. Надо ль кричать?»
И стать инженером – его ведь желанье.
Но как, у кого же найдёт пониманье?
Груз тяжкий на плечи всё ж он хочет взвалить,
Дорогу сверхсложную решил прорубить
Через болота в диких, дремучих местах,
В зарослях тёмных и неприступных горах.
Ваятель ведь знал: проведёт путь труднейший,
Добыть вскоре сможет лишь мрамор белейший.

Трассу на карте уже прочертил,
Старый просёлок в неё тут включил.
Реки, ущелья теперь обойдёт
И без сомненья тоннели пробьёт.

Здесь и решил дорогу – тотчас пролагать,
А из горы той мрамор – быстрее добывать.

«Ведь сам я должен построить дорогу,
Хотя затратчу усилий всех много».
Но взялся он делать на свой риск и страх
Лишь тут до восьми километров в горах
Всю ту трассу так сложную, трудную
И ему же, и папе Льву – нужную.

Весь путь этот сейчас в горах прорубали,
А болота камнями здесь засыпали.
Так шла прокладка вся быстро и смело,
Но интендант всё ж вмешался тут в дело.
Требует вдруг работы все прекратить:
– Денег нет у меня, чтоб людям платить. –
Строительство ваятель не прекращал,
Ведь деньги все свои рабочим отдал.

И день каждый творец во всём успеваает,
За прокладкой дороги сам наблюдает.
На добыче мрамора смог он бывать,
Свои указания рабочим давать.
Его ведь всё и везде беспокоит,
Тут и другим не даёт он покоя.
Мастер унывающим не был ни разу,
В деле вновь горит, хочет всеми быть сразу:
Разнорабочим и руководителем,
То инженером, также и строителем,
И каменотёсом, и камнеломом,
Даже подмастерьем и экономом...

А делу любому с душой отдавался,
Порой и сомненьями сильно терзался.
Но к цели своей вновь упорно стремился,
Всегда лишь, как каторжный, мастер трудился.

о дожди проливные стали тут лить –
Все работы в горах пришлось прекратить.
Скульптор прибыл во Флоренцию родную,
Сразу там себе стал строить мастерскую.
Проявил в труде деловитость опять,
Стал постройку дома он сам возглавлять.

Уже в Пьетрасанту вновь прибывает,
Прокладку дороги там завершает.
И в скалах последние тоннели
Пробить всё ж строители сумели;
Дорогу в гору они проложили,
Тут блоки первые камня добыли.

На верёвках вскоре все опускали,
Вниз, в лощину, на катках продвигали.
Потом на телеги камни грузили
И к берегу на волах их возили.
Но уже начнут колонны все вскоре
Отправлять на барках в синее море.
Здесь новшество скульптор решил применить:
Системой колец мрамор весь охватить;
Но лопнули кольца, блок вниз устремился,
В ущелье крутом весь он сразу разбился.
Артель там от гибели чудом спаслась,
Весть о неудаче тотчас разнеслась.

Вредительство в этом враз усмотрели –
Плохое железо было ведь в деле.
И в Ватикане все новость узнали –
А Микеланджело с гор отозвали;
Мастер теперь десятником был заменён,
Послан сюда властями Флоренции он.
Опечаленным скульптор с тех гор уезжал,
Где прекрасные мраморы все – вырубал.

И добывать там не стали камень чудесный,
Так изумительно чистый и белоснежный.

10

Неприветливо встретил и город родной;
Изменился к плохому, совсем стал другой.

Во Флоренции Джулио снова живёт,
И ваятель к нему во дворец тут идёт;
Власть в городе ведь он, кардинал, возглавлял,
Сюда и сам папа Лев его направлял.
Расточительность папы людям известна –
Так казна вся пустеет вновь повсеместно.
Но на Флоренцию это влияет,
Везде строительство он прекращает.

Опять пред кардиналом мастер стоит,
Ему тот лишь сурово здесь говорит:
– Все работы решили мы прекратить,
Всё ж не будем фасад теперь возводить. –
Скульптор бледен, не сказал он ни слова,
Но продолжил всё же Джулио снова:
– Пол отремонтировать в нашем Соборе
Будет уже цех шерстяников вскоре.
Они и Собор ныне деньги платили,
Чтоб Вы всю дорогу быстрее проложили.
Твоими камнями тут – распорядятся,
Они на ремонт в Соборе – пригодятся. –
В состоянье такое ваятель наш впал,
Кардинал словно сам здесь его в грязь втоптал:
– Вам вырублены камни бесценные мной,
Прекраснее не добыл никто ведь другой.
Значит, ими полы Вы устилаете!
Но зачем же меня так унижаете? –
– Мрамор есть мрамор; в нём нужда нынче есть,
Мы на ремонт отправим камень тот весь, –

Безразлично Джулио всё же ответил;
На стене портрет вдруг ваятель заметил.
С него Великолепный сейчас наблюдал
И взглядом как бы – мастера здесь поддержал,
Который о Лоренцо помнил спокон,
Воспитан им достойно, был оценён.
Успокоился гений так, дрожь враз унял,
Говорить всё уверенней он продолжал:
– Да, папа Лев и Вы довольными стали,
Когда вновь от гробницы той – оторвали.
К работе над фасадом тут пригласили,
А после от неё же – и отстранили.
Заставили в горах Вы сделать дорогу;
Но трудных, лишь как эта, в мире немного.
И нужна она, чтоб полы застилать.
Почему же смеете так обижать?
В делах огромный ущерб причинили
И мне за многое – не заплатили.
За три года не дали взять мой резец
И меня здесь всего лишили вконец.
Не хочу обо всём я Вам говорить,
Но зачем же мне душу вновь бередить.
И только ведь нужно в нынешнем веке –
Хочу я свободным быть человеком! –

Скульптора упрёки слушал тут кардинал,
Он побагровел, но тихо всё же сказал:
– А святой отец это сам разберёт,
Лишь когда и время к тому подойдёт. –

Глава 9

Защита Флоренции

1

Но ведь не поддался Титан сокрушенью,
В работе находит теперь утешенье.
Отраду мастерская вновь доставляла,
Все силы на искусство здесь направляла.
А вдоль стен – мрамора блоки стояли,
Уединенье его охраняли.

Метелло Вари в Риме заказ подписал,
Чтоб гений всё ж быстрее Христа изваял.
Его показать всем воскресшим ведь надо,
Но это для скульптора – только досада:
«Иисуса живым представляю всегда,
И не смог бы ведь Он умереть никогда.
И кто же Его может жизни лишить?
Жить Божьему Сыну в веках предстоит».
Но сперва исполнил рисунки Его,
Удались модели из глины легко.
Творца лишь свой мрамор теперь привлекает,
Три года печальных уже забывает.
Герой наш трудился, словно одержимый,
Ваяет вновь с быстротой неумолимой.
Здесь Христос стоит мужественный, стройный;
Он глядит на мир благостно, спокойно:
«В доброту Бога веры не теряйте,
Вы о ближнем своём – не забывайте.
Муки за Вас терпел, для Вас Я и жил.
Поднял ведь Крест свой тяжкий. И победил.

У людей всех Земли Я усилил веру.
Так и следуйте Вы моему примеру.
И смогут Вас тоже крестом осенить;
Пройдёт принужденье, любви вечно быть».
В о с к р е с ш и й Х р и с т о с тут в скульптуре предстал,
О н Крест свой тяжёлый достойно держал. **Илл. 40,
стр. 466.**

У мастера ныне о родных заботы:
Ведь там оскудели от земель доходы,
В лавках все братья дела лишь плохо ведут,
Деньги отцу на лечение вновь отдают.

Вновь скульптор трудился один в мастерской;
Искал в изваяньях душевный покой.
Чем упорней от мира он отстранялся,
Тем всё больше, ясней лишь в том убеждался,
Что и беспокойства, и переживанья –
Обычные для людей всех состоянья.

Человечество ныне с печалью узнало:
Ведь творца Леонардо да Винчи не стало.
Из Флоренции гений выдворен был,
Он во Франции, на чужбине, почил.
«Сант Рафаэль – здесь больной постоянно», –
Пишет так о том ученик Себастьяно.
И огорчили тут ваятеля вести;
Чтоб успокоиться, с Граначчи он вместе
В Общество Горшка на обед вновь идёт,
Только среди друзей утешенье найдёт.

Граначчи наследство теперь получил,
С женой и детишками счастливо жил.
А друг Буонарроти его укорял:
– Талант свой почему же ты сам закопал? –
– Обязан я род мой древнейший продлить,
Наследство своё для детей сохранить.

Ещё хочу в жизни любых наслаждений,
Чтоб не было горьких потом сожалений. –
И мастер ответил на доводы эти:
– Ваять камень – лучшее дело на свете!
А если красоту не сумею воспеть,
То буду я действительно лишь сожалеть. –

Аньоло Дони вдруг встретился в пути,
Ведь он смог в Общество хитростью войти.
Микеланджело сразу вспомнил былое,
Как написал и Семейство Святое.
Но Дони забавно ведь он наказал,
И как друг сам деньги ему всё ж отдал.
А слава скульптора всё возрастала,
О дружбе их говорили немало.
Рождались легенды про эту дружбу;
И Дони считал: «Убедить всех нужно,
Как отчаянно в детстве в мяч с ним играли,
Даже лучшую пару мы составляли;
А к искусству дружка давно поощрял,
Я и в доме его частенько бывал».
Видать, уверовал сам в небылицы,
Уже пятнадцать лет это всё длится.

Байки в Обществе ныне Дони вновь плетёт,
Как он с другом пробрался через чёрный ход,
Там свечой во дворце стену сам освещал,
А приятель всю фреску тайком срисовал.
Молвил Граначчи так, подмигнув всё ж потом:
– Микельаньоло, был ли страх? Вспомни о том.
Но таким необычным всё ж случай тот был!
Почему же ты, друг, о нём—не говорил? –
И лишь улыбнулся ваятель вяло,
Так для него это забавным стало.
«И кричать ведь на Дони мог. Но для чего?
Здесь смогу и лжецом называть я его.

Мне для чего ж его тотчас разоблачать?
С радостью пусть продолжит дружбу восхвалять», –
Ведь Микеланджело думал так, но промолчал,
На побасёнки все эти сердиться не стал.

Но летит время. Творчеству скульптор верен;
Ни на что отвлекаться он не намерен.
Стоят тут четыре огромнейших блока;
И мастеру с ними – вновь не одиноко.
Теперь всех Пленников сразу ваяет,
В едином замысле их представляет.
И здесь видит скульптур очертания,
Их всю силу, борьбу и страдания.

А Юный Пленник весь в устремлениях, **Илл. 41,**
Ведь он добьётся освобождения; **стр. 467.**

И в себя верит этот Раб Молодой,
Предстоит ему в жизни путь весь большой.
Другой могучий Раб пробуждается,
Порвать свои оковы старается.

Илл. 42,
стр. 467.

И в расцвете разума, силы Атлант,
На плечах Планету удержит Гигант.

Илл. 43,
стр. 468.

Бородатый Раб – старый и одинокий,
Покидает уже мир этот жестокий.

Илл. 44,
стр. 468.

Ваятель, словно Бог, вне времени жил;
Свой мрамор резал и точил, и рубил.
И в муках адских Рабы-полубоги
Из плена глыб пробивали дороги.
Вечерами же мастер стал уставать,
И в одежде ложился он на кровать.
Всё ж часа через два творец просыпался,
Снова же бодрым тут за труд принимался.
Сразу свой шлем со свечой опять одевал,
Часто ночами Титан ваять продолжал.
Тогда вырубал здесь с новою силой,
Пока вновь усталость с ног не косила.

И когда среди своих Гигантов стоял,
То в сравнении с ними очень был мал.
Но ведь все они перед ним преклонялись
И силе, и воле его покорялись.
А Пленники начали теперь оживать,
Большой саркофаг папы хотят поддержать.

Ныне живёт опять и Джулио тут, в Риме;
Он, кардинал, и папа Лев – неумолимы.
Но только ничуть не смущаются тем,
Что тот договор отменили совсем
И построить церкви фасад – не хотят,
А к себе творца вновь ваять пригласят.
Просьба сразу ему сообщается,
Он на это им – не откликается.
А кардинал и с ним папа замыслили
Быстро построить для предков сакристию⁹⁶ ;
В здании том гробницы хотят водрузить,
Прахи отцов своих лишь туда – поместить;
Ведь о них, о Лоренцо и Джулиано,
Кардинал, папа Лев скорбят постоянно.

В ризнице⁹⁷ раньше лишь стены возводили,
Эту работу уже – возобновили.
А скульптору пишет Себастьяно сейчас:
«Упорны все Медичи! Им делай заказ».
Ими обижен мастер, ваять им не стал,
Для саркофага нынче Рабов высекал:
«Гиганты преследуют, словно бы тени;
И многие годы с тех пор пролетели,
Когда я рьяно скульптуры стал вырубать,
Но не закончил; злой рок мешает, видать».
И реальная жизнь вся – это ваянье,
На Рабов он направил снова вниманье.
Ваятель живёт только тяжким трудом;
Порой забывает родительский дом.

Здесь брат Буонаррото вдруг появился,
Уже там у него второй сын родился;
Назвал Лионардо он в память брата;
А в голосе даже теперь досада:
– Но почему ты у нас не бываешь?
И по семье, и друзьям не скучаешь? –
– Тут Гиганты все эти – мои друзья.
Всё на свете забыл ведь вновь с ними я. –

О смерти Рафаэля весть вскоре пришла,
Она Буонарроти тотчас потрясла:
«И как мало дано человеку пожить,
Но ещё меньше сроки, чтоб дело творить».
Ваятель печальным, уставшим здесь был,
На Пленников силы свои истощил.

О Великолепном вновь стал вспоминать:
«Должен саркофаг я ему изваять».
И сейчас опять защемило сердце:
«Ну и кем бы я тут был без Лоренцо?
У него я искусство в Садах изучал,
Там мне скульптор Бертольдо – талант развивал.
Для меня здесь на подлом, жестоком свете
Ведь счастливые самые годы – эти».

И пишет из Рима вновь Себастьяно:
«Тут молвит всё ж папа мне постоянно,
Что Вы неистовы оба бываете,
Многих и даже его там пугаете».
Ведь уже другой папа теперь обвинял,
Что всегда лишь ваятель ему страх внушал.

«Но если правдою это считают там,
То каждый к ней же бывает причиной сам», –
Так сетует творец на те обвиненья.
Развеял Себастьяно вскоре волненья:

«Если трепет Вы даже и внушаете им,
То его вызываете искусством своим.
А Вы величайший мастер в мире всех лет,
Нигде таковых на свете – не было, нет».

Скульптуры гробницы Титан завершал,
Семейству Ровере о том сообщал.
«На Медичи придётся трудиться сейчас;
От церкви отлучат, и не ровен ведь час.
Но я не могу безработным тут быть,
Мне надо отца и всех братьев кормить».

2

Ватикана давленье вновь ощутил,
Наконец то он сдался и уступил.
Оглядел на месте быстро капеллу
И направил силы к новому делу.
Кладку стен зданья уже завершают,
Купол здесь строить сейчас начинают.

А ныне же скульптор вновь план начертил,
И как архитектор его он решил.
Эти эскизы все разными были,
Джулио с папой – свои предложили.
И, получив от них снова совет,
Вычертил мастер свой новый проект.
У стен саркофаги там места обретут
И рядом, друг против друга, их возведут.
И лишь Ночь и День – установят на одном,
А Утро и Вечер тут – после на другом.
Ведь аллегии в этих скульптурах –
В тех двух мужских и двух женских фигурах.
В глубоком раздумье они полулежат,
Умом, красотой, силой, волей – покорят.
Ваять для ниш их творец продолжает
И младшим Медичи все посвящает.

Богоматерь с Малышом теперь рисовал,
Им напротив алтаря места намечал.
Пришёл Джулио, снова домой всё ж влекло,
О проекте сейчас отозвался тепло.
Хотел дать и деньги быстрее для работ,
Но даже задаток пока не даёт.

Вновь папа Лев выезжал на охоту,
Простыл всё ж осенью там в непогоду;
И в Ватикане папа вскоре скончался.
Скульптору часто юным он вспоминался...
А с Микеланджело на охоте бывал;
После, став папой, заботу вновь проявлял.

И Адриана папой в Риме избрали,
Джулио сразу здесь – отныне в опале.
Правление всё Льва Адриан осуждал.
Наследников Ровере – уже поддержал;
Ныне на Микеланджело подали в суд,
На продленье работы они не пойдут;
А Юлия гробницу не надобно им.
– И пусть же нам все деньги вернёт, так хотим, –
Так наследники Ровере сказали;
И вятеля тут в суд вызывали.
Друзья все лишь взволнованы делом таким:
Хотят с ним поделиться богатством своим,
Поехать и за помощью, может быть, в Рим.

Почувствовал мастер надежд сокрушенье:
«Но как же я нынче стерплю униженье?
Семнадцать лет ведь уже миновало,
Когда лишь было работы начало.
Папа Юлий меня всё ж сам отвлекал,
Над гробницей всегда работать мешал.
Скульптуру ему я в Болонье отлил,
Писать фреску после – меня попросил.

И мрамор папа Лев послал добывать,
Дорогу трудную в горах пролагать,
Мне велел над фасадом потрудиться,
Будет нужной для Медичи гробница.
А Ровере тут до нитки нас разорят,
Всех при новом папе – и работы лишат».

Мастер нервно дрожал весь в горе глубоком;
Как помешанный, он бродил одиноко.
Ныне спал мало, есть порой забывал,
В трудные все дни – Бога вновь вспоминал:
«О, Господи! Чем же погневил Тебя?
Покинут Тобою. Клянусь я себя.
Но зачем мне круги все Дантова ада?
И сперва умереть ведь – тут для них надо».

Думал о Данте великом опять,
Дерзко стих новый о нём стал писать:

*«...Прошёл он двери Ада невредим,
перед Данте открывались двери Бога.
Но люди, рассуждавшие убого,
дверь родины захлопнули перед ним.
О родина, была ты близорука,
когда казнила лучших сыновей,
себе готовя худшую из казней.
Всегда ужасна с родиной разлука.
Но не было изгнания подлея,
как песнопевца не было прекрасней!»*

Вновь он спросил теперь друга Граначчи:
– И почему у меня неудачи?
Так чего ж не хватает? Как же мне жить? –
Сразу скульптора тот сумел подбодрить:
– Талантом лишь истинным – не обделён,
Активен и к целям благим устремлён.

Даже и годы твои молодые,
Переживёшь времена все плохие. –

Адриан хотя энергичен всё ж был,
Но земной путь вскоре старик завершил.
Весь день кардиналы тут заседали
И Джулио новым папой избрали,
Климентом Седьмым его же назвали.
Надо подумать лишь – Медичи опять
Ведь предстоит в Ватикане восседать!

Илл. 45,
стр. 469.

3

Подал папа Климент ваятелю весть,
Этим он оказал огромную честь.
Пожизненно пенсию сразу назначил,
А также желал вновь в искусстве удачи.
Скульптору дал мастерскую, каменный дом;
Даже сумел отстоять его пред судом.
И Юлия гробницу – просил он завершить,
Всё же и в часовне труды – возобновить.

Мастер и в капелле синтез применил,
С зодчеством ваянье тут объединил.
Скульптуры Утро, День, Вечер, Ночь создавал,
Для знатных Медичи смело, с чувством ваял.
Пусть будут вечно они напоминать:
«Даётся людям жизнь, чтобы им страдать».

Встречен тысяча пятьсот двадцать пятый год;
А искусство же всё – радость творцу несёт.
Ему ведь исполнилось пять десятков лет;
И здесь Лодовико позвал гостей в обед.
А дел впереди предстояло немало,
Ведь осень всей жизни уже наступала.

Илл. 46,
стр. 470.

И скульптор вновь ваял, лепил, рисовал;
Всегда лишь только труд он счастьем считал.

Быстро проект капеллы – опять прочертил,
Стены и купол тут – в чертежах уточнил.
Привлѣк здесь многих внимание сразу;
К нему посыпались нынче заказы.
Снова и сам папа Климент стал наседать,
Чтоб Библиотеку для Медичи создать. **Илл. 47,**
Мастер прежде эскизы тут намечает, **стр. 471;**
Светлый камень в отделке вновь предлагает. **илл. 48,**
стр. 472.

А к Микеланджело вдруг пришѣл ученик,
И в суть работы своей он сразу же вник;
Антонио Мини парня называют;
Его энергичность, силу отмечают.
А ведь был наделѣн сноровкой, умом;
Исполнял всё так быстро и с огоньком.
Бывал паренѣк всё ж порой безмятежным,
Но трудится преданно, очень прилежно.

Джованни Спина – купец и учёный;
Климентом-папой он был – приглашѣнный.
Начнѣт за строительством сам наблюдать,
В снабжении скульптору тут помогать.

А папа к мастеру всё ж – с просьбой опять,
Чтоб здесь нелепого Колосса ваять:
«В колокольню голову ты преврати,
А в руках его – дымоход пропусти».
Над вздорной идеей скульптор смеялся,
Но всё же немного ей занимался:
«В Колоссе я цирюльню могу разместить,
Чтоб улицу творением – там не стеснить».

В часовне мраморы все для гробницы
Рубить лишь дерзко тут мастер стремится:
Утро и Вечер, младого Лоренцо,
Деву Святую Марию с Младенцем.

«Их все с любовью большой изваяю,
Теперь иного я – не представляю».
И скульптуры с теплом всей души исполнял,
Контессину любимую он вспоминал:
«Но будет ли любовь вновь в жизни моей?»
Ведь часто наш ваятель думал о ней.
Взял здесь лист бумаги, стихи сочинял,
Чувства, накипевшие в нём, изливал:

*«У камня в сокровенной глубине
Порой, как верный друг, огонь таится,
С огнём порою камень хочет слиться,
На миг пропав в клокочущей волне.*

*В ней отвердев, окрепнув, как в броне,
Обрести двойную цену, обновиться,
Как та душа, что в силах возвратиться
Из тартара⁹⁸ к небесной вышине.*

*Гляди, меня окутало клубами
В глубинах сердца вспыхнувшее пламя:
Ещё мгновенье – буду прах и дым!*

*Но нет! Огонь и боль мой дух не ранит,
А закалит. Его навек чеканит
Любовь своим чеканом золотым».*

Климент недовольство у всех вызывал,
Когда и в интриги, и в войны вступал;
Ошибки в политике он допустил,
Уже Реформацию вновь осудил.

Самодержец сам кардинал Кортонь
Попирал Флоренции все законы;
В семействе же Медичи был он родом
И с жадностью подати брал с народа.

Но люд раздражён и опять негодовал,
Момента восстания здесь всё ж выжидал.

Ныне армии Римской империи
Всё ж низвергнуть Климента намерены.
Вдруг они направляются быстро на Рим,
Взять Флоренцию могут всем войском своим.
Кортоны-кардинал сразу ночью сбежал
И герцога Урбинского всё ж ожидал.

Флоренция восстала и ликовала;
Теперь же вновь она Республикой стала.
Урбинский, Кортоны с войсками придут –
Им в город лишь тайно врата отпрут.
Дворец Синьории народ защищал,
А конный отряд на него нападал.

Летят в них кресла, столы и посуда.
И вдруг большую скамейку оттуда,
С окна, на Давида кто-то бросает,
На ужас весь этот мастер взирает.

– Берегись! – он громко, с надрывом, кричит;
И как будто мог уклониться Давид.
Но ведь было поздно. Лишь ожиданье.
И скамья упала на изваянье;
Его рука левая вмиг отвалилась,
На площади сразу о камни разбилась.

Рука у творца вдруг тоже заныла.
Гиганта война здесь чуть не сразила,
Но снова он решителен, смел и силен.
Ведь в детище своё наш ваятель влюблён.
И прекратилось всюду движение,
Тихо тут стало в эти мгновения.
– Посторонись! Микеланджело здесь идёт! –
Так на пути его громко кричит народ.

Из толпы сразу два юнца подбежали
И обломки руки Давида собрали.
А это – Росси и Джорджо Вазари тут,
Куски руки в переулок теперь несут.

Слышит творец в ночи в окошко стуки,
Росси, Вазари быстро тянут руки.
И перебивают голосом звонким:
– Мы ведь в сундуке... – – ... там прячем осколки. –
Ваятель на юные лица смотрел
И думал: «Мне выпал нелёгкий удел.
Разве в этом мире хоть что-то спасёшь?
А от войн и хаоса тут не уйдёшь».

4

Вновь орды солдат заполняли весь Рим,
А папа в плену с окруженьем своим.
Наёмники жгут и грабят, убивают;
А церкви, дома, дворцы – опустошают;
И уничтожают искусства творенья.
Город весь постигло сейчас разоренье.
А из статуй лишь бронзовых пушки здесь льют,
Витражи разбивают, картины все рвут.
Из мрамора тут изваянья ломают,
Безжалостно все алтари разрушают.

Но доходят вновь вести римских друзей,
Нынче там невредим его Моисей,
Уцелели Пьета и Сикстинский плафон.
А ваятель в искусство своё погружён.
Хочет город всех Медичи свергнуть опять
И свободной Республику мыслит создать.
Гробницей Юлия мастер занялся,
В часовню Медичи он не являлся:
«Они надо мною ведь, словно бы кара;
И ныне скульптуры мои под ударом».

Народ флорентийский так радуется весте,
Что снова Республика создана здесь.
Тут Никколо Каппони стал власть возглавлять,
Он дела Содерини решил продолжать.
В ряды ополчений теперь набирают,
И смело свободу они защищают.
У счастливых людей всех лучше жизнь стала:
Ведь торговля в расцвете, строят немало.

Рим занят войсками Римской империи,
Они куш большой забрать тут намерены.
Пленный папа Климент своей участи ждёт.
Язва косит врагов и притихший народ.

А французы изгнали немцев всех из Рима;
Контрибуцию ведь платить – необходимо.
Климент французам деньги предлагает,
Но только лишь побег сам намечает.
В купца переодетый там, быстро сбежал,
Он всё ж весте Микеланджело вскоре послал.
И ведь ему обещал во всём помогать,
Если тот будет труды свои продолжать.

Во Флоренции новых событий все ждут
И работать в часовне творцу не дают.
Завершить для Юлия надо гробницу,
Продолжать рубить всех скульптур вереницу.

И высекает ваятель Победу:
«Ну и кому П о б е д и т е л ь нёс беды?»
А под ногой его тут дряхлый с т а р и к;
Ему придал наш мастер жалкий свой лик:
«Не так ли случиться всё ж может порой?
Вся старость отмечена трудной судьбой.
А опыт и ум стариков попирают,
Безжалостно юностью их сокрушают».

**Ил. 49, 50;
стр. 473.**

Младой Победитель наш строен, красив, силён,
Похож ведь так на Кавальери Томмазо он.
Ваятель недавно познакомился с ним,
И станет Томмазо его другом большим.

С приходом тепла здесь чуму вновь poznали,
И тысячи граждан теперь умирали.
Так враз Буонаррото сейчас заболел,
Помочь ведь Микеланджело брату хотел.
– Чума тут. От меня уйди, дорогой. –
– Тебя люблю, не брошу, буду с тобой. –
– И я тебя любил, но лишь в тягость был. –
Микельаньоло губы ему смочил;
К себе положил на колени здесь его,
Всегда им любимого брата своего.

А перед кончиной он улыбнулся;
Но мучился мало... И не проснулся...
Потом завернул брата тут в одеяло;
Его хоронить в зной уже предстояло.
Буонаррото на кладбище сам он тащил,
Выкопал брату могилу, в неё – положил.
А потом кропил мертвеца священник водой;
Закопал ваятель могилу, плёлся домой.
На большом костре сразу сжёт всю одежду,
Кипятком помылся: «Но есть ли надежда?»

Властно в Риме папа Климент укреплялся
И в дела Флоренции снова вмешался;
И армию сразу же на город вёл он –
Свободой Республики сполна раздражён.

А творца в Синьорию вдруг вызывают
И в другую стихию там вовлекают.
Ныне правитель Каппони – решительный,
Всё говорит он ему убедительно:

– Ведь ты же ваятель и камень свой знаешь,
Крепить быстро башни и стены все станешь. –

И мастер яростно взялся за дело,
Так вновь в его руках всё закипело.
Объехал стены да башни все крепостные,
Увидел в них разрушенья очень большие.
Строить намерен башни высокие,
Мыслит прорыть траншеи глубокие.
«А на холме – церковь Сан Миниато,
С неё нам будут видны супостаты.
И укрепить её быстрее – есть резоны,
Ведь колокольня – узел всей обороны».

В Синьории о планах тех рассказал,
Их всю правильность сразу здесь доказал.
Он и многих работать опять заставил;
А строителей, плотников вновь направил
Лишь высокие стены скорей возводить,
Также и камнетёсов – тут камни рубить.

Направлен был начальником всех укреплений;
В Девятку Обороны без всяких сомнений
И в руководство всего ополчения
Избран ваятель здесь – без промедления.

Поздней записал в дневник о тех временах:
«Теперь тут опять я в тяжких, нужных делах.
Себя не мыслил в роли командира,
А так она сейчас – необходима.
Готовлю весь город для долгой защиты.
И вдоль стен уже рвы глубоко прорыты.
Люди камень, кирпич, растворы таскают,
Башни строят и стены все – укрепляют.
Ведь работы ведутся и ночью, и днём;
Всем защитникам пыль и жара – нипочём.

Решал здесь и планы, и делал отчёты,
Приходится мне выполнять и расчёты».

«Но война – не моё ремесло»! – не кричал,
О любимом ваяньи тут – не вспоминал.
В трудный час к людям Флоренция взывала;
Мастеру быть командиром – предстояло.
Показал и в борьбе свои дарованья;
И опять пригодились опыт и знанья.
Творец как инженер здесь себя проявил,
Для этого ведь технику всё ж изучил.
Он вспомнил, как Леонардо тут изобретал,
Всегда, во всём тот талантом ярким обладал.

«Надёжна ль теперь оборона вся с моря?»
Для этого ведь там ваятель был вскоре.
Бастионы в Ареццо, а также в Ливорно,
Цитадели все в Пизе проверил упорно.
Но сразу, вернувшись, к траншеям приступил
И всех землекопов сюда – определил.
У стен, за городом, без сожаленья
Начнут сносить все дома и строенья.

Смотрит мастер вновь укрепленья Феррары –
Ведь его туда же Каппони направил.
Герцог Феррарский секреты все рассказал,
Сразу картину писать творцу заказал.
Но скульптор возразил: – Не те времена.
Сейчас не до искусства. Скоро – война. –

Военачальника вновь назначают
И Мелатестой его называют.
Планов же всех мастера не одобрял,
Тоном ледяным так ему приказал:
– Землекопов тут пока уберите.
А Вы что ли обороны хотите? –

Скульптор злится, ведь противен Мелатеста ему:
«Но назначен всё ж начальником здесь он почему?»

Бастионы все ночью ваятель смотрел.
Натолкнулся на пушки там... И обомлел.
Ведь им надлежало лишь в крепости быть;
И бросился он Мелатесту будить:
– Почему же пушки стоят здесь снаружи? –
– Надзиратель нынче мне вовсе не нужен! –
И военачальник ему вновь кричит:
– Тут ты из навоза лепи кирпичи!–

А Орсини – храбр, он командир здесь другой;
Удивился, скульптора узрев пред собой:
– Какие заботы, друг, навалились?
Лицо всё пылает, Вы изменились. –

Сразу о случившемся мастер сказал,
Так Орсини грустно тогда отмечал:
– Ведь в роду Мелатесты – предатели,
Но всё ж бдительность Вы – не утратили.
Время придёт, и предаст всех нас он. –
А Микеланджело тем удивлён:
– И про это знают все в Синьории?
О том разве там Вы – не говорили? –
– Я пока всего наёмный лишь воин. –
Всё ж ответом скульптор был недоволен.

Он в Синьории – на заседании,
Но не находит тут понимания.
А Каппони ведь ему так стал возражать:
– Дело знаешь – надо стены, рвы укреплять.
Может, ты устал, отдохнуть тебе надо. –
Снова у ваятеля только досада:
– Всё же для чего стены крепит народ,
Если Мелатеста всегда предаёт? –

Здесь на бастионы опять уходил,
На них он так много работ завершил.
Но на душе его очень тревожно:
«И что же тут ещё сделать мне можно?
Предаст Мелатеста скоро: слышал на днях,
Тотчас охватил меня панический страх.
Живу в ожиданьи, что могут схватить.
Но как от напастей себя защитить?
Много теперь людей, ушедших в мир иной.
Косят их голод, страх, болезни, смрад и зной.
Тут я со стен вижу пики, шлемы врагов,
Кругом идёт голова, бежать уж готов».

Где бы ни спросил, но в каждом же месте
Слышал лишь дурное о Мелатесте.
Мастер в мыслях в Синьории снова бывал,
Чтоб сместила власть его, о том умолял;
И, словно воочию, вновь представляет:
Ведь здесь Мелатеста врата открывает.
«Когда же кладку плохую заметил,
То папа Юлий тогда так ответил:
– Ты не зодчий. Не волен ведь обвинять. –
Надо ли тут Каппони мне умолять?
И Мелатеста меня упредил:
– Что ль в обороне Вы здесь командир? – »

Скульптор всё больше врага изучал,
Образно так он уже представлял:
«Пьяные солдаты в городе, тут;
Сразу по пути всё грабят и жгут.
И дворцы, и дома разрушают,
Все творения рвут и ломают».

Метался тут мастер шесть дней и ночей;
И есть забывал, не смыкал ведь очей.
Вновь бродил днём и ночью он, словно в бреду;
В полночь вдруг услышал на свою же беду:

– Мелатеста тебя сегодня убьёт. –
И в тумане его тень чья-то ведёт:
– Так поскорей же иди сейчас ты со мной. –
Мастер плетётся всё ж, словно сам он не свой.

Микеланджело брёл, бежал и скакал;
Ведь от мира всего вновь скрыться желал.
Смог вслед человека Граначчи послать
И другу прощенье начал хлопотать...
Всё ж вернулся в город творец наконец,
Получил здесь сразу прощенье беглец.
Ныне прежний пост свой опять возглавлял,
Стены да бастионы тут укреплял.
Твёрдо у стен тех войска папы стояли,
Долгую осаду они предвещали.

Граначчи при встрече отчитывал друга:
– Пришлось хлопотать за тебя мне ведь туго,
Ещё и слухи тут мне помогали;
Они всё ж жителей всех убеждали,
Что сперва при дворце был во Франции – ты,
Также в Венеции – строил мосты.
Людей заставил вновь гений твой любить,
Звезду лишь надо свою – благодарить.
И что же взбрело? Почему ты сбежал? –
– Так внутренний голос ведь мне указал. –

5

городу двинулся враг до рассвета,
Так полагал и ваятель всё это.
Сразу рано утром начался обстрел,
На него тут бдительно мастер смотрел.
А стрельбы те два часа продолжались,
И стены от ядер здесь разрушались.
Быстро вновь тайным ходом вылез наружу;
Он повреждений много там обнаружил.

Лишь Микеланджело тем озабочен,
Вывел открыто отряды рабочих.
Тут камень таскали, растворы месили,
Стен кладку вели и так всё укрепили.

Только пострадала теперь колокольня;
Если вдруг разрушится, то ведь невольно
Сразу путь в город врагу здесь откроется.
Мастер наш сильно о том беспокоится.

Вечером строителей быстро собрал,
С ними колокольню сейчас укреплял.
Но ведь пока в кладке прочности мало,
Это опять так его волновало.
Скульптора взгляд тут привлёк широкий карниз:
«Если же что-то к нему подвесим мы вниз,
То удары всех ядер можно смягчить,
Прочность стен колокольни так сохранить».

И с командой город скорей обежал,
С нею много шерсти в мешки там собрал.
Мешки подвесили на колокольню,
К рассвету было уже всё спокойно.
Долгонько же враг об этом лишь размышлял,
Но было ведь поздно... Он теперь опоздал.
Тюфяки удары ядер смягчали,
Колокольни стены так защищали.
А до полудня из пушек палили;
Всё бесполезно сейчас... Прекратили.
Творца престиж, конечно, опять возрастал...
Всё ж через много лет безмятежно поспал.

О тех временах вспоминал он порой:
«...В войне я использовал опыт большой.
Пушки на башни стали мы поднимать,
Длительный вражий натиск вновь отражать.

Тюками ночью стены все прикрывали,
Копали рвы, в них порох там насыпали...
Вот так ведь и талант мой служит войне!
Теперь ваятель людям нужен вполне,
Для битвы тут новшества я применял.
И всё ж совершенство бомбардам⁹⁹ придал,
Смастерил лестниц много, мосты наводил;
Крепостей планы все самолично чертил».

Но не прекращались дожди проливные.
Грязь. Пушки молчат. Сникли недруги злые.

И вдруг скульптор вспомнил вновь про обещанье;
Так явилось быстро большое желанье
Герцогу здесь для Феррары картину писать;
Сразу решил её Леда и Лебедь назвать.

В дневнике же теперь записал всё о том:
«Так хотел бы дерзать я в искусстве своём.
Белоснежный Лебедь с Ледой пышной резвится,
А со мной беда ведь ныне может случиться,
Если б об этой картине тут прознали.
Ею дан вызов общественной морали,
Когда город мой в осадном положеньи.
Один лишь люблюсь Ледой с наслажденьем.
Меня ведь увлѣк, как ни странно, тот сюжет,
Но в самый, видать, непредвиденный момент.
Эмоций таких не должно со мной быть;
Пусть даже искусству все – будут служить».

Ночью писал полотно, иногда – и днём;
Технику темперы¹⁰⁰ вновь применяет в нём.
Всю телесную красу творец воспевал,
Раньше чувственный налѣт в ней не создавал.
Нежданно поддался он этой всей власти,
Азартно рисуя любовные страсти.

Так красива женщина... И сладострастна,
А её целует здесь – Лебедь прекрасный.
Так легенду древнюю он рассказал,
Наслажденье творчеством вновь испытал.

Тревоги и волнения шли чередом.
На башнях, парапетах работает днём.
К ночи тайно в часовню стал проникать
И при свете свечи скульптуры ваять.
Одиноким себя он тут не ощущал
И, как старых друзей, изваянья встречал.
Говорил с твореньями всеми своими
И делился щедро здесь мыслями с ними:
«Вечны искусства все, не погибают,
Жизнь человека они продлевают».

А война началась снова весной,
Но она нынче стала вовсе иной.
Враги перерезали весь путь снабженья,
И прибыло новое к ним подкрепление.

А во Флоренции голод начался,
Жителям он бесконечным казался.
И с больным Лодовико – старейшим отцом,
Микеланджело делится хлебным куском.
Тут кошек, собак, ослов люди съедали;
Так быстро запасы воды исчезали.
Летний зной усилился снова неожиданно;
И чума косила беспощадно теперь.

Генерал Ферручи вдруг на помощь пришёл,
И борьбу здесь с войском папы храбро он вёл.
Мелатеста сам врагу ворота открыл,
И всем стало ясно, что предателем был.

Враг людей тут же вешал, многих – в тюрьмы сажал,
Контрибуцию лишь большую властно забрал.

И погибнуть скульптор здесь мог бы невольно,
За рекою спрятался он в колокольне.
«А почему теперь оказался тут ныне?
Я ведь порой страдал от своей же гордыни.
Всегда люблю я искусство всею душой,
Но часто жизнь подчиняю воле чужой.
На век скульптуру с пелёнок я полюбил,
И ей, лишь только одной бы, жизнь посвятил».

Ведь даже к нему и вести доходили,
Что в городе всё правительство казнили.

И вот к нему приехал Джованни Спина,
Его глаза сияют, молчать не в силах.
С трудом на колокольню в шубе поднялся:
– Тут холодно. И как же ты согревался? –
Ему ваятель отвечал: – Негодовал.
А ведь гнев – лучший мой костёр, так здесь узнал. –
– Климент-папа властный всё ж тебя быстро простил,
С тобой благосклонно он обращаться просил.
И ведь сохранит твою пенсию большой,
У церкви тебе возвратит дом с мастерской. –

– Меня теперь радует новая весть.
Но и почему же такая мне честь? –
– А недавно папа святой попросил,
Чтобы ты к работе опять приступил.
Для Медичи нынче скульптуры ваяй,
Заказов других здесь ты – не принимай. –

Зажёг в мастерской вновь ваятель все свечи,
Так рад он увидеть Рабов в этот вечер.
А в войну скульптуры не пострадали,
Так давно они хозяина ждали.
Снова стоит среди этих изваяний,
Столько явилось—всех воспоминаний:

«Три года ведь битве безумной отдал;
Так время напрасно тогда потерял».

И взял мастер рисунок из папки потом,
На его обороте гусиным пером
Сразу с приливом чувств стал стихи сочинять,
Чтоб пережитое всё – здесь в них передать:

*«Когда удача озаряет нас,
Нежданно зло и беды переспоря,
Овеянному лютый стужей горя
Тяжёл бывает избавленья час.*

*Кто предан до последнего дыханья
Искусству, дару Бога и небес,
Тот ведает могущество дерзанья.*

*Ужель скажу, что долгий путь мой мрачен?
С младенчества я в жертву предназначен
И красоте, и вымыслу чудес!»*

И поэтом-загадкой его называли;
Стихотворцы в Италии так не писали,
К виртуозности формы – всё их вниманье,
Но те строки – пустые по содержанию.
Микельаньоло ж с народом не порывал,
Мысли и чаянья он стихам отдавал.

В Синьории Валори сам стал управлять
И строительство дома решил начинать.
Во дворец вновь творца теперь приглашает
И с улыбкой любезной так излагает:
– Нарисуй для дома мне – всю архитектуру,
Изваяй для двора – дивную скульптуру. –

Дарил и племяннику мастер вниманье,
Три года платил за его воспитанье.

Ему, Лионардо, одиннадцать лет;
Даёт дядя ныне разумный совет:
– Ты учись пока шерстью здесь торговать. –
– Но так с Вами хочу скульптуры ваять. –
– Встанет трудностей много перед тобой;
А тебе я желал бы доли иной.
Чаще ты в мастерскую ко мне приходи;
И пока, как твой папа, счета все веди. –
Горят у юнца здесь глаза большие огнём,
И крапинки ярко искрятся в них янтарём.
Последней надеждой родных всех остался,
С ним чтобы род древний в семье продолжался.

И завершает творец картину сейчас, Илл. 51,
Ведь на ней Леда и Лебедь радуют глаз. стр. 474.

А с Феррары приехал тут коммерсант
И судил об искусстве как дилетант:
– Это не шедевр, а какой-то пустяк.
Герцог не оставит всё дело здесь так.
Вы же творенье ему обещали,
А непристойное что-то создали. –
Прервал ваятель тираду такую:
– Покиньте быстро мою мастерскую! –

6

В часовне работы он стал продолжать,
Строителей, плотников вновь набирать.
По скульптурам снова наш мастер тоскует
И гробницы Медичи также волнуют.
Здесь так жадно теперь вырубал изваянья,
Усыпальницам лишь – основное вниманье.
На них фигуры мужчин и женщин видны,
Они красивы, умны, смелы и сильны.
К мастеру теперь богачи приставали,
Ведь заполучить тут творенья желали.

Чтоб ваял скульптор там только лишь саркофаг,
Папа Климент написал тогда ему так:
«А если этюды попросят писать,
Не стоит заказчика всё ж обижать.
И к ноге ты быстренько кисть привяжи,
Ловко три, четыре мазка положи.
Молви ему ты четыре лишь слова:
– Но извините, картина готова. – »

Алессандро – сын папы, теперь привезён;
И главою здесь в городе – он наречён.
А юноша тот – тиран безобразный,
Свободу давил тут хищник ужасный.

Его хамство стало ваятеля злить –
Проекты форта отказался решить.
У деспота здесь гость с Неаполя был,
Но вице-короля – творец не пустил.

Джованни Спина скульптора вновь предупреждал,
Чтоб не дерзил он, но всё же тот негодовал:
– Гробницы изваяния в вечность все войдут,
И деспота любого они переживут.
Ну и пусть же погибну, не вечен ведь я. –
– Микеланджело, прежде послушай меня.
Но и так умереть ведь скоро ты сможешь,
Если только сам тут себе не поможешь.
Теперь истощён и стал кашлять, лечись,
Скорей за здоровье своё ты борись.
Отдыхать тебе побольше бы надо. –
– Вырубать скульптуры – отдых, отрада. –

Уезжать захотел помощник Мини,
Он во Франции будет жить отныне.
Мастер ему картину ценнейшую дал,
Леда и Лебедь – это. Волнуясь, сказал:

– Устрой в Париже свою мастерскую.
Ты мне пиши. О тебе затоскую. –

Явился вскоре и другой ученик,
Худой, в одежде ветхой, но не поник.
Белокур, с твёрдым взглядом глаз серых, силён,
Энергичен, смел, просто здесь держится он;
Его зовут Урбино. Лет двадцать ему.
И предан лишь с любовью труду своему.
Всё, что парень делал, теплом озарял;
Как отца, учителя он уважал.

А потомков Юлия Климент пригласил,
Саркофаг тот всё же сам – в делах не забыл.
Тут решили, что у высокой лишь стены
Будут вместе скульптуры все размещены.
Ваятелю ныне надо их завершать,
Потом на корабле срочно в Рим отправлять,
Ещё в рисунках часть фигур изобразить,
А долг две тысячи дукатов – возвратить.

Рок злой над гробницей тяготеет, наверно;
Мастера лет двадцать семь терзает безмерно.
Рисовал её меньшей по воле чужой;
Ведь дал шесть вариантов, ценил – первый свой.
Денег не дали за те изваяния,
Были лишь только одни поругания.

Но тут и его брат Джовансимоне
Вновь поместья требует в грубом тоне:
– Пожить так намерен здесь в доме большом!
Герб Медичи всё ж укреплю я на нём. –
И творец в полях Сиджизмондо застал,
Ведь на двух волах там брат землю пахал.
– Что ж землю ты пашешь? Не смеди народ.
У нас есть и свой герб. Мы – древнейший род. –

– А ты же ведь трудишься. Я не служу.
Ещё раз земли у тебя попрошу. –
И ведь повсюду братья его ругали,
Аристократом, скрягой опять назвали.
Микеланжело на братьев вновь поворчал,
Но все просьбы их, конечно же, выполнял.
И, видать, снова напрасно деньги давал.

У т р о-статуя зрелость и ум выражает;
Облик, прежде красивый, уже угасает.
Женщина эта на грани сновиденья
И не влечёт её сразу же к движенью;
Но скоро проснётся, чтоб на мир вновь взглянуть.
Творец отразил в ней тяжкий жизненный путь.

Илл. 52,
стр. 475.

Над фигурою чувственною Н о ч и
Он вниманье сейчас – сосредоточил.
В ней видно уже успокоение,
Но всё же заметно напряжение.
Ещё молода, красотой – наделена,
Изысканно голову клонит чуть она.

Илл. 53,
стр. 476.

Так непревзойдённым творенье осталось,
Образно поэтами – вновь воспевалось.
Сразу скульптуре Ночь Джованни Строцци¹⁰¹
Как стихотворец посвящает строки:
«Вот эта Ночь, что так спокойно спит
Перед тобою, – Ангела¹⁰² созданье.
Она из камня, но в ней есть дыханье:
Лишь разбуди, – она заговорит».

Микеланджело от имени Ночи на это
Так пророчит всем навеки печальным сонетом:
*«Мне сладко спать, а пуще – камнем быть,
Когда кругом позор и преступленье:
Не чувствовать, не видеть – облегченье,
Умолкни ж, друг, к чему меня будить?»*

Ваял он после мужские две фигуры;
Ведь День и Вечер – могучие натуры.
Д е н ь – мужчина умнейший, очень силён;
Тяжесть мира всего сам выдержит он.
А В е ч е р суровым атлетом предстал,
Свои же черты ему скульптор придал.

**Илл. 54,
стр. 477.
Илл. 55,
стр. 478.**

Создал также Богоматерь со Младенцем
И задумчиво сидящего Лоренцо.
Статуя Л о р е н ц о – символ молчанья,
Образ благородства и созерцанья.
Им палец левой руки поднесён к губе,
Скорбит о жизни земной, о своей судьбе.
Раздумье фигуры всякий замечает,
Тень шлема всю тяжесть мыслей заостряет.

**Илл. 56,
стр. 479.**

Сил много скульптурам творец отдавал;
В бессмертие смело их вновь устремлял,
Зарядив все умом, энергией, волей;
И мечтать не мог о другой, лучшей доле.

Устал, так исхудал и совсем мало спал;
Теперь опустошенье опять ощущал,
Но вскоре же лишь дерзко творить продолжал.

И громко Граначчи нынче стал друга ругать,
Что тот отдыхать не может, не хочет опять:
– Мой Микельаньоло, разумнее будь
И вновь о здоровье своём – не забудь.
А отдыхая, ты будешь жить вечно
И все дела завершишь всё ж, конечно. –
Отвечал творец: – Не терплю покой.
Жизнь была бы тусклой, дружище мой,
Не будь с детства дружбы большой с тобой.
Если только лишь буду я отдыхать,
То ведь всё, что наметил, мне не создать.

И помню: ты ввёл меня в Сад Лоренцо,
Скульптура с тех пор вошла в моё сердце.
Благодарен судьбе, тебя встретив тогда;
Поддержать не раз смог, в меня веришь всегда. –

Он ваянью любимому дар отдавал
И о творчестве этом стих написал:

*«Когда я создаю на века,
подняв рукой камнедробильный молот,
то молот об одном лишь счастье молит,
чтобы моя не дрогнула рука.
Так молот Господа наверняка
мир создавал при взмахе гневных молний.
В гармонию им хаос перемолот.
Он праотец земного молотка.
Чем выше поднят молот в небеса,
тем глубже он врубается в земное,
становится скульптурой и дворцом.
Мы в творчестве выходим из себя.
И это называется душою.
Я – молот, направляемый творцом».*

А помощник Урбино грамоту знал,
Все счета и дела теперь оформлял.
Радостью он наполнял мастерскую
И выполнял здесь работу любую.
Ведь ваятелю юноша нравится
И во всём на него полагается.

Мастера только скульптура волнует,
Лепит из глины и много рисует.
Он стал творить изваянье Джулиано,
Вновь вспоминая его жизнь – постоянно;
В юности вместе в Садах с ним гуляли,
Книги, искусство тогда изучали.

Тут Джулиано энергичным предстаёт,
Предназначение своё – он сознаёт.

**Илл. 57,
стр. 480.**

И Богоматерь со Младенцем ваял,
Всю радость творчества опять познавал.
Тут Христа движенье бурно, естественно;
Красота Марии вечна, божественна.
На лице Её – любовь, состраданье;
Это у людей найдёт пониманье.
Скульптору легко работа давалась.
Ныне ведь куда-то делась усталость?
Снова, как каторжник, долго трудился,
Но уставал к ночи, с ног он валился.

**Илл. 58,
стр. 481.**

Папа Климент присылает карету,
Просит развлечься ваятелю летом.
Он друзей Микеланджело в Риме собрал,
Здесь обед очень пышный в честь мастера дал.
И так чутко заботился папа о нём,
Как о самом любимейшем брате своём.
А замысел после Климент открывает,
Работу огромную он предлагает:
– Быстрей согласись, сын мой, нам фреску писать;
И Страшным Судом её хотел бы назвать. –

Повстречался и ныне скульптор с Томмазо,
Вновь его чаровал сей юноша сразу,
Ведь сравнимых тут с ним не видел ни разу.
И тот здесь предстал в красоте несказанной,
Он словно из мрамора был изваянный.
У него ведь античные нос и рот;
А задумчивый взгляд устремлён вперёд.
Подбородок очень крепкий. Лоб высокий,
Заявляет сам же об уме глубоком.
И каштановые, длинные волосы.
Разговоры вёл лишь бархатным голосом.

И ярко сияют глаза голубые;
А брови столь тонкие, будто резные;
Образованный он; двадцати двух лет.
И со вкусом, изысканно так одет.
Из патрициев его происхожденье;
Стать художником известным – устремленье,
И к нему сам здесь пробудит всё уменье.

И стройный тот Томмазо де Кавальери
Учиться у творца серьёзно намерен.
Теперь занялись они рисованьем,
И юноша тут отличался стараньем.
Ваятель считал, что Томмазо – одарён,
Прилежен и нежной душой был наделён.
И с ним скульптор себя молодым ощутил,
Энергичнее стал и свой возраст забыл,
Хоть на тридцать пять лет его старше он был.
И дали здесь слово друг другу писать,
Рисунки Титан обещал присылать.

Вернулся из Рима он освежённый
И трудится нынче лишь устремлённо.
С чувством и теперь во всех женских фигурах
Вновь изображает всю нежность природы.
Суровость видна лишь в скульптурах мужских;
Тут сила, ум, воля, уверенность в них.

7

недели да месяцы снова бегут
И назад оглянуться совсем не дают:
«Но вновь куда же время бежит всё скорей?»
Он дорожит ведь каждой минутой своей.
Его время в реальность всегда выливалось,
В изваянья прекрасные так превращалось.

О той гробнице узнали в Италии,
В покое мастера здесь не оставили.

Вся Европа затем услышала о нём,
Приезжают к нему в мастерскую и дом.
Тут бывал не один живописец большой,
Посещали ведь скульптора даже толпой.
И это очень ему – надоедало,
Порою сильно бесило, раздражало.

А как-то спросил так знатный вельможа:
– Но как же скульптуру сделать мне можно? –
– Беру мраморный блок, ведь там статуя есть.
Мне всё лишнее в нём – остаётся отсечь.
Для тех же, кто дело прекрасно сам знает,
То трудностей в этом у них не бывает. –
– Придётся всё ж к Вам слугу – скорей мне прислать,
Чтоб блоки, где изваянья, с ним отыскать. –

Работы в капелле идут к завершенью,
Почувствовал скульптор опять наслажденье.
Ему и ваятели тут помогали,
И дело своё подмастерья все знали.
Здесь мастер так сильно ослаб, исхудал;
И есть забывал, очень мало он спал.

И, чтобы отвлечься, ночами порой
Стал ставить сам новую цель пред собой:
«Я должен Суд Страшный здесь написать.
Что можно об этом людям сказать?»
Набросок за наброском он создавал,
За мыслью карандаш едва успевал.

Скульптуру всё ж завершил Бандинелли¹⁰³,
С Давидом рядом поставить хотели;
Но того Геракла народ не ценил,
И тогда его автор папу просил,
Чтоб изваянье то у дворца – водрузить,
Место своё в истории – так получить.

Фальшь в этом деле Микеланджело видит,
Дурную славу той скульптуры предвидит:
«Статuae этой тут не жить, нет в ней истины.
Вздутые мускулы без меры – бессмысленны.

Леонардо да Винчи, и может быть, прав,
Мне давно в Бельведере-дворце так сказав:
– Я долго изучал Ваш Сикстинский плафон,
Его всей анатомией был покорён.
Ведь должен же и меру художник проявлять,
Когда начнёт он мускулы, кости рисовать.
Я верю, искусство Ваше в вечность всё ж войдёт;
Но не довершайте же Вы в нём – переворот.
Идущим по стопам шанс надо оставлять. –»
А скульптор и не стал бы фреску исправлять,
Если б он мысль Леонардо тогда осознал...
Мастер же лишь улыбнулся, когда вспоминал.

Лодовико девяносто лет отмечает,
Микеланджело за стол родных собирает.
Отец съел только супа несколько ложек,
Сидеть же больше здесь – уже он не может.
И его отнёс сын любимый в постель;
Тот с вязанку хвороста весит теперь.
Улыбка слабая скользит по губам:
– Хотел так выжить к девяноста годам. –
– Хорошо. Ведь Вы потрудились, отец. –
– А сейчас устал я. Сын, ты – молодец.
Микельаньоло, мальчикам всем помогай;
Для Лионардо лавку быстрее покупай. –
Так ласково редко отец его звал,
Но сын от друзей это имя слышал.
– А дашь приданое Чикке – внучке моей? –
– Желанья Ваши хочу исполнить скорей. –
– Ну, ладно. А жил я, видать, не напрасно.
Зови же священника. Это мне важно. –

И Лодовико скончался спокойно;
Скульптору жизнь вспоминалась невольно.
В детстве от матери мало ласки познал,
Ведь и отец не всегда его понимал;
Но всё ж он и папа друг друга любили,
Хотя по-тоскански суровыми были.
«Бесконечно мне муки отец причинял
И к труду постоянно меня принуждал.
Из семьи лишь один я мог хлеб добывать;
И за них всех пришлось мне себя истязать».
Микеланджело старинный род не забыл,
Честолюбие отца – сполна утолил.

И вновь скульптор в ночь эту сидит в мастерской,
Пережитое он вспоминает с тоской.
Все окна раскрыты, лета благодать;
При свете свечи стихи стал сочинять:

*«О нет, удел не худший – умереть,
Когда дано у Божьего престола
Просторный путь свой ясно обозреть.*

*Когда, отторгнув от земного дола,
Мне Бог позволит встретиться с тобой,
То пусть, страшась Господнего глагола,*

*Утихнет страсть, а чистый разум мой
Достоин будет Божьей благодати,
Святой любви, назначенной судьбой».*

Ч а с о в н ю Л о р е н ц о Титан полюбил;
Грустя, со скульптурами вновь говорил.
Спроектировал всё, с бригадой построил,
А Рим нынче опять его беспокоил.
Тут муки и радости снова познал,
Творения дивные смело создал.

**Илл. 59,
стр. 482.**

И лишь помощникам дал указания
Установить здесь у стен изваяния:
Сперва День и Ночь – на гробнице одной,
А Утро и Вечер – потом на другой.

И ясно ваятель теперь сознавал:
«Ведь всё, что хотел, я скульптурой сказал.
Тут за четырнадцать лет труд завершил,
Великолепный бы сам – благодарил».

И мастер быстро ушёл, не оглянулся.
В часовню же никогда – он не вернулся.

Теперь с помощником верным Урбино
Творец Флоренцию снова покинул.
И лишь на холме всё ж коня придержал;
Сейчас пред ним город весь ярко предстал.

И, окинув тут окрестности взором,
Любовался вновь садами, Собором,
Башнями, крыш черепицей, домами,
Лесом, холмом, рекой Арно с мостами;
На солнце блестят купола всех церквей.
Прощался с любимой отчизной своей.

Но ведь в Рим папа Климент вызывает,
К нему ваятель в тоске выезжает:
«Так мне тяжело родное гнездо покидать.
Во Флоренцию вряд ли вернусь я опять?»

Глава 10

Л ю б о в ь

1

Но и ныне постылый и мрачный Рим
Предстаёт вновь разрушенным перед ним.
В дом, где прежде жил, творец возвратился;
Он расхищен и почти развалился.
Время же рушит всегда неумолимо;
Пленники и Моисей – лишь невредимы.
С Урбино ремонт здесь быстро – занялись
И мебелью скудной потом – обзавелись.

Ваятель побывал у папы Климента,
Давненько же тот ждал такого момента.
В хорошем настроеньи папа пребывал,
О фреске Страшный Суд беседу продолжал.
Весь замысел Суда они обсудили
И чаще тут встречаться сразу решили.

А через несколько дней папа скончался;
Но Рим правлением тем – не восторгался.
Ваятеля сверстник из жизни ушёл,
С ним юности годы совместно провёл;
Были хорошие всё ж воспоминанья,
Хоть причинял лишь порой он и страданья.

Мастер повидал и всех старых друзей.
Думал тут опять о работе своей.
Побывал во дворце у Медичи в Риме
И вновь встретился там с людьми дорогими.

Сразу творца Николло Ридольфи обнял,
Он кардиналом недавно в Риме предстал.
С лёгкой и тонкой фигурой, красивый;
Так на мать стал похож сын Контессины.
А умный Ипполито – сын Джулиано,
Хотя и молодой, но стал кардиналом.

Во дворце ведь ваятелю жить предлагал,
А потом и конюшни ему показал:
– Леонардо да Винчи построил здесь их;
Посмотри же сейчас на лошадок моих. –
А пред скульптором конь белоснежный стоял,
И его шею длинную гладить он стал:
– Арабский! И, словно мрамор, чудесный. –
Хозяин в ответ: – Дарю Вам, любезный. –
– Не могу в подарок коня я принять,
Даже там и негде его мне держать. –

Всё же вскоре вернулся наш мастер домой;
Ведь тут так удивился картине такой:
Скакуна под уздцы здесь Урбино водил...
С ним конюшню ваятель быстрее смастерил.
Любил Микеланджело ведь коня своего;
И тоже любимицы – кошки, куры его.
По утрам на солнце вновь глядел с умилением;
Плакал часто, слыша петушиное пенье.
Но как-то ненадолго опять уезжал,
И вскоре подмастерье ему написал:
«Куры и синьор Ваш петух благоденствуют,
Каждое ведь новое утро – приветствуют.
Здесь кошки все без Вас уже заскучали,
Хотя еды премного мы им давали»...
Художник скучал: «Дом римский я вспоминаю,
Тут кошечек многих – всё же не забываю.
А как же там они проживают сейчас?
Видать, нет их в живых, и не ровен ведь час».

Вновь и вновь Микеланджело думы гнетут:
«Хватит ли сил на фреску ужаснейший Суд?
Чтобы мне тут её лишь достойно писать,
Надо будет трудиться, наверно, лет пять».
В Сикстине стену всю – ей предоставили;
И станет самой большою в Италии.

Сделал в доме ремонт, и деньги – на исходе,
Всё ж к Бальдуччи как к другу мастер наш приходит.
А тот много и внуков, и внучек имел;
Он солиднее стал и ещё потолстел;
И лишь чуточку скульптора вновь пожурил,
Но, бесспорно, финансы ему одолжил.

А друг Бальони – очень уверенный,
У папы сам лицом стал доверенным.
Богатый он и нажил состояние,
В отставку уйти – его пожелание;
Не знал даже он, кто папою станет;
Лишь очаг домашний друга здесь манит.

Чуть свет Урбинский у творца появился,
И этот Юлия наследник вновь злился.
Требует опять договор изменить:
Через год гробницу уже завершить.
А в церкви древней Сан Пьетро ин Винколи
Её приёмку ваятель сам ускорит,
Усыпальницы места у стен обретут.
И Гигантов всех теперь быстрее привезут,
Хотя же все ещё незавершённые,
Но сильные и целеустремлённые.
Скульптуру Победитель надо доставить,
В эскизах – изваяний группу представить.

Стал творить он к назначенному сроку
Богоматерь, Сивиллу и Пророка.

Но закончить саркофаги все – не удалось,
А ждать мнения святейшества – всё же пришлось.
Алессандро Ф а р н е з е папой избрали – **Илл. 60,**
В Ватикане все П а в л о м Т р е т ь и м назвали. **стр. 483.**

Вскоре же перед ним ваятель предстал,
Мысленно здесь портрет его рисовал.
А этот папа Павел – немощный, старый;
Но он порой жестокий, хитрый, коварный.
Ведь сейчас красив предостаточно он,
И хотя его нос утиный длинён.
Очень сутулый и с узкой головой;
Нынче с седыми усами, бородой.
Тонкие губы и впалые щёки.
Умный взгляд. Видно, что он – одинокий.

– Сын мой, я вижу доброе знамение –
Творить начнёшь в моё же ведь правление.
Будут, может быть, пап предыдущих вспоминать,
Ведь они тебе ж стали заказы отдавать. –
– Мне, святейшество Ваше, так много чести. –
– Но я ведь и корыстью тоже известен.
Лишь тему Страшный Суд надо продолжать. –
– Но всё ж я должен гробницы изваять. –
– А пока же должен о них позабыть;
Сможешь как-нибудь и все их сотворить. –
– Но сам я договор свой давно подписал
И всё время так мучился, сильно страдал,
Когда от саркофага опять отстраняли
И чуждое лишь делать – меня заставляли.
Так вот лет тридцать прошло ведь, святой отец.
Когда же будет работе моей конец? –
И здесь поднялся с трона папа Павел,
А голова дрожит, молчать – заставил:
– Сам лет тридцать тебя – хочу получить.
Неужель моему желанью не быть? –

– Святой отец, столкнулись всё же лбами
Моих лет тридцать с Вашими годами. –
Папа Павел нервно тут шапочку мял,
А творцу так гневно и резко кричал:
– Я говорю, что ты мне будешь служить!
Об остальном же всё впредь надо забыть! –
Мастер расстроен, возражать всё ж перестал,
Перстень у папы он теперь – поцеловал.

Но вскоре в дверь дома послышался стук,
И это явились два стражника вдруг.
А пришли ведь они приказ передать,
Что здесь должен ваятель папу принять.

И со свитой папа Павел появился,
С Моисеем рядом – он остановился.
Кардинал Гонзага ценил искусство,
Благодарно высказал ярко, с чувством:
– Достаточно лишь Моисея отдать,
Чтоб Юлию почести этим воздать.
А папа, грезивший о посмертной славе,
Желать о памяти лучшей и не в праве. –
Папы улыбка по лицу пробежала;
С завистью молвил, услышав кардинала:
– Гонзага, хорошо мне бы было, видать,
Что тут бы всё я смог, как ты, это сказать.
Верь, Буонарроти, всего сам я добьюсь,
С герцогом Урбинским – о всё договорюсь.
А из рук твоих – изваянья возьмут.
Ты теперь пиши для меня Страшный Суд. –

2

Вспомнил мастер молодость, годы былые,
Так тогда тревожили думы большие:
«Я в горах стоял и на скалы смотрел,
В голове моей дерзкий замысел зрел.

Был же тогда расцвет сил и таланта.
Вырублю я огромного Г и г а н т а .
На море вечно будет он маяком,
Всем станет виден на откосе крутом».

Ворочался ночью, почти ведь не спал:
«Таких больших фресок никто не писал.
Мне теперь всё ж уже – шесть десятков лет.
И тех бурных, молодых сил – в помине нет».
Его гнетут тяжкие мысли опять:
«Огромный Суд Страшный мне как рисовать?»

Бессонницей измучен, рано он встал,
В часовне у Марии вскоре стоял.
Богоматерь плачет, держа тут Христа,
В Ней – печаль, достоинство и красота.
И творец на своё изваянье смотрел,
Вспоминал вновь, как его он сам сделать сумел.
Было всё ж у него ощущение,
Что не его здесь – это творение.

Встал пред своею Пьета на колени,
Уже молиться сейчас он намерен.
Задумался, сердце забилося сильнее:
«А можно ль молиться скульптуре моей?
Но ведь я её так давно изваял.
Не будет греха». И молиться тут стал.

И теперь к Кавальери скульптор идёт,
Но и это он даже – не сознаёт.
Ещё красивее Томмазо предстал,
За два года прошлых уже возмужал.
– Вы пришли наконец, – промолвил Томмазо,
Мастер друга учтивость – чувствовал сразу.
Вновь красотой друга был изумлён,
Но говорить здесь всё ж начал первым он:

– Но печальями Вас я не смел огорчать. –
– А ведь близкому можно о них рассказать. –
Друг к другу шагнули и вновь обнялись.
Сказал Микеланджело давнюю мысль:
– Всё ж понял, Адамом тебя рисовал. –
– Но в те времена я ведь очень был мал.
Вот какое всегда уваженье друзьям.
И готов сам поверить всем тем чудесам. –
Ваятель в ответ: – Годы с чудом ведь схожи.
А дружба теперь – вновь творить мне поможет;
С тобой говоря, становлюсь я моложе.
Лишь так с моих плеч лет десять свалились. –
– Со мной иные дела тут случились.
А сейчас от Ваших рисунков, идей **Илл. 61,**
Я ведь как художник стал старше, мудрей. – **стр. 484.**
– Старому мне годы хорошо сократить. –
– Но не подобает всё ж Вам так говорить.
У Вас весь долгий, счастливый творческий век;
В труде ведь молод, силен такой человек. –
– Томмазо, это я – так рад услышать;
И нынче Страшный Суд сумею писать. –

Порой в рисованьи проходили их дни,
С тех пор неразлучными так стали они.
Часто друг к другу шли здесь на обеды,
А вечерами – вели вновь беседы.
Их радость, задор озаряли других;
И в гости всегда приглашали двоих.

Снова рисуют друзья у камина.
Мастера очень волнует Сикстина:
«Взлетает одна часть толпы к небесам,
А другая же – в ад низвергается там».

Промолвил ваятель: – Томмао, друг мой.
Я так вдохновляюсь твоей красотой.

Красота – есть ценнейший дар, всех влечёт;
И её Сам Господь Бог людям даёт.
Она началом божественным стала,
Меня повсюду, всегда привлекала.
Лишь мрамором, краской красу воспеваю,
Всю жизнь свою этому я посвящаю. –

– Ваши творенья прекрасны чистой душой.
Вы отдаёте им дар огромнейший свой.
Они ведь чувствуют и размышляют,
Полны и жизни все, и сострадают. –

Снова природы Урбино всюду искал,
А Микеланджело быстро их рисовал. Илл. 62,
стр. 485.
Будет так много фигур тех на фреске:
Образов женских, мужских, также детских:
Могучих, красивых, смелых, молодых,
Солидных, душевных, мудрых, пожилых...

Ваятель портрет Томмазо здесь создаёт,
В античной одежде яркой тот предстаёт.
– Рисунок прекрасен, но не я тут на нём. –
– Таким тебя вижу в пониманьи моём. –
– Искры таланта во мне нет, это ясно.
Что-то пытаюсь творить, видать, напрасно.
Зря Вы здесь теряете время со мной;
Ведь я не достоин любви таковой,
Но её всё ж буду стараться заслужить, –
И стал друга сразу теперь – благодарить.

Но скульптор портреты писать не любил
И этому запись сейчас посвятил:
«Хочу всегда всё творить в уединеньи.
Портреты я не пишу – нет вдохновенья,
Чтоб ради лишь чьей-либо утехи писать;
Народ про те портреты не сможет узнать.

Ведь портрет человечества я всем творю
И всегда человеку возможность даю,
Как в зеркало, смотреть и себя познавать,
Сверх этой мне награды – не смею желать».

А ночью ваятель сонет сочинил,
Его он Томмао сейчас посвятил:

*«Лишь Вашим взором вижу сладкий свет,
Которого своим, слепым не вижу;
Лишь Вашими стопами цель приближу,
К которой мне пути, хромоту, нет;*

*Бескрылы й сам, на Ваших крыльях вслед
За Вашей думой, ввысь, себя я движу;
Послушен Вам – люблю и ненавижу,
Я зябну в зной и в холоде согрет.*

*Своею волей весь я в Вашей воле,
И Ваше сердце мысль мою живит,
И речь моя – часть Вашего дыханья.*

*Я, как луна, что на небесном поле
Невидима, пока не отразит
В ней солнца отблеск своего сиянья».*

3

скульптор вошёл в Сикстинскую капеллу;
Здесь годы отдаст крупнейшему делу.
Пока же в мыслях сейчас лишь досада:
«А фреску тут уничтожить мне надо».
Решил, чтоб наклон стене новой придали;
Так сажа, пыль меньше бы к ней прилипали.

А мастера дружески папа встречал,
На просьбу же эту – согласие дал.

В глазах его всё ж лукавость блистала,
В беседе он – говорил здесь немало.
Микеланджело понял ведь наконец:
– Вы бодры, веселы, святой наш отец. –

– Говори же ныне не слишком громко,
Огорчишь тут всех кардиналов только.
При смерти меня здесь они все считали.
Сразу потому лишь на пост сей избрали;
Но мне ведь по вкусу и папой служить,
А я сам их всех – тут решил пережить. –

Ваятель вновь счастлив в своей мастерской,
Так быстро замыслил сюжет свой большой:
«Для всех здесь страшная беда наступает,
Христос судилище теперь начинает.
На те муки без страха все люди идут,
Их раскаянье зрители сразу поймут.
Но ведь любой человек себя знает,
И каждый суд над собой учиняет.
Он несёт ответственность неустанно,
Так не будет увёрток и обмана.
Достойно должны тут все люди предстать;
И каждый сам – личность свою показать.
Сильных духом дать – цели мне предстоят,
И пусть это будет – дорога лишь в ад».

Рассматривал в Сикстине вновь свой плафон,
Всё больше здесь ваятель был убеждён,
Что живопись также вечное искусство;
В неё, как в скульптуру, вкладывал все чувства.

Микеланджело в центре внимания,
В Риме ценят его дарования.
Всяк в нём смелость человека почитает,
Папам многим – порой вызовы бросает.

Мастер сыном великим Флоренции стал,
Тут Лоренцо достойно его воспитал.
Вершине горной он уподобляется,
И над Планетой гений возвышается.

И с болью в душе всю славу принимал;
Её же в былые годы – отвергал.
Тогда был творец почти одиноким,
А счастье людское стало далёким.

« Но почему же теперь я меняюсь?
Чаще с людьми уже всюду встречаюсь»... –
Ваятель вопросы себе задавал,
И понял: «Томмазо ведь в том помогал,
Меня восхищает своей красотой
И жизнь наполняет надеждой большой».

И, один оставаясь, порой по ночам
Скульптор щедро дарил свои мысли стихам:

*«О чуждом злу, о чистом говорят,
О совершенном мире эти очи,
Небесных сил в них вижу средоточье,
За человека гордостью объят!»*

*Всегда ль за грех должны мы почитать
Той красоты земной обожествленье,
Что нам внушает к высшему стремленье,
Душе дарит Господню благодать...»*

К нему пришёл ученик Себастьяно,
Монах уже толстым стал не случайно.
Теперь в бездельи жил и без печали,
А был хранителем папской печати.
Роспись в церкви Сан Пьетро он показал:
– Как я маслом рисунок Ваш воссоздал? –

Ответил ему Микеланджело резко:
– Считаю, что лучшая техника – фреска.
Краски свежи. Почему же тут масло? –
– Фрески писать тяжело мне ужасно.
А с моим характером фреске не быть.
Ошибусь – могу краску я соскоблить.
Вы пишете дерзко, не ошибаетесь,
Поэтому фреской лишь – занимаетесь.
Я ведь новый способ грунта применял. –
– Ну и что же здесь ты ещё рисовал? –
– Деньги лишь появились, писать я не стал. –
– Значит, жаждой к деньгам ты себя обольщал? –
А мастер вскипел враз, но – утомонился,
И, как на дитя, совсем не рассердился:
– Пой, играй, забавляй вновь друзей всех своих.
Пусть же будет искусство уделом других. –

Снова храм Святого Петра посетил;
Лишь застой полнейший на стройке той был.
Антонио – племянник друга Сангалло,
Работы на Соборе выполнил мало;
Но двадцать лет постройку зодчий возглавлял
И попусту повсюду деньги расточал.

А ваятель всегда ведь за стройку болел,
Также он сам и к ней отношенье имел.
Когда-то мастер с другом Джулиано
Смотрел места гробнице не случайно;
На идею Браманте он там вдохновлял,
И проект свой Собора тот в жизнь воплощал.
Речь скульптора стала у папы недолгой:
– Следит здесь Антонио плохо за стройкой. –
Но папа Павел сразу резко сказал:
– Ты раньше и Браманте всё ж обвинял.
А лучше занимайся тут Страшным Судом;
Сангалло сам пусть строит своим чередом. –

Другу как-то раз Томмазо рассказал:
– Я знакомую недавно повстречал;
Виттория Колонна – поэтесса,
В Италии отныне всем известна.
Рим вечный её называет святой
За помощь убогим, за труд свой большой.
И очень красива, правдива, умна;
Ей сорок шесть лет; овдовела она.
В гости маркиза Вас со мной приглашает. –
С другом к ней вечером творец поспешает.

Всю в чёрном, печальной её представлял;
И скульптор маркизу теперь увидал.
Все беседы ведёт с гостями достойно.
Но, увидев его, встаёт ведь невольно.
А царственность женщины так поразила,
Красой обольстительной – враз ослепила.
Даже не увидел в ней мастер печали.
Косы золотые – на грудь ниспадали.
И виден блеск в ярких, зелёных глазах,
Чуть алый румянец – на нежных щеках.
И, как изваян, подбородок чёткий, строгий;
Римский прямой нос, но всё ж вздёрнут лишь немного.
Статна в одежде облегающей, белой;
Страстно взирал фигуру женщины зрелой.
Словно раздевать стал её своим взором,
Этого он вдруг устыдился с укором.
Цепенел, слыша еле, что здесь говорят;
Но не мог отвести от красавицы взгляд.

И говорить начала теперь она с ним
Голосом бархатным, так приятным, грудным:
– Микеланджело, я приветствую Вас.
Как друг старый мой для меня Вы сейчас,
Ибо так давно и все Ваши творенья
Стали ведь в беседах со мной откровенней. –

– Значит, мои все работы счастливей, –
Так прозвучал его голос правдивый.
– Слыхала, что Вы – и прямой, и не льстите. –
– Да, это всё правильно мне говорите, –
В тех словах прозвучал убедительный тон,
Только правда у мастера – это закон.
– А Вы фра Савонаролу ведь знали? –
– Нет. Но мы все от речей – трепетали.
Монаха проповедь много раз я слышал,
Его лишь голос гремел, толпу покорял.
И обладал он свержораторским даром,
А говорил так убедительно, с жаром.
Леденящий голос монаха громко взывал,
Устрашал в толпе нас; смиренье, ужас вселял.
Помню трибуна глаза так устрашающие,
Словно бы чёрные молнии сверкающие.
И до сих пор от взгляда его содрагаюсь,
Ведь не забыл глаз злобных, хотя и стараюсь... –

– Хотелось на Вашем бы месте там быть!
Мы делу его продолжаем служить.
И к реформам вновь призывал всех страстно. –
– Но ведь было видеть мне так ужасно,
Как он творенья искусства сжигал, –
Так Микеланджело с болью сказал:
– Это будет всегда и всех огорчать;
Грех – прекрасное на Земле разрушать. –
О Страшном Суде разговор здесь зашёл;
Евангельский стих наш ваятель прочёл...

Смотрел он с Томмазо на солнца закат:
– Я встрече с Витторией очень был рад.
И когда ж пригласит маркиза опять? –
– Но не сразу сумеет. Надо нам ждать. –
Всю эту ночь мастер так думал о ней:
«Как хочется встретиться с ней поскорей»...

А в мыслях всё ж портрет её рисовал
И лишь стихи под утро страстно писал:

*«Твое лицо одним усиьем зренья
Могу достичь порой издалека,
Но ни плечо, ни шея, ни рука
Не ведают такого утоленья.
Бессонная душа в своём стремленьи
Мой взор берёт, крылата и легка,
Вздыхается, как ветер под облака,
Твоей красе несёт благоговенье.»*

*А косной плоти тесный дан предел;
Какая бы любовь в ней не горела,
Вслед Ангелам она не полетит!
Лишь дивный глаз ту грань преодолел.
О донна! В глаз бы превратить всё тело,
И пусть он только на тебя глядит!»*

4

де же я видел такое созданье?
Так ведь похожа на Ночь-изваянье».
Вновь тёплые дни здесь в мае стояли;
Его наконец-то в гости позвали.
А для встречи назначено место
У часовни Святого Сильвестра.

Скульптору хотелось быть только бы с ней,
Но и тут увидел он много гостей...
Маркиза сразу навстречу здесь встала,
Вновь в белом платье красой засияла.

И об искусстве тут говорили,
Многие мысли люди раскрыли.
Разговор вели с жаром, уверенно,
Но гостей всех он слушал рассеянно.

Лишь на Витторию страстно смотрел –
Скульптор почувствовал, что покраснел.

Потом попросили его рассказать,
И мастер Флоренцию стал вспоминать.
Ему город этот – с детства родной,
Всегда покорявший всех красотой.

О всех скульпторах лучших здесь вспоминал,
О художниках видных – не забывал:
О Донателло и о Россели,
О Гирландайо да Боттичелли...

О творчестве пламенно всё говорил,
В слова эти душу ваятель вложил:
– Верю, что все искусства – с Богом сближенье
И его совершенств – в веках претворенье.

Не достаточно ведь гениальным лишь быть,
На Земле все должны в благочестии жить.
И тогда Святой Дух помыслы направит,
Кисть, резец и слово мастера восславит. –

Свою речь тут Виттория вновь начинает:
– А скромность Микеланджело всё ж украшает.
Возможно ли роспись Сикстины здесь превзойти?
Но это под силу великим лишь двадцати. –
Ведь она тут с ваятелем рядом стоит
И лишь словно ему – это всё говорит.
Маркизы глаза – творца возбудили,
А полные губы – близко так были.

–И как слугу верного Вас восхваляю;
А дар Ваш божественный я почитаю.
Сам Господь Бог среди многих решил Вас избрать,
Чтоб великое Вам на Земле совершать. –

А любованье ею так поглотило –
Слов на ответы сразу—не приходило.
– Ведь меня осчастливил святой наш отец,
Дал теперь разрешение он наконец:
Мне монастырь свой девичий в горах создавать.
Архитектуру его как же надо решать?
Мне использовать старые строения? –
– В том готов Вам помочь я без сомнения. –

Сразу место постройки пошли выбирать,
И его всё ж ваятель решил намечать.
Лишь рядом с ним она долгонько ходила;
Так близость здесь её – его вдохновила:
– Я хочу для Вас рисовать все фасады. –
– Для меня ведь это – большая отрада, –
А благодарность нежно так прозвучала,
Будто бы тут она его – обнимала.

О своих возможностях стал говорить:
– Дня за два фасады смогу начертить.
Я вскоре их Вам принести бы сумел. –
– Но много моих монастырских всех дел.
Недели лишь через две будете знать,
Когда здесь смогу Вас я снова принять, –
Ведь сдержанно, сухо с ним говорила;
Та холодность слов – творца враз сразила.

Придя разъярённый, кричал в мастерской:
– Видать, занялася игрою двойной?
К чему ж комплименты опять расточает,
С безжалостным сердцем меня отстраняет?
Ведь был очарован сразу я ею.
А ждать две недели как же сумею? –
Теперь её стихи Томмазо принёс:
– Всегда любим стал ею только Христос. –
Эти стихи все полны грусти были,
Лишь о любви ко Христу говорили:

«Моя душа давно отрешена
От человеческой любви и славы.
Изведав горечь губительной отравы,
Лишь к Господу она обращена.

О, если бы, преодолев страданья,
Могла я сердцем горний мир¹⁰⁴ объять!
Мне имя Иисуса повторять
И жить им до последнего дыханья...»

Только Лео Бальони ведь всё всегда знал,
Кое-что он приятелю вновь рассказал:
– Витторию муж Пескара, видать, не любил,
Свою жизнь ведь войнам только лишь – он посвятил;
В боях генералом стал; ранен тяжко, почил.
У них нет и детей. Всему этому верь. –
– Так, Лео, ты меня осчастливил теперь.
Влюблён я в Витторию, друг старый мой... –
И трудится снова над темой большой.
Скульптор рисует и книги читает,
Сущность Судилица вновь уясняет.
Невольно Витторию он вспоминал,
В порыве душевном стихи написал:

*«О, как постигнуть меру красоты,
Когда ты очарован красою!
Она ль так совершенна? Иль порою
В тебе самом живут её черты?»*

Но вот и приглашён был вскоре же к ней;
Здесь опять, как всегда, так много гостей.
И пристально на неё ваятель смотрел,
Он словно бы в душу к ней проникнуть хотел:
«А любовь Виттории была ведь несчастной,
Потому Христа лишь полюбила так страстно».
И маркиза с участием друга спросила:
– Микеланджело, чем же Вас я огорчила? –

Но, придя же домой, ещё переживал;
И о встрече недавней так всё написал:
«А она утончённо холодной бывает,
Королевским величием всех поражает.
Ум её, что редко для женщин, очень живой,
Отрешённость гордая в ней от жизни земной.
Поэтесса ныне известна, красива,
Благородна в чувствах, смела и правдива».

5

нему, как и прежде, приходит Томмазо,
Опять рисовать начинает с ним сразу.
Лишь порой переделать творец заставлял,
Но и часто работы его одобрял.

Нынче закончил эскизы Страшного Суда,
Больше трёх сотен фигур вмещает он сюда.
Всё ж одни вверх, как вихри, устремляются,
А другие же – в бездну низвергаются.
Внизу подземелье всё Ада зияло
Да бурно река Ахерон протекала.

И те люди все полны напряжения,
И и с у с тут гневный в центре движения.
Б о г о м а т е р ь от Него отвернулась здесь,
Ведь не хочет видеть Суд тот жестокий весь.

Уже за год был сюжет фрески решён;
И стал увеличивать скульптор картон.
Как-то его посетил Себастьяно,
Стену хотел штукатурить так рьяно,
Но работу всё ж выполнил под масло.
Мастер злился, ведь сделано – напрасно:
– Но ты всё же знал, что мне фреску писать. –
– Я сделал под масло, чтоб Вам помогать. –
А Микеланджело враз – разволновался:
– Вон! И ты чтобы сюда – не появлялся. –

Штукатурил Урбино уверенно,
Но два месяца было потеряно.

Творца папа ценит, желает удачи;
И пенсию вскоре же щедро назначил.
Заслуги мастера в Ватикане упрочил:
Назначил скульптором, живописцем и зодчим.
Антонио Сангалло всем этим озлился,
К ваятелю немедленно гневным явился:
– Ты меня, видать, хочешь отсюда изгнать? –
– Нет. Но надобно стройку быстрее продолжать. –
– Собор – мой труд. Куда же ты руки занёс?
Запомни. И не суй переломанный нос! –
Всё ж сдержался наш мастер, губы он сжал,
Хладнокровно на это так отвечал:
– Знай, участвовал я в задумках Собора.
Завершать ведь попросят, может быть, скоро. –

С Томмазо модели здесь все изучает,
Проект весь Сангалло его удручает;
Громоздким Собор Антонио мудрил:
Пристроек различных вновь – нагородил.
А ведь проект у Браманте – прекрасен,
Весь полон света, логически ясен.
Мастер расстроился: «Ну как же тут быть?
Стоит ли с папой мне опять говорить?»

6

так раньше Страшный Суд изображали:
Все лишь ужас и мученья испытали;
И здесь Сам Христос восседал на троне,
Но всегда был мертвенно Он спокоен;
Лихой Суд Его уже совершился,
Народ весь тут от всего отрешился.
Но скульптор совсем иное всем рисовал;
Новаторский гений свой сполна проявлял.
Тот Страшный Суд над людьми ещё предстоял;

Во Христе здесь силы порывистой столько,
Что сравнимы с нею ведь ярость, гнев только;
Люди сюда теперь с эпох всех стекаются
И предстоящей кары тут ужасаются.
Глубина пространства ведь так возникает,
И тут как бы плоскость стены исчезает.

Вера в любовь Виттории – крепче, сильнее;
Нынче с Томмазо дружба была всё нужней.
Это на роспись опять вдохновляло,
Груза всех прошлых лет – как не бывало.

Снова писал обнажённые фигуры,
В них отразил он людские все натуры.
Лишь Дева Мария в платье одета,
На бёдрах Христа повязка заметна.

Дух и мужество Бога все признавали,
И суд люди все над собой совершали.
Осознал любой своё прегрешенье,
У всех смертных – ко Христу устремленье.

Вопреки всем канонам ваятель писал,
Он на фреске всю мощь, гордый дух показал.

В Сикстинской капелле ведь вновь запирался,
Урбино один лишь здесь с ним оставался.
Ныне же тот Страшный Суд сам мастер вершил,
Только ведь ему подвластен замысел был.
Быстро стал он Данте, Библию в ночи читать;
Вдруг Савонаролу вспомнил, потрясён опять:
«Быстро всё, что сказал монах, оправдалось,
А разложение нравов здесь продолжалось.
Так пришли: и всей церкви разделение,
И разгул, и надежды сокрушение.
Смятенье и упадок теперь в церкви папской;
Ветвь новая есть в вере святой христианской».

А император Карл Пятый прибыл всё ж в Рим,
Сразу сам Павел здесь с миром встретился с ним;
В империи Священной – Карл правитель;
Вёл с папой разговор как повелитель.
Витторию Колонна вновь здесь посетил,
Ведь с нею гость премногие годы дружил.
Побеседовал там со скульптором он,
Похвалил и его Сикстинский плафон.
Молвил так, выразив всё понимание:
– Как же чудесны твои изваяния!
Я пока Флоренцию не забываю,
Там в часовне Медичи вновь побываю,
Тогда посмотрю на творение это,
Представшее чудом и гордостью света. –

Мастер ответил: – Спасибо, рад слушать я Вас.
Но ведь на родине вновь тирания сейчас;
Будет вся отчизна быстро опять процветать,
Если Алессандро-деспота ныне убрать. –

Тут с миной любезной Карл высказал снова:
– Мы что-нибудь сделаем. Я даю слово. –
Сам ведь Карл Пятый слово своё всё ж сдержал –
Вскоре в капелле Медичи сам побывал.
Она так теперь здесь понравилась ему,
Что, радуясь очень визиту своему,
Он вдруг дочь Маргариту так пышно венчал,
Её за Алессандро тут – замуж отдал.

Творец болел, не работал, ведь в горе,
Когда узнал о случившемся вскоре.
Глубоким то потрясение было;
Дрожь била мастера... Даже тошнило.
Но быстро распался тот брак высокий –
Убит Алессандро ночью глубокой.
И в усыпальнице тайно труп поместят;
На ней фигуры две: Утро, Вечер лежат.

Молвил другу Урбино скульптор с досадой:
– Да, конечно, весь труд ваятеля надо
На надгробия деспотам лишь направлять;
Флорентийцы ж тиранов всех будут свергать. –

Но ведь всё ж прошло вновь потрясение;
Творит снова с бодрым настроением.
Ведь добрые вести в том помогали:
Племянницу быстро – замуж отдали;
Здесь всех к реформам звал Поле – кардинал,
Теперь духовником Виттории стал.

Вновь рисует ваятель тут группу Святых;
И уже передал напряжение в Них.
Каждый Святой озадачен, вопрошает:
– И почему же Христос Суд совершает? –
Мужчины и женщины, дети в смятеньи;
И от предстоящих мук все в напряженьи.

И мастера снова настигла печаль,
Ведь ныне ему так Флоренцию жаль;
Старец Козимо Медичи здесь управлял,
Всюду ужас, тиранство давно насаждал.
Восстали недовольные властью всегда,
Их всех покарали – жестоко тогда.
В подавленьи Карл Пятый тут преуспел,
Ведь республики явно он не хотел.
За смелость здесь казнены патриоты,
Они все так добивались свободы.

Микеланджело многих из них вспоминал:
«Но за что же их всех деспотизм покарал?
Во времена все дикие снова живём».
Пишет Ад снова в дерзком твореньи своём.

Джованни Караффа кардиналом предстал,
Вводит инквизицию уже начинал;

Считал, что опасна в церкви Виттория,
Но имя её узнали в истории.

И нынче маркизе изгнание грозило,
Но быстро всё ж другу она сообщила:
– Ведь много Караффе доносят о Вас,
Суд Страшный не нравится власти сейчас. –

А Пьетро Аретино письмо вдруг прислал,
Писатель из Венеции в нём написал:
«Я Вам предлагаю уйму сюжетов,
Даю по Суду свои все советы...»

Его вымогателем подлым считали,
О том негодяе в Европе узнали.
«Как же знают уже о фреске моей?
Редко я приглашаю даже друзей?»

И на те предложенья творец отвечал:
«Огорченья и радость я всё ж испытал,
Не смогу сюжеты, быть может, принять,
Так как стал здесь фреску свою завершать».

Слал ему вновь письма теперь Аретино,
Для себя он требовал нагло картины,
Рисунки, картоны, скульптуры, модели.
Уже домогательства те – надоели;
Уклончиво мастер сперва отвечал,
Ему наконец-то писать перестал.

7

Время, как птица, стремглав пролетало;
Фреска же скульптора вновь волновала.
Люди на ней так все сильны и прекрасны,
Знают они, что многих – ждёт Суд ужасный.
Трепетно и с любовью их рисовал,
У обречённых – мощный дух показал.

Урбино тут своё всё дело освоил,
Участок штукатурки новой – готовил,
Рисовал на нём мастер и к вечеру
Всё готово, что на день намечено.

На жаровне Урбино еду согревал,
Быстро в полдень со вкусом на стол подавал:
– Вот Вам здесь цыплёнок в петрушке, шафране,
Он с луком, яйцом был на масле зажарен. –
– Но как же всё мне есть в середине дня,
Лишь время отнимаешь ты у меня. –
Вновь тут помощник теперь весь в заботе:
– Но без еды Вы всегда устаёте.
И возьмите салат, прямо тает во рту. –
Усмехнулся творец на уловочку ту.
Но, чтоб сделать приятно слуге своему,
Ел и знал, что всё это так нужно ему.
Сразу очень вкусной казалась еда;
Снова блюда мачехи вспомнил тогда.

И вновь месяца два скульптор трудился,
От усталости всё ж с ног он валился.
Дома Урбино сидеть его заставлял,
Чтобы учитель его порой отдыхал.

От росписи снова отвлётся ваятель;
Скульптуры Сивиллы, Пророк, Богоматерь
Здесь опять влекут, их рубить продолжает.
Саркофаг для Юлия вновь огорчает:
«Но всю жизнь прикован к этой гробнице,
И мне по ночам она уже снится.
Когда же ваять её только возьмусь?
А скоро рассудка, видать, я лишусь».

Тут новый герцог Урбинский явился,
Его приходу творец удивился:

«На отца покойного так он походит».
А пришедший тихо здесь речи заводит:
– Для всех саркофаг давно стал укором,
Пришёл положить конец тем раздорам.
Но ведь Вам не давали труды завершить;
Посему вины Вашей не может тут быть.
От росписи не будем мы Вас отвлекать,
Всё ж сможете и после гробницу создать.
От творений всех Ваших – я вновь в восхищеньи. –
– А Вы сняли с меня тяжкий груз без сомненья. –

Мастер фреску писал здесь целыми днями;
Для Виттории – он рисует ночами:
Это С в я т о е С е м е й с т в о – чудесное,
В скорби видна тут П ь е т а – интересная. **Илл. 63,
стр. 486.**
За всё подруга творца благодарила;
Ему своих стихов книгу – подарила.
Не позволяла другого общения,
Он так хотел излить к м и л о й в л е ч е н и е.
И скульптора э т а л ю б о в ь вдохновляла, **Илл. 64,
стр. 487.**
Талант и все силы его – укрепляла.

А в любовь святую надеждою жил,
Ночью ей прекрасный сонет посвятил:

*«Будь чист огонь, будь милосерден дух,
Будь одинаков жребий двух влюблённых,
Будь равен гнёт судеб неблагоприятных,
Будь равносильно мужество у двух.
Будь на одних крылах в небесный круг
Восхищена душа двух тел пленённых,
Будь пронзено двух грудей воспалённых
Единою стрелою сердце вдруг.*

*Будь каждый каждому такой опорой,
Чтоб, избавляя друга от обуз,
К одной мечте идти двойною волей.*

*Будь тьмы соблазнов только сотой долей
Вот этих верных и любовных уз, –
Ужель разрушишь их случайной ссорой?»*

И лишь А н г е л о в ныне на фреске писал, **Илл. 65,**
По-крестьянски всех кряжистых их создавал. **стр. 488.**
Громогласны тут – жуткий труб вой, дикий зов;
И поднимут вот-вот из могил м е р т в е ц о в .
Тщетно Г р е ш н и к и просят их пощадить, **Илл. 66,**
Скоро только лишь могут в А д угодить. **стр. 489.**

Творцу вся родня продолжает писать,
Что дома там ссорятся братья опять.
А то ему долго не отвечают;
Да все сорочки не те присылают.
Но писал родным вновь ваятель учтиво,
Иногда отчитывал их всех ворчливо.
И всё это ему – надоедало;
Написал в дневник вскоре же немало:
«Расшатал здоровье непосильный мой труд,
Да и все родные постоянно гнетут.
Отсылать им деньги всегда я стараюсь,
Но в невзгодах, муках всё ж выжить пытаюсь.
То братьев вновь помирю, то дам им совет.
Теперь дел словно бы у меня – вовсе нет».

Папа Павел Третий здесь его полюбил,
За талант великий, яркий – очень ценил.
И вновь мастера однажды он приглашает,
В окруженьи кардиналов тот восседает;
Усадил творца сразу же рядом с собой,
Что ведь было неслыханно честью большой.

Быстро с папой сдружился ваятель крепко,
Нынче даже бывал у него нередко.
Но случилось, что долго он не навещал,
И лишь папа к себе его вновь вызывал:

– Почему не приходишь ты повидаться?
Ведь я стал на тебя уже обижаться. –
– Я лучше служу Вам так нужной работой,
Чем те, что толкуются у Вас все с охотой. –

Долго не посещал и родных, и друзей,
Только лишь занимался фреской своей.
Его прекрасное сильно терзало,
Так твёрдо власти своей подчиняло.
И даже звуки, слова волновали,
Ведь часть души у него похищали.

И всё же это ваятель вновь сознавал,
На приглашенье Джаннотти¹⁰⁵ так написал:
«Только мне умного стоит повидать,
То перестану себе – принадлежать.
Из меня лютнист может верёвочки вить,
А творец совершенством искусств покорить.
Но ведь ничего не даст отдых такой,
Совсем я утрачу душевный покой».

Хорошим правителем стал папа Павел;
Усилия он на реформы направил.
Всех войн и нашествий врагов избегал,
Искусства, науки теперь поощрял.
Правда, интригами здесь занимался
И для родных многих очень старался.

Часть нижнюю фрески осталось писать,
Стал с плотником мастер помост заменять.
И однажды папа в капеллу зашёл,
Церемониймейстер¹⁰⁶ тогда с ним пришёл,
А его называют Бьяджо Чезена.
Преклонил тут же папа Павел колена,
Молился великому творению,
Текли слёзы гордости, смирения.

Он потом встал и знаменем крестным
Осенил шедевр и автора фрески:
– А теперь, сын мой, искусство тут твоё
Будет также славить царствие моё. –

Но злится Чезена, орать стал скорей:
– Здесь столько позора от голых людей! –
Молвил творец: – Их позором считаете.
Что красивей обнажённых Вы знаете? –
Гневно Чезена так в ответ заорал:
– В бане годятся, а в капелле – скандал! –
Но высказал сразу твёрдо Павел опять:
– Скандалом тут сможешь ты себя прославлять.
А тебе же я так благодарен, сын мой;
Ценю фреску чудесную всею душой. –
В голосе Чезены лишь угроза слышна:
– Роспись уничтожат. Те придут времена! –

Папа Павел стал вдруг так властно кричать:
– Но пока я живу, сему – не бывать!
Отлучить от церкви каждого склонен,
Кто сам тот шедевр тут пальцем лишь тронет! –

Как только теперь удалились гости,
То враз Микеланджело в дикой злости
И здесь к а р и к а т у р у Ч е з е н ы писал, **Илл. 67,**
Тот в царстве у Аида¹⁰⁷ судьёю предстал. **стр. 490.**
Страшная тут змея его обвивает,
Пара ушей ослиных так украшает.

Дошёл слух и о том до Ватикана,
Пришли вновь Павел, Чезена нежданно.
Ведь блеск лукавый в глазах папы был;
Но сразу же Павел творца здесь спросил:
– Как передал поразительно сходство это?
А говорил: «Не люблю лишь писать портреты». –

– Пришло озаренье, святой наш отец. –
Чезена решил возразить наконец:
– Какая на мне тут мерзкая змея;
Убрать прикажите с росписи меня. –
В этот миг был Чезена очень ужасен.
Папа хитёр: – Поверь, в Аду я не властен. –

Но сумел ваятель лишь после признаться:
«Понял, что не надо последним смеяться».
Ведь в том, к сожаленью, сам убедился,
Когда с лесов на пол вскоре свалился.
И обрызгал Урбино творца здесь водой;
Тот лишь только очнулся, увёл всё ж домой.
Рану обмыл, перевязал... Гнойной стала;
В жар ведь от боли живописца бросало.
Но больной звать врача совсем не позволял,
И его лишь украдкой помощник позвал.

Доктор вскоре сюда явился с Томмазо;
Видя рану ноги, озлился врач сразу:
– Упрямяство флорентийца – не предсказать;
Но, если хоть день или два выжидать,
То вскоре бы ты и жизни лишился! –
И доктор, крича, тут в ярости злился.
Через неделю ваятель поднялся,
Снова за роспись свою он принялся.

И всё ж писал с себя карикатуру,
Здесь создавая жалкую фигуру;
Глаза в горе жутком в Ад устремляет,
А вместо же тела – кожа свисает.
И с ней Варфоломеей Святой предстаёт,
Ведь в бездну всё ж ту кожу бросит вот-вот.

**Илл. 68,
стр 491.**

Но всё же скульптор создал автопортрет,
Хотя на это церквями дан запрет.

«На Суде же Чезена будет так рад,
Что меня в Аду тоже мучить хотят».

А тут Варфоломей в руке держит нож,
Тиран на Аретино очень похож.
За спиной Варфоломея и вверху, напряжён –
В профиль это Т о м м а з о Кавальери – силён; **Илл. 69,**
Так красив Томмазо и на Христа смотрит он, **стр. 492.**
Верит, что Суд лишь справедливо будет свершён.

Портрет сей Кавальери достоверным считают,
О нём ведь то художника стихи подтверждают:

*«Такой хочу судьбы: свою мёртвой кожей
Укрыть Вас, господин, как покрывалом.
Как змей ползёт в укрытие сквозь скалы,
Так я пройду сквозь смерть к тому, что мне дороже».*

А к успеху теперь так уверенно шёл;
И во фреске вновь мастер себя превзошёл.
Но Космос предстаёт весь поистине там,
И грозный Суд свой в центре Х р и с т о с ведёт сам,
А Святые все рядом с Ним размещаются, **Илл. 70,**
Как Планеты вокруг Светила вращаются. **стр. 493.**
Но тут М а р и я не просит прощения
И отвернулась от Сына в смятении.

Скульптор рисовал встающих из могил,
Также и живых, которым Ад грозил.
Шести лет работу он стал завершать;
И лишь в ней фрагменты хотел дописать.

Люди Вселенной смелы, верою сильны,
Но безнадёжно все они – обречены.
Здесь Дьяволы грешников в барки стоняют,
А всех промедлявших – веслом погоняют.

Творец в этой сцене Данте подражал,
Который так о Хароне¹⁰⁸ написал:
«А бес Харон сзывает стаю грешных,
Вращая взор, как уголья в золе,
И гонит их, и бьёт веслом неспешных».

Илл. 71,
стр. 494.

Тут всех влечёт поток неумолимый,
И Сам Христос вершит Суд справедливый.

Закончены страшные сцены Суда,
В них всюду отчаянье, ужас, беда.
И этот Суд будет свершаться всегда.
Тут гимн человеческой боли звучит,
О жуткой трагедии всё говорит.

Виттория под угрозой изгнания,
Творца позвала к себе на прощанье.
А был упоительный вечер апреля;
В саду приглашённые гости сидели.
Маркиза со скорбной улыбкою встала;
И чёрное платье печаль отражало.
А злато волос мантилья¹⁰⁹ накрыла,
Лицо белым, словно мраморным, было.

Ваятель молча стоял перед нею,
Ведь он прощался с любимой своею.
– В Витербо теперь, в монастырь, уезжаю. –
– Опять здесь же скоро ли Вас увидаю? –
– Когда пожелает об этом Господь. –
Печаль свою мастер не смог побороть.
Смолкли, в глаза вновь друг другу смотрели;
Встречи недолгие все – пролетели.

– А Суд Страшный я не видала, друг мой. –
– Посмотреть Вам его тут можно со мной. –
– Но рано, под утро, покину я Рим.
И верю, что встречу с твореньем большим. –

А письма они обещали писать,
Свои стихи будет ему высылать,
Он милой рисунки начнёт отправлять.
И наш скульптор быстро вышел из сада;
Ведь был так подавлен горькой досадой.

А теперь закрылся опять в мастерской,
Удручённый всё ж набежавшей тоской.

Во тьме он стряхнул с себя оцепененье,
Хотел видеть фреску в эти лишь мгновенья.

И творец в ночи с подручным Урбино
Вновь пошёл поспешно, молча в Сикстину;
Помощник зажжёт в капелле все свечи,
Здесь Судный День Судной Ночью был встречен.
И С т р а ш н ы й С у д сразу из мрака возник:
Ждут все приговора в ужасный тот миг.
В муках тут мужчины, женщины, дети,
Ангелы, Святые, Черти Планеты;
На них здесь льётся слабый, мерцающий свет,
Любой лишь пред Христом ныне держит ответ.

**Илл. 72,
стр. 495.**

Из мрака вперед стали все выступать,
Чтоб драму зловещую тут разыграть.

И Микеланджело роспись всю увидал.
– Это весьма хорошо, – ваятель шептал.
Так закончен был им многолетний свой труд;
И прекрасные фрески для всех предстают.
Маленький он здесь – у большого творения,
Ставшим вновь подвигом великого гения.

Глава 11

Собор Святого Петра

1

В тысяча пятьсот сорок первом году
Увидел тут в восторге народ фреску ту.
И толпами быстро стекался весь Рим,
Ведь все изумились твореньем таким.

Вновь к автору идут в мастерскую чредой,
И хвалят здесь геройский, святой труд большой
Короли, кардиналы и флорентийцы,
Кузнецы, подмастерья и живописцы...
Не всё общество его тут посещало:
А лишь – зодчие с Антонио Сангалло,
Приверженцы все кардинала Караффы,
Ведь также жестокие, как Голиафы.

Но скульптору папа не дал отдыхать,
Уже предложил творить фрески опять
Сразу в новой часовне Паолина,
Между новым Собором и Сикстиной.
Постройку часовни Сангалло здесь завершал,
И очень громоздким он зданье это создал.
А для Обращенья Апостола Павла
Одна стена мастеру нужною стала.
В той же часовне Пётр распятый – Святой,
Написан ведь будет, но – на фреске другой.

Микеланджело пишет в дневнике своём:
«Одарила Виттория вдруг тут письмом.

Твердит, если будем дружить мы без риска
И с чувством сердечным вести переписку,
То бросит службы в часовне Катерины,
А я не сделаю фрески в Паолине.
Она ведь перестанет: с Богом общаться,
Я – сладостным искусством лишь заниматься.
Хочет, чтоб больше с Господом вновь говорил,
Только бы смело творчеству жизнь посвятил».

Исподволь подумал всё ж об Обращеньи,
Здесь рубя резцом в хорошем настроеньи.
И творил тут бюст т и р а н о б о р ц а Б р у т а¹¹⁰ **Илл. 73,**
С головой, повёрнутою очень круто. **стр. 496.**
Для Флоренции этот портрет он ваял,
В нём народный трибун всем героем предстал.
Дерзкий и непреклонный борец удалой,
Смелый и энергичный, всегда волевой.

И волоса Моисея творец шлифовал,
На голове той два рога-луча изваял,
Так и в Ветхом Завете писали о них.
Но здесь думал опять о скульптурах других.
Создавать стал образы женщин искусно:
Тут ваял красивых Рахиль, Лию с чувством.
В нишах лишь будут здесь установлены
От Моисея по обе стороны.
Р а х и л ь тут – нежное, юное созданье;
И в ней олицетворилось созерцанье.
А также молода женщина Л и я ,
Она ведь в действии, словно стихия.
Всё ж ясно, теперь у маленькой стены
Рабы, Победитель вовсе не нужны,
Здесь в мелкие ниши их ставить не смог.
Опять Б о г о м а т е р ь, С и в и л л ы, П р о р о к
Мастера волнуют, их начнёт рисовать,
После Монтелупо будет все высекать.

Буонарроти страдает жестоко,
Ведь без Виттории – так одиноко.
Ночами он длинные письма писал
И часто рисунок, сонет прилагал.
Сначала она ему отвечала,
В последнем посланьи так написала:
«...Мы не сумеем писать постоянно,
А я теперь, не трудясь неустанно,
Не смогу к монашкам вновь заботу являть,
Вам, мой друг, придётся все труды прекращать.
Долг должны исполнить мы обязательно.
И Вам мой ответ – уже окончательный».

Скульптор ныне пребывает в печали;
Словно мальчика, его отчитали.
И страстные стихи он ей сочинял,
Но прятал все их дома, не отсылал.
Узнал, что она больна. Страдал от разлук.
Те слухи – верны ... И всё валилось из рук.

Вновь мастер нервничал, сильно уставал,
Но всё ж работу свою он продолжал.
И вся композиция видной стала:
Творил Обращенье Святого Павла.
Огня столб весь жёлтый здесь с неба сошёл,
О чуде том в Новом Завете прочёл.
А вокруг Павла видно фигур пятьдесят:
Летят Ангелы, люди бегут и стоят.

В мастерской работа вновь закипела,
Саркофаг ведь нынче надо доделать.
Урбино, Монтелупо дело всё знают,
Подручные тут им теперь помогают.

«И всё ж сколько же лет мне осталось прожить?
Да и даст ли Господь все дела завершить?»

И верю, что пока есть творческий полёт,
В разгаре все труды мои Бог не прервёт».
И скульптор по работам считал своё время:
Апостолов писать он на фресках намерен,
А усыпальницу Юлия – всё ж завершать,
Снятие со Креста – мыслит лишь после создать...
«И что же ты успеешь в жизни сотворить?
Ведь лучший способ время так определить».

О саркофаге Юлию думал опять:
«Но я сумею ль долг свой давнишний отдать?
Трагедия терзает уже сорок лет.
Гробницу ему завершу или нет?
А ведь и по воле пап творить прекращал,
И жил я в волненьи, от нападок страдал.
Но для чего же ищу оправдания
За пережитые мной испытания?»

Уже в настоящий момент Рим утверждал
Во всей инквизиции властный трибунал.
Главою Караффа теперь предстаёт,
Тут он, кардинал, держит в страхе народ;
И всех церковных догм защитник лихой;
Горяч он и несдержан; очень худой.
Инквизицию стали и здесь насаждать,
А на многие книги запрет налагать
И людей пытаться, мучить, доносы вновь слать.

И вернулась опять Виттория в Рим,
Но не хочет встречаться с другом своим.
В жестокости мастер её обвиняет,
Она милосердием это считает.
Упорствовал, с нею добился свиданья;
Маркиза в нём вызвала лишь состраданье.
И не было ведь красоты той былой,
Энергии бурной и воли большой.

Глаза зелёные с горя запали,
Лицо морщины уже покрывали.
Сухость нынче на губах, побледнели,
А золотые волосы – потускнели.
Состарили недуги и гоненья,
Душа так любимой полна смиренья.

– И Вы зачем же меня отторгали?
Невздам снова себя подвергали. –
– В лоне церкви покой обрету поскорей,
И грехи все замалывать буду я в ней.
Шла ведь и против Божьего учения;
В церкви ищу я ныне примирения.
И лишь в благодати хочу умереть. –
– Болезнь постарайтесь же Вы одолеть.
Видать, инквизиция замучила Вас. –
– Душа у меня так истомилась сейчас.
Бог Вас людям всем послал в поклонение,
Но ищите для себя Вы спасение.
Несмотря на болезнь, невзгоды любые,
Ведь я помню дела все Ваши благие. –

В саду весеннем слышно пчёл жужжанье;
А в сердце у него – боль и страданье:
– Мои к Вам чувства всё ж не изменились. –
А по щекам её слёзы катились.
Шепчет: – Спасибо, друг, Вы благодарны.
Так исцелили теперь мои раны. –
На холодной скамье в саду грустным сидел.
Уходила Виттория. Вслед ей смотрел...

2

Сангалло тут к постройке большой приступил,
Фундаменты часовни пока возводил.
Проверил скульптор всё, сходя на место;
Проект смотрел: «Часовне станет тесно.

Но придётся здесь сносить и часть Сикстины
И всю новую часовню Паулину».
Чертеж принёс папе, на нём всё пояснил,
Чем Павла, конечно же, сейчас удивил.
– И всё ж не могу я Сангалло понять?
Зачем же часовню всю надо ломать?
Проект сам делал, всё тут соорудил. –
А мастер папе так это объяснил:
– Для того, чтоб стройку затягивать дольше,
Раздуть, воруя здесь денег побольше. –

И лишь Павел работы тогда остановил.
Знал Сангалло, что скульптор виной во всём том был,
Нападать же на недруга прямо не стал,
А помощника Биджио он подослал,
Тот теперь повсюду стал бранить Страшный Суд;
Кардинал Караффа помогает им тут.
Издаёт ведь приказ инквизиции,
Ограничил искусства позиции.

И на совет папа мастера зовёт.
Как Ватикан защитить, речь там идёт.
Две модели стен представил Сангалло,
А всё ж в них ошибок было немало.
Но прежде местность всю творец изучил,
Совету о просчётах он доложил:
– Эта защита в боях – недопустима.
Ведь стен длину уменьшать – необходимо;
Уязвима оборона вся на холмах;
И здесь надо всё ж подумать и о вратах.
Вдоль Тибра всю стену легко проломить. –
Но вдруг стал Сангалло так зло говорить:
– Ты лучше скульптуру и живопись знаешь.
Хоть что-то чуть в зодчестве ты понимаешь?
И смог ли узнать всё сам про укрепления?
Как смеешь высказывать только сомненья? –

Ваятеля тут поддержал весь совет,
И стал воплощать он в натуре проект.

А папа к Микеланджело был любезен,
И мненье знать хотел о дворце Фарнезе.
Он по проекту Сангалло строился.
Мастер, видя постройку, расстроился.
В письме своём папе так излагает:
«Дворец красотой не обладает.
Проект мрачен, видно безликость во всём,
Нет верности стилю, удобств нужных в нём.
Создать здесь дворец изящным полагаю;
Но, чтобы исправить, сразу предлагаю:
Тут в верхнем этаже – все окна большие,
А в самом же верху – карнизы резные».
И папа свободный конкурс объявляет.
Ведь видеть дворец красивым лишь желает.

И Себастьяно, Сангалло, также Вазари,
Вага да Буонарроти здесь показали
Ему проекты свои интересные.
У папы Павла все отзывы лестные:
– И хвалю, и ценю я эти чертежи,
Ведь работали Вы так славно, от души.
Но и со мною не станете спорить –
Будет дворец Микеланджело строить.
Его таким ведь божественным мастер создал
И тут же всем молодым вновь пример показал. –
А скульптор, в сущности, строительство спас,
Себя как зодчий показал ещё раз.
Выступает узорный карниз над стеной.
Изумляет Дворец и теперь красотой.

**Илл. 74,
стр. 497.**

С удивлением нынче герой узнаёт,
Что его стихи уже читает народ:
Сонеты о Данте, Душе, Красоте,
О Вере, Искусстве, Любви, о Труде.

Передают те стихи, изучают;
На них ведь музыку, песни слагают.
Ваятелю стало всё ж известно о том,
Что там, во Флоренции, своим чередом
О поэзии всей книги написали,
В Академии Платоновской – признали,
И лекции в ней о сонетах читают;
Стихи те в Италии всех восхищают.

Задумки часто художник вновь усложнял,
Когда и фреску-плафон в Сикстине писал.
Саркофаг для Юлия малым ваяет,
Хоть большие планы он в нём предлагает,
Все их не по воле своей изменяет.
С этой гробницей, – «горой изваяний»,
Вытерпел мастер так много страданий.

**Илл. 75,
стр. 498.
Илл. 76, 77;
стр. 499.
Илл. 78,
стр. 500.
Илл. 79,
стр. 501.**

Ведь была за много лет всё ж создана,
В церкви Сан Винколи поныне она.
Чувствовал мастер, что труд не удался,
Лишь Моисеем доволен остался.

Проект дворца он поручил Томмазо,
Тогда работа закипела сразу.
А зодчие все чертежи выполняли,
Томмазо, ваятель им здесь помогали.

И творцу тут другом Чеккино Браччи был,
Но на этом свете лишь мало так прожил.
Скульптор на смерть его эпитафии писал,
С чувством душевным скорби стихами излагал:

*«Подстерегла костлявая рука,
И Браччи мёртвым мы нашли в постели.
Он был сражён не шпагой на дуэли –
Сквозняк зимой смертелен для цветка.*

*Лежит Чеккино прах в земле спокойно.
Навек угасла дивная краса.
Рим страждет, но ликуют небеса,
Встречая душу с почестью, достойно».*

Есть О б р а щ е н ь е Апостола П а в л а –
Фреска, которая миру предстала.
Здесь Христос небесную твердь разрывал
И на Землю огненный столб направлял.
Бескрылые Ангелы тут с Ним летали,
О страшном событии всех извещали.
Чертами мастера Павел был наделён,
Глаза закрыл здесь от света яркого он.
Сразу Святой поражён тут знамением¹¹¹,
Близко, вокруг него, – люди в смятении.

**Илл. 80,
стр. 502.**

Всё ж к Тициану¹¹² скульптор с Вазари сходил,
По приглашенью папы тот в Риме гостил.
Тициан – могучий, всегда повелительный;
Взгляд его твёрд, а с бородою – внушительной.
Живописец с Венеции – стал знаменит,
А сейчас он здесь образ Данай творит.
Ваятель встрече со старцем доволен весьма
И хвалит весь колорит, и манеру письма.

Снятие тут со Креста наш творец выполнял,
Для удовольствия дерзко вновь ныне ваял.
Фигуры в изваянии – скорби полны.
Среди Них Богоматерь – с одной стороны,
Видна и Мария Магдалина – с другой,
Стоит позади тут Никодим¹¹³ пожилой;
Ведь в нём мастера сразу можно узнать.
Так стараются Все Христа поддержать.

Ваятелю письма прислал Аретино;
И вновь всё в них наглость его подтвердило.

Жестоко он Страшный Суд всюду ругал,
А зрелище это бесстыдным назвал.
Пишет, что зол и скульптора сразу убьёт,
Если тот всё ж рисунки ему не пришлёт;
Также он о Герардо, Томмазо слышал,
Что вновь им живописец подачки давал.

Ныне исполнилось мастеру семьдесят лет.
Это ведь в жизни его тот не первый навет.
И Микеланджело была холодная дрожь,
Тут на него и не лили подобную ложь.
А Герардо давнишним приятелем был,
Лишь немного рисунков ему подарил.
И Томмазо – достойный человек и умён,
Благороден и чистою душой наделён.
Хорошее у него воспитание,
Ведь мало таких найдёт вся Италия.

И Томмазо печалить это всё стало,
Но теперь подбодрял он друга немало:
– И готов здесь себя я в жертву отдать,
Чтобы Вам перестали вред причинять. –
– Дорогой мой Томао, враги пусть орут,
Но ведь дружбу с тобою они не порвут.
Нам с ничтожеством надо ль бороться, друг мой?
Мало чести от всякой победы такой.
О тех шантажистах нам нужно забыть;
Мы будем, как прежде, работать и жить. –

3

тарость наступала; и стал одинок.
Роста небольшого, в плечах был широк.
Чаще в тёмное ваятель одевался,
А наброшенный плащ ветром развевался.
Широкополую шляпу творец любил,
И в сапогах лишь со шпорами он ходил.

Изрезан морщинами лоб высокий;
И с малой горбинкою нос широкий.
Кристалльно чистая, чуткая душа.
Искрятся светлые, карие глаза;
Скорбь, боль и тревогу они выражают.
Волосы кудрявые, лишь чуть свисают.
С раздвоенной и с сединою бородкой,
Усы негусты, бакенбарды коротки.
А пока волос чёрный, но он стал седеть.
Был энергичен, весел, не думал стареть.

И безупречно нравственным мир его знал,
Скромностью так большой всех друзей подкупал.
Но имел и завистников, много врагов.
У ваятеля был ведь характер таков:
Самообладанье стал легко всё ж терять;
Мнителен порой, мог резко вдруг осмеять;
Подхалимов всегда не терпел, не щадил.
Но лишь тем же, кого уважал и любил,
Предан до конца всей долгой жизни своей;
Бедным помогал, имел надёжных друзей.
К подручным, подмастерьям – был внимателен;
В житейском бытие – непритязателен.
Ведёт образ жизни всей аскетический;
В работе горит, трудясь титанически.

И слыл остроумным, реже – язвительным,
Что гениям добрым даже простительно.
Вазари картину как-то раз показал.
– Я времени мало тратил, – так он сказал.
А Микеланджело ответ дал такой:
– Видно ведь это мне, мой друг дорогой. –
И собрат по кисти к нему приходил,
А с собой эскизы свои приносил,
Где он лучше всего лишь быка рисовал;
И о нём всё ваятелю так рассказал:

– Почему красивей всех большой этот бык? –
Но всё ж мастер промолвил ему напрямик:
– Наверно, невольно художник любой
Себя хорошо сам напишет порой. –

Распятие Петра Святого – фреска,
Творил он всю работу эту – дерзко.
Выразительность здесь всем рисункам придал
И попытку вновь смелую в них предпринял:
В центре композиции этой – яма,
Смотрит со Креста Пётр Святой упрямо.
Во взгляде ярость и злость, осуждение,
Ко всем жестоким тиранам презрение.
Тут вниз головою Апостол распят,
Хотят Крест наклонный все люди поднять.
Силён духом, гибнет теперь, к сожаленью,
Ведь сломлена воля его окруженья.

**Илл. 82,
стр. 504.**

**Илл. 83,
стр. 505.**

Вдруг печально в Риме звонят колокола;
А всё ж нынче снова тут чья-то смерть пришла.
Ведь Сангалло так пышно здесь похоронили,
Как великого, все – его превозносили.

И папа ваятеля вновь вызывает,
Опять на коне тот к нему прибывает.
В Ватикане его торжественно встретили,
Поприветствовав, все заслуги отметили,
Кардиналы, придворные – тут кричали,
Произносит сам Павел так громко в зале:
– Знай, сын мой, ведь с радостью всем сообщаю,
Что тебя с почётом здесь я назначаю
Теперь архитектором главным в Соборе,
Начать же работу всю надобно вскоре. –

– Ваше святейшество, не могу я принять. –
Искорки ярко в глазах у папы горят:

– Не хочешь ли мне вновь сказать лишь своё,
Что зодчество тут – ремесло не твоё? –
– В Соборе мне многое надо сносить,
Быстрее хочу фреску Петра завершить.
И где же, святой отец, всё ж силы найти,
Чтоб в Риме большой, великий храм возвести?
Год семьдесят один мне скоро минует. –
Но папу то сейчас совсем не волнует:
– Ведь юноша ты по сравненью со мной.
Яви же и в зодчестве гений с лихвой. –
И лишь улыбнулся ваятель печально:
«Собор ведь моим был». И это – не тайна.
А теперь его дума вновь не покидала:
«Без меня бы на свете Храма не бывало.
Но за него тоже должен я отвечать
И всю постройку на верный путь направлять.
А жизнь мне дана, чтоб работать, страдать
И свой вздох последний искусству отдать».

Осмотрел он всё строительство строго:
«Здесь придётся переделывать много.
Проект весь Браманте, папой представленный,
Хороший, но купол – сильно придавленный.
Рафаэль, Сангалло чертежи изменяли,
Навели декор и план весь в нём усложняли.
Что-то придётся тут подвергать разрушенью,
Чтобы придать гармонию, ясность творенью.
Ведь я идеи Браманте взял за основу,
Но предложил всё ж проект Собора свой, новый.
К центру пространство – воедино сливаю,
В плане всём подробности – лишь так избегаю.
Стану главному всё – куполу я подчинять;
Буду, словно из скал, здание вновь вырубать».

Чуждое делал творец не по воле своей,
Мучила совесть с годами его всё сильней.

А о всех неудачах своих сожалел,
И поэтому душу спасти он хотел:
«Для Бога Храма этот в века воздвигаю;
Работая в нём, свою душу спасаю».

Илл. 84,
стр. 506.

За службу плату он отказался принять,
За тяжкий труд принялся упорней опять.
До обеда творец лишь фреску писал,
А затем на постройку вновь прибывал.

Работа по проекту его началась,
Быстрее сносили всё ж возведённого часть.
Угрюмость рабочих зодчий тут замечал,
Ломали ж они всё, что теперь намечал.

Отнимало строительство уйму всех сил.
Но он о недочётах в дневник заносил:
«Решил на стройке Собора чаще бывать;
Дельцы ведь стоимость стали вновь раздувать.
У кормушки сей грелись, к рукам всё прибрали;
И здесь будет порядок, хоть мне угрожали.
Главный попечитель заявил так на днях:
– Прежде ж не копались ведь тут в наших делах.
Но Вы, роясь в счетах, запачкаете руки.
У Вас много здесь дел. Зачем же все докуки? –
И я тогда смотрителю стал говорить:
– За чистотою Ваших рук – должен следить.
Ведь всегда моя совесть чиста пред людьми.
Проводить тут рачительность буду, пойми. – »

Препятствия главный смотритель чинил,
И папа декретом его отстранил.
А стал Буонарроти смотрителем,
На стройке всей большой – повелителем.
Так негодных уволил всё ж побыстрее;
Стали здесь строить, как надо, ныне дружной.

Собор рос, римляне все поражались;
Творцом и новшества тут применялись.
Спиральные пандусы сразу создали,
По ним грузы на лошадях – доставляли,
Что сильно ускорило их всех подачу.
А раньше совсем ведь здесь было иначе;
Вверх тяжести только на спинах таскали,
На лестницах люди тогда уставали...

Теперь на успех обратили вниманье;
И в зодчестве также приходит признанье.
Ваятель и новый заказ получает,
А друга Томмазо к себе приглашает:
– Опять же ты должен помочь, мой Томао.
Ведь вновь предстоит нам построить немало.
И холм Капитолия¹¹⁴ нам поручают,
Ансамбль интересным все видеть желают.
Мы с тобою наметим проект свой большой,
Ведь тут в этом – надёжный помощник ты мой. –
В радости его молодой друг сияет:
– Очень рад, труд с Вами меня окрыляет. –

А на Витторию снова гоненья;
Прибыл наш мастер к ней без промедленья.
Но был её облик в горькой печали;
Так долго они в молчаньи стояли.
Всё же оживилась лишь в разговоре,
Здесь заговорила с ним о Соборе:
– Купол будет только от дождя защищать? –
– Но и, как скульптура, станет он украшать.
Улыбнулись Вы, шутите вновь тут со мной. –
– Но не думайте, как о несчастной, больной.
В трепетной радости всё ж не устану,
Ведь в мир иной я уж скоро предстану. –
– Ну и зачем же стремиться Вам к смерти?
Многие люди Вас любят, поверьте.–

И руку его Виттория сжала,
Глаза загорелись... И прошептала:
– Простите, что я не шла к Вам навстречу.
Но Вам не нужна, теперь всё ж замечу;
Об этом я твёрдо отныне всё знаю,
Лишь только себя потому и прощаю.
Снятие со Креста – здесь мрамор Ваш новый;
И Капитолий; Храм великий, суровый.
Вот Ваша любовь, вот Ваши все страсти.
Всегда ведь Вы у искусства во власти.
Ваш дерзкий столь гений творить не устанет,
Когда и меня тут, на свете, не станет. –

И весть до ваятеля вскоре дошла:
Колонна Виттория здесь умерла.
Она казалась так юной, прекрасной,
Как в тот же вечер весенний и ясный,
Когда лишь впервые её увидал.
Вновь он все те встречи сейчас вспоминал.

Земные тревоги уже миновали,
Черты лица ныне спокойными стали.
А её в лоб сейчас хотел поцеловать,
Но с трудом ведь себя он всё же смог сдержать;
Только руку целовать позволяла.
И домой вновь брёл ваятель устало.
А образ милый тут пред глазами стоял,
Её портрет теперь он в тоске рисовал...

Сразу припомнил с болью прощание
И посвятил ей строки печальные:

*«Огонь угас, но в этой плоти брэнной
Он с прежней ненасытностью горит,
Меня опустошает и палит
И в пепел превращает постепенно.*

*Покуда жив, вовек я не забуду,
Как кроткий лик печально угасал.
Напрасно я к Всевышнему взывал –
Неотвратим предел всегда и всюду».*

4

Ведь истинным мастером в мире признали,
Заказы с лихвой здесь к нему поступали.
Также папа Павел вновь дал порученье:
Строить башни и крепостные строенья.
В Константинополь позвал турецкий султан,
В сопровожденье эскорт ведь был бы им дан.
Король французский счёт в банк на Титана внесёт,
Ваять тот если ему лишь творенье начнёт.
Гения советы всегда помогали,
Крупные работы все с ним обсуждали.
Как божественное, в славе создание,
У художников всех – был в почитании.

Также перед ним короли преклонялись
И всегда талантом его восторгались.
Ведь просил Франциск Первый скульптуру создать,
Чтобы свой портрет конный быстрее увидеть.
Мастер бы бесплатно её выполнял,
Если б тот свободу Флоренции дал.
А Екатерина Медичи – властная;
Только на большое диво прекрасное
Выслала заказ Микеланджело ведь снова,
Чтоб тот творил статую Генриха Второго.

А Козимо-герцог во Флоренцию звал,
Рубить изваянья сразу там – предлагал;
Он, Медичи, вновь земляка восхваляет,
Теперь пост сенатора дать обещает.
Но мастер не стал отзываться на это,
Ведь так не хотел торопиться с ответом;

Но Буонарроти угождать не привык;
Мысли о том быстро записал он в дневник:
«Просьбу свою так изложил тиран опять:
Только торжественный портрет его создать.
Но ведь сам свободу везде попирает,
О моих воззрениях доподлинно знает».

О т в о р ц е и при жизни книги писали, **Илл. 85,**
Это были Кондиви¹¹⁵, Джорджо В а з а р и. **стр. 507.**

Кондиви-ученик о нём так вспоминал:
«Господь Сам безграничную милость воздал:
Несравненного мастера мне лицезреть,
С ним порой наслажденье в беседах иметь,
Всегда ценить его расположение.
Писать, что лишь достойно изумления,
Чтоб он примером был всем поколениям».

Вазари учителя, друга, кумира
Теперь ярко в книге представил так миру:
«...Но ведь люди искусства напрасно старались,
Подражанья природе всё ж – не получались.
А Правитель небес на это взирает,
И на Землю героя Он посылает,
Лишь который совершенным стал в творчестве:
И в художестве, скульптуре да зодчестве,
Также в поэзии истинно сладостной
Да и во всей философии нравственной.
Сам Бог желал, чтоб мир познал всю судьбу гения,
Дивные так Титана все произведения
И не земным звать стал бы это всё явление,
Верней всего лишь высоким и небесным
И чтоб чтил сына Флоренции чудесной».

Мастер наш утром трудился вновь в Паулине,
Смело здесь фреску Петра рисует он ныне.

Но всё ж, уставая писать тут кистями,
Теперь ваял вновь молотком и резцами:
«Рублю здесь частенько в ночные все бденья;
Как прежде, приходит ко мне вдохновенье.
Три фигуры скорбят тут у тела Христа;
А ведь эта скульптура – не снятье с Креста.
Я к Господу мыслю любовь отразить,
Идею бессмертия здесь воплотить».

С чувством свободы предался вновь страсти,
Всегда лишь у мрамора был он во власти.
Ныне Титан считал, что уже постарел;
Но ведь резец, как прежде, играл, звонко пел.
Христа вдруг погибшего гений ваяет
И голову чуть Никодиму склоняет;
Тот с мастером схож: с бородою и усами,
С приплюснутым носом, запавшими глазами.

Опять он в часовне смело фрески создавал,
Но всё ж никого тогда к себе не подпускал.
Росписи эти гигантским иконам сродни,
И к размышленьям глубоким зовут всех они.

Когда в Рим из Европы творцы приезжали,
То гения они в мастерской навещали.
Их здесь мастер большой вдохновлял и учил,
И для многих – заказы он сам находил.

Место в истории наш герой осознал,
«Я» своё в каждом твореньи вновь выражал:
«Но себя выше – не признаю никого;
И в трудах непосильных добыюсь своего.
Чувствую я в искусстве заряд сил такой,
Что по плечу мне замысел дерзкий любой.
Верность лишь идеалам должны сохранять
И поменьше чужим всем советам внимать.

Никому подвластным быть не собираюсь;
Я создать своё, лишь новое стараюсь.
Должен художник жизнью народною жить,
Радость, страданье, силу, красу отразить.
И молвить правду и только правду всегда,
На сделки с совестью – не идти никогда.
Лишь моё мне вдруг творенье не нравится,
То заказчику оно – не вручается».

Он и на природу порой выезжал,
В дубравах, оливковых рощах гулял.
Смотрел, как паслись там козы в долине,
Как резко они взбегали к вершине.
И мастер величайшей вершиной предстал,
Искусством покори́л всех, его мир узнал.

В движеньи истории очень стремительной
Предвидел душою так сильной, чувствительной
Приближенье здесь тирании жестокой
И крушенье чаяний дерзких, глубоких.

Шли дни, месяцы, годы в обычном порядке.
Тратил бодрость и силы опять без оглядки.
Но болезни враз всё же к нему подступали:
То и почки его иногда донимали;
И даже вновь дышалось порою трудно,
Да ныла поясница. Был часто нудным.
Ворчал, обижался теперь на друзей,
В тоске тяготился болезнью своей.

Когда же с трудом наконец поправлялся,
Обычно к Томмазо всё ж вновь обращался:
– К чему же так сварливым я становлюсь?
Иль возрастом своим уже тягочюсь? –
– Вы и в двенадцать лет раздражались порой;
Молвил о том Граначчи так, друг Ваш большой. –

– Да, всё ж и раздражительность часто была.
Так пусть будет же память о друге светла! –
А его Граначчи ныне не подбодрит,
Ведь он, верный, старый друг, в могиле лежит.
Платоники тоже все давно погребены,
Ведь скульптору в юности – наставники они.
Бальдуччи, Бальони в живых тут не стало,
И умер недавно шутник Себастьяно.
Ваятель письмом Лионардо расстроен:
Брат Джовансимоне у них похоронен.

Близкие один за другим умирали,
Сверстники, друзья белый свет покидали.
А художник жить и творить продолжал,
Но далёким, чуждым весь мир этот стал.
Предался всё сильнее теперь переживаньям;
Хотел достичь в вопросах вечных пониманья.
Он жестокость, трагичность веков показал;
И вновь помыслы к смерти Титан обращал.
К приятию её себя подготавливает,
Так близость к ней в стихах он мудро выражает:

*«Кончину чую. Но не знаю часа.
Плоть ищет утешений в кутеже.
Жизнь плоти опостылела душе.
Душа зовёт отчаянную чашу!
Мир заблудился в непролазной чаще
Средь ядовитых гадов и ужей.
Как черви, лезут сплетни из ушей.
И истина сегодня – гость редчайший.
Устал я ждать. Я верить устаю.
Когда ж взойдёт, Господь, что Ты посеял?
Нас в срамоте застанет смерти час.
Нам не постигнуть истину Твою.
Нам даже в смерти не найти спасенья.
И отвернутся Ангелы от нас».*

Одиночество снова творец ощутил,
Ведь последних соперников всех пережил.
В их лице так и судей своих потерял,
Но борца сильный, смелый дух – не покидал.

Вновь он пишет ныне домой Лионардо,
Что ему скорее жениться бы надо:
«Тебе же ведь пора сыновей заводить,
Чтоб род Буонарроти всё ж дальше продлить.
Мы старинные, знатные граждане,
И дай Бог быть такими же каждому».

Кавальери Томмазо нынче влюбился,
Он на девушке юной сразу женился.
К себе гостей много знатных позвали,
И свадьбу пышно они отмечали.
Были здесь папа, его приближённые
И живописцы, друзья приглашённые.

А через год сын у Томмазо родился,
Наследником этим он очень гордился.

И всё ж почил в Риме вскоре папа Павел,
Ведь стариком дряхлым белый свет оставил.
Сразу все римляне в душевной печали
Молча в последний путь его провожали.

Папой Никколо Ридольфи тут должен предстать,
Ведь за него – кардиналы да римская знать.
Но он, сын Контессины, отравлен здесь был,
От Козимо агент то злодейство свершил.

И ваятель вновь в горе, другу стал говорить:
– А Флоренции ныне – ведь свободной не быть. –
Так весь мир ему отвращенье внушал;
Лишь к белому мрамору взор обращал.

Снятью со Креста отдавал любовь, силу
И просил поставить к себе на могилу.
Он в труде находил наслаждение,
Забывает земные лишения.

Кардиналы нового папу избрали,
И его все Юлием Третьим назвали;
А Чьокки дель Монте – шестьдесят два года,
Избранец из знатного, большого рода.
Вскоре мастера срочно на виллу позвал,
Он здесь пышный обед приглашённым давал.
И встретил скульптор друга Джорджо Вазари,
Его тут зодчим папской виллы избрали.
Мастер и Чеккино Росси увидел,
Ведь он спас с Вазари руку Давида.

Папа Юлий с плотной, седой бородой;
Нос его длинён, крючковатый, большой.
Юлий гуся быстро, прожорливо съел;
Грубым, низким голосом он загудел:
– Микеланджело, возраст твой знаю,
Я тебя нынче – не загружаю.
Часть жизни охотно бы смог подарить,
Если б я мог – только твою жизнь продлить. –
А ваятель тронут теми словами:
– Вы, святой отец, не тратьтесь годами.
Но ведь для мира всего христианского
Недопустима та жертва гигантская.
Скидок и льгот на возраст свой я не прошу. –
– Верю, сын мой. Стараньем твоим дорожу.
Мне сделай работы кое-какие:
Фасады дворца в Сан Рокко – резные,
Лестницу, фонтаны лишь в Бельведере.
После заказать тебе я намерен
В камне надгробия дедушке, дяде... –
Мастер на это всё пиршество глядя,

Всё ж решил уйти незамеченным вскоре.
«Почему ж ни слова сейчас о Соборе?»

Но Юлий дал Кондиви срочный заказ,
В дневнике о том пишет скульптор сейчас:
«Ведь Кондиви от папы задание взял,
Чтобы я на вопросы ответы давал.
Узнал он так много о всей жизни моей,
Отличный рассказчик полон новых идей.
Долго ещё намерен опять докучать,
Обо мне вскоре книгу собрался издать».

Папа о стройке Храма отложил вопрос;
Биджио сразу жалобу ему принёс.
И вновь на постройке той люди собрались,
О трудах всех зодчего споры начались.
А вся толпа недовольно шумела,
И закричал сразу Биджио смело:
– Скульптор не сказал, куда деньги идут.
Знать хотим, каким Храм построит он тут?! –

Микеланджело им сказал, не тая:
– Отвечать за всё это – здесь буду я. –
Кардинал Червини сам ведал деньгами,
Обратился к мастеру он со словами:
– Ты, зодчий, часовни стал тут воздвигать,
Но так свет не будет в Собор попадать. –
Папе пришлось в разговор всё ж вмешаться:
– Только я с этим готов соглашаться. –

Архитектор высказал быстро в ответ:
– Проникает в купол достаточный свет,
Вверху же свода – все окна большие... –
Вскипел Червини на речи такие:
– Что же здесь строим? Мы ведь вправе все знать,
Чтоб Вам ошибок впредь тут – не допускать. –

– А деньги на Храм выдавать – Ваше дело;
Моя же забота – построить умело.
Ведь прекрасное зданье я воздвигаю,
За труд тяжкий оплату – не принимаю.
Надобно мне заслужить спасенье души. –
Папа промолвил: – Твои труды хороши.
И дела все земные, в небесах благодать
У тебя ни на йоту не должны пострадать.
Да, ты – верховный наш архитектор в Соборе. –
И Юлий ставит точку враз в этом раздоре.

5

Как-то раз ваятель и Вазари-ученик
На мосту Марии задержались лишь на миг:
– Давай пришпорим, Джорджо, теперь лошадей;
Видать, мост может рухнуть, поедem скорей. –
Вазари везде шутку эту – передал,
А Биджио, автор моста, – негодовал.

Только виллу папе сейчас украшали,
На Собор ведь денег пока – не давали.
И на пределе у мастера нервы.
Думал: «Спасёт меня мрамор мой верный».
Снова Снятие со Креста он ваяет,
Но на твёрдую жилу – вдруг попадает.
Тотчас Буонарроти так рассердился,
Что смело со всей силой в камень врубился.

А рука Христа здесь на пол упала.
Но другая мысль уже волновала.
Христос и Дева, и Магдалина – пред ним;
В скульптуру эту не помещён Никодим.
П и е т о й из П а л е с т р и н ы называют. **Илл. 86,**
Микеланджело ль труд? Точно ведь не знают. **стр. 508.**

Разбитая П ь е т а всё ж была всех родней; **Илл. 87,**
Её предназначал для гробницы своей. **стр. 509.**

Все те обломки подарил ученикам,
Они собрали изваянье по кускам.
Названье его – Ф л о р е н т и й с к а я П ь е т а ,
В музее Собора скульптура та видна.

Илл. 88,
стр. 510.

Микеланджело ныне печальным вновь стал;
Всё ж Урбино ему с сожаленьем сказал:
– И как мне не хотелось Вас огорчать,
Но, учитель мой, должен я уезжать.
Ведь уже жениться собрался теперь. –
– Без тебя мне будет так тяжело, поверь.
Но лишь ты для меня здесь, как сын родной.
И этот дом, Урбино, также и твой;
Приведи к нам жену, тут хозяйка нужна,
И пусть ведает делом домашним она. –
Урбино с невестой в дом приезжает
И скромную свадьбу вскоре играет.
Чутка Корнелия – женщина милая,
В доме хозяйка – так хлопотливая.
Рожденье первенца в семье отмечали,
Ему в ней имя Микеланджело дали.

Отчитал всё ж племянника мастер не раз;
Он ему, Лионардо, ответил сейчас:
«...Меня не уважил ты – плохо писал;
Я голову над писаниной ломал,
И разобрать каракули сам не сумел;
А голова нужна для серьёзнейших дел».

Но ему подыскивал дядя невесту,
Уделяя имени доброму место:
«...А на богатую всё же не зарься,
Лишь на здоровье её полагайся».

Скульптор деньги послал Лионардо опять,
Тот хотел семье будущей дом покупать;

А в жёны девушку юную вскоре же взял,
Её, Кассандру, ваятель всегда уважал.
Ведь о Микеланджело заботу являла,
Ему и одежду всю – лишь тёплую слала.

Всё ж свои мысли дядя так в пометке излил:
«Лионардо-племянник вновь меня навестил,
Он одет франтом, но ведь я его не корил.
Всегда пусть ценит и чтит наш герб родовой,
Продлит род графов Кеносса с юной женой.
Скоро введёт её, Кассандру, в новый свой дом;
Так он красив, просторен и удобно всё в нём».

Слал им дядя кольца с брильянтом и рубином;
И помочь старался во всём необходимом.
Имя сынку Буонаррото там дали,
Сына второго – Микеланджело звали.
Но там вскоре же умер ребёнок малый,
Так враз этим расстроен ваятель старый.

И свою племянницу Чекку любил,
Ведь её так много раз сам навестил.
Отдавал в монастырь, платил за ученье;
А когда вышла замуж, дал ей именье.

Всё реже нынче детство творец вспоминал,
И только лишь печаль снова в сердце держал:
«Кажется мне, не был ребёнком я никогда,
Ведь сопровождали меня работа, нужда.
И потому привык смотреть на невзгоды,
А не на радость жизни многие годы».

На проект Капитолия взял он заказ;
И его чертежами доволен сейчас.
Здание крепости-конторы сохранил,
Скоро, конечно же, его преобразил;

Дворец в чертежах – величавый, нарядный,
И сразу ведёт в центр его вход парадный.
Создаст и проекты здесь дворцов двух похожих,
На площади, по бокам, места им предложит.
К ней будут прикованы многие взоры,
Там выложит камнем цветные узоры.

Поставлен монумент в центре площади той,
Он, бронзовый Аврелий Марк, – видный, большой.
Для него постамент был сделан тут низкий;
Всадник, будто живой, к народу так близкий.

Капитолийский ансамбль ваятель создал,
Градостроителем вновь себя показал. **Илл. 89,**
С античным наследием всё же считался – **стр. 511.**
И комплекс строений в застройку вписался.

Тысяча пятьсот пятьдесят пятый год;
В домике наш мастер приятелей ждёт.
Сюда ведь Томмазо, Вольтерра, Вазари
Знакомых, друзей юбиляра позвали.

Микеланджело ныне восемь десятков лет; **Илл. 90,**
Гений весел, бодр, жаждет новых, больших побед. **стр. 512.**
И столько же жить все ему пожелали;
А стены рисунки теперь украшали.

Весь Рим в честь его: торжества отмечал,
Творца гражданином почётным назвал.
Тут ваятели, художники, зодчие,
Иностранные послы, люди прочие.
Друзей, аристократов много собралось.
Без пылких словословий здесь не обошлось.

Вспомнил скульптор: «Вазари ведь книгу мне подарил,
Живописцам Италии он её посвятил.

Всё солидно, а в конце произведенья
Молвил про меня, про мои же все творенья;
Страницы в ней эти с любовью писал,
Но лучше бы меньше меня восхвалял».

В Риме папа Юлий Третий скончался;
А взойти на пост Червини старался;
Он – папа Марцелл Второй, здесь утвердился;
Оплакивать долю творец не решился.
И сжёг чертежи, рисунки Собора –
Дела завершил тут, в Риме, так скоро;
В путь складывать вещи уже собирался;
Марцелл неожиданно, быстро скончался.

А Микеланджело всё же в церковь приходил,
Господа Бога теперь – опять благодарил
За то, что Тот силы нынче ему вновь придал.
От смерти же папы радости – не испытал.

Но для людей всех здесь теперь потрясенье –
В папы Караффа получил назначенье;
Он, Павел Четвёртый в Ватикане управлял,
Сполна инквизицию да ужас насаждал.
Трибунал пытал многих, в тюрьмы сажал,
Разорял, стрелял, вешал, бил и сжигал.

Ваятель сам не предпринял ничего;
А папа пока не тревожил его.
Но ведь наступает расплаты свой час,
И вызван был к Павлу творец лишь сейчас.
Папа строг. Властью высшей, святой наделён;
Вскоре же тут сурово так высказал он:
– Ведь работу твою, сын мой, уважаю,
Инквизиции – тоже я доверяю.
Мы всё ж хотим уничтожить здесь Страшный Суд,
Инакомыслящих фрески – все уберут.

Тебя богохульником тут называют;
И ту точку зренья теперь подкрепляют. –
А мастер на стул обессилено сел,
Лишь слепо на стену перед собою глядел.
– Тебя вымогателем люд весь считает,
Донос Аретино всё то подтверждает;
Он стал другом многих великих людей. –
– А я ведь не знал шантажиста подлея;
Ему в рисунках сразу же отказал,
Тогда навет свой на меня всё ж послал. –
– Почтенные люди страны потрясены:
Здесь голые нагло тобой – вознесены. –

– Так говорят узколобые люди,
Всюду искусство они все осудят. –
– Ведь, значит, сюда и меня ты отнёс? –
– Лишь только прекрасное я превознёс.
Так с большою любовью к Богу создал,
Что с такую ещё никто не писал. –
– Ну, хорошо. Твою фреску замажем;
Тему попроще тебе мы подскажем.
Нам нарисуй что-нибудь тут пристойное. –
Мастер поник, услышав недостойное.

Микеланджело слишком подавленным был;
И бороться за фреску – ведь не было сил.
Битву вместо него начинает весь Рим,
Вечно так покорённый талантом святым.
Живописцы, друзья, покровители,
Кардиналы, искусства ценители
Для спасенья росписи всё предлагали,
И ряды сторонников вновь возрастали.
Но анонимный посредник вмешался,
А им такой компромисс предлагался:
«Святых и грешников чуть-чуть приодеть,
Чтоб их пристойных всех впредь – стали смотреть».

Вбежал к мастеру поклонник горячий
Даниэле да Вольтерра с удачей:
– Папа оставит росписи как они есть,
Если теперь его замечанья учесть.
Фигуры все фрески будут так спасены;
Лишь только на них наденем юбки, штаны. –

– Когда б с детства спички пилил и строгал,
То больше бы этим доволен я стал. –

– Разумней взглянуть всё ж надо на дело,
Я всё постараюсь сделать умело. –

– Ты прав, Даниэле. Жертву здесь принесём,
Но мы ведь к векам невежеств снова идём.
Лучше б папе скорей порядок создавать,
А одежды в картине всей намалевать –
Тут нехитрое дело это совсем;
Сам и ты, друг Вольтерра, справишься с тем.

Я всю жизнь красоту и мощь воспевал,
А теперь человек постыдным предстал.
Даниэле, действуй. Закутай их всех. –
– Не волнуйтесь. Всё-таки это – успех.
Тянуть буду время в работе такой;
Быть может, Караффа, уйдёт в мир иной. –

А ваятель взялся свой мрамор рубить,
Чтоб от чёрных мыслей себя оградить.
И камню вызов бросает дерзко опять,
А с этой яростью в битве – не совладать.

6

умер наш Сиджимондо – последний брат,
Отец и также все братья в земле лежат.
Вновь пришло в жизнь мою огорчение –
Пережил я своё поколение».

Верного Урбино болезнь одолевает,
Но дух благородный его не оставляет:
– Не горестно, мой учитель, мне умирать.
В жестоком всём мире горько Вас оставлять. –

И ведь во сне почил Урбино-друг вскоре,
Жена его с детьми осталася в горе.
Уехала с ними в родительский дом;
Всё пусто для мастера стало кругом.

Себе места долго он – не находил;
Любимому другу стихи посвятил:

*«...И всё ж, пока во мне душа живая,
Земных утех всех будет мил мне круг.*

*Пускай лежит меж нами путь разлук,
Моря и горы, – мысль, не замечая
Лесов, озёр, летит, крыла ширяя,
Как мчится дух поверх дождей и вьюг.*

*Так мчусь и я упрямой думой к Вам
Скорбеть о смерти моего Урбино,
Который был бы, мнится, здесь со мной,
Когда бы жил».*

Поздней писал скульптор так другу Вазари:
«Вы, Джорджо, о смерти Урбино узнали?
Но ведь я уже давно в горе безмерном;
И всё ж повстречаюсь с ним вскоре, наверно.
Лишь он мог в жизни часто меня подбодрять
И научил, как надо смелей умирать».

Ваятелю милы – мучения и старость:

«...В печали нахожу единственную сладость».

К нему мысли мрачные приходят не раз,
О смерти своей он всё ж подумал сейчас:
«Но увы! Уже смерть у порога стучится.
Что ж с утраченным временем может сравнится...
Были муки, вздохи любви и страданья,
И надежды, тщетность желаний, признанья...
Ни одним днём не смог я располагать,
Не всегда ведь и добро мог совершать...»

Трудится усердно наш скульптор опять:
Бодро продолжает Пьета высекать
И Собор Святого Петра возводил.
Вновь поместье для Лионардо купил.
Мастер сирым людям порой помогал
И бесплатно многих парней обучал;
Этим душу, может быть, он так спасал.

Лишь бедным, к работе прикованным, жил,
Хотя и богатство под старость скопил.
Но убавляли ведь недуги силы,
Так всё здоровье помалу косили,
Да были – не твёрдый шаг, к сожаленью,
Уже далеко не острое зренье.
То в почках боль ныне частенько терзала;
К постели надолго его приковала.

Выезжал в лес, долины он из Рима,
Отдыхать ведь ему необходимо:
«Лишь на лоне природы покой обретёшь.
Что её – ты частица, здесь это поймёшь».

А в старости лесной мир сильней полюбил,
Душевные стихи вновь ему посвятил:

*«Кто майской зелени не замечает,
Тому весной дышать не суждено...»*

Но болезнь всё ж прошла, на подмости поднялся,
Неудачам на стройке теперь ужасался.
Здесь зритель ошибку уже допустил:
Он часовню одну всё ж не там возводил.

И мастер вновь к папе пошёл с объясненьем,
А тот ведь увидел его огорченье:
– Всю часовню тебе тут придётся сносить? –
– Нет, частично лишь можно её сохранить. –
– Биджио мне сказал, ты стал старым, больным;
Трудно тебе здесь справиться с делом большим. –
– Сместить меня – желанье Биджио было;
Его хваленый мост недавно же смыло. –
– Да, я твои все способности знаю,
Зодчим Собора тебя оставляю. –

А скульптора дома ожидает народ,
Ведь тут речь о куполе Собора идёт.
Немного рисунков его здесь имелось,
Но свод тот в модели увидеть хотелось.
– Вы правы! Я нарисую своим чередом,
А из дерева модель смастерим мы потом. –
Разошлись все гости, остался с Томмазо,
Рассказал ему тут идеи все сразу:
– Как во Флоренции, купол мыслю двойным;
Будет значительно он прочнее таким.

Задумал внутренний свод лишь скульптурным создать,
А внешний – станет здесь зодчество, мощь воспевать.–

Купол – незабвенное вечно искусство,
Вкладывал в него вновь он силы и чувства.
Ведь купол храма – небес миниатюра,
Его творил ныне зодчий, как скульптуру.
Но где бы любой человек ни стоял,
Там купол весь неба над ним представал.

Человек Земли – самый совершенный
И всегда в центре Мира и Вселенной.
Под куполом Храма в веках таковой;
Стремится вверх, к Господу, всюю душой.

7

Свой купол упорно творец рисовал,
Ведь душу и знанья ему отдавал.
И, несмотря на возраст свой преклонный,
Был сильным, с волей твёрдой, закалённой.
«Произведенье святое вновь создаю,
И я всем людям в века его отдаю.
Так пусть же будет и тайна во своде моём,
Мои эпоху и жизнь познавать смогут в нём».

Всё ж проходят недели своей чередой;
Скульптор лепит из глины свой купол большой.
Явилось к нему наконец озаренье –
Создал величайшее в мире творенье.
И, словно бы музыка, к небу взмывает,
Всегда грандиозностью всех поражает.
В то же время, как облако, – лёгкое оно;
Ведь с искусств земных – соткано и завершено.

Так прекрасно модель свою выполняет,
И никто таковых ведь в мире не знает.
Всё ж делать модель деревянную стали,
Томмазо и плотники в том помогали.

Видны статуэтки и капители¹¹⁶ ;
Резьба, украшения в этой модели.
А купол кирпичный весь будет единым,
Потом облицуют его травертином¹¹⁷ .

Павел Четвёртый внезапно здесь умер;
Сразу люд поднял мятеж, обезумел.

Скульптуру папы тут наземь свалили
И в водах Тибра её утопили.

От раздоров, крови все люди устали;
В Ватикане нового папу избрали;
Здесь им Джованни Анджело Медичи стал,
Он – Пий Четвёртый, его Собор так назвал;
И шесть десятков лет живёт адвокат,
Умён политик, как все тут говорят.
Инквизиции в Италии – не стало;
И уже ведь здесь ничто – не угрожало.
Все права Микеланджело он подтвердил,
Для строительства средства – уже отпустил.
Поручил ему проект городских ворот,
Их лишь Порта Пиа с давних пор Рим зовёт.

И теперь Буонарроти в возрасте зрелом
Одиночество своё – считает уделом:
«Пытаюсь в тяжком труде вновь я забыться;
От жизни всё ж – не могу отгородиться».

Но он старость глубокую осознавал
И стихи о ней мрачные так написал:

*«Опасен чудный лик,
Когда пришла пора
И тихо со двора
Крадётся смерть. Оскал застыл улыбкой,
Грозя мне каждый миг.*

*Надежда на спасенье стала зыбкой,
И нет пощады пред последней пыткой.
В душе заглохнул стон,
И дух мой удручён:
Минута расставанья с жизнью зрима –
Расплата за грехи неотвратима».*

Он много рисунков, картин раздавал,
И папа надзор свой негласный создал.
Быстро меры должны приняты были,
Чтоб труды все мастера – не растащили.

Скульптора снова болезнь одолевает,
Биджио место его сам поджидает;
Ныне занял он пост высокий в конторе
И строчить улики, доносы стал вскоре.
Так поручили ему производство работ,
Но лишь по-своему снова всю стройку ведёт.

К Микеланджело старость уже подступает;
На постройке всё реже и реже бывает.
Но всё ж новость Томмазо ему сообщил:
– А там Биджио всё уничтожить решил.
И вновь принять быстрее Вам надобно меры. –
– Тогда сейчас пошлю на стройку Вольтерру.
Быстро, ловко вокруг пальца пап обводил,
О штанах Суда папа Пий – быстро забыл. –
Биджио хозяином себя здесь считал,
Ныне он Вольтерру вновь в Собор не пускал.

Встретил как-то зодчий папу со свитой
И тотчас сказал с большою обидой:
– Я требую Биджио скорее убрать,
Ему не давайте же наш Храм разрушать. –
И вот этому Пий придаёт оборот –
Изученье всех дел вновь на стройке идёт.

А Биджио факты все – подтасовал
И только корысть свою – вновь показал.
Но, как судья, теперь же без сожаленья
Папа Пий вынес здесь сам быстро решение:
– Биджио тут от работ отстраняю,
Скульптора планы менять – запрещаю! –

Выше и выше Собор поднимался,
Мастер проектом опять занимался.
Завершал проект свой П и е в ы х в о р о т,
Но уже работа новая здесь ждёт.
А сейчас у творца идеи зрели:
Церковь С а н т а М а р и я д е л ь А н д ж е л и
Быстрее вписать по просьбе из Ватикана
В древнейших термах лишь Диоклетиана.

Илл. 91,
стр. 513.

Мрамор в мастерскую давно привезён,
Многим полумесяц напомнил ведь он.
Иисуса, Марию ваять начинал,
Но ведь в разных заботах – творить перестал.
Недавно мысли стали его осенять:
«Мне нынче форму новую надо создать».
Лишь так бодро здесь схватил большой молоток
И всё ж голову Христа вдруг сразу отсек.
Смело и новую главу он ваяет,
Правую руку у Него отрубает.
Те усекновенья тотчас эффект придали:
Ноги Иисуса длинней казаться стали.

Трудился с подъёмом творец, как всегда,
Но вдруг всё накрыла сейчас темнота.
Путались мысли, резец из руки враз упал;
Всё ведь забыл, что ваял... И сознание терял.
А всё же вскоре пришёл он в сознание
И вновь пытался рубить изваяние.

«А, быть может, секунду дремал тут сейчас?
Почему же я стал ослабевшим тотчас?»
Только потом служанку подойти попросил,
Голос его лишь тихим, неразборчивым был,
Так сильно рука и нога онемели –
Старуха его довела до постели.

Она побыстрее сходила к Томмазо;
И с доктором тот появился ведь сразу.
Врач много лекарства в питьё примешал,
Его чуть горячим ваятелю дал:
– Отдых излечит и Вашу всю слабость. –
– Но не излечит теперь мою старость. –
Томмазо подушку ему подложил,
А друга ворчливость он так изъяснил:
– Давно Вы о старости стали твердить,
Я даже о ней не хочу говорить.
Здесь посижу я, пока не заснёте. –
И до полночи Томмазо в заботе.

Микеланджело вскоре бодро поднялся;
Боль его стихла... И творить всё ж принялся.
Уверенно рубит, шлем одев со свечой,
Внимательно смотрит он на мрамор родной.
Со Христом Богоматерь продолжил ваять;
И Пьета Ронданини Её стали звать.

**Илл. 92,
стр. 514.**

Себе говорит ведь так наш мастер: – Пошёл! –
Со страстью и яростью в работу вошёл.
Смело семь раз крепко резцом ударяет,
А при счёте лишь до пяти – размышляет.
И наносит удары вновь все чередой,
После пауза – отдых совсем небольшой...

Вновь Томмазо на рассвете тихо пришёл,
Сразу скульптора здесь за трудами нашёл.

Не удержался здесь друг от улыбки сейчас:
– Но Вы – большой ведь обманщик! Успех есть у Вас.
Думал: дня три проспите – лишь крепко так спали;
Вы же сразу тут белую вьюгу подняли. –
– Белой пылью полегче, Томао, дышать,
Запах камня чудесного мне ощущать. –

– А себя утомлять вновь не надо, друг мой. –
– Всё ж найду на том свете я отдых, покой.
Ведь рай переполнен скульптурой давно
И мне остаётся лишь только одно:
Вечно да праздно взирать на творения,
Там позабыв про земные волнения. –

Вспомнить здесь всё ж не смог, что сознание терял.
Мастер так счастлив – день весь скульптуру ваял:
Ведь Богоматерь с Сыном опять создавал.

С Томмазо ужинал, весел был в разговоре,
Потом лёг сам он в постель, заснул крепко вскоре.
Сразу ночью тут бодрим поднялся ведь он;
И в любимом ваяньи – так смел, увлечён.
С трепетом лишь Иисуса тут шлифовал,
Жар весь последний души Ему отдавал.
Проходит два дня. И снова мрамор пред ним;
Ваяет и мыслит над твореньем своим.

Ослаб, вдруг молоток и резец уронил;
Теряет вновь сознание, удар поразил.
Спотыкаясь, с трудом добрёл до постели,
И поникла глава, колени немели...

Но очнулся. В комнате много людей:
И врачей; его старых, верных друзей.
Вдруг плывёт пред взором несравненно чиста,
По плечо отнятая рука вся Христа.
На ней ведь вена была, как живая;
И на свою глянул – стала сухая.
Так подумал мастер сейчас сокровенно:
«Человек умрёт. А искусство – бессмертно».

Но трудиться не дали больному тут ныне;
Он смотрел, как огонь догорает в камине.

А через день пошёл под дождём проливным –
Ведь решил повидаться с Собором своим,
С величайшим твореньем близким, родным.
Вскоре встретил его ученик молодой,
Тот всё ж старца повёл потихоньку домой.
На другой день верхом мастер ехать хотел,
Но взобраться в седло – он уже не сумел...

И врач старался в постели его удержать;
Проститься римляне шли и творца повидать,
Слова душевно сказать и цветы передать.
– Вы не спешите спровадить меня на тот свет;
Знайте, прожил мой отец девяносто ведь лет. –
Томмазо учителю сразу ответил:
– Утром вновь съездим мы к Собору в карете.
Огромный барабан посмотрим вокруг,
Ваш купол над ним там возводят, мой друг. –
Не может спокойно уже отдыхать,
В янтарных глазах стали искры сверкать,
Сумел своему другу твёрдо сказать:
– И слава Всевышнему! Друг дорогой,
Ведь не исказят нынче замысел мой.
Печально мне, как ни прикинь, умирать.
Лишь очень хотелось всё снова начать.
Почему человек так мало живёт?
Он все думы свои в могилу несёт.
Я сумел бы новые формы создать,
О которых раньше не мог и мечтать.
Из мраморов белых ваять я полюбил,
Лишь эти все камни всегда – боготворил. –

– Вы, учитель, свой подвиг в искусстве свершили,
Страсть к прекрасному, лучшему так утолили. –

Мастер лёжа и без сна, думал всю ночь:
«Я не в силах старость свою превозмочь.

В трудах была всё ж хорошей жизнь вся моя.
Увлёкся больше всего скульптурою я,
Но также и живопись так полюбил,
Ещё архитектуру разумно творил
Да в поэзии душу порой изливал.
И моих всех родных, и друзей уважал.
Всегда любил Бога, полюбил и людей;
Ведь с детства природу чтил, всё сущее в ней.
Жизнь промчалась, как будто приснилась мне.
А теперь люблю смерть, как исход на Земле.
Сам Великолепный бы меня благодарил –
Силы разрушенья и зла я здесь победил».

Вдруг нахлынула темень огромной волной.
Хочет видеть Томмазо он тут пред собой.
Вскоре творец очнулся, с надеждой смотрел –
А на краю кровати друг верный сидел.
Микеланджело голову чуть приподнял,
И её друг надёжный к себе прижимал.
– Но послушай же, Томао, любимый друг мой.
Схороните во Флоренции дивной, родной. –
Так недолго продлилось всё это прощанье,
Молвил скульптор последние в жизни желанья:
– Да, отдаю я Господу душу свою;
А земле сырой – тело теперь предаю.
И достоянье всё... семейству отдайте...
Сразу племянника сюда... вызывайте... –
– Ныне по Вашей же воле всё совершим;
И все работы в Соборе – мы завершим.
Капитолий, Собор всегда будут стоять,
А Рим городом Вашим все станут считать. –

– Спасибо, Томао... Очень я устал... –
Его молодой друг в лоб – поцеловал
И незаметно уходит... Рыдает...
Одного мастера здесь оставляет...

Быстро сумерки на город спускались;
Мысли гения не вдруг – напрягались.
Ведь так много создал работ лишь прекрасных;
И одна за другою виделись ясно,
Их все словно бы только что он завершил.
И вновь мастер всё сразу увидеть спешил.
Пред ним тут и з в а я н ь я и ф р е с к и – сменялись,
Ещё а р х и т е к т у р ы т в о р е н ь я – являлись:

Это – Мадонна у лестницы с Сыном Христом,
Первой скульптуру свершил сам в искусстве большом,
Талисманом его на жизнь долгую стала,
На великие замыслы – вновь вдохновляла;
И горельеф свой Битва Кентавров ваял,
Силу, активность, ярость борцов показал;
Во дворце у Лоренцо создал те творенья,
Старый скульптор Бертольдо там вёл обучение;
Статуи Святой Прокл и Святой Петроний,
Обе создавал он смело для Болоньи,
Также с подсвечником Ангел среди скульптур тех,
Для Альдовранди успешно там сделал их всех;
За наставленья и дело благодарное
В дар монастырю Распятые деревянное
Бикьеллини-настоятелю вырубил он;
Торгашу римскому продан Малыш-Купидон;
И первое в Риме изваянье создал,
Там Вакхом с Сатиром сам его ведь назвал,
С чувством выполнял их умело для Галли;
В Риме и Пьета – Богоматерь в печали –
Заказ кардинала француза Сен Дени,
Ваятель работу любимую ценит;

Создан во Флоренции смелый Давид,
Силой, мощью духа врага победит,
В скульптуре сполна проявил дарованье,
На всей же Планете – успеха признанье;

В ярких красках писал Семейство Святое,
А случилось с ним событие смешное:
Мало денег там отдать заказчик желал,
Но платить ведь всё ж намного больше он стал,
Так принял ту картину приятель Дони;
Да Битва при Кашине есть на картоне
(Также он – и Купальщики, так назывался),
Дерзко им с Леонардо да Винчи сражался;

Богоматерь с Младенцем увидел с тоской,
Изваял их для Брюгге давно в мастерской;
Картина Леда и Лебедь видится ясно,
В прекрасной женщине пышной – всё сладострастно;
В камне Святой Матфей пробивает дорогу,
И вознестись душою стремится он к Богу;
Не повезло скульптуре Юлия злосчастной,
С церкви в борьбе в Болонье скинутой ужасно;

Фрески огромные две – Бытие, Страшный Суд –
Веру, любовь, сострадание людям несут,
В Сикстинской капелле написаны они,
Ведь ими народы Земли покорены,
Этим искусством великим мир изумил,
Живопись, как и скульптуру, он полюбил;

Гробница папе Юлию и Моисей,
Отдал им годы многие жизни своей;
Скульптуры Рабы – незавершённые,
Никем, никогда – непокорённые;
Изваянья Ночь и День, Утро и Вечер,
Так род знатный Медичи ими отмечен;

Эскизы дружку, шутнику Себастьяно,
Тот росписи с них рисовал постоянно;
И портреты Томмазо – друга дорогого,
С жаром ведь обучал красавца молодого;

Посвятил рисункам он много дней и ночей,
Посылал Виттории их– любимой своей;

Обращение Павла и Распятье Петра,
А та каждая фреска в Паулине мудра,
Они здесь, в Риме, обе – отчаянье и страсть,
Ведь в них боль и художника вновь отозвалась;
Исполнены были с большою всей заботой
Ансамбль Капитолий и Пиевы ворота,
Бастионы, башни и крепости в Риме;
Стал по праву зодчим великим он в мире;

Сотраданье, страсть последним скульптурам отдал,
В удовольствие своё три Пьета вновь ваял:
Только Флорентийскую, из Палестрины
И незавершённую им Ронданини...

Чреда всех образов тех замерла вдруг на миг;
Собор Святого Петра перед взором возник.
Мысленно входит через главный портал,
Солнечный, яркий свет вверху увидал,
Чувствовал: тело душа покидает,
Выше и выше под купол взмывает;
И она на века враз сливается с ним,
С небом, Богом, Пространством Вселенским Святым.

**Илл. 93,
стр. 515.
Илл. 94,
стр. 516.**

Бессмертие

«Я помыслами в вечность устремлён».
Микельаньоло.

Вторая жизнь гения

1

Величайшего Микеланджело
власть, друзья, скопленье народа
в неутешной скорби и любви столь глубокой
В феврале тысяча пятьсот
шестьдесят четвёртого года
схоронили в Риме, на чужбине далёкой.

Ушёл он в свой срок, что назначен судьбой,

«Из жизненной бури в блаженный покой».

Друзья, племянник, волю его исполняя,
Везут прах спешно, в тайне пока сохраняя,
В тюке товара во Флоренцию, город родной.
Весь тут народ его встречает в печали большой.

И с факелами великого прах здесь несли,
В той похоронной процессии к церкви пошли
Враз толпы в чёрных одеждах прискорбных людей,
Все с перевязями, множеством ярких свечей.

В церкви Санта Кроче гроб положили,
Тут обряд свершили, крышку открыли.
Как будто бы мирному сну предавался,
Хотя прошли месяцы, как он скончался.

В усыпальницу тело его поместили
И всю мессу здесь за упокой отслужили
В июле люди с музыкой и при свечах.
Затем хвалу воздали Титану в речах.
И жизнь величайшую ярко прожил,
Так вечную память Земли заслужил.

2

Теперь у гения новая жизнь – началась,
Она бессмертьем в столетьях зовётся, звалась.
Ведь он – непобеждённый творец – исполин,
В шедеврах всех своих сам добился вершин.
А содержание их – бесконечно,
Дерзко, бездонно глубокое, вечно.
Любой всё ж век и новое в нём поколенье
В трудах его находят своё лишь прочтенье
И отклики на свои устремления,
Ответы на все вопросы, сомнения.
Обращено искусство его к человеку,
Ко всему человечеству каждого века.
Гиганта в этом весь смысл непреходящий,
Века значеньем своим превосходящий.

А год смерти его дал великих людей:
Ведь родились Шекспир¹¹⁸, Марло¹¹⁹ и Галилей¹²⁰.
Гениальные английские поэты
Скоро будут всем известны на Планете;
Это – Уильям Шекспир и Кристофер Марло.
Время трагедиям всем Шекспира настало
Проявить вновь драматизм Возрождения,
Как и всем Буонарроти творениям.

Гуманизм ваятеля Марло продолжал,
Страсть и дух борьбы он всем образам придал.
Нашёл Галилей в Санта Кроче вечный покой;
Учёного ценит весь мир и город родной.

Лорд Байрон Джордж – поэт английский, знаменит;
Талант Буонарроти он боготворит:
«В обители священной Санта Кроче
Есть прах: бессмертье в нём воплощено
И всё святое им освящено,
Хотя он сам – частица славы брэнной...»

Для Микеланджело воздвигнута гробница,
Смог ведь Вазари-друг при этом отличиться.
Отлил сам В о л ь т е р р а с маски друга посмертной
Из бронзы п о р т р е т скульптурный и достоверный.
А мастера ликом С в я т ы м Планета считает, **Илл. 95,**
Его и творенья, и жизнь в веках прославляет. **стр. 517.**

Вдохновляет людей на Земле бесконечно;
Всем примером, героем пусть будет он вечно.
Гения в родной Флоренции почтили,
Имени его музей там учредили.
Творчество гения мир изучает в веках,
Пишут о нём всюду в книгах, журналах, статьях.
Ему и много стихов посвящается,
О нём же и кинофильмы снимаются.
А на сонеты – и музыку слагают,
Всегда в скульптурах его изображают,
Рисуют вновь Буонарроти п о р т р е т ы. **Илл. 96,**
Его искусство лишь достойно воспето. **стр. 518.**

Но ведь противники творца оставались:
Охаять все произведенья пытались.
Среди них всё ж есть: Контрреформации¹²¹ мненье,
Художников резкое порой осужденье.

А Эль Греко¹²² фреску Страшный Суд невзлюбил,
Уничтожить даже сам её предложил.
Но ведь картины все Греко – кризис культуры,
Всё ж в них длинны пропорции каждой фигуры,
Воспел он лишь мрачный колорит и мерцанье,
Мистичность, нервозность ввёл в своём пониманьи.

Грифцов ведь не раз про Буонарроти писал;
Завышенной оценку о Суде отмечал;
Ему композиция нечёткой казалась,
Отметил в фигурах он всё ж грузность и вялость.

Создал о мастере великом книгу Роллан,
В ней образ противоречивым резко был дан.
Гения горной вершиной стал называть,
Но ряд шедевров его не смог всё ж понять.

Ведь сам Вольтер¹²³ терпеть Микеланджело не мог,
От пониманья творчества мастера – далёк.
Им манера искусства его изучалась,
Некрасивой, уродливой слишком казалась.

Скульптор Этьен Фальконе – с самомненьем; сказал,
Как сам шедевр Микеланджело он увидал:
– Тот старец Моисей, захваленый без меры,
Но выглятит лишь, как каторжанин с галеры. –

А Менгс Антон – живописец немецкий
И теоретик искусства известный.
Мастера творенья порой критиковал,
Только недостатки во фресках увидал,
Сам же Моисея он грубым написал...

«В Сикстине великий художника плафон
Своей живописностью стал – непревзойдён,
Но всю архитектуру там подавил», –
Гольц – зодчий наш российский, всё ж заявил.

А я понял, что гений добился успеха,
Здесь исправив всё ж в зодчестве зданья огрехи.

3

Микеланджело вечно в сердцах всех поколений;
Но в Италии – доля ведь большая творений,
Есть в других государствах лишь часть произведений:
Во Франции, Бельгии, также в Германии,
В Америке даже, в Великобритании,
Есть в Австрии да на Руси, в Ватикане...
Чудесный дар мастера чтут все земляне.

И во Флоренции да Риме, Сиене,
В Болонье, Лондоне, Париже и Вене,
В Бостоне и Неаполе, Турине,
В Санкт-Петербурге, Брюгге да Берлине
Люди видят творца картины и скульптуру,
И рисунки, эскизы и архитектуру...

4

Во Флоренции помнят гения свято;
Гордо площадь у церкви Сан Миниато
Именем Микеланджело здесь назвали;
Жители дань ваятелю так отдали;
Героя Давида из бронзы отлили
И сразу на площади той – разместили.
Подлинный мраморный Давид чаровал,
Более полных трёх столетий стоял
На площади, рядом с дворцом Синьории,
Где он подвергался природной стихии.
Но ведь подвластен камень и времени;
И в Галерею при Академии
Давида надёжно в века отправляют,
Его для потомков тут впредь сохраняют.
Но место на площади не пустовало,
Творения копия здесь же предстала.

Илл. 97,
стр. 519.

Илл. 98,
стр. 520.

В музее Буонарроти есть Давид,
Из воска ведь был ваятелем отлит.
Создал он творенье Д а в и д - А п о л л о н ; **Ил. 99, 100;**
В музее Барджелло шедевр помещён. **стр. 521.**
Одной скульптуры Давида не стало,
Та бронза в замке французском стояла.

С историей сложной, необычайной
Из твёрдого мрамора изваянье;
Назвали флорентийскою эту Пьета,
Но трудно создавалась скульптура тогда.
Её, как известно, мастер в гневе разбил,
Помощникам все осколки он подарил.
Бандини с уменьем куски те собрал
И сыну на виллу Пьета передал.
Но позднее в Собор Флорентийский она
В восемнадцатом веке была отдана.

А Павел Павлинов – художник советский,
Он и педагог, и учёный известный;
Пьета во Флоренции не раз изучал
И вывод научный о творении дал:
«Но, чтоб правильно её всегда воспринимать,
Надо будет разворот всё ж новый ей придать».
И Пиета лишь так повернута была –
Сразу же лучшее звучанье обрела.

Да первая ведь скульптура творца там видна,
В музее Буонарроти поныне она,
Барельеф талисманом для ваятеля стал;
И Мадонной у лестницы его он назвал.
Есть там же Битва кентавров, Распятие;
А в них вложил вновь свои все понятия.

И во Флоренции – Медичи гробницы,
Ведь ими вечно Италия гордится.

А русский писатель Муратов Павел
Записки прекрасные нам оставил
Обо всём итальянском Возрождении,
Также о Микеланджело творениях.
И всем оценку высшую автор воздал,
А про гробницы Медичи так написал:
«Печаль здесь всегда разлита везде и во всём,
Волной от стены к стене ходит ночью и днём».

И на родине мастера Святой Матфей
Покоряет экспрессией большой своей.
Там и скульптуры Мадонна Питти, Брут,
Победа, Пленники, Вакх к себе влекут.

И поныне в Риме Петра Святого храм,
Ведь века стояла Пьета-скульптура там.
Но в двадцатом столетии мир потрясён,
Над Пьета вандализм тогда совершён –
Многokrратно ударил злодей молотком.
Но воссоздана Мария с Сыном Христом.

А н т о к о л ь с к и й – ваятель русский, крупнейший,
Он в искусство планеты внёс вклад ценнейший
И с юных лет лишь перед творцом преклонялся,
Трудом его в Италии вновь вдохновлялся.
А скульптуры эскиз перед смертью создал,
Уважение к мастеру так выражал:
М и к е л а н д ж е л о по лестнице тут и дёт,
Ясный, вдумчивый свой взгляд устремил вперёд;
В руке напряжённо держит скульптуру П ь е т а ,
Прекрасную и любимую им ведь всегда.

**Ил. 101,
стр. 522.**

А гробница папы Юлия Второго –
Ведь труд долгий, тяжкий мастера большого –
Всё ж сохранилась, ныне вновь народу видна;
В церкви Сан Пьетро ин Винколи в Риме она.

Волею, мощью Моисей всех покоряет,
Скульпторов, также живописцев вдохновляет.

«Если ж это творение Вы не видали,
То нигде, никогда совсем не представляли,
Что многое скульптура умеет сказать», –
Стендаль о Моисее так смог написать.

Да и Суриков – русский художник большой,
Полюбил Возрождение всею душой.
Все искусства в Италии он познавал
И там так о шедевре с восторгом писал:
«Здесь Моисей – могота всех форм скульптуры,
Выше его окружающей природы.
И так совершенством его покоряешься,
Когда тут досыта лишь им наслаждаешься.
Сильные руки и жилы в нём с кровью
Созданы были свободно, с любовью».

Рим. Скульптура Христос со Крестом предстаёт
И тяжёлый свой жребий достойно несёт,
За прегрешенья людей всех страдает,
Веру, уверенность в них Он вселяет.

Иоанн-скульптура, как прежде, в Берлине,
Там в музее Кайзера Фридриха, ныне.

Париж купил всё ж двух мраморных Рабов,
Творенья в Лувре – почти все пять веков.
Один Раб восстал, а другой – умирает;
Тех Пленников также народ почитает.

**Ил. 102, 103;
стр. 523.**

Известный советский ваятель Матвеев
Ценил Микеланджело как корифея;
И Матвеев мастером с детства вдохновлялся,
До глубокой старости он не расставался

С серией всей репродукций творений его.
Сильный, большой Пробудившийся прежде всего
В духе Рабов Микеланджело создан им был;
Ведь подражательность гению так проявил.

А в Лондоне видно Титана труд – Купидон,
В музее Виктории да Альберта ведь он.

С к о р ч и в ш и й с я М а л ь ч и к – мастера работа,
Смело он творил с любовью и заботой. **Ил. 104,**
Для усыпальницы Медичи лишь ваялся, **стр. 524.**
Но всё ж потом в композицию – не вписался.
Так в скульптуре и этой напряжённость видна,
Нынче в Санкт-Петербурге, в Эрмитаже, она.

А имени Пушкина Московский музей
И в мире прославлен экспозицией всей,
В том музее искусств изобразительных
Есть и зал Микеланджело – внушительный.
Копии многих творений ваятеля тут,
Это Пьета и Давид, Моисей предстают...

Ангел с подсвечником, Священный Петроний,
Прокл Святой – также, как и прежде, в Болонье.
Изваянье папы Юлия Второго
Там народ сбросил с Собора пребольшого.
А голову той скульптуры – спилили,
Слышал, что её в музее хранили;
Из бронзы-остатка – пушку отлили.

А есть изваянье Пьета Ронданини,
Оно ведь в Милане находится ныне.
Не закончено всё ж произведение –
То последнее гения творение.
Так с ним и жизнью герой наш простился,
Смело в бессмертие он устремился.

Французский скульптор Роден – несравненный,
Вошёл твореньями в мир современный.
Но вот посещает Италию он,
Трудами ваятеля был восхищён:
«Величайший мастер меня покори,
Я в скульптурах эту всю страсть отразил.
Буонарроти – дыхание жизни,
В нём же огромная зрелость и мысли.
Возрожденье Титан олицетворяет,
Век, исполненный славы, он воплощает.
А пред Микеланджело все преклоняйтесь,
Суровым страданьем его восхищайтесь».

Голубкина – скульптор с талантом редчайшим,
Пленилась всегда лишь творцом величайшим.
Сказала с душой о своём кумире:
– Вот это единственный гений в мире! –
Русский ваятель так им восторгалась,
Что и трудами его – вдохновлялась.

Стал всем известен советский скульптор Э р ь з я,
Ведь отдана жизнь его лишь творчеству вся.
Всегда искусство гения высшим считал;
И сам его заметным поклонником стал.
Творцу дань отдал, ведь не мог же он иначе:
П о р т р е т М и к е л а н д ж е л о в мире стал удачей,
А вырезан смело из дерева кебрачо.

**Ил. 105,
стр. 525.**

Эфрос, видать, труды все ваятеля знал,
Искусствовед советский о нём написал.
У Эфроса мудрое есть наблюденье:
«Титан близок нынешним всем поколениям.
Так вдохновил он прежде гений Родена;
Русских известнейших творцов, несомненно.
Средь них и Голубкину Анну – корифея,
Матвеева, также Конёнкова Сергея».

Мухина – ваятель российский, советский
И в монументальном искусстве известный.
И все работы Микеланджело знала,
Его и скульптором любимым считала.
В огне лишь искусства всегда вновь шла вперёд;
Для сильного духом воздействия работ
Стиль незавершённости освоила она,
Творческий тот метод оценила ведь сполна.
Этот новейший приём сам гений создал,
Многих ваятелей в мире он вдохновлял.

И на всей Планете творенья мастера чтут,
Миллионы копий его скульптур создают.
В институтах и школах, залах, музеях,
В академиях, мастерских, галереях
Можно все изваяния творца изучать,
Делать с них фотографии, учиться ваять,
С них писать, рисовать, фильмы о них же снимать...

5

Как и художник мастер достиг всех вершин.
Но какова же участь тех фресок, картин?

А Римская фреска Бытие в Сикстине
Чарует ценителей её поныне.
Эмиль Берхарн – поэт бельгийский известный,
В стихах ценил творца талант так чудесный:

«Смыкался полный круг властительных свершений.
На своде голубом
Сверкнуло Бытие.

Гигантский этот труд, что он один свершил,
Его пыланием Еговы¹²⁴ пепелил;
Его могучий ум свершений вынес бремя;
Он бросил на плафон невиданное племя

Существ, бушующих и мощных, как пожар.
Как молния блистал его жестокий дар;
Он Данте братом стал или Савонаролы,
Уста, что создал он, льют на его глаголы;
Зрят на его судьбу глаза, что он зажёт;
Но в каждом теле том, в огне любого лика –
И гром, и отзвуки его души великой.
Он создал целый мир, такой, какой он смог;
И те, кто чтит душой, благоговейно, строго
Великолепие латинских гордых дел –
В капелле царственной, едва войдя в придел,
Его могучий жест увидит в жесте Бога».

Петер Корнелиус – художник немецкий,
Понял красоты все Адама на фреске,
Что и видно в записи сокровенной:
«Ведь фигуры более совершенной
С эпохи всей Фидия¹²⁵ не создавали».
Хотя о том многие всё же мечтали.

Французский писатель Стендаль о фреске той
Дал так убедительно, с чувством отзыв свой:
«Область искусства он сам не выбирает,
Роспись огромную один исполняет
И первое место герой во фресках берёт,
Нет в мире похожего на святой подвиг тот».

В Сикстине роспись Страшный Суд сохранили,
Фигуры тут нагие всё же прикрыли.
От всех искажений она пострадала,
В веках вся от копоты тусклою стала.

Ромен Роллан видал ту фреску, был восхищён;
Писал о ней так веско, ярко, пламенно он:
«Искусство мощью своей потрясает;
Там Бог-Творец разрушать приступает.

В Нём жизненная сила всемогущая
И, как ураган, грозная, кипучая».

И создана копия Страшного Суда,
В музее Неаполя роспись та видна.
Марчелло Венусти его срисовал,
Ещё неприкрытых – на нём показал.

А Гёте – великий немецкий поэт;
Рисунку учился он несколько лет;
Ведь Италию не раз гений посещал,
О двух фресках Буонарроти написал:
«И если не сможете Сикстину повидать,
Видать, и наглядно не сумеет Вам представлять,
Что одного лишь человека все творенья
Вечно шедевры для любого поколения».

«Фрески Микеланджело и Рафаэля
Думами моими опять завладели,
Помогли понять Бетховена лишь сейчас», –
Ведь известны эти строки, дошли до нас;
А чувственно так их писал Ференц Лист –
Венгерский композитор и пианист.

Сделана после лишь пожара лихого
Вся реставрация объёма большого
Древних фресок в часовне Паулина
При Ватикане, рядышком с Сикстиной;
Снова ваятеля роспись предстала –
В ней Обращенье Святейшего Павла;
Фреска вновь многих людей вдохновляла.

И видно Распятые Петра также здесь.
А с этих двух фресок и копии есть.
В Неаполе с них картоны остались,
С тех росписей ведь они выполнялись.

Картина Мадонна Дони ярка,
Хотя и проходят мрачно века.
Средь шедевров в Галерее Уффици,
Во Флоренции, творенье хранится.

Труды Титана всегда изучали,
Искусно с них много копий создали.

Картина же Леда и Лебедь – сожжена,
Ряд копий, картон ведь имеет и она.
Но всё ж он Англией позднее приобретён
(Там в королевской Академии этот картон).
Копию с картины сделал Сангалло.
Что же вновь потом с той копией стало?

В картонах гения – смелая манера;
Известно всюду творение Венера –
Богиня целуется тут с Купидоном;
Гордится Неаполь известным картоном.
Понтормо с него и рисунок исполнял,
Вазари же – копии всё ж нарисовал.

Даже кусков не осталось поныне,
Что от картона Борьба при Кашине.
Ещё наброски творца всё ж имеются.
С его шедевра и копии ценятся;
Гравюры Раймонди и Венециано
С картона известны миру не случайно.
Всё содержанье его передали
И напряженье бойцов показали.
Картон Аристотель Сангалло познал,
С него маслом копию он написал,
Центральную часть, лишь фрагмент, показал.

С набросков Микеланджело постоянно
Картины рисовал и друг Себастьяно:

Тут и Рожденье Богоматери, Пьета,
Лазарь Святой да Бичевание Христа...

С картонов творца ведь давно Венустино
Исполнил старательно здесь две картины.
Ещё вновь наш мастер картон рисовал,
Его Благовещеньем сразу назвал,
А копию вскоре Кондиви создал.
В Британии музей всё ж тот картон получил,
Лишь копию музей Буонарроти – купил.

Подлинных рисунков его и не счесть,
Многие с тех – в Англии, в Виндзоре, есть;
Ваятель темы мифов в них воплощал;
Известно, их Томмазо в дар он отдал,
Всегда его друг счастьем это считал.

Погиб ведь в море стихов томик Данте,
А на полях в нём был с ярким талантом
Скульптором ряд рисунков изображён,
В Страшном Суде частично им воплощён.

С детства явил сам талант и сноровку;
В Мюнхене видят его зарисовку
С фрески чудо со Статиром Мазаччо,
Для юнца здесь в ней – большая удача.

Виттории также рисунок подарил,
Распятье Христа ведь на нём – изобразил;
Уже в музее Британии ныне есть он,
В большом собраньи Малькольмском, теперь помещён;
Рисовал он Пьета для Колонна опять,
Людей в Бостоне Ею – ведь смог взволновать.

Рейнольдс – живописец английский, знаменит,
В искусстве к теоретикам он принадлежит.

Ведь и автопортрет хорошо рисовал,
Его во флорентийский музей отослал;
Таланты великих всегда боготворил,
Себя тут со свитком в руках изобразил,
На нём есть записи значенья бесценного:
«Рисунки тут Буонарроти бессмертного».
Так многое создатель портрета сказал,
И копии шедевров его он собрал.

А великий российский художник Брюллов
Написал о творце ряд прекраснейших слов.
И подобно ему хотел фрески писать,
Этим мастеру дань в Петербурге отдать.
Страстно в Италии весь труд его – изучил,
Купола роспись в Исакии – сам завершил...
И заболел. Так идеи не все воплотил.

6

Уделял сполна зодчеству скульптор вниманье,
Создавал ведь в стране замечательно зданья.
А в веках так сильно ему подражают
И отцом барокко¹²⁶ повсюду считают.
Динамичны творенья все архитектуры:
Ведь дан дивный в них синтез зодчества, скульптуры.

Капелла для Медичи ведь им – возведена,
И гордостью стала во Флоренции она.
А таланты в неё ярко мастер вложил
И эдесь синтез искусств смело – вновь применил.

Церковью Сан Лоренцо он занимался,
Есть и макет, эскиз фасадов – остался.
На стройку денег там – не предоставили;
Могла б стать зеркалом дивной Италии;
Творенья эти во Флоренции чудесной
Сполна насыщены все – пластикой прелестной.

И остался, что исполнен его же рукой,
Во Флоренции набросок совсем небольшой
Всех укреплений, ворот у Порта дель Прато,
Вновь защищавших весь город от супостатов.

Он всё ж занялся упорно и неустанно
Библиотекой большой Лауренциана.
И здесь, во Флоренции, гения творенье
Вазари свершает с завиднейшим уменьем.
Значимый шедевр в Европе успех снискал,
Ведь библиотекой первой публичной стал.

Пришлось ваятелю и в Риме трудиться.
Там папы Юлия Второго гробница –
Есть произведение святой архитектуры
И монументальной, чудеснейшей скульптуры.
Творил проекта саркофага фасад
(Набросок тот давно в Берлине хранят),
Который папе Юлию всё ж выполнял,
Один из первых всех вариантов в нём дал.

Ваятель творил с душою, дерзко, зримо
Великий Собор Петра Святого в Риме;
А П о р т а¹²⁷, М а д е р н а¹²⁸ постройку завершили,
Проект же Титана – немного изменили.
Даже Колизей превосходит он длиной,
Этот храм сто сорок три метра высотой.
С о б о р красивейший и так духом святым силён,
Чуть меньше объёмом пирамиды Хеопса он.
Перед тем Собором п л о щ а д ь создал Б е р н и н и¹²⁹,
Входа, колоннад парадность там видно ныне. **Ил. 106,
стр. 526.**

Шехтель русским, признанным зодчим считается,
О твореньях мастера так отзывается:
«И архитектором он великим предстаёт,
Чудо искусства – свой купол храма, создаёт.

Избежать ведь зодчества не мог лишь потому,
Что влекло всегда к монументальному всему».

А Виппер Борис – россиянин, так написал,
Когда всё искусство Титана вновь изучал:
«Всем о красоте человека говорит,
Гимн силище личности творческой звучит.
К действию видно её устремление,
Яркое в образах всех – воплощение.
Никто ведь архитектуру так не создавал,
Её общечеловеческой – не представлял.
И образы все с человеком так родны,
Энергией мощной сполна наделены,
Страстей, красоты и трагизма все полны.
Мощным, величавым был Собор возведён,
Памятник всем силам героическим он».

Как и градостроитель себя проявил,
Когда Капитолийский Ансамбль сотворил.
Помощники идеи его оценили
И многое – достойно всё тут завершили.
Вечно ансамбль здесь яркий и величавый,
Зодчему он снискал бессмертную славу.

«Сразу в Капитолии связь объёмов видна,
Создана в гармонии да единстве она.
И ансамбль тот шедевр собой представляет», –
Это Ле Корбюзье так мысль излагает.
Большой французский зодчий творца оценил,
Который всем искусством его вдохновил.
Как и тот, за масштаб человека вновь брал,
На основе его Модулор¹³⁰ он создал.

7

Способность в поэзии лишь умаляет,
Себя же в этой сфере невеждой считает.

Его все стихи после смерти издали,
Но всё ж неудачными их посчитали.
Ведь внучатный племянник их так причесал,
Что безликость и серость стихам всем придал.
Рукописи эти столетья пылили,
После лишь поэты опять их открыли.
Хотя забавою Титана считали,
Но те стихи все воедино собрали,
Очистили от всяких, плохих искажений,
Издали их для будущих всех поколений.
Жизнестойкой поэзия эта явилась,
И теперь во всём мире она утвердилась.

Мастер вечную преданность только искусству
Так стихами своими же выразил с чувством:

*«Не правда ли – примерам нет конца
Тому, как образ, в камне воплощённый,
Пленяет взор потомка восхищённый
И замыслом, и почерком резца?»*

*Творенье может пережить творца!
Творец уйдёт, природой побеждённый,
Однако образ, им запечатлённый,
Веками будет согревать сердца!*

*И я портретом в камне или цвете,
Которым к счастью годы не опасны,
Наш век могу продлить...»*

Есть сотни переводов его всех стихов.
Поэты переводят их много веков:
Тютчев и Эфрос Абрам, Банников, Лозинский,
Махов Александр, Вознесенский и Шервинский...
Весома, правдива поэзия гения,
Воспели её в музыкальных творениях:

И Констанцо Феста, также Жан де Консель,
Тромбачино, Шостакович и Аркадельт¹³¹ ...

Стихи Микеланджело вечно нетленные,
В них выразил думы свои сокровенные:

*«В ком тело – пакля, сердце – горстка серы,
Состав костей – валежник, сухостой,
Душа скакун, не сдержанный уздой,
Порыв кипуч, желание без меры,*

*Ум – слеп и хром и полн ребячьей веры,
Хоть мир – капкан и стережёт бедой,
Тот может, встретясь с искоркой простой,
Вдруг молнией сверкнуть с небесной сферы.*

*Так и в искусстве, свьше вдохновлён,
Над естеством художник торжествует,
Как ни в упор с ним борется оно;*

*Так, если я не глух, не ослеплён
И творческий огонь во мне бушует, –
Повинен тот, кем сердце зажжено».*

Томас Манн – писатель немецкий известный,
О стихах творца он писал интересно:
«Вся поэзия бурно из души рвётся,
И её мощь в сердцах людей отзовется.
Здесь муки любви, тоски выраженье,
Святой, великой души потрясенье».

А те все стихи всё ж звучат вновь правдиво;
О них написал так Стендаль прозорливо:
«Италия нынче была бы счастливой,
Будь больше у неё подобных поэтов!»
По праву ведь оценка верная эта.

Микеланджело –

Величайший мастер времён Возрождения.
И в нашу жизнь ныне вошёл сквозь века.
Не забудут в мире его все творенья.
Да будет жить гений народный всегда!

Его Италия Планете дала,
На радость, муки навсегда – обрекла.
Насущной потребностью искусство всё стало.
Спокойной ведь жизни у него не бывало.
А она полна тяжёлых испытаний,
Всех невзгод, падений, взлётов и страданий.

Честен, правдив, безжалостен мастер к себе,
Счастье своё находит в исканьях, борьбе.
Жил свой век в постоянном исступлении,
Для него весь труд адский – устремление.
Порою к Господу Богу в бедах взывал,
Хотя он лишь на себя всегда уповал:

«...О Боже, Боже, Боже!

Кто поможет мне, если не я сам?»

Неполных лет девяносто гений прожил
И смело восемь десятков – честно творил.
Жил, дерзал в эпоху свою Возрождения,
Навсегда великого в мире явления.

Эпоха Возрождения

1

Всё Возрожденье – культуры европейской взлёт;
Ваянье, живопись, зодчество идут вперёд.
Теперь – экономики, мыслей развитие,
Смелы и техничны в науке открытия,
Так чисты и гуманны все устремления
И к наследию древних – вновь обращение.
Всё ж подходят уже реально к познанию
Человека – высшего в мире создання;
В нём ценили духовность, честность прежде всего,
Уделили вниманье вере, правде его,
Всегда силу, ум, красоту воспевали.
Вселенную и Шар Земной – изучали.

2

Для Ренессанса ведь почву готовили
Все провозвестники новой истории
Своим дивным творчеством вновь неустанно:
Архитектор Камбио¹³², скульптор Пизано
И Джотто – живописец с редчайшим талантом;
Божественный поэт, гениальнейший Данте...

3

Флоренция – весна Возрождения,
Началось здесь всей Земли обновление.
Прекрасна Флоренция так много веков,
Явила Планете Ренессанса отцов:
Видного скульптора, творца Донателло,
Ведь создававшего всё новое смело;

Мазаччо – художника чудеснейшей фрески;
Известного зодчего в веках Брунеллески.
Гуманист значительный первый – Петрарка;
Он – учёный мудрый, поэт – очень яркий,
Стал индивидуальность древних возрождать,
Значимо на прогресс поэзии влиять.

Бурная та эпоха всего Возрожденья
Догмы средневековья подвергла забвенью.
А традиции Древних Греции да Рима
Обновлялись теперь уже неумолимо.
Гуманизм античный народом укреплялся,
Человек – вершина земного, воспевался.
И творцы проявили дарования,
Познавая красоты мироздания.
Скульптуры и фрески древних изучали,
Шедевры искусства, книги собирали.
Восторгались древнейшим, ярким зодчеством.
Вдохновляло ведь это всё на творчество.

4

Успех веков многих Ренессанса таков:
Ведь он миру дал разносторонних творцов –
Величайших кумиров новейшего мира
Микеланджело, Макиавелли¹³³, Шекспира,
Леонардо да Винчи и Рафаэля,
И Альберти¹³⁴, Палладио¹³⁵, Галилея...

А знатнейшим¹³⁶ искусствам дорогу вновь дали,
Мастера свободу лишь теперь обретали.
Живописцы рисуют, в трудах неустанно:
Тициан и Мантенья¹³⁷, Джорджоне¹³⁸, Кастаньо
Да Боттичелли и Брейгель¹³⁹, и Ян ван Эйк¹⁴⁰,
И Веронезе¹⁴¹, и Дюрер, Нитхард¹⁴², Хольбейн¹⁴³ ...
Творят: скульпторы Гужон¹⁴⁴, также Роббиа,
Росселино¹⁴⁵ и Бертольдо, Вероккио...

Строят: зодчие Браманте, Ломбардо¹⁴⁶ да Пьер¹⁴⁷
И Сангалло, и Виньола¹⁴⁸, Делорм Филибер¹⁴⁹ ...

5

Все они лишь на радость шедевры создали,
Навсегда их творенья бессмертными стали,
Человечеству яркий пример показали.
Античные скульптуры познал ведь Донателло,
Давид, Гаттамелата им созданы умело.
Геройские натуры пластично он ваял
И этим воссоздал Возрожденья идеал.
Есть фреска Чудо со Статиром Мазаччо,
В веках – художника большая удача;
Она в церкви Санта Мария дель Кармине
Ценна реформаторством стала и поныне.
Во Флоренции купол знаменитый, большой
Вновь чарует Планету всю своей красотой,
Филиппо Брунеллески его возводил
И, древних превзойдя, сразу всех покорил.

6

Джоконду Леонардо да Винчи мир знает,
Улыбкою навечно людей так пленяет.
Дерзко, страстно брал Буонарроти резцы иль кисти,
Смело, ярко претворял ведь свои же мысли
В изваяньях Давид, Моисей – очень веских,
В Бытие, затем в Страшном Суде – ярких фресках.
В Сикстине Мадонна Рафаэля прелестна,
Духовность всем дарит, на Планете известна.

По-своему прекрасное все принимали.
К нему так отношенья своё выражали:
Для Рафаэля красоты – к счастью стремленье,
Для Леонардо да Винчи – тайны мгновенья,
Для Микеланджело – геройство и страданья,
Словно в аду, и сил своих превозмоганья.

Недоступной вершиной Микеланджело стал,
Титанической личностью навеки предстал.
Талант сей многогранный Земля прославляет,
Он подвигом великим творцов вдохновляет.

Его среди трёх гениев первым назвали,
Они «Венец золотой» на Планете – создали;
Буонарроти, Леонардо, Рафаэля все чтут,
Дань уваженья и ныне мастерам воздают.

7

воею Спящею Венерой обнажённой
Всё ж так пленит неподражаемый Джорджоне.

Людам предстал лишь в мученьях Святой Себастьян,
А написал ту картину старик Тициан,
Рано ему ведь талант портретиста был дан.

И бесценны Дюрера все автопортреты,
Им в них веки главные жизни всей воспеты.

8

раманте и Микеланджело труд завершён –
И в Риме всё ж Храм Святого Петра возведён.
Высоко и так смело в небо взмывает,
Красотою и мощью всех покоряет
И задуматься всем о вечном – вызывает.

Создал площадь Святого Марка – диво для всех,
Для Венеции Сансовино¹⁵⁰, это – успех.

Роль важную светским всем зданьям отдали,
Дворцы, виллы, замки вновь строить ведь стали,
Соборы, дома возводить продолжали.
Придают им ритм, гармоничность непременно,
Создают их лишь человеку соразмерно.

9

Кризисы строя, феодальной всей культуры
Видно в творениях любой литературы.
В то время: трагедии, драмы рождаются,
А также романы, сонеты слагаются.

Как и правителя Медичи знает весь свет,
Великолепный Лоренцо – ещё и поэт.
И коллекции искусства он собирал,
А художников, скульпторов сам поощрял.

Видный английский мыслитель и гуманист,
Веривший в строй идеальный, но – утопист,
Государственный деятель, канцлер Томас Мор¹⁵¹
Заклеймил инквизицию и её позор.
Присягу церкви не дал, ей был обвинён
И, как изменник, за грех властями казнён.

Челлини¹⁵² – итальянский скульптор, писатель,
Известных мемуаров многих создатель.
Декамерон-новеллы Боккаччо писал,
Средневековья нравы, зло в них обличал.

А в поэзии всей Уильяма Шекспира
Отраженье трагизма, нравственности мира.
И нет печальнее трагедий на свете,
Чем смерти Гамлета, Ромео, Джульетты.
А Сервантес написал роман Дон Кихот;
И в нём рыцарь благородный нам предстаёт.

10

Созданы в музыке жанры незнакомые:
Оперы, также кантаты образцовые...
И музыкальный большой стал в ней арсенал,
То вилланелла¹⁵³, баллада и мадригал¹⁵⁴,
И вновь добился успехов сильный вокал.

11

огословом Эразм Роттердамский¹⁵⁵ служил,
И трактаты свои гуманист завершил.
Он невежество, ханжество в них осмеял;
О пороках всех общества книги создал.
Фанатизм весь в религии им обличён,
За реформы церковные выступил он.

Реформация в религию вскоре пришла,
И от догм средневековья она отошла;
Инквизиция с кострами всё ж долго жила.

12

науки развитие идёт вновь вперёд,
Об открытиях разных весь мир узнаёт.

И новый материк Колумб Христофор открыл,
Америго Веспуччи там же попозже был;
Но в его честь Америкой Земли назвали,
Так ему, флорентийцу, всю почестъ воздали;
Картографом не верно то названье дано,
Но даже и поныне существует оно.

Вращаются вокруг лишь Солнца Планеты,
Коперник совершил открытие это.
Джордано Бруно поэтом в Италии стал,
А также он астрономию смело познал
И Коперника идеи сумел продолжать,
Бесконечность всей Вселенной всё ж смог предсказать;
В ереси вскоре учёный был обвинён,
А инквизицией злобной в Риме сожжён.

В плаванье дальнее мчала опять Магеллан,
Страны открыл, бороздя не один океан.
Корабль Магеллана свой подвиг свершает,
И первым вокруг Света он проплывает,
Так шарообразность Земли подтверждает;

На Филлипинах убили капитана;
Плаванье это заканчивал Элькано.

Васко да Гама Африку всю огибает,
Позже морской путь в Индию он пролагает.

А первым в России Ермак Сибирь покорил;
Австралию Тасман открыл, затем изучил.

Физики законы открыл всем Галилей,
Это – сын великий Флоренции своей;
И телескоп сам построил, Планеты познал,
Пятна на Солнце и горы Луны увидал.

Уже анатомию-науку создали,
Её все основы излагает Вазалий.
Все типы больших кораблей выпускают;
Теперь компас, порох в делах применяют.
Книгопечатанье смело открывается.
И от схоластики мир – освобождается.

А образованье стали вновь углублять,
Также и торговлю, ремёсла все – развивать.
Теперь экономики стран укрепляются.
Всё больше различия классов стираются.
Феодалному строю жить мало осталось,
Буржуазное общество в нём зарождалось...

Ведь и в те времена Микеланджело жил,
Возрождение мастер – олицетворил.

Часть 3

Вершина Возрождения

1

Микеланджело почестей сам не искал,
Но всё ж очень так рано великим предстал.

2

Воспевают его весь труд и творения
Триумфальность Высокого Возрождения.
Когда трагичный Поздний Ренессанс подошёл,
То ведь сторонкой гения он не обошёл.
А судьба Италии вновь волновала,
И печальной в мыслях она возникала.

Смело новую эру в искусстве открыл,
А трудом титаническим мир удивил.
У Титана всё ж так много талантов было,
На десяток бы прославленных всех – хватило.

3

Буонарроти – ваятель в веках величайший
И живописец прекрасный, и зодчий редчайший.
Ведь как градостроитель дар большой показал;
И быстро так отцом барокко он стал.
Достиг и поэзией яркой признанья.
Значительны как и строителя знанья.
Делал проекты дорог, их в горах пролагал
И с неприступных скал мрамор с трудом добывал.

Он – герой Флоренции, в ней – гражданин родной,
Там стоял с народом против всех врагов – стеной.

И умелым военным начальником был,
Оборонную тактику сам применил.
В войну и как инженер себя проявлял,
Надёжно башни и стены все – укреплял.

4

Покорил весь мир мастер твореньями,
Но терзался порою сомненьями.
Простые все смертные им восхищались,
Пред гением папы всегда преклонялись.

Как-то к королю ваятель явился,
Как и подобает, всем поклонился;
А Карл Пятый тотчас поднимается,
С комплиментом к нему обращается:
– Императоров много, но такого
Микеланджело не найти второго. –

5

Не унижался, а лесть – он не терпел,
Перед талантами лишь – благоговел.
В часы взлётов в творчестве ночами не спал,
Покоя не знал, то вновь поесть забывал.

Терпел мастер порой нужду и невзгоды,
Но всё же добился в искусстве свободы.
И с детства ведь всю жизнь лишь скульптуру любил,
А живопись по воле судьбы оценил,
Вновь этим двум искусствам стихи посвятил:

*«Надёжная опора вдохновенью
Была дана мне с детства в красоте,
Для двух искусств мой светоч и зеркало.
Кто мнит не так, – отдался заблужденью:
Лишь ею влётся взор мой к высоте,
Она резцом и кистью управляла.*

*Безудержный и низкопробный люд
Низводит красоту до вождельня,
Но ввысь летит за нею светлый ум.
Из тлена к Божеству не досягнут
Незрячие; и чаять вознесенья
Неизбранным – пустейшая из дум!»*

6

Стиль величайший гения – не превзойдён,
Духом силён и смел, красотой наделён.
Титан всё дерзко творит, с большим вдохновеньем,
Себя трудом истязает – без сожаленья.

Да и памятью прекрасной отличался,
А в работах всех своих – не повторялся.
Но у жизни ведь мастер – всегда ученик,
К совершенству стремился в трудах каждый миг.
И не сожалел о трудностях ни разу,
В работе горел, хотел быть всеми сразу:
Ваятелем и художником, и зодчим,
Простым подмастерьем и чёрнорабочим,
Инженером, в делах руководителем
И чертёжником, также и строителем,
И каменотёсом, в горах – камнеломом,
Истинным поэтом, порой – экономом...

Ведь так страстно к целям своим стремился,
И всегда, как каторжник, он трудился.

7

Обрести старался свободу в жизни
И стихами высказал эти мысли:

*«Готов пойти на плаху за свободу!
Не сдамся и туда продолжу путь,
Где мне не страшен будет произвол».*

8

тдыха не знал, ведь лишь ему – труд удел,
И собственноручно он всё сделать хотел:
Крепости, соборы, дворцы вновь воздвигать,
В скалах да болотах дороги пролагать,
Добывать там мрамор белейший в горах,
Написать огромные фрески в церквях,
Грандиозно опять саркофаги ваять
И хотел из утёса Гиганта создать.

9

гения в работе – собственное кредо,
И в дневник записал уверенно про это:

«Искусство – серьёзно, творцам – испытание,
Железная воля, талант и призвание;
Дерзкий поиск, к новым высотам стремление,
Адский труд, борьба, муки, взлёты, падения,
Духовный вновь подъём, испепеляющая страсть,
Горенье, над собою лишь вся жертвенная власть.
Но в искусстве должны своего добиваться,
А не слепо античности всем поклоняться.
Если традицией снова творец увлечён,
То ведь себе он наносит бесспорный урон.
Противны мне фальш, подражанье в искусстве,
Ценю в нём лишь чистое, искренность чувства.

Разумнее не чужим советам внимать,
А голос свой сердца нужно всем услышать.
В труде я отраду всегда нахожу;
В безделье ведь даже дня – не провожу».

10

наш герой – благороден в стремленьях
И не знал ведь обид пораженья,
Миру содал гениально творенья.

Титана заслуги спокон признавались,
Пред дерзким искусством его преклонялись.
Творил так искренне, со всею душой,
Весь мир на века покори́л красотой.

11

Он цветок чистый верой, страданьем взрастил,
Всем который святым милосердием был:
«Только о себе громко не говорите,
Милостыню Вы – всегда в тайне творите».
Мастер делать добро старался скорей,
Что ведь стало уделом добрых людей.
А перед ним короли благоговели,
Иметь всё ж хоть бы наброски все хотели.

Но всё бросал и для бедных старался,
Для них рисунками он занимался.
И отцу, братьям всем во всём помогал,
Это долгом своим ваятель считал.

«Можно сказать, много тягот я перенёс,
Нет ни гроша у меня, лишь голоден, бос.
Тружусь с напряженьем адским долгий свой век,
Но больше, чем на Земле любой человек», –
Микеланджело так ведь в дневник записал,
На рисунок верней, что под руку попал.

12

Праведным был, стремился к истине святой,
Так сочинил стихи скрижальной строкой:

*«Я удивляюсь, Господи, тебе,
Поистине – «кто может, тот не хочет».
Тебе милы, кто добродетель корчит.
А я не умечаюсь в их толпе.
Я твой слуга. Ты свет в моей судьбе.*

*Так связан с солнцем на рассвете кочет.
Дурак над моим подвигом хохочет.
И небеса оставили в беде.
За истину борюсь я без забрала,
Деяний я хочу, а не словес.
Тебе ж милее льстец или доносчик.
Как небо на дела мои плевало,
Так я плюю на милости небес.
Сухое дерево не плодоносит».*

13

правдив Титан наш до конца своих дней,
Не терпел завистливых и наглых людей.
К себе всегда бесконечно взыскательным слыл;
Ему казалось, что даром всю жизнь он прожил.
Даже не раз и скульптуры сам мастер ломал,
А чертежи и рисунки не все сохранял.

Был очень скромным и добрым, с чуткой душой.
И в нашем мире теперь для всех он – герой.

14

тстоять своё мнение ваятель старался;
Но и перед великими – всё ж преклонялся.

Для высшего общества был ведь кумиром,
Сближаться не мыслил со всем этим миром.
Жил только среди своих скромных друзей,
Ему подмастерья богатых милей.
Всё ж основой дружбы равенство считал;
А подарки очень редко принимал.

Передать свой опыт солидный был готов,
Обучал бесплатно своих учеников.
У верных друзей находил пониманье.
И вынес тяжёлые все испытанья.

15

н, яростью гения – снова одержимый,
Державшей его в кабале неотвратимой.

И всю жизнь сам к себе лишь безжалостным был;
Вот так счастье в тяжёлом труде находил.

Но всё же и любовь вновь его посещает,
Виттории Колонна стихи посвящает:

*«Любовь моя, как я тебя люблю!
Особенно когда тебя рисую.
Но вдруг в тебе я полюбил другую?
Вдруг я придумал красоту твою?
Но почему ж к друзьям тебя ревную?
И к мрамору ревную и к углю?
Вдвойне люблю – когда тебя леплю,
Втройне – когда я точно зарифмую.
Я истинную вижу красоту.
Я вижу то, что существует в жизни,
Чего не замечает большинство.
Я целюсь, как охотник на лету.
Ухвачено художнической призмой,
Божественнее станет божество!»*

Ведь и семью свою наш герой не создал,
Только творить прекрасное – долгом считал.
А мастеру, как дети, роднее всего
Все статуи, картины да зданья его.
Воспел в творениях сын мрачного века
Духовность, силу, красоту человека.

16

го душа, временам неподвластная,
Святая и милосердная, ясная.
Она великая и благородная,
Высокой, вечной вершине подобная.

На горы вихрь и гроза налетают,
Их тучи мраком, дождём застилают.
Но в то время смельчак может там побывать,
Чистым воздухом полною грудью дышать.

Снова на небе рассеялись тучи,
Даль без границ вся открылася с кручи.

И вновь на солнце гора засияла,
Видна всему человечеству стала;
Но утёсов этих череда далека,
Высоко уходит она в облака.

И гений – также гора исполинская, **Илл. 107,**
В веках далёкая, но нам так близкая. **стр. 527.**
Работы Титана бессмертье снискали,
Вершиной всего Возрожденья предстали.

17

тот переломный период дерзал стоически;
А эпилог Ренессанса стал лишь трагическим.
Мог увидеть и процесс вырождения
Даже ярких мастеров Возрождения
В самодовольных художников придворных.
При наступленьи реакции невольно
Творцов прекрасного в мере большой иль иной
Вовлечь смогли в тот процесс негативный и злой.
Но кроме одного! Микеланжело это!
Подобных нет примеров на всём белом свете.

Также, как каторжник, всё ж творить продолжал,
Волю в тех битвах геройских – вновь закалял.
Ведь была у художника воля безмерной
И давала в моменты невзгоды душевной
Возможность ему дерзать в чуждом окружении
Лишь с яростным и ещё большим напряжением.

В жертву не нёс идеалы детства родного.
Не терпел роскошь, чурался блага земного.

И, подобно Данте, предстояло ему,
Отдавая силы все труду своему,
Вновь по кругам Ада вверх стремясь, страдая,
Всё ж из той бездны достичь вершины Рая.

Трагичность, надломленность внёс он в искусство,
Придал ему новые ценности, чувства.

Ведь честен всегда, демократом являлся
И чёрной реакции – не поддавался,
Италии совестью он оставался.

18

в немеркнувшей славе Титан пребывал,
Сам хотя никогда о такой не мечтал.
Даже этот почёт не хотел замечать,
Также вновь продолжал одиноким дерзать.

А трудился в старости лишь неустанно.
Пережил и многих друзей, и тиранов.

Словно Солнце, он над Землёю сияет,
Совершать прекрасное всех призывает;
В веках остался святым – творец величайший,
Герой, свершивший в искусстве – подвиг ярчайший!

Скульптор

1

Как приблизилась книга моя к завершенью.
Повторюсь я немного. И дам обобщенье
Великих только творений, действий Титана;
И помнят люди Земли о нём постоянно.
Вот главные грани таланта (их знает свет):
Он – скульптор, художник и зодчий, также поэт.

2

К ваянью призванье давно признавал
И ведь в нём лишь творить своим долгом считал.
Дитём полюбил сильно, сразу скульптуру
И в ней проявлял страстно, ярко натуру
В работе с камнем родным, белоснежным.
Всегда был ищущим, смелым, мятежным.

Творец, молоток и резец, изваянье
Теперь становились единым созданием.
Говорит сам себе решительно: – Пошёл! –
Весь в работу с душою, яростью вошёл.
Смело, дерзко семь раз сперва ударяет,
Но при счёте лишь до пяти – размышляет.
И сильно наносит удары опять,
А после – всё ж пауза, чтоб отдыхать...

Роден ведь о мастере много читал,
Который всё так интересно писал
В дневник строки чёткие от чистой души:
«И только скульптуры те всегда хороши,

Все если сумеют с горы всё ж скатиться
И даже при этом ни чуть не разбиться;
Всё, что отколется вдруг при падении,
Было ведь лишнее в них – без сомнения».
Но Огюст Роден к строкам своё добавляет:
« Микеланджело творчество вновь подтверждает –
Всегда статуя – масса лишь единая,
А в движеньи она – несокрушимая».

Совершенны, мудры скульптуры все гения,
Вдохновляют снова в веках поколения.
И в них словно бы яркий, магический свет;
Ничего в тех творениях лишнего нет.
Ведь в них святость духа, к воле стремление,
Красота и сила, и напряжение.

Только мраморы Титан боготворил,
Лишь в ваянии вновь – счастье находил.
И так верил в искусство нетленное,
Доверяя стихам сокровенное:

*«Ужели, донна¹⁵⁶, впрямь (хоть утверждает
То долгий опыт) оживлённый лик,
Который в косном мраморе возник,
Прах своего творца переживает?»*

*Так следствию причина уступает,
Удел искусства более велик,
Чем естества! В ваяньи миг постиг,
Что смерть, что время здесь не побеждает».*

Искусство великих его вдохновило,
Так много прекраснейших замыслов было,
Создать их все – жизни ему не хватило.
Папы отстраняли его от скульптуры;
Чуждое всё ж делал при дерзкой натуре:

Ввёл дороги в горах да топких болотах.
Добывал белый мрамор в тяжких заботах,
Огромные фрески годами писал,
Дворцы и соборы, дома воздвигал.

Но вновь в работе любой зажигался,
Всегда лишь первым он в ней быть старался.
Это и на деле доказывал гений,
Автор ярких, веских, чудесных творений.

А скульптор Бертольдо его обучал,
Все знания и опыт юнцу отдавал.
И Медичи ведь – мальчика покровители,
Его все таланты быстро увидели;
И сам Великолепный сполна оценил,
К платоникам всем умным его приобщил.
Ваятель тут античность всегда изучал,
Искусство современных творцов познавал.
Изваянья мастеров учили его,
Но в исканьях добивался он своего.
Творенья великих его вдохновляли,
День каждый к успехам опять продвигали.
С детства скульптуры Гиберти он полюбил
И в баптистерий¹⁵⁷ резные двери ценил.
Изучил труды Кверча, Донателло
И часть их идей использовал в дело.

Создал Мадонну у лестницы с Сыном Христом,
Первой скульптуру ваял сам в искусстве большом.
Трактовал образ смело и драматично,
Здесь в рельефе всё ясно, мощно, логично.
Ваял лишь с любовью те лики Святые;
И Дева, Христос, Иоанн, как живые.

А Битва Кентавров – статуя другая;
Энергией, силой дерзкой поражая,

Показала, что в ней, раннем твореньи,
Есть у скульптора уже и прозренье.

Лепит и снежную бабу огромную,
Ей веселил детвору всю задорную.

Святых и Ангела ваял он в Болонье,
Но был трудом ведь здесь не очень довольный.
Этот Ангел – мальчик крепкий, здоровый,
А в руках его – подсвечник тяжёлый.
Петроний – Святой; хоть старик, но силён,
И держит в руках модель города он.
Святой Прокл тут – юный, смелый, суровый,
А с недругом биться – сразу готовый.
Всё ж свои черты в лицо Прокла вложил,
Также твёрдым взглядом его наделил.

И древнеримской культуре дань отдаёт –
Мраморный, пухлый малыш Купидон предстаёт.
Тот спящий малец здесь так мирно лежит,
Под голову ручку свою положив.
О работе теперь весь Рим узнаёт,
Тут большое признание юношу ждёт.

Сперва же в Риме терпел огорченья,
Но вот от Галли пришло приглашенье.
Вакха ему ныне скульптор ваяет,
Бодро Бог чашу с вином поднимает,
Этим лишь гибель себе приближает;
И здесь за ним сразу видно Чертёнка,
А виноград – символ жизни, – в ручонках.

Вновь юношу тут Галли-банкир подбодрил
И щедро за скульптуру ему заплатил:
– Вакх как живой. Вот-вот уронит он чашу.
Теперь творений нет в Италии краше. –

И вновь Галли ему заказ подыскал,
Тот с любовью большой Пьета изваял.
А подпись оставил на ней только он,
Хотя запрещалось ведь это спокон.

Идея вся в ней величава и чиста:
Склонилась Мать, плача у мёртвого Христа.
В Бога веру святую Титан передал,
И красу, благородство он в Них показал.
Скорбь великая Девы Марии видна;
Ведь печаль человечества Ей лишь дана.
Изваянье это герой наш любил
И талант, и душу в него вновь вложил.
Исполнен был договор кардинала –
Скульптура лучшею в мире предстала.

И уже творец – во Флоренции родной,
Не дают работы пока тут никакой.
Но вдруг Галли договор присылает,
Для Сиены всё ж ваять предлагает.

Мастер здесь без рисунков, моделей опять
Быстро намерен сразу Святых вырубать;
И в мантии Павла, Петра одевает,
Достойно всю сдержанность их – представляет;
На другие же статуи заказ передал,
Монтелупо де Баччо их все тут создавал.

Всё же Титан получил солидный заказ:
Это библейский Давид в решительный час.
Гигант предстал в скульптуре смелой и новой –
Тотчас борец к жестокой битве готовый.
Бурная вся сила в миг покоя здесь видна,
Воля максимально ведь сейчас напряжена.
Но уверен красивый и стройный Давид,
Вдохновеньем и яростью дерзкой горит.

И хотя у него есть даже сомненья,
Но смелы и сильны его убежденья,
Крепки и воля, и дух, пафос гражданский,
Готов вступить в бой с Голиафом гигантским.
Ведь, верится, ныне нет и силы такой,
Которой бы сломлен был наш дерзкий герой.

Давид размерами нас не подавляет
И вечно гордый дух людей – возвышает;
Так Гигант ведь у статуй всех славу отнял,
И Великим теперь Микеланджело стал,
Для Флоренции он героя создал.
Скульптуру главной на Земле называют,
Её создателя – в веках прославляют.

А из бронзы вновь Давида – маршалу творил,
Бенедетто Ровеццано – после завершил.

Вдруг мастер Колосса в скале решил высекать;
В пылу вдохновенья сумел бы горы сдвигать.
Мечтал тут воздвигнуть он памятник Данте,
Но только сонеты писал о таланте.
Все замыслы друг друга вновь обгоняли,
А руки всё ж за ними – не успевали.

Есть творенье новое создателя –
Изваянье Брюггской Богоматери.
И навечно Святая Дева печальна –
Её Сыну Христу не ведома тайна.
И знала, чем кончится жизнь Её Сына,
Но Мамы любовь к Малышу – неугасима.

Уважал творец своё трудное дело;
И вновь без усилий, с душою и смело
Два тондо: Питти и Таддеи созданы им,
Пленят они мир благородством чистым своим.

Ведь фигуры все Питти – непринуждённые,
А Мария всегда – одухотворённая.

А тондо Таддеи – динамичное,
Прелестное очень, симпатичное.
Отпрянул от птички Малышка Христос,
Её Иоанн, веселяся, принёс.

Когда в любимом ваянии всё ж уставал,
То кисть, затем карандаш для отдыха брал,
Рисовал картины для верных друзей.
И картоны сделал для фрески своей,
Битвой при Кашине её называет.
Сразу папа в Рим вновь его призывает.

Даёт заказ на гробницу Юлий Второй,
Она ведь в мыслях его предстала большой;
Сам папа рисунки смотрел, одобряет
И мрамор добыть для скульптур посылает.
Но саркофаг ведь ему не надо теперь,
Сразу закрылася вдруг пред мастером дверь.
Без приказа быстро покинул он Рим,
А шлёт папа срочно погоню за ним.

Титан семь месяцев ждал, негодовал
И вскоре в Болонье пред Юлием предстал.
Папа, хоть и погневался, но ведь простил
И отлить изваяние там попросил.
Скульптор в бронзе создал огромный портрет –
Был в нарядные ризы папа одет.

От тяжёлых трудов здесь ваятель устал,
И теперь во Флоренции он отдыхал,
Сразу из мрамора ваяя Матфея,
Только нисколько пред Святым не робея.
Из глыбы камня Святой вырывается;
Как по спирали, лишь вверх устремляется.

Матфей сам в скале пробивает дорогу
И жаждет душой вознестись к небу, к Богу.

В Рим папа Юлий опять вызывает,
Сикста плафон расписать предлагает.
Ведь адским трудом скульптор фреску создал;
И снова гробницу творить продолжал.

Моисей вырастает здесь, словно живой;
Он – Святой волевой и с большой бородой.
Вселяет уверенность вечно в людей,
Одухотворённый лишь верой своей.
И на мир твёрдо и пронзительно глядит;
Кажется, что вдруг тут сейчас заговорит.
Также Пленников двух творец вырубает
И утраты так снова в них выражает.
Лишь один со смертью борется упорно,
А другой из них смиряется покорно.

Вызван Титан ко Льву-папе с просьбою такой:
– Сделай фасад Сан Лоренцо – церкви родовой.–
А в горах беспросветный и страшный ад ждал,
Белоснежнейший мрамор творец добывал;
Как каторжный дорогу там пролагает
И камень для фасада – всё ж отсылает.

Но вот вскоре вновь отстранён от работы;
Ведь его теперь погрузили в заботы:
Усыпальницу лишь для Медичи – создать,
Для неё же все скульптуры изваять.
В капелле всё ж наш мастер синтез применил,
Здесь с зодчеством ваянье он объединил.
Снова так жадно рубил изваяния,
Главное – всё саркофагам внимание.
Эти фигуры на них – полулежат,
Всем лишь о бренности жизни говорят.

Но вновь же скульптуры творец оставляет,
Геройски Флоренцию он защищает.
«Война – не моё ремесло», – не кричал,
Ваятель военным строителем стал.

Творит во Флоренции побеждённой,
Но духом силён и – непокорённый.
Создавать скульптуры он снова продолжает,
Для гробниц двух Медичи их предназначает.

Статуя День – могучий мужчина, умён,
Тяжесть Земли сумеет сам выдержать он.
Утро – образ женщины, уже увядает,
Но ещё своею красотой – покоряет.
И Вечер – крепкий и суровый работник предстал,
И ему свои черты здесь ваятель придал.
А Ночь – всегда юная, красива, сильна,
Изысканно голову склонила она.

Ваяет потом Богоматерь с Младенцем,
Думал о Задумчивом младшем Лоренцо.
Он затем рубил скульптуру Джулиано,
А его ведь помнил гений постоянно.

Снова мастер здесь смело и дерзко творил,
Как ваятель и зодчий таланты явил.
Создал вновь в пластике замысел правдивый,
Он – символ бега времён неуловимый.

Наконец-то вырубил все изваянья
И своим помощникам дал указанья.
Четырнадцать лет продолжался тот адский труд,
Творения дивные миру тут предстают.

Также бюст Павла Третьего им завершён,
А в Капитолий бюст Фаерне создал он.

И высек портрет тираноборца Брута
С головою, повёрнутой лишь очень круто.
А злоба смельчака – несокрушима,
Энергия его – неистоцима.

Гробница папы Юлия – всё ж создана,
Но ведь в последнем замысле стала скромна.
И так как саркофаг помещён у стены,
То многие скульптуры теперь не нужны;
Творенья, что остались, все враз видны.
От Моисея здесь по обе стороны
В нишах фигуры лишь две установлены:
Рахиль это – нежная и молодая,
Так мирно стоит, всё вокруг созерцая;
И также тут юная женщина Лия,
Готовая действовать, словно стихия.

Но и вновь от скульптуры его отвлекут;
Он в терзаннях напишет большой Страшный Суд;
Так все шесть лет долгих адский труд продлится.
После снова – папы Юлия гробница.
Скульпторы, подсобники ему помогали –
Ярус здесь второй из всех фигур завершали.
Но злой рок над саркофагом, быть может, стоял;
И почти ведь лет сорок он Титана терзал.

Известно, как и в старости мастер ваяет,
Всё это очевидец в письме подтверждает:
«Тощий и далеко не силач по виду,
Трудно верится, если сам то не видел,
Как всё ж за четверть часа работы своей
Из-под руки летело ведь столько камней,
Сколько бы в час не смогли сработать такое
Даже молодых и могучих скульпторов трое.
А рубил неистов, яростно, стремительно;
Поражал тем многих, это – удивительно,

Что каждый миг могла бы глыба разбиться,
Но лишь на грани риска – вся сохраниться».

И, как каторжный, трудясь в изнеможеньи,
Завершёнными создал произведенья.
Ведь скульптуры Вакх, Пьета и Давид, Моисей
Поражают обработкою тщательной всей.

Но видна всё ж незавершённость творений;
И так много о том ведь споров, сомнений.
В работе то в той или иной представляли
Законченные в полной всей мере детали
И детали, резец коих еле касался;
Лишь сознательно мастер того добивался,
Незавершённым элементам давая
Второстепенную роль, ясно сам зная,
Что части все полную связь так обретут
И живость, звучанье всей идее дадут.

Только порой ночами скульптор опять
С чувством, сердечно стал стихи изливать:

*«Когда ваятель свыше озарён,
Он видит в камне мысли отраженье,
И скромный слепок полон вдохновенья,
Коль светлую душою сотворён»...*

А зодчество в старости – вновь увлекает,
Святого Петра Собор он воздвигает;
И врата, крепостные все сооруженья,
Капитолий, церкви – его сотворенья.

В часовне Паолина – росписи Святых;
Добился новизны ваятель ведь и в них;
Так яркие и только большие фрески.
Его же и рисунки – красивы, вески.

Но теперь он всё реже скульптуры ваял,
Лишь в общении с ними порой отдыхал.
И не мыслил никогда о судьбине иной;
Пережитое опять вспоминает с тоской.

Всегда ученики у ваятеля были,
В различных направленьях искусства творили.
Они все учителя – не забывали,
Искусно работы его продолжали,
А также и снова своё – исполняли.

И три Пьета вновь с любовью Титан создавал –
Для своего удовольствия смело дерзал;
Первой Флорентийскую Пьета – завершит,
Вся из четырёх разных фигур состоит.

Вечно лица все в статуе скорби полны.
Тут сидит Богоматерь – с одной стороны;
И видна Мария Магдалина – с другой;
Позади, за ними, Никодим – пожилой,
Но в нём ваятеля сразу можно узнать.
Так всё ж стараются Все Христа поддержать.
Для своей ведь гробницы наш мастер рубил,
Не понравилась... И молотком враз разбил.

Изваянье Пьета из Палестрины
Предстаёт в скорби цельным и единым;
Снова же смело Титаном творение
Создано было с большим вдохновением.
И здесь Богоматерь, скорбя с Магдалиной,
Поддержит ведь с Нею умершего Сына.

Незавершённая – Пьета Ронданини
Всё ж вновь людей всех так волнует и ныне.
Только лишь Дева в отчаяньи скорбном
Сына поддержит ведь в мире огромном.

И свою всю трагедию в Них показал.
Одиночество скульптор опять ощущал.

И перед смертью эту Пьета создаёт,
Ей силы все последние всё ж отдаёт.
Одевал, как и прежде, шлем со свечой,
Изваянье рубил ведь с чистой душой.
Тут с веком своим, со скульптурой прощался;
И смело в бессмертие он отправлялся.

Хотя и во время трагическое жил,
Но только ваянье всегда – боготворил
И великим искусством его сам считал,
А о нём так в мятежных стихах написал:

*«В плену таком, в таком уныньи
С обманчивой мечтой, с душою под ударом,
Божественные образы ваять!*

*От ветра пламя пуще полыхает.
Так и талант, дарованный нам свыше,
Не чахнет в испытаньях, а мужает».*

Но выдержал наш скульптор все испытанья,
Создал лишь величайшие изваянья.
Любовь к человеку в статуях Титана,
Трудом подтверждал всё это неустанно.
Во всех их – грандиозность мироощущенья,
И к вечной красоте, добру все устремленья,
Здесь сила и дух – всепобеждающие,
Тревога да боль – неутихающие.
Его скульптуры мир в веках изумляют,
В исканьях творческих – людей вдохновляют.

Х у д о ж н и к

пособность рисовать дитём осознал,
Учитель Гирландайо в том помогал;
Ученье юнца – большая удача.
Его вдохновляли Джотто, Мазаччо;
Монументальность, пластику брал он у них
И воплощал скульптурность в рисунках своих.

Когда ваяньем всерьёз занимался,
То и с художеством – не расставался.
Юноша много рисовал и с натуры,
Вечной основой стал рисунок в скульптуре.

Мадонну у лестницы – первой ваял
И сразу же яркий талант показал.
Вскоре в Риме им создан Вакх – изваянье,
Со скульптурой Пьета – приходит признание.
А когда лишь Давида творец вырубал,
То в часы только отдыха в руки кисть брал –
И Святое Семейство для Дони создал.

Рад, что в спор с Леонардо да Винчи всё ж вступил:
Сраженье при Кашине он – изобразил,
Сразу лучшим все признали этот картон,
Так соперник знаменитый был побеждён.
Картоны гениев подробно изучали,
Теперь батальный жанр лишь ими утверждали.
В судьбе же Борьбы при Кашине – ещё не всё;
И многим копировать ведь довелось её.

А этот картон совсем не охраняли,
Его весь поздней по кускам растаскали...

Но вот мастер изваял скульптуру Давид,
Во всём мире так он стал теперь знаменит.

Но вновь вызвал папа Юлий скульптора в Рим
И вдруг сразу ставит тут задачу пред ним:
– Хочу я, чтоб ты лучшим художником стал,
Быстрей в капелле Сикста плафон расписал,
Талант свой яркий снова и здесь показал. –

И ваятель не сдержал вдруг негодованье:
– Эта живопись ведь – не моё же призванье!
Святейшество, Вы смеётесь над верным слугой.
Мне фреску писать: проделки врагов надо мной.
Талант – Рафаэль, и справится с росписью той. –

– Для чего ж Рафаэля выдвинул вперёд?
Он ведь твой ученик, тебя не превзойдёт.
Но мне пиши ты фрески тут своим чередом,
А только лишь ваянием займёшься потом. –

Скульптор всё ж приступил к большому творению;
Та работа была под силу лишь гению.

Но опять сна лишился, от боли страдал,
Долго роспись, как каторжный, всё ж выполнял.
И об этом так страстно в стихах написал:

*«... Среди этих-то докук не странно
Мутится мой рассудок снова.
Нужна ль стрельба с ружья кривого?
И живопись моя с изъязном!
Поруган я, но труд мой сирый смел.
Не место здесь мне. Кисть – не мой удел!»*

К совершенству ведь тут снова устремленье,
Сил физических, духовных напряженье
Мировой лишь шедевр позволяло свершить,
Человека величие в нём воплотить.
Стал легендарным героем Сикстины своей,
Этот ведь образ – вновь в памяти многих людей.

И всё ж создал Бытие – преогромную фреску,
Четыре года один писал адски и дерзко.
А на своде всегда летает Бог могучий,
Он весь Мир создаёт энергией кипучей.
У мастера учились, в трудах подражают,
Великим живописцем его называют.

Леонардо да Винчи творенье оценил,
О сомненьях своих всё же так предупредил:
– В анатомии видится мне вся опасность,
А в неё Вы внесли бесподобную ясность,
Что лишь сами себя же здесь смогли превзойти.
Видно, дальше нельзя другим в искусстве идти. –

Годы и скульптурой творец увлекается.
Фреской в шесть десятков лет – вновь занимается;
В муках в капелле Сикста писал Страшный Суд;
Только лишь вновь его тут сомненья гнетут.

Верные друзья всегда смогли поддержать,
Скульптор огромную фреску стал создавать.
«Беда ужасная везде назревает,
Христос судилище уже начинает.
Учиняют люди ныне суд над собой,
А из них любой ведь знает путь свой земной.
Здесь показать всю душу каждого надо;
И это пусть даже – дорога лишь к Аду», –
Так мастер подумал о фреске опять,
Которую будет тут годы ваять.

Но закончился ведь многолетний весь труд,
Вновь прекрасные фрески векам предстают.
В монументальности виден громадный размах.
И все в округе спешат, обуял людей страх.
Иисус теперь Суд свой праведный начнёт,
В колесо фортуны всех судьбы вовлечёт.
Характер всей той катострофы – космический.
Тут жертвы сильны, но их ждёт Суд трагический.
И живопись здесь без лишних украшений,
Замыслил так – при создании творений.

Одним создана фреска ведь огромная,
Она в мире спокон – непревзойдённая.
Здесь новатор традиции вновь нарушает,
Символичность и таинство – всех поражает.
Теперь Микеланджело – в центре вниманья,
И в мире все ценят его дарованья.
Долго рассматривал Страшный Суд, свой плафон,
Только всё больше ваятель был убеждён,
Что живопись – вечна, большое искусство,
Ей, как и скульптуре, отдал свои чувства.

А Вазари другом Микеланжело стал
И творенья мастера всегда изучал,
Ярко он о фреске знаменитой писал:
«Невозможно так превосходно создать,
Да и трудно очень ему подражать.
Роспись эта – светоч искусства ярчайший,
Светит ведь на мир весь, во тьме пребывавший;
От творца в изумленьи, восторге лишь был.
И всё ж фреской сам скульптор себя победил».

Баяджиев – советский наш искусствовед,
Дал уже на вопрос, всех мучивший, ясный ответ:
«Да так и не было ещё ведь ни разу,
Чтоб вдруг и герои Шекспира все сразу

Действовать стали бы всё ж на сознание
Или смогли бы при всём лишь старании
Людьми быть враз услышаны в гармонии
Бетховена геройские симфонии
В пассаже мощнейшем, едином, одном.
Не выполнить это огромным трудом.
Чудо Микеланджело стало реальным;
Мастер, обладая умом гениальным,
Категории все времён познавая
И накалы страстей в эпохах сам зная,
Всем показал и не только мгновения,
Но ведь историю всю дал в движении.
А здесь чудеса потому и случились,
Что росписи разных времён появились;
Две фрески Сотворенья и Страшного Суда
Имели друг на друга влияние всегда».

Творец игнорировал цвет, так полагали;
На это ответ лишь поразительный дали.
Рим. Конец двадцатого века. Сенсация –
Ведь в Сикстине – кончилась вновь реставрация:
В зданьи том равномерное всё освещенье
Роспись сделало радужным, ярким цветеньем.
До этого даже то не представляли,
Что фрески Сикстины в грязи пребывали:
Почернели от копоти, дыма свечей,
Затемнил и слоями животный весь клей,
Который налажали со старанием,
Чтоб краскам избежать – здесь осыпания;
Все фигуры коричнево-серыми стали,
Словно бы их, титанов, из скал вырубали.

А тёмный оттенок символистов привлекал,
Романтиков, также живописцев вдохновлял;
Блейк и Делакруа так картины создали,
Что тон лишь «загрязнённый» им всем придавали.

Современники творца иное узрели –
Его яркие цвета применить сумели.

И Дживелегов вновь Возрожденье изучал,
Искусствовед эпохи советской написал:
«...Ваятель не только как художник победил,
Но и смело подвиг свой гражданский совершил.
Ведь потоками уже кровь лилась; был разгул,
И надолго Италию он захлестнул.
Опять угасали надежды оптимистов,
Но всё ж рисовал дерзко гений наш неистов».

Теперь инквизиция вся наступала
И всюду творенья искусства сжигала
Да Бруно Джордано – костёр предвещала.
Ересь Буонарроти тогда приписали,
Ведь роспись всю замазать ему приказали.

Но мастер свою фреску не уничтожил,
А папа другие писать тут предложил
Сразу в новой часовне Паулина,
Это между Собором и Сикстиной.

И роспись прекрасная миру предстала –
На ней Обращенье Апостола Павла.
Здесь Святой поражён вдруг Знамением,
А вокруг него – люди в смятении.

Создал живописец фреску Петра Распятие,
Видны в ней талант и смелые все понятия.
В центре всей композиции этой – яма,
А Святой – злится, смотрит с Креста упрямо.
И яростное в нём – осуждение,
К жестоким всем тиранам – презрение.

Не хотел всё ж делать ваятель портреты,
Ведь им так немногие были воспеты;

Порой изображал лишь красивых людей
И преданных, любимых да близких друзей.
Он портреты Томмазо Кавальери писал
И рисунки Виттории Колонна – в дар дал.

Но к мастеру старость уже подступала;
Картин и эскизов исполнил немало.
А их вновь знакомым и друзьям раздавал
И только немного – в мастерской оставлял.

Тех набросков тысячи всё ж сохранились,
Ведь все темы разные в них воплотились:
Душевные, также мифические,
Житейские и сатирические,
Трагичные и героические...

Ватикан ведь имеет армию свою,
А солдаты-швейцарцы долго в ней в строю;
Святого Ангела замок защищали
И жизнь за папу Климента тут отдали.
Микеланджело и модельером ведь стал,
Для той армии форму одежды создал;
И швейцарцы пять веков почти – на посту
Носят форму жёлто-сине-красную ту.

**Илл. 108,
стр. 528.**

Он и в картинах скульптурной манерой,
Так дерзкой, яркой, контрастной и смелой,
В движение вечное смело ведёт,
Красу и духовность, и силу даёт
Своим Святым и героям-титанам
В поисках творческих вновь неустанно.

Картина есть Леда и Лебедь, прекрасна,
Её написал он с любовью и страстно.
Полотно Положенье во Гроб – написал,
Всё величие мастер ему придавал.

Оставил ведь так много картонов своих,
Творенья живописные созданы с них:
И Рождение Девы Марии, Пьета,
Благовещенье да Бичеванье Христа...

И полон замыслов, силы, энергии был,
Свои идеи художникам часто дарил.
Всегда любой ученик его уважал,
Ведь мастер знанья и опыт им отдавал.
А дела все его они продолжали
И Титану труды свои посвящали.

Буонарроти прекрасно всегда рисовал,
О рисованьи, его значеньи сказал:
– Рисунок и набросок важны, полагаю;
Так гении писали, но всё ж утверждаю:
Это – есть основа в труде (так я мыслю и сам)
Скульпторам, художникам, зодчим, другим мастерам.
Лишь рисунок считаю ключом и душой
Всех искусств, также корнем науки любой. –

«Чтоб не видели опыты творенья,
Он наброски сжигал без сожаленья.
В совершенных своих обнаруженьях
Человечеству герой наш представал», –
Так о мастере Вазари записал.

Искусство гения людей вдохновляет,
Картины, фрески все его мир наш знает.
Великий художник покоряет и нас,
Примером ярчайшим стал творец и сейчас.

Архитектор

Зодчество гения – грань совсем новая,
В ней сила, геройство, размах, но – суровая.
Всё оно – организм чуткий, словно живой,
Наделённый движеньем и волей большой.
И здесь Микеланджело имя знаменито,
Наследие сложное всё – ведь не раскрыто.
Специально архитектуре не учился,
Но Флоренцией всей прекрасной – вдохновился:

*«... Дивным светом
Мой город блещет».*

Общение вновь с нею дух возвышало
И сразу для творчества – сил придавало;
Только зодчества лучшие все образцы –
Тут дома, церкви, башни, мосты и дворцы –
Ведь учили его с юных лет понимать
Красоту всех пропорций, ценить их, познать
И свой строй языка тех строений впитать.
В Риме друг Сангалло уроки позже давал,
Суть архитектуры ему сполна объяснял.
Тут папы – заказчики лишь основные,
Для них всех нужны и задумки святые.
И стать лучшим зодчим ваятель стремился,
Здесь талант редчайший его – проявился.
Объёмы зданий как скульптор вполне представлял
И в них твёрдый рисунок дум всех – направлял.
А жизненный весь опыт помогал немало,
Упорства, трудолюбия ему хватало.

Всё ж архитектуру лет в сорок – стал творить,
Церкви все эскизы фасада – смог решить,
В новых тех делах гениальность проявить.
Фасад тот Сан Лоренцо – церкви родовой,
Во Флоренции с детства близкой и родной.
Ярким дал замысел в записке своей:
«Церковь есть зеркало Италии всей».
Таланты все мастера папа Лев знал,
Он первый его лучшим зодчим назвал.
Очень пластичен фасад – в архитектуре,
Тут уделил ведь вниманье – и скульптуре.
И мрамор для фасада творец добывал,
Но вскоре папа Лев договор свой прервал.

Мастер капеллу для Медичи там возводил,
Синтез скульптуры и зодчества – вновь применил.
И проявил лишь опять он гениальность;
Ведь в мавзолее ярка монументальность.
Здесь в композиции динамика дана,
Сложная всюду обработка стен видна.

И вновь работу творил очередную:
Библиотеку для Медичи – большую.
Всё противоречит тут в этом твореньи,
Даёт лишь беспокойство оно в ощущеньи.
Ведь дробными члененьями зданье создал,
С масштабом человека их всё ж увязал.

А гробницы для Медичи делал умело.
Вёл в войну оборону Флоренции смело.
Быстро все крепости, башни, форты укреплял,
Так инженером военным известным он стал.
А для защиты стен сделал открытия:
Здесь применил земляные покрытия,
На стены крепились шерсть в тюках на канатах –
Спас стены от ядер, экономя в затратах.

Углы стен мыслил острыми, всех очертаний,
Чтоб ядрам не давать лобовых попаданий.
И все военные его сооруженья –
Архитектурные сполна произведенья.

Стал во Флоренции идеи предлагать:
Прежде лишь в центре реконструкцию начать,
Всю Синьорию галереей окружать.

Папа Павел ваятеля к себе призвал,
Должности сразу здесь же, в Ватикане, дал:
Живописца и скульптора, и зодчего.
Дал всё ж делать он много здесь и прочего.
Но пока Микеланджело пишет Страшный Суд,
Ведь трагичность и сила во фреске дивной тут.

Холм Капитолийский весь творец преобразил
И градостроителем себя здесь проявил.
Архитектор с любовью его создавал –
Капитолий-ансамбль знаменитым предстал.
В нём новая динамика и драматизм,
Но есть ведь красота и мощь, и оптимизм.
Его с окружающей застройкой связал
И так безошибочно ось главную дал.
Там же, на площади, созданы узоры;
Вечно постройки приковывают взоры,
И все здания статуи украшают.
Лишь пологие лестницы вниз сбегают.
В Риме дивный весь ансамбль Капитолия –
Это новая в искусстве история.

Фарнезе дворец – так груб, мрачным, скучным весь был,
И папа враз конкурс проектов здесь объявил,
Но в нём Микеланджело только всех победил.
И так скульптор пример показал молодым
Тем творением смелым, прекрасным своим.

Ваятель ведь, в сущности, всё строительство спас;
Дворец красотой изумляет даже сейчас.

А Павел вновь мастера к себе пригласил,
И строить Собор он – лишь его попросил:
– Хочешь ведь сказать ты мне опять лишь своё,
Что архитектура – ремесло не твоё?
Вновь, сын мой, талант яркий и здесь проявляй;
Разговор же о старости – не затевай. –

Зодчий новый проект создавал, как известно;
Строил долгих семнадцать лет он безвозмездно.
Его всё ж купол Пантеона тут вдохновлял,
Который самым лишь огромным в мире ведь стал.
У мастера был и другой довод лишь веский –
Так стройный Флорентийский купол Брунеллески;
Вынашивал и ныне замысел свой дерзкий:
«Верю, будет самый большой; двойным лишь создам;
И нагрузки равномерно в нём так передам».

Варианты упорно теперь рисовал
И модель деревянную здесь выполнял.
А купол Собора – шедевр несравненный;
И виден весь замысел в нём сокровенный.
Всё ж Браманте проект за основу он взял,
Так и в зодчестве новое слово сказал,
Композицию храма центричную дал.

И Собор тот Святого Петра вырастал,
Его главным зодчим ваятель предстал.
На весь тот успех обратили вниманье;
И в архитектуре приходит признанье.
Храм в Риме назван твореньем ярчайшим,
Он на века в мире стал величайшим.
А купол Собора вдохновляет творцов,
Один лишь из лучших на Земле образцов.

Всё ж и церковь Сан Джованни волновала –
Создавал планов, фасадов всех – немало;
Её ведь и замыслы яркими были,
Но церковь пока же – здесь не возводили.
Уже завершал проект Пиевых ворот;
Опять поручение новое – тут ждёт.
Теперь у мастера вновь идеи зрели:
Лишь церковь Санта Мария дель Анджели
Быстрее разместить по просьбе Ватикана
Всё ж в термах древнейших Диоклетиана.

Капеллу Сфорца в Санта Мария построил,
Введенье мощной крепости в Риме – ускорил.
Создана крепость и в Чевита Веккиа им,
А в Бельведере бастион весь будет большим;
Прочность ведь обрели все те укрепления.
По его же проекту шло возведение
Башни Святого Михаила так легко
В устье на Тибре, от реки недалеко.
Творил лестницу, нишу в Ватикане потом.
И явил он таланты вновь в искусстве своём.

Мастерскую для зодчих ваятель открыл,
И усердно, бесплатно всех в ней он учил.
А ведь Вазари, Алесси, Амманати¹⁵⁸
И Тоledo¹⁵⁹, и Кавальери-друг здесь кстати...

Вот так Микеланджело ярко, ясно писал,
Когда он искусства, науки вновь постигал:
«Чтоб зодчеству стать дивным, всегда современным,
Должно быть с человеком оно соразмерным.
Анатомию мастерски Вы познавайте
И в законах всех творчества – всё ж применяйте».

Стал: высот архитектурных покорителем,
Видным тут, в стране, градостроителем.

В поприщах и этих к идеалу стремился,
Многих намеченных вновь целей добился.
Ведь образные, новые средства искал,
Чем логику тектоники¹⁶⁰ он нарушал.

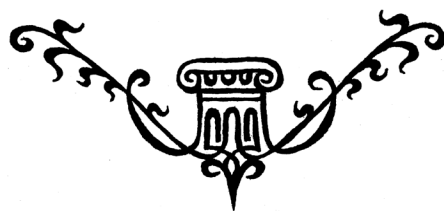
Своему только миру чувств – отдавался,
Героический образ им воспевался.
Противоречивым ведь зодчество стало;
На то и трагичность времён повлияла.

Обострённость восприятия в нём искал,
Свой критерий красоты вновь творец создал.
Пропорции, формы – всегда динамичны,
Объёмы и плоскости все – драматичны.

Монументальна его архитектура;
Так величава, пластична, как скульптура.
Он лишь чётко местности рельеф применял
И вниманье синтезу искусств уделял.
А в трудах цвет и свет вводил вновь умело,
Создавал своё, только новое смело.

Зданий красота, мощь в веках покоряют,
Автора исканья они отражают.
Микеланджело строил ведь всюду немало,
Так был близок к заветным своим идеалам.

И лишь часть сил архитектуре он отдавал,
Но всё ж в ряды всех величайших зодчих сам встал;
По праву же отцом барокко мир считает,
Вершиной Ренессанса – вечно называет.

Часть 7

Поэт

Но гений великим и в поэзии стал,
Талант весь самобытный опять показал.
А Микельаньоло – словом ведь поэтичным,
Пишет всё ж в посланьях и стихах всех лиричных.
Братья, отец и друзья так называли,
Этим почтенье к нему вновь выражали.
Как поэта все творца при жизни ценили,
Композиторов стихи его – вдохновили.

Верил в себя, и голову он не склонял,
Творчеством дивным, ярким всегда покорял:

*«О Боже, кабы молодости знать
И кабы старость мудрая умела,
Светлее было бы теченье дней.*

*Забвенья суеты – вот благодать!
Коль творчество не ведает предела,
Надежда есть и для души моей?»*

Вновь шёл только лишь путём непроторённым,
Поражал стихосложением достойным.
Ударам молота все подобны они,
Весомы, как и каменья, глыбам сродни.
Боль и нежность своим стихам поверял,
В них мученьям сердечным волю давал.
И свои ведь слова искал, находил,
Вновь отчаянье, страстность в них он вложил;
Так и в поприще этом мир изумил:

*«Но если изнутри в нас нет горенья,
Тогда обречены мы на забвенье».*

И многих поэтов читал, великих всех – чтил;
В любимых стихах вдохновенье вновь находил.
А друг Полициано – известный поэт,
Он юношу стихам учил несколько лет.

Навсегда великий Данте его чаровал,
Наизусть стихи все смелые гения знал.
Для него и кумиром поэт этот был,
Не раз мастер сонеты ему посвятил:

*«...О Данте говорю я, чьи деянья
Забыл неблагодарный род людской,
Сулящий гениям одни страданья.*

*«О если бы родиться мне тобой
И жить твоими думами в изгнаньи,
Счастливой одаряя мир судьбой!»*

Он оценил и поэта Петрарка,
Нравился ведь талант гения яркий.
Стихами любимца творец восторгался,
Тот словно бы с ними к нему обращался:
«И эти стены вековые,
Что будят и любовь, и страх,
Благоговение в сердцах,
Напоминая дни былые;
И те могилы, где лежат
Герои, чуждые забвенья,
Всё, что теперь – развалин ряд,
Всё от тебя ждёт возрожденья...»

Ничего скульптор слепо не принимал
И свободу любил, и правду искал.

Воображения простор одолев,
Вновь вырывался за трёхмерный рельеф.
Эпитафии, сонеты мастер писал,
Мадригалы и поэмы также слагал:

*«Куда, краса, влечёшь меня так властно?
Я отрешён от радости земной.
Мечта моя, за жизненной чертой
К сонму¹⁶¹ избранных стремится страстно».*

Сказал так критик советский Эфрос Абрам,
Что не подвластен лишь этот гений векам.
Точно ваятеля стихи переводил,
О Микеланджело он чётко говорил:
– Слова все, как глыбы, – сворачивает,
Одно слово-камень – вновь стачивает,
Другое же – прочно наращивает...
А из тех слов-плит строфу, сонет воздвигал,
Так весомость мыслей плотно в швах подгонял.
Нет в стихах всех его подражания,
В них ведь жизни своё понимание.
Но и в мире никто не писал так, как он;
В правоте лишь своей твёрдо был убеждён. –

В строках мысль до предела поэт обнажал,
Как ваятель всё лишнее в них отсекал.
Всё болью сердца писал о жизни, судьбе,
Вновь вызов смело бросал мирам и себе.
Он показал без прикрас в них эру свою;
Духом могучий Титан всегда был в строю:

*«В искусстве не достичь заветной цели,
Коль высший смысл земного бытия
Умом пытливым мы не одолеем».*

Пред ним за все годы долгие жизни прошли:
Льстецы и враги, и папы, друзья, короли

И время, и вечность, искусства творенья,
Сиянье и тьма, и горенье, и тленье,
Страх, инквизиция, с ней и паденье властей,
Веры крушение, и кризис эпохи той всей,
И радость, и страданья, жизнь, смерть, добро, зло.
И это всё в поэзии место нашло:

*«Чтоб к людям относиться с состраданием,
Терпимым быть и болью жить чужой,
Пора бы мне умерить норы свой
И большим одарять других вниманьем».*

Верил в духовность, силу, ум человека
Страстный певец печальной радости века.
И дал он исповедь миру лирой своей,
Зовущей к целям священным смелых людей.
Она так полна высокого трагизма,
А ясностью в ней – дошла до афоризма:

*«Чем выше взмах руки над наковальней,
Тем тяжелей удар: так занесён
И надо мной он к высям поднебесным».*

Лжи не терпел в творчестве, жизни; сам ведь не лгал;
Всё время знатнейшим искусствам он отдавал.
Наш герой – личность сильная, в веках предстаёт,
Этот гений дерзать всех и трудиться зовёт.
Рвётся яркий стих вновь из души и горит,
Ведь любви слова чистые нам говорит:

*«Так и в искусстве, свыше вдохновлён,
Над естеством художник торжествует,
Как ни в упор с ним борется оно;*

*Так, если я не глух, не ослеплён
И творческий огонь во мне бушует, –
Повинен тот, кем сердце зажжено».*

Ему послал Барни стихи-посвященье,
В нём он так к поэтам писал обращенье:

«Так не журчите, родники с ручьями!
Молчите же, фиалки! Стихни, лес.
Он говорит делами, Вы – словами».

Для гения всё стихосложение
Совсем ведь не времяпровождение.
Но что не смог выразить кистью, резцом,
То в строках своих дополнял и пером.
В них лишь жгучую правду ярко давал,
И любых компромиссов он – не признавал:

*«Смеюсь и тут же плачу, как в бреду, –
Не знаю я средины на беду!»*

Так создал и свой поэтический портрет,
А в нём о себе даёт ясный ответ.
Ведь из своих сокровенных мыслей лепил,
Все чувства, чаянья вновь в него он вложил;
Образ полон красоты и оптимизма,
И лишь в старости – глубокого трагизма:

*«Сияя с высоты,
Горды собой светила –
В них столько чистоты!
Любви известна сила,
И коль нас посетила,
Как звёзд далёких вечное мерцанье,
Сподвигнет нас на добрые деянья.*

*Что за порогом совершенства ждёт?
Блаженство, радость или мир умрёт?»*

Его в эпоху тирании жестокой
Давили недуги с тоскою глубокой.

Своя поэзия – тоже терзает:
И очень много стихов он сжигает.
Все свои способности скульптор умалял,
А себя невеждой в поэзии считал:

*«И в довершенье стариковских мук
Я на поэзии вконец свихнулся...»*

*Неизмеримы гения деянья –
Их высший смысл не сразу я познал,
Хоть чёрствый люд поэта осмеял,
Его слова – потомкам в назиданье...»*

Но порой и стихам весь талант отдавал,
Варианты их многие он написал.
Всё же достиг высот подлинных в поздних стихах,
Мудрым, весомым всем им – предстоит жить в веках.

А доживал ведь наш творец одиноко;
Снова в последних поэтических строках
Думы горькие давили всё ж его чредой,
Лишь в разладе был он с миром и самим собой:

*«Я сердцем сник и охладел с годами,
И прошлое, как боль, всегда со мной.
Бескрыла жизнь с угасшими страстями».*

Стихи десятки лет Титан ведь сочинял,
В них разум, силу и геройство воспевал.
Но он уступил уговорам знатоков
И начал работать над сборником стихов.
Когда подошло всё ж под семьдесят лет,
То стихи все увидеть должны были свет:

*«Питают душу страсти – не покой.
Лишь тот достоин вечного признанья,*

*Кто разменял на добрые деянья
Монету, но чеканки неземной».*

Так гордился своей тяжёлой судьбой,
Но даже и не стремился к доле иной.

Мастер – одержимый вновь яростью гений,
Высказал лишь страстно для всех поколений:

*«Я только смертью жив, но не таю,
Что счастлив я своей несчастной долей;
Кто жить страшится смертью и неволей, –
Войди в огонь, в котором я горю».*

Также кисть Рафаэля признала поэта,
Роспись там, в Ватикане, Парнас скажет это;
Здесь среди великих поэтов назван был он,
Принадлежат те народам разных времён.

А при жизни творца стихи не издали
И лишь через век – спешно свет увидали.
Плохо изданы, так причёсаны были,
Что в безликость и серость их превратили.
Сотни лет рукопись где-то пылилась опять,
Миру правдивой решили её показать.

Хоть забавою гения долго считали,
Но стихи все его воедино собрали,
С упорством очистили от искажений,
Издали для будущих всех поколений.

Жизнестойки вечно поэта деяния,
Велико его и поныне признание.

Дань поколений гению

1

Микеланджело – гений в веках величайший,
А в искусстве, культуре – творец он ярчайший.
Ведь в нём – таланты, труд адский и человечность,
Патриотизм, доброта, душевность, сердечность,
К свободе, прекрасному – все устремленья;
И взлёты лишь к высям небесным; паденья;
Мастерство, вера, страсть – неподражаемые,
А работы плоды – незабываемые
В нерасторжимом, святом единении все слились
И вновь в сердцах поколений Земли – отозвались.

Он – самородок народный, – жил, живёт, будет жить;
Вечно его все творенья люди будут ценить.

2

Снова и писатели, им дохновлённые,
Да искусствоведы, поэты, учёные
И потомки помнят о герое большом;
Пишут ведь они в столетьях книги о нём:
И Стрендаль, и Стоун, и Тоде, Ромен Роллан,
Также Юсти и Миланезе, и Гримм, Штейнман,
Тут и Бернсон Бернард, Бояджиев, Павлинов,
Вознесенский, Вентури, Алпатов, Любимов,
Виппер Борис, Фрей, Лосев, Гарен, Ротенберг,
Лазарев Виктор, Эфрос Абрам, Хойзингер
И Марсель Брион, Шарль Клеман, Элен Фисель,
Бенджамин Блеч, Рой Долинер, Надин Сотель...

Титана творенья, дневники изучают
И пишут трактаты, и ему подражают.

3

Всё воспроизводят его все портреты:
И в книгах, и журналах, скульптурах, буклетах,
На конвертах, на марках и медальонах,
На открытках, в газетах, дисках, в альбомах,
На медалях и слайдах, на павильонах...
Миру те портреты творца написали
Сантис Рафаэль, Буджардино, Вазари
И Якопо дель Конте, а также Фрейшман...
И все авторы, всё ж неизвестные нам...
Писали и пишут Марселло Венусти, Царёв,
Якопо Чименти и Родченко, Рерберг, Козлов...
Делакруа известным живописцем предстал,
Стиль романтичный Франции ведь он возглавлял, **Ил. 109,**
Буонарроти-скульптора портрет написал. **стр. 529.**
Царёв, Навашина – художники России, **Ил. 110,**
В портретах гения они изобразили. **стр. 530.**

Микеланджело автопортреты творил
И во фресках, и статуях их поместил.
В скульптурах его изображали:
Лиони портрет исполнил на медали,
Для Вольтерра успех – бюст учителя ваял;
Риччарелли – из бронзы рельеф сам отливал;
Лемпорт – известный скульптор советских лет, **Ил. 111,**
Сделал рельефно, смело творца портрет. **стр. 531.**
Рукавишкин в ведь видным ваятелем стал, **Ил. 112,**
Он портрет Буонарроти из камня создал ... **стр. 532.**

4

Искусство Титана отклик большой имело,
Но для маньеристов не было пользы дела.
У мастеров барокко – собственный подход;
Они, лишь изучив часть гения работ,

Стали ведь в образах большой декор применять
И динамичность, контрастность им всем придавать.

5

Микеланджело, бесспорно, свершил подвиг свой.
«Равновесие миров вновь нарушил герой.
Смело отнимает он сам у Возрожденья
Вечно безмятежное собой наслажденье», –
Так Генрих Вёльфлин отлично о нём написал
И этим творчеству мастера дань всё ж отдал;
Искусствовед швейцарский ведь многие годы
Вновь посвящал художникам видным работы.

6

Давид Павлов – великий наш русский учёный,
Писал, Ренессансом на век покорённый:
«Эпоха Врождения – большой переворот,
Свободу всем искусствам, наукам отдаёт.
Мы гениев в нём вновь должны боготворить;
И всем поколениям – надо их ценить».

Французский писатель Оноре де Бальзак
Все мнения высказал о великих так:
– Завидую я лишь всегда – знаменитым,
Почтенным, достаточным да именитым:
Буонарроти да Бетховену, Пуссену
И Рафаэлю Санти, Мильтону, Шопену –
Словом, тем лишь, великими коих считают,
Благость и одиночество их отличают. –

«Уроки нравственности нам преподали,
Повсюду честность и добро утверждали
Творцы Спиноза, Микеланджело, Лев Толстой...» –
Ведь так Катаева писала в статье одной;
И ею вновь гордятся Урал, вся страна,
Заслуженный учитель в России она;

Школу номер один в Невьянске возглавляет,
«Школой века» её Русь ныне называет.

7

Показал Буонарроти за долгий свой век
Всем пример, на что способен герой-человек.
Подвиг великий – творчество, жизнь гения.
Не подражать должны все поколения.
Многому у мастера нужно учиться,
Новое, своё создавать всем стремиться.

8

Шедевры только прекрасные мой друг сотворил, **Ил. 113,**
Но всё же как человек он ведь им не уступил», – **стр. 533.**
О нём так Виттория Колонна писала,
Порой Микеланджело стихи посвящала.

9

Павел Корин – России представитель,
Художник смелый, советский, знаменитый.
От Микеланджело в образах дерзких идёт,
Монументальность и волю он им придаёт.
Искусство Возрожденья творец познавал
И так о флорентийцах великих писал:
«Вновь знамя духа человека подняли
И красоты все идеалы нам дали.
В далёкое пространство минувших лет
Теперь мы им шлём пламенный наш привет
И клятву здесь в искусстве дивном даём –
Лишь в вере победим все или умрём».

10

И время от времени к нам ведь нисходят
И, как чудеса, всё ж на Землю приходят
Вновь благодати высшей проявления
И озарений краткие мгновения;

Для нас появляются, мир изумляя,
И уровень общий его поднимая,
Джотто, Микеланджело», – так Корбюзье писал,
Всюду познавал их творенья, труды – создал.

Асафьев – музыковед наш русский, советский,
Профессор и композитор очень известный;
Не только и в музыке он преуспевал,
Но и Возрожденье порою изучал
И лишь о героях всем страстно так сказал:

– Данте, Микеланджело дерзкие творенья –
Пламенные в мире всегда произведенья.
Ясно, ведь от скорби сердца они рождены;
Мысли все в них о трагедиях, судьбах страны. –

11

Об Италии Павлинов так говорил:
– И мне кажется теперь, что всё уяснил:
Все границы полуострова Аппенин
(Они – Микеланджело-Титана отчизна)
Так быстро всё время раздвигаются в жизни
Во след за движеньем искусства большого,
Стремясь покрыть сушу всю Шара земного. –

12

Ренато Гуттузо – художник итальянский;
Ценил он творца, его подвиг столь гигантский:
«Жизнь его настолько наполненной осталась,
Что судьба вся личная в ней переплеталась
Тогда с трагичными всегда испытаньями,
Какие выпали на долю Италии...
Те года Микеланджело в жизни достались,
В душе бурей, страданьем они отозвались!..
Герой наш вновь своему суровому веку,
От зла страдая и веря в мощь человека,

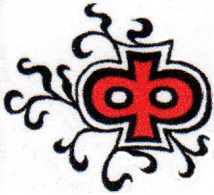
Отвечал величайшими твореньями,
И явились они лишь проявленьями
Всех заложенных в людях созидательных сил;
Поэтичность всю в тех образах всё ж воплотил.
О сложнейшей истории отчизны своей
Он поведал и сердцем ведь сердцам всех людей».

13

Алпатов – советский историк искусства,
Пишет о Микеланджело точно и с чувством:
«Внутренний разлад в человеке увидал,
Это нам так образно, смело показал.
И даны противоречия стремлений
В грандиознейшем характере творений.

Пределы Ренессанса к нам он приближает,
Столетия все этим – так предвосхищает».

14

Французский скульптор Бурдель о нём написал:
«Титан трагедий жестоких суть осознал,
И душу, мощь человека он воспевал.
Вознёсся творец над Италией пророком,
Венчая её своим гением высоким».
Вновь стали сейчас злободневными те строки.

15

Советский зодчий, учёный Буров Андрей
Писал, став в мире известным, в книге своей:
«Микеланджело раньше ведь я не любил,
Но, лишь съездив в Италию, всё уяснил,
Видя Капитолий, Моисея, Пьета.
Ныне же, бесспорно, смог признать – навсегда,
Что он – гений наш и герой величайший,
Всё ж с устоями Ренессанса порвавший
И прекрасные нам творенья создавший.

Нечеловеческою силой дарованья
И трудолюбием добился ведь признанья.
А законы искусства порой – нарушает,
Но своими твореньями мир потрясает.

Но как его подражатели ужасны!
Потуги же эпигонов тех – напрасны.
Шедевры все прошлого смелей изучайте,
В условиях новых – лишь своё создавайте».

16

Долго исследовал Гарен Возрожденье;
В мире известны и его ведь творенья;
Философ итальянский всем о гении
Так высказал вновь искреннее мнение:
«Всё глубже становится мастера творчество,
Всегда приближаясь к трагедии общества,
Век под угрозой страдать принуждённого,
Успокоения снова лишённого».

17

Известный советский художник П р о р о к о в,
В строю пройдя войны, болея жестоко,
Творенья, пафоса полные, вновь рисовал;
А гений из Возрожденья всегда вдохновлял:

«Микеланджело – пророк на белом свете...
Почитать я захотел его сонеты.
Как будто высокий ток в напряжении
Бежал по всем нервам в эти мгновения.
Душа засветилась и остывший мозг вдруг
Работал вновь, словно обнял старый мой друг...
Стал Господь творцом первым. Так и мастер считал,
Соревнуясь с Ним, образ человека создал
И не только волевого и сильного,
Героического, очень красивого,

Но и бессмертного, что Богу – не дано».
И флорентийцу быть бессмертным суждено.

Ил. 114,
стр. 534.

18

Вновь Италию Бернсон Бернард посетил,
Там труды Микеланджело он изучил,
Сразу с тех пор шедевры его полюбил;
Историк из Америки так написал:
«Нам образ человека творец показал,
Который всё ж сможет весь мир подчинить,
Сумеет ведь большее сам совершить!»

А в искусстве свой талант, волю властную
Сочетает с идеалом прекрасного,
С мечтами вновь о герое гениальном,
Который жить станет в будущем, реальном».

19

Русский поэт, прозаик Вознесенский Андрей
Ярко и честно жил; дерзко творил для людей;
Зодчий, художник и академиком стал,
Премии и награды за труд получал.

Микеланджело – гением он восхищался
И, рисуя творенья его, вдохновлялся.
Дар поэтический в мире сполна воплощал.
О мастерах величайших стихи написал:

«Колокола, гудошники...
Звон. Звон...
Вам,
Художники
Всех времён!

Вам,
Микеланджело,
Барма, Дант!

Вас молниєю заживо
Испепелял талант.

Ваш молот не колонны
И статуи тесал –
Сбивал со лбов короны
И троны сотрясал.

Художник первородный
Всегда трибун.
В нём дух переворота
И вечно – бунт.

Вас в стены муровали.
Сжигали на кострах.
Монахи муравьями
Плясали на костях.

Искусство воскресало
Из казней и из пыток
И било, как кресало,
О камни Моабитов.

Кровавые мозоли.
Зола и пот,
И Музу, точно Зою,
Вели на эшафот.

Но нет противоядия
Её святым словам –
Воители,
ваятели,
Слава Вам!»

20

ев Любимов – российский искусствовед,
Посвятил Возрождению много лет.

Он цель Буонарроти опять постигал:
«Творец наш человека всегда воспевал.
Писал, что природе не нужно лишь подражать;
Её все намеренья надо вновь постигать.
Сможем в искусстве дело природы завершить,
Только дерзаньем страстным народы изумить,
И возвыситься, не покоряя, над ней». –
Пояснил литератор так в книге своей.

21

«Воздадим же Титану любовь в полной мере,
Лишь которую всю жизнь искал, в неё верил.
Несчастья величайшие творец испытал,
Падение Италии так ясно познал.
Жалел он, что гибли свобода и чувства,
И видел, как гасли светила искусства,
Все, так дорогие ему, исчезали
И как кровь герои в борьбе проливали.
Искусством гения мы наслаждаемся», –
Роллан-писатель о нём отзывается.

22

Лазарев труды все его познавал,
Советский наш историк искусства писал:

«Дань гению все поколения отдали,
А люди культуры его изучали.
И как же добивался Титан своего?
Так многому нас учат творенья его:
Из жизни значимый, свой образ – создавать,
А ложный пафос от геройства отличать,
Достигать совершенства, успехов везде,
Познавать радость, муки, упорство в труде.

И этому творения учат всех нас,
Примером вновь является гений сейчас».

23

Его наследие отклик нашло у людей,
Любой художник, идя лишь дорогой своей,
Ведь в какой-то мере герою дань отдал;
И всегда его подвиг многих вдохновлял.
Почитателей мастера в мире не счесть;
И повсюду в искусстве преемники есть.

24

Микеланджело в детстве я услышал,
И мне с тех пор навсегда он в сердце запал;
Так давно ведь в книжке скульптуру Давида
Волевого, сильного, смелого видел;
Всё ж поныне вечной красотой поражён,
Не видал прекрасней изваянья, чем он.

И много раз Давида поздней рисовал,
Пьета да Моисея, Рабов написал.
В институте изучал Титана творенья;
И тогда же зародилось в мыслях решенье
Суть о гениальном человеке написать,
О вере, духовности его всем рассказать.

Творца Народный архитектор СССР,
Учёный видный наш Алфёров ставил в пример;
Страстно он поведал о любимом кумире,
О его скульптурах, фресках, зданиях в мире.
Читал нам, студентам, и лекции о нём,
Который всегда титаническим трудом,
Любовью к людям, искусством героическим
Ведь бросил вызов столетиям трагическим.

Запомнил я песню давних студенческих дней,
О гении всё сатирою сказано в ней,
Как упорно мастером Собор воздвигался,
Даже папы римского лишь он – не боялся.

«И по-своему купол свой чудесный творил,
Ведь поэтому, братцы, мир его не забыл...»

А И□гошев нас обучал рисованию,
Водил на пленэр, научил и ваянию;
Ведь Народный художник труды творца знал,
Он любовь нам к искусству его прививал.

И много лет занимался я усердно,
Собрал о подвиге Титана беспримерном
Сведенья всё ж по крупичам для книги моей;
В ней написал, как герой жил, дерзал для людей.

Шедевры все мастера вновь изучаю,
Прекрасное, светлое в них открываю.
За честность души и таланты ярчайшие,
Святую лишь правду, труды величайшие
Пред гением голову я преклоняю
И Богом всей нашей Земли – называю.

Великий мастер мир наш весь волнует спокон.
Воспет в картинах, фресках, изваяниях он;
Лишь о нём ведь и реки чернил исписали,
Мириады речей задушевных сказали;
Музыку создали на стихи поэта.
Только не исчерпана вся тема эта.
Он равнодушными вновь нас не оставляет,
Каждый же новый труд о нём – обогащает.

И я отдал свою лепту лишь скромную
В библиографию эту огромную.

25

Гиганта творенья – ярки, совершенны;
И через столетья пришли к нам нетленны.
Их с жаждою истины всесильной создал,
Трагичность эпохи всей он так показал.

И всё, им свершённое, людей боготворит,
О его заветных идеалах говорит.

«И не рождён на Земле человек ведь такой,
Кто бы любил, как и я же, людей всей душой», –
Это писал Микеланджело – мастер большой.
И делом доказал он всем за долгий свой век,
Что самое прекрасное всегда – человек.

Его величайшие дарования,
В трудах прометеевские дерзания
И воля могучая, чувства святые,
Так ясные все устремленья благие,
А труд каторжный, адский, титанический
И подвиг жизни дерзкой, героической –
Это искусству без остатка отдавал,
Миру лишь только всё прекрасное создал.

Творения его – и ныне покоряют,
На добрые дела людей всех вдохновляют,
На веки и вновь с нашим временем сближают.

26

Богата эпоха его мастерами,
Но всё же она не сумела пред нами
Дать равного лишь Микеланджело гения.
Оставил наследие всем поколениям;
И хотя шедеврам минуло пять сотен лет,
Но они – великие, в мире равных им нет.

Добр, правдив и святой чистотой наделён;
Убеждённостью страстной и духом силён.
Он и ярчайшим талант неподражаемый,
Авторитет так большой, непререкаемый.
О близких, друзьях проявлял вновь заботу
И в битвах отстаивал правду, свободу.

Часто в работе о сне и еде забывал;
Сильные волю, характер другим показал.

Гуманистом был и сознавал всё ж отлично:
«У людей все возможности – так безграничны».
Лишь красоту, дух и силу, и ум воспевал,
Главным всегда человек в его творчестве стал.
Он намного современников всех превзошёл,
Перешёл свой век, в бессмертие смело вошёл.

27

встал Микеланджело сам впереди веков,
Но за труд, талант мало слышал всё ж тёплых слов.
Всюду за то, что любил он людей, верил им,
Всех покори́л дерзновенным искусством своим,
Должное в полной лишь мере ему воздадим.
Ведь вся святость духа, к свободе стремление,
Красота и сила в его всех творениях.

И через столетья Титана деяния
Опять у народов находят признание.
Один из величайших на тысячи лет!
Героя на Земле не померк яркий свет!
Искусство творца Планета всегда познавай.
Звезда Микеланджело во Вселенной сияй!

1997 – 1999, 2004 – 2013.

Ижевск

ПРИМЕЧАНИЯ

(даны автором)

-
- ¹ **Возрождение** (Ренессанс) – период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы (14 – 16 вв.), переход от средневековой культуры к культуре нового времени. Отличительные черты: светский характер, гуманистическое мировоззрение, обращение к культурному наследию античности, как бы «возрождение» его. Возрождение подразделяется на Раннее, Высокое и Позднее.
- ² **Микельаньоло**. Этим поэтическим именем часто называли Микеланджело Буонарроти отец, братья, друзья, и именем Микельаньоло он подписывал свои стихи, иногда – письма.
- ³ **Гирландайо** Доменико (1449 – 1494) – флорентийский живописец, один из выдающихся мастеров Раннего Возрождения. Он один из первых применил воздушную перспективу. Стал первым учителем Микеланджело. Ясные по композиции, мягкие по колориту фрески (в церквях Санта Тринита и Санта Мария Новелла) изобилуют жанровыми мотивами.
- ⁴ **Подеста** – городской голова в Италии (глава самоуправления).
- ⁵ **Капресе** – небольшой городок близ Флоренции.
- ⁶ **Вазари** Джорджо (1511 – 1574) – итальянский живописец, архитектор, историк искусства Ренессанса. Он ученик, друг Микеланджело. Рисовал картины и построил ансамбль Уффици. Написал книгу «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550), где есть глава, посвящённая жизни и творчеству Микеланджело.
- ⁷ **Падре** – отец семейства, родитель.
- ⁸ **Перспектива** – искусство изображать на плоскости трёхмерное пространство с тем кажущимся изменением величины, очертаний, чёткости предметов, которое обусловлено степенью их отдалённости от точки наблюдения. Вид, картина природы с отдалённого пункта, видимая даль.
- ⁹ **Джотто** ди Бондоне (1266 или 1267 – 1337) – итальянский живописец. Порывая со средневековыми канонами, внёс в религиозные сцены земное начало, изображая евангельские легенды с небывалой жизненной убедительностью. Фрески капеллы дель Арена в Падуе и церкви Санта Кроче во Флоренции поражают силой и монументальным величием образов. Автор проекта колокольни Собора во Флоренции.

-
- ¹⁰ **Мазаччо** (наст. имя Томмазо ди Джованни ди Симоне Кассаи) (1401 – 1428) – итальянский живописец, смелый реформатор, порывающий со средневековой художественной культурой. Воплощал в религиозных сценах гуманистические представления о совершенной человеческой личности (фрески капеллы Бранкаччи в церкви Санта Мария дель Кармине во Флоренции).
- ¹¹ **Гиберти** Лоренцо (ок. 1381 – 1455) – итальянский скульптор и ювелир. Представитель флорентийской школы Раннего Возрождения. В бронзовых рельефах дверей баптистерия во Флоренции обратился к опыту античного искусства, современным ему достижениям в области линейной перспективы; добился мягкой живописности и пространственной глубины.
- ¹² **Сеттиньяно** Дезидерио да (ок. 1430 – 1464) – итальянский скульптор, представитель Раннего Возрождения.
- ¹³ **Донателло** (наст. имя Донато ди Николло ди Бетто) (ок. 1386 – 1466) – итальянский скульптор Раннего Возрождения, развивал демократические традиции культуры Флоренции, оказал сильное влияние на своих современников. Скульптуры: «Святой Георгий», «Давид»; монумент «Гаттамелата» в г. Падуя.
- ¹⁴ **Бертольдо** ди Джованни (1420 – 1491) – итальянский скульптор эпохи Возрождения, ученик Донателло. Долгое время почти забытый, теперь изучается особенно внимательно, как один из самых ярких представителей Ренессанса и как прямой учитель Микеланджело.
- ¹⁵ **Поллайоло** – представители флорентийской школы Раннего Возрождения, художники, скульпторы. Братья: Антонио дель (1433 – 1498) и Пьетро.
- ¹⁶ **Антик** – античная, древняя скульптура.
- ¹⁷ **Медичи** Лоренцо Великолепный (1448 – 1492) – яркий представитель флорентийского рода, игравшего важную роль в средневековой Италии. Лоренцо – поэт, правитель (синьор) Флоренции, меценат, способствовал развитию культуры Возрождения. Медичи основали торгово-банковскую компанию, одну из крупнейших в Европе 15 в. Главные представители: Козимо Старший Медичи, Лоренцо Великолепный Медичи, французская королева Екатерина Медичи.
- ¹⁸ **Анджелико** (собственно Фра Джованни да Фьезоле) (ок. 1400 – 1455) – итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения. Религиозно-созерцательное искусство проникнуто светлым наивным лиризмом, красочной сказочностью (фрески монастыря Сан Марко во Флоренции, 1438 – 1445).

-
- ¹⁹ **Брунеллески Филиппо** (1377 – 1446) – итальянский архитектор, скульптор, учёный. Один из создателей архитектуры Возрождения, теории научной перспективы. Произведения гармоничны, строгие в пропорциях, совершенны в инженерно-строительных решениях (купол Собора Санта Мария дель Фьоре и капелла Пацци во Флоренции).
- ²⁰ **Мессер** – сэр, господин. Вежливое обращение к мужчине.
- ²¹ **Манускрипт** – рукопись, преимущественно древняя (обычно античная, средне-вековая).
- ²² **Липпи** – итальянские живописцы, представители Раннего Возрождения, отец и сын: 1) Фра Филиппо (ок. 1406 – 1469) – автор религиозных картин и фресок, проникнутых светской жизнерадостностью («Поклонение Младенцу», кон. 1459 – нач. 1460-х гг.). 2) Филлипино (ок. 1457 – 1504) в религиозные картины и фрески вносил черты стилистической утончённости, ноты беспокойства, напряжённости («Видение Святого Бернарда»).
- ²³ **Кастаньо Андреа дель** (ок. 1421 – 1457) – итальянский живописец. Представитель флорентийской школы Раннего Возрождения. Полные жизненной энергии, мужественные образы («Девять знаменитых людей»).
- ²⁴ **Боттичелли Сандро** (1445 – 1510) – итальянский живописец. Представитель Раннего Возрождения. Произведения на религиозные и мифические темы: «Весна», «Рождение Венеры», рисунки к «Божественной комедии» Данте, острохарактерные изящные портреты.
- ²⁵ **Учелло** (Уччелло) Паоло ди Доно (ок. 1397 – 1475) – флорентийский художник, золотых дел мастер эпохи Возрождения («Битва при Сан Романо»).
- ²⁶ **Вероккио** (Верроккьо) Андреа дель (1435 или 1436 – 1488) – итальянский скульптор, живописец. Представитель флорентийской школы Раннего Возрождения. Сочетал реалистические искания с утончённым аристократизмом (статуя «Давид», памятник кондотьеру Коллеони в Венеции).
- ²⁷ **Роббиа** – семья итальянских скульпторов, представителей Раннего Возрождения во Флоренции. Впервые применили в скульптуре технику майолики: 1) Лука делла Роббиа (1399 или 1400 – 1482) – слава семьи (певческая кафедра в Соборе Санта Мария дель Фьоре). 2) Его племянник Андреа делла Роббиа (1435 – 1525). Медальоны на фасаде Оспедале дельи Инноченти. 3) Джованни делла Роббиа (1469 – после 1529) – сын Андреа делла Роббиа.

-
- ²⁸ **Круглая скульптура** – вид скульптуры, произведения которой представляют собой самостоятельные трёхмерные объёмы, не составляющие материального единства с плоскостью фона. Видны со всех сторон на площадях, бульварах, улицах, в монументах, залах и т. д.
- ²⁹ **Давид** – израильско-иудейский царь конца 11 в. до н. э. – ок. 950 до н. э. Создал централизованное Израильско-Иудейское государство, победив филистимлян и соседние племена. Провозглашён царём Иудеи после гибели Саула. Давид сделал столицей Израиля Иерусалим. По библейской легенде юноша Давид победил великана Голиафа.
- ³⁰ **Барельеф** – низкий рельеф, в котором выпуклое изображение выступает над плоскостью фона не более, чем на половину своего объёма.
- ³¹ **Фавн** – в римской мифологии Бог плодородия, покровитель скотоводства, полей и лесов.
- ³² **Платоновская Академия** – древне-греческая философская школа, основанная философом-идеалистом Платоном около 387 г. до н. э. в Афинах, потом закрыта как оплот язычества. В эпоху Возрождения существовала во Флоренции в 1459 – 1521 годах. Платоники – видные учёные, поэты. Они оказали влияние на развитие талантов юного Микеланджело.
- ³³ **Данте** Алигьери (1265 – 1321) – итальянский поэт, мыслитель, создатель итальянского литературного языка. Активно участвовал в политической борьбе. После победы противников заочно приговорён к сожжению (1302). Вторично приговорён к смерти в 1315 г. В годы скитаний создана «Божественная комедия». Оказал большое влияние на развитие европейской культуры.
- ³⁴ **Лаокоон** – скульптурная группа Родосских мастеров Агсандра, Атенодора и Полидора (ок. 50 г. до н. э., в Ватикане). Жреца и его сыновей душат змеи.
- ³⁵ **Прометей** – в греческой мифологии титан, похитивший у Богов с Олимпа огонь и передавший его людям.
- ³⁶ **Психея** – в греческой мифологии олицетворение человеческой души; изображалась в образе бабочки или девушки.
- ³⁷ **Антей** – в греческой мифологии великан, сын Бога Посейдона и Богини земли Геи. Был непобедим, пока соприкасался с матерью-землёй; задушен Гераклом, оторвавшим его от земли.
- ³⁸ **Мадонна** – то же, что Мария (Богородица, Богоматерь, Дева Мария), в христианской мифологии Мать Иисуса Христа, непорочно Его зачавшая.

-
- 39 **Камея** – драгоценный и полудрагоценный камень с выпуклым изображением.
- 40 **Метаморфоза** – полная, совершенная перемена, изменение.
- 41 **Горельеф** – скульптурное изображение на плоскости, в котором фигуры выступают более, чем на половину своего объёма.
- 42 **Кверча** Якопо делла (1374 – 1438) – итальянский скульптор Раннего Возрождения. Искусству присущи напряжённый драматизм образов, монументальность (рельефы портала церкви Сан Петронио в Болонье).
- 43 **Плотское** – чувственное, телесное.
- 44 **Фриз** – здесь декоративная композиция (изображение или орнамент) в виде горизонтальной полосы вверху стены.
- 45 **Боккаччо** Джованни (1313 – 1375) – итальянский писатель, гуманист Раннего Возрождения, поэмы на сюжеты античной мифологии, пасторали, сонеты. В главном произведении «Декамерон», проникнутом духом свободолюбия и жизненного юмора, изображает широкую картину итальянского общества, обличает церковников и осмеивает средне-вековый аскетизм. Поэма «Ворон», книга «Жизнь Данте Алигьери».
- 46 **Петрарка** Франческо (1304 – 1374) – итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения. Сборник «Книга песен», поэма «Африка». Страстный поборник идеи единства Италии. Оказал значительное влияние на развитие европейской культуры.
- 47 **Эфемерно** – мимолётно, скоропреходяще.
- 48 **Грум** – конный слуга; слуга, сопровождающий всадника; едущий на козлах, на задке экипажа.
- 49 **Буджардино** (Буджардини) – флорентийский художник, учился вместе с Микеланджело у Доменико Гирландайо.
- 50 **Пизано** Никколо (ок. 1220 – между 1278-84) – итальянский скульптор, один из основоположников Проторенессанса. Создал пластически осязаемые образы, полные могучей силы (кафедра баптистерия в Пизе, 1260).
- 51 **Делл' Арка** Никколо (1440 – 1492) – итальянский скульптор эпохи Возрождения.
- 52 **Портал** – архитектурно оформленный вход в здание.
- 53 **Воитель** – человек задорный, с воинственным характером; воин.
- 54 **Купидон** – в римской мифологии Божество любви, олицетворение любовной страсти; то же, что Амур или греческий Эрот. Купидон изображался в виде шаловливого мальчика.

-
- 55 **Бартоломмео Фра** (настоящее имя Бартоломмео делла Порта) (1472 – 1517) – итальянский живописец, представитель Высокого Возрождения. Монументальные величественные алтарные картины («Оплакивание Христа»).
- 56 **Термы** – в Древнем Риме общественные бани, включавшие, кроме горячей (кальдарий), тёплой и холодной (фригидарий) бань, также парильни, залы для спорта, собраний, библиотеки и т. д.
- 57 **Базилика** – прямоугольное в плане здание, разделённое внутри рядами колонн или столбов на продольные части (нефы), средний неф более высокий. В Древнем Риме – судебные и торговые здания; позже – один из главных типов христианского храма.
- 58 **Колонна Траяна** – мраморная колонна в Риме, высота около 38 м.; воздвигнута императором Траяном ок. 114 г. в честь победы над даками. Ствол колонны покрыт рельефами со сценами из войн с даками.
- 59 **Марк Аврелий** – здесь бронзовая конная статуя римского императора Марка Аврелия (121 – 180 гг.) из династии Антонинов.
- 60 **Капелла** – католическая часовня без помещения для алтаря.
- 61 **Росселли Козимо** (1439 – 1507) – итальянский живописец Раннего Возрождения.
- 62 **Перуджино Пьеро** (между 1445 и 1452 – 1523) – итальянский живописец Раннего Возрождения.
- 63 **Сангалло** – семья итальянских архитекторов, представителей Возрождения: 1) Джулиано да Сангалло (1445 – 1516) создал ясные по композиции произведения (церковь Санта Мария делле Карчери в Прато). 2) Антонио да Сангалло Младший (1483 – 1546) – племянник Джулиано да Сангалло, строил массивные дворцы (Палаццо Саккети в Риме).
- 64 **Вакх** – в античной мифологии одно из имён Бога виноградарства Диониса, Бог вина и веселья.
- 65 **Пиета**, Пьета (с итальянского – милосердие) – в изобразительном искусстве сцена оплакивания Христа Богоматерью.
- 66 **Браманте Донато** (1444 – 1514) – итальянский архитектор, представитель Высокого Возрождения. Создал гармоничные, цельные, смелые по композиции постройки. Работал в Милане (церковь Санта Мария presso Сан Сатиро), затем в Риме («Темпьетто»; дворы Ватикана; проект Собора Святого Петра, начало его постройки).

-
- ⁶⁷ **Гонфалоньер** – глава городской власти, правительства в средневековой Италии.
- ⁶⁸ **Козимо** (Козимо) Пьеро ди (1462 – 1521) – итальянский живописец, представитель флорентийской школы. Сказочность образов («Персей и Андромеда»).
- ⁶⁹ **Креди** Лоренцо ди (1459 – 1537) – флорентийский живописец. Его композиции отличаются тонкостью исполнения, одухотворённостью («Поклонение пастухов»).
- ⁷⁰ **Леонардо да Винчи** (1452 – 1519) – итальянский художник, скульптор, архитектор, учёный, естествоиспытатель, анатом, музыкант. Для современников был воплощением всесторонне развитого человека. Роспись «Тайная Вечеря» в Милане, портреты «Мона Лиза» (т. н. «Джоконда»), «Дама с горностаем», религиозная картина «Мадонна в скалах». Отстаивал решающее значение опыта в познании природы. Сохранились записные книжки и рукописи (около 7000 листов).
- ⁷¹ **Сансовино** Андреа (ок. 1460 – 1529) – итальянский скульптор и архитектор. Ясность композиции, дробность деталей.
- ⁷² **Бульони** Бенедетто – флорентийский художник эпохи Возрождения, вместе с Микеланджело учился у Гирландайо.
- ⁷³ **Голиаф** – в библейской мифологии великан, убитый в единоборстве пастухом Давидом (ставшим потом царём).
- ⁷⁴ **Титан** – в древнегреческой мифологии: гигант, вступивший в борьбу с Богами. Человек огромных творческих возможностей, создавший что-нибудь великое.
- ⁷⁵ **Гирландайо** Давид – флорентийский художник, брат Доменико Гирландайо.
- ⁷⁶ **Рустичи** – флорентийский скульптор эпохи Возрождения. Учился вместе с Микеланджело в Садах Медичи у Бертольдо.
- ⁷⁷ **Д'Аньоло** Баччио (Баччо) (1462 – 1543) – флорентийский архитектор, резчик по дереву.
- ⁷⁸ **Кронако** (Кронака) (1457 – 1508) – флорентийский архитектор эпохи Возрождения.
- ⁷⁹ **Тондо** – скульптурный рельеф (барельеф, горельеф) или картина, круглые по форме.
- ⁸⁰ **Рафаэлло (Рафаэль) Санти** (1483 – 1520) – итальянский художник, архитектор. С классической ясностью и возвышенной одухотворённостью воплотил жизнеутверждающие идеалы эпохи Возрождения. Росписи станц (комнат) Ватикана, фреска «Афинская школа», портреты, изображение Богоматери («Сикстинская Мадонна», «Мадонна Конестабиле»). Проектировал Собор Святого Петра в Риме, строил капеллу Киджи.

-
- ⁸¹ **Энкаустика** – восковая живопись, выполненная горячим способом, расплавленными красками.
- ⁸² **Миланская статуя** – конный памятник герцога Франческо Первого Сфорца. Модели статуи Леонардо да Винчи делал в 1482 – 1499 гг. Огромная скульптура не была отлита. Модель из озорства расстреляли гасконские стрелки.
- ⁸³ **Прелат** – в католической церкви название высшего духовного сановника.
- ⁸⁴ **Плафон** – потолок, украшенный живописным или скульптурным изображением либо архитектурно-декоративными мотивами; произведение монументально-декоративной живописи, украшающее потолок.
- ⁸⁵ **Симония** – в средние века в Западной Европе продажа и покупка церковных должностей или церковного сана.
- ⁸⁶ **Распалубка** – небольшой свод, образованный двумя криволинейными рёбрами (между цилиндрическим сводом и врезанным в него проёмом).
- ⁸⁷ **Люнет** – арочный проём в своде или стене, ограниченный снизу горизонталью.
- ⁸⁸ **Кариатида** – скульптурное изображение стоящей женской фигуры, которое служит опорой балки в здании (или образно выражает эту функцию).
- ⁸⁹ **Сивилла** – легендарные прорицательницы, упоминались античными авторами.
- ⁹⁰ **Пуццолана** – горная порода, состоящая из продуктов вулканических извержений (пепла, туфа, пемзы и др.), добавка при производстве цемента.
- ⁹¹ **Сирый** – одинокий, бедный.
- ⁹² **Камерарий** – глава казнохранилища папы, ведающий доходами.
- ⁹³ **Забутовка** – заполнение бутовой, кирпичной кладки строительными материалами (битым кирпичём, щебнем и т. п.).
- ⁹⁴ **Фолиант** – объёмистая книга большого формата.
- ⁹⁵ **Скрижали** – в библейской мифологии каменные доски с «10 заповедями», вручённые Богом Яхве Моисею на горе Синай.
- ⁹⁶ **Сакристия** (от латинского – святыня) – ризница, особое помещение в католическом храме, где хранят предметы культа.
- ⁹⁷ **Ризница** – помещение в церкви для хранения риз, церковной утвари.
- ⁹⁸ **Тартар** – в греческой мифологии бездна в недрах земли, куда Зевс низверг титанов; царство мёртвых.

-
- ⁹⁹ **Бомбарда** – одно из первых артиллерийских орудий, применявшихся при осаде и обороне крепостей в 14 – 16 вв.
- ¹⁰⁰ **Темпера** (темпера) – живопись красками, связующим веществом которых служат эмульсии – натуральные (цельное яйцо, желток, соки растений) или искусственные (водный раствор клея с маслом и т. д.).
- ¹⁰¹ **Строцци** Джованни – итальянский поэт, гуманист Возрождения.
- ¹⁰² **Ангел** – здесь усечённое имя Микеланджело, Анджело – от итальянского Ангел.
- ¹⁰³ **Бандинелли** Баччио – флорентийский скульптор Возрождения, скопировал античную скульптуру Лаокоон, подражатель Микеланджело.
- ¹⁰⁴ **Горний мир** – мир, находящийся в высоте и сходящий с вершины, с небес.
- ¹⁰⁵ **Джаннотти** Донато – флорентийский историк и политический деятель эпохи Возрождения.
- ¹⁰⁶ **Церемониймейстер** – наблюдающий за порядком церемониала – официально принятого распорядка приёмов, шествий и т. п.
- ¹⁰⁷ **Аид** (Гадес, Плутон) – в греческой мифологии сын Кроноса. После раздела власти с братьями Зевсом и Посейдоном царствует в подземном мире мёртвых. Аид – царство мёртвых.
- ¹⁰⁸ **Харон** – в греческой мифологии перевозчик умерших через реки подземного царства до врат Аида.
- ¹⁰⁹ **Мантилья** – женская кружевная чёрная или белая накидка на голову и плечи.
- ¹¹⁰ **Брут** Марк Юний (85 – 42 до н. э.) – в Древнем Риме глава (вместе с Кассием) заговора против Юлия Цезаря. По преданию один из первых нанёс ему удар кинжалом.
- ¹¹¹ **Знамение** – то же, что и предзнаменование. По суеверным представлениям: небесные явления, комета, затмение солнца. Здесь – огненный столб, посланный Богом.
- ¹¹² **Тициан** (Тициано Вечеллио) (около 1476/77 или 1489/90–1576) – итальянский живописец. Глава венецианской школы Высокого Возрождения. Картины «Любовь земная и небесная», «Се человек», «Даная», «Оплакивание Христа» и автопортреты. Тончайший красочный хроматизм и свободное письмо открытым мазком.
- ¹¹³ **Никодим** – тайный ученик Христа. Он и Иосиф сняли распятое тело Христа и намазали душистой мазью, обернули плащаницей, снесли в пещеру (гроб) и прикрыли вход камнем.

-
- ¹¹⁴ **Холм Капитолия** – один из 7 холмов, на котором возник Рим. На Капитолии находился Капитолийский храм, где происходили заседания сената, собрания народа.
- ¹¹⁵ **Кондиви** Асканио (1520 – 1574) – итальянский художник, ученик Микеланджело. Написал в 1553 г. книжку «Переписка Микеланджело Буонарроти и жизнь мастера, написанная его учеником Асканио Кондиви».
- ¹¹⁶ **Капитель** – венчающая часть колонны, столба или пилястры.
- ¹¹⁷ **Травертин** (известковый туф) – лёгкая пористая горная порода, отделочный материал.
- ¹¹⁸ **Шекспир** Уильям (1564 – 1616) – английский драматург, поэт, крупнейший гуманист Позднего Возрождения. Создал комедию «Укрощение строптивой», трагедии «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир». Изображение характеров во всей их многогранности и движении – важнейший вклад в развитие культуры.
- ¹¹⁹ **Марло** Кристофер (1564 – 1593) – английский драматург. Освобождение личности от аскетической средневековой морали, богоборческий пафос характеризует трагедии «Тамерлан Великий» и «Трагическая история доктора Фауста». Историческая хроника «Эдуард II». Предполагаемый соавтор Шекспира в ранних пьесах.
- ¹²⁰ **Галилей** Галилео (1564 – 1642) – итальянский учёный, один из основателей точного естествознания. Боролся со схоластикой, основой знаний считал опыт. Заложил основы современной механики, построил телескоп и открыл горы на Луне. Защищал гелиоцентрическую систему мира, подвергнут суду инквизиции, вынудившей его отречься от учения Коперника. Конец жизни провёл в ссылке.
- ¹²¹ **Контрреформация** – церковно-политическое движение в Европе середины 16 – 17 вв. во главе с папством, направлена против Реформации. В основу программы Контрреформации легли решения Тридентского собора. Главное в ней – инквизиция, монашеские ордена.
- ¹²² **Эль Греко** Доменико (1541 – 1614) – испанский живописец. Мистическая экзальтация сближает всё его искусство с маньеризмом и выражает кризисное состояние культуры Позднего Возрождения.
- ¹²³ **Вольтер** (1694 – 1778) – французский писатель и философ-просветитель. Он боролся против религиозной нетерпимости, мракобесия, критиковал феодально-абсолютистскую систему.
- ¹²⁴ **Еговы** (Иегова) – искажённое имя Бога в иудаизме.

-
- ¹²⁵ **Фидий** (нач. 5 в. до н.э. – ок. 432 до н.э.) – древнегреческий ваятель периода высокой классики. Грандиозные статуи Афины Промехос на Акрополе (бронза), Зевса Олимпийского, Афины Парфенос (обе – золото, слоновая кость) – не сохранились. Руководил убранством Парфенона. Творчество Фидия – одно из высших достижений искусства.
- ¹²⁶ **Барокко** (от итальянского причудливый) – основное стилевое направление искусства Европы и Америки конца 16 – сер. 18 вв. Свойственны напряжённость, динамичность образов, контрастность, стремление к величию и пышности, совмещению реальности и иллюзии, к слиянию искусств. Отразило всю сложность, изменчивость мира.
- ¹²⁷ **Порта Джакомо** (ок. 1540 – 1602) – итальянский архитектор, представитель раннего барокко.
- ¹²⁸ **Мадерна Карло** (1556 – 1629) – итальянский архитектор. Он представитель барокко.
- ¹²⁹ **Бернини Лоренцо** (1598 – 1680) – итальянский архитектор и скульптор. Представитель барокко.
- ¹³⁰ **Модульор** – размерная шкала (таблица), позволяющая строить здания в истинно человеческом масштабе, руководствуясь математическими соотношениями.
- ¹³¹ **Аркадельт Якоб** (Аркадельте) – нидерландский музыкант.
- ¹³² **Камбио Арнольфо Липпи ди** – итальянский архитектор. Ему принадлежит первый замысел Собора Санта Мария дель Фьоре во Флоренции, его заложил. Построил церковь, первый монастырский двор Санта Кроче в 1295. Строил палаццо Веккио.
- ¹³³ **Макиавелли Никколо** (1469 – 1527) – итальянский политический мыслитель, писатель. Он считал причиной бедствий Италии её политическую раздробленность. Комедия «Мандрагора», труды «Князь», «История Флоренции».
- ¹³⁴ **Альберти Леон Батиста** (1404 – 1472) – итальянский учёный, архитектор, живописец, поэт, музыкант. Трактаты «О статуе», «О живописи», «О зодчестве». Применит античную ордерную систему (церк. Санта Андреа, Мантуя; дворец Руччеллаи, Флоренция).
- ¹³⁵ **Палладио Андреа** (1508 – 1580) – итальянский архитектор, учёный эпохи Ренессанса. Разработал типы городского дворца (палаццо Кьерикати), загородной виллы («Ротонда» близ Виченцы). Трактат «Четыре книги об архитектуре».
- ¹³⁶ **Знатнейшие искусства** (благороднейшие, изобразительные) – общее название искусств, воплощающих художественные образы на плоскости или в пространстве (живопись, валянье, зодчество).

-
- ¹³⁷ **Мантенья** Андреа (1431 – 1506) – итальянский живописец и гравёр. Представитель Раннего Возрождения. Роспись «Камеры дельи Спозии» в Мантуе, гравюры «Битвы Божеств моря».
- ¹³⁸ **Джорджоне** (1476 или 1477 – 1510) – итальянский живописец. Представитель венецианской школы, один из основоположников искусства Высокого Возрождения. Живопись выражает поэтическую влюблённость в красоту земного бытия, единство природы и человека («Юдифь», «Спящая Венера», «Гроза»).
- ¹³⁹ **Брейгель Старший** Питер (между 1525 и 1530 – 1569) – нидерландский живописец. Создал национальное искусство.
- ¹⁴⁰ **Ван Эйк Ян** (ок. 1390 – 1441) – нидерландский живописец. Новаторски отразил многообразную красоту реального мира и человека. Религиозные картины, портреты («Гентский алтарь», портрет супругов Ариольфини).
- ¹⁴¹ **Веронезе** Паоло (1528 – 1588) – итальянский живописец Возрождения. Представитель венецианской школы. Праздничны и светские по духу картины, панно, росписи (фрески виллы Барборо-Вольпи в Мазере, «Брак в Канне»).
- ¹⁴² **Нитхард** Матис (между 1470 и 1475 – 1528) – немецкий живописец Возрождения. Творчество было драматически сильным, напряжённым. В Изенхеймском алтаре мистические образы соседствуют с гуманистически просветлёнными.
- ¹⁴³ **Хольбейн Ханс Младший** (1497 или 1498 – 1543) – немецкий живописец и график Возрождения. Чётким по характеристике портретам, картинам на религиозные темы, гравюрам свойственны реализм, ясность и величие искусства Ренессанса, монументальность композиции: «Мёртвый Христос», «Моретт».
- ¹⁴⁴ **Гужон Жан** (ок. 1510 – между 1564 и 1568) – французский скульптор эпохи Возрождения. Поэтически одухотворённые, изысканные по пропорциям и ритму произведения (рельефы «Фонтана невинных» в Париже).
- ¹⁴⁵ **Росселино** – семья итальянских скульпторов и архитекторов, представители Раннего Ренессанса. Наиболее стали известны: 1) Бернардо (1409 – 1464) в скульптуре стремился к ясности и уравновешенности. Его главная работа – планировка, строительство г. Пиенца, воплотившего гуманистические представления об «идеальном городе». 2) Антонио (1427 – 1479) – брат Бернардо, мастер монументальной и декоративной скульптуры (гробница кардинала Португальского, многие портретные бюсты).

-
- ¹⁴⁶ **Ломбардо** Пьетро (ок. 1435 – 1515) – архитектор и скульптор, представитель Раннего Возрождения в Венеции. Праздничная лёгкость, изящество, мраморная полихромия отличают церковь Санта Мария деи Мираколи, дворец Вендрамин-Калерджи.
- ¹⁴⁷ **Леско** Пьер (ок. 1510 – 1578) – французский архитектор, представитель Возрождения. Часть квадратного двора Лувра и «Фонтан невинных», оба в Париже. Отличаются строгостью ордерных членений и скульптурного декора.
- ¹⁴⁸ **Виньола** Джакомо да (1507 – 1573) – итальянский архитектор эпохи Возрождения. Дворцы (Фарнезе в Капрароле), виллы (папы Юлия Третьего в Риме), церкви (Иль Джезу в Риме) сочетают принципы архитектуры Возрождения с элементами барокко и классицизма. Теоретик архитектуры («Правило пяти ордеров архитектуры»).
- ¹⁴⁹ **Делорм** Филибер (между 1510 и 1515 – 1570) – французский архитектор, представитель Возрождения. Сочетал ордерные и готические элементы с очень богатым скульптурным декором (замок-дворец Ане).
- ¹⁵⁰ **Сансовино** Якопо (1486 – 1570) – итальянский архитектор и скульптор, представитель Высокого Возрождения. Пластическое богатство декора отличают постройки в Венеции (библиотека Сан Марко, палаццо Корнер).
- ¹⁵¹ **Мор** Томас (1478 – 1535) – английский мыслитель-гуманист, государственный деятель и писатель; один из основоположников утопического социализма. Канцлер Англии в 1529 – 1532 гг. Будучи католиком, отказался дать присягу королю как «верховному главе» Англиканской церкви, после чего обвинён в государственной измене и казнён; сочинил «Утопию», содержащую описание идеального строя фантастического острова Утопия.
- ¹⁵² **Челлини** Бенvenuto (1500 – 1571) – итальянский скульптор, ювелир, писатель. Статуя «Персей», ювелирное изделие «Солонка Франциска I». Автор всемирно известных мемуаров «Автобиография».
- ¹⁵³ **Вилланелла** – жанр итальянской бытовой сатирической, игровой, любовно-лирической песни 15 – 16 вв.
- ¹⁵⁴ **Мадригал** – 1) Небольшое музыкально-поэтическое произведение любовно-лирического содержания. 2) Небольшое стихотворение, обычно любовного содержания, посвящённое даме и восхваляющее её.

-
- ¹⁵⁵ **Эразм Роттердамский** (1469 – 1536) – гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель, богослов. Написал философские сатиры «Похвала глупости», издал греческий оригинал Нового Завета, нравственные поучения «Домашние беседы», трактаты «О свободе воли».
- ¹⁵⁶ **Донна** – госпожа, почтительное обращение к женщине в Италии.
- ¹⁵⁷ **Баптистерий** (от греческого – купель) – крещельня, помещение для крещения.
- ¹⁵⁸ **Амманати** Бартоломео (1511 – 1592) – итальянский архитектор и скульптор.
- ¹⁵⁹ **Толедо** Хуан Баутиста – испанский архитектор, философ, математик. Работал в Италии, Испании.
- ¹⁶⁰ **Тектоника** – композиция, сочетание частей в одном строительном целом (тектоника здания – архитектуроника).
- ¹⁶¹ **Сонм** – скопление, множество кого-нибудь.

Через **столетья** Титана **деянья**. В сараюшке
В мирозданьи **находят** признание. Микеланджело
Водоворот, Приобретения. Первые лучи **опять**
осветили струйки **белоснежной** мраморной пыли.

ИЛЮСТРАЦИИ

1. Микеланджело. Зарисовка с фрески Мазаччо «Воскрешение сына Теофила», 1488. Перо. Альбертина, Вена.

2. Андреа дель Вероккио. Бюст «Лоренцо Медичи
Великолепный». Раскрашенная терракота.

3. В. Ф. Козлов. Рисунок со скульптуры Чезане Дзонни «Мальчик Микеланджело высекает голову Фавна», музей Буонарроти, Флоренция. Акварель, тушь, перо.

4. Микеланджело. Барельеф «Мадонна у лестницы», 1492.
Музей Буонарроти, Флоренция.

5. Н. П. Ломтев. Картина «Проповеди Савонаролы Джироламо»
(настоятеля монастыря доминиканцев во Флоренции).

6. Микеланджело. Горельеф «Битва Кентавров»,
ок. 1492. Музей Буонарроти, Флоренция.

7. Микеланджело. Скульптура «Распятие».
Музей Буонарроти, Флоренция.

8. Микеланджело. Скульптура «Ангел с подсвечником».
Церковь Сан Доменико, Болонья.

9. Микеланджело. Скульптура «Святой Петроний». Церковь Сан Доменико, Болонья.

10. Микеланджело. Скульптура «Святой Прокл». Церковь Сан Доменико, Болонья.

11. Пьеро ди Козимо. Портрет зодчегото Ждулиано да Сангалло.

12. Микеланджело. Скульптура «Вакх», 1497.
Национальный музей Барджелло, Флоренция.

13. В. Ф. Козлов. Рисунок со скульптуры Микеланджело «Вакх», фрагмент «Сатирёнок». Тушь, перо.

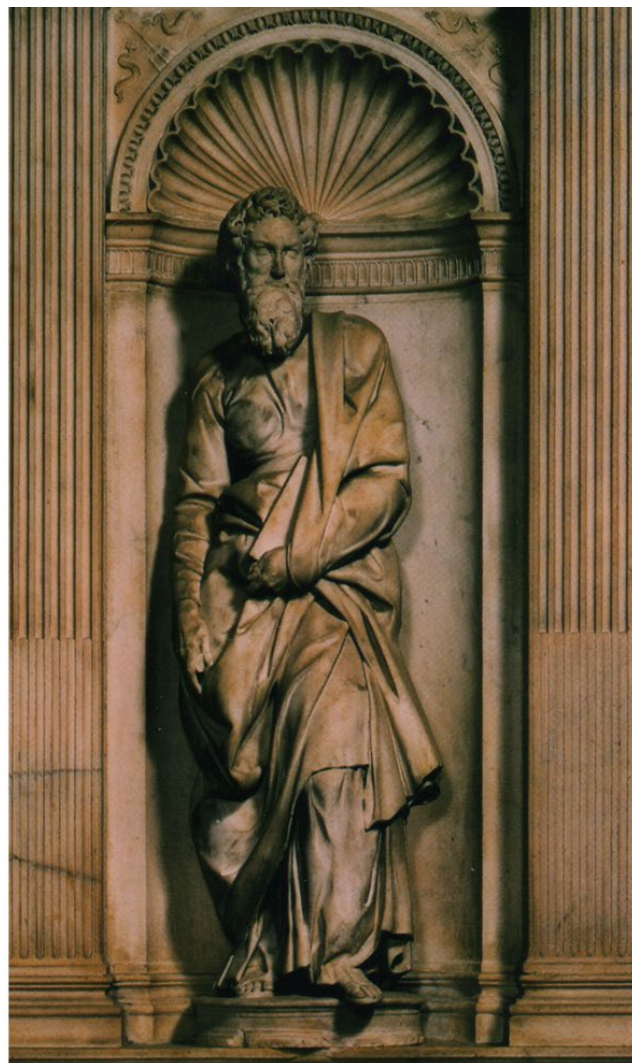
14. Микеланджело. Скульптура «Пьета» («Оплакивание»),
1499. Ватикан, Собор Святого Петра в Риме.

15. В. Ф. Козлов. Рисунок со скульптуры Микеланджело «Пьета», фрагмент «Дева Мария». Акварель.

16. Микеланджело. Скульптура
«Святой Павел». Собор,
Сиена.

17. Микеланджело. Скульптура
«Святой Пётр». Собор,
Сиена.

18. Микеланджело. Картина «Святое Семейство» («Тондо Дони») в деревянной раме, вырезанной Лоренцо Гиберти. Картинная Галерея Уффици, Флоренция.

19. Микеланджело. Картина «Святое Семейство» («Тондо Дони»). 1504. Картинная Галерея Уффици, Флоренция.

20. Микеланджело. Скульптура «Давид», 1504.
Галерея Академии, Флоренция.

21. В. Ф. Козлов. Рисунок со скульптуры Микеланджело «Давид», фрагмент «Голова Давида». Акварель, тушь, перо.

22. Микеланджело. Картина «Положение во гроб». Не закончена. Национальная Галерея, Лондон.

23. Микеланджело. Скульптура «Брюггская Богоматерь», 1505. Собор Нотр-Дам, Брюгге.

24. Микеланджело. Барельеф «Мадонна Питти», 1505.
Национальный музей Барджелло,
Флоренция.

25. Аристотель да Сангалло. Картина «Битва при Кашине», ок. 1542.
Со средней части картона Микеланджело.
Дерево, масло. Холкхем Холл, Норфолк.

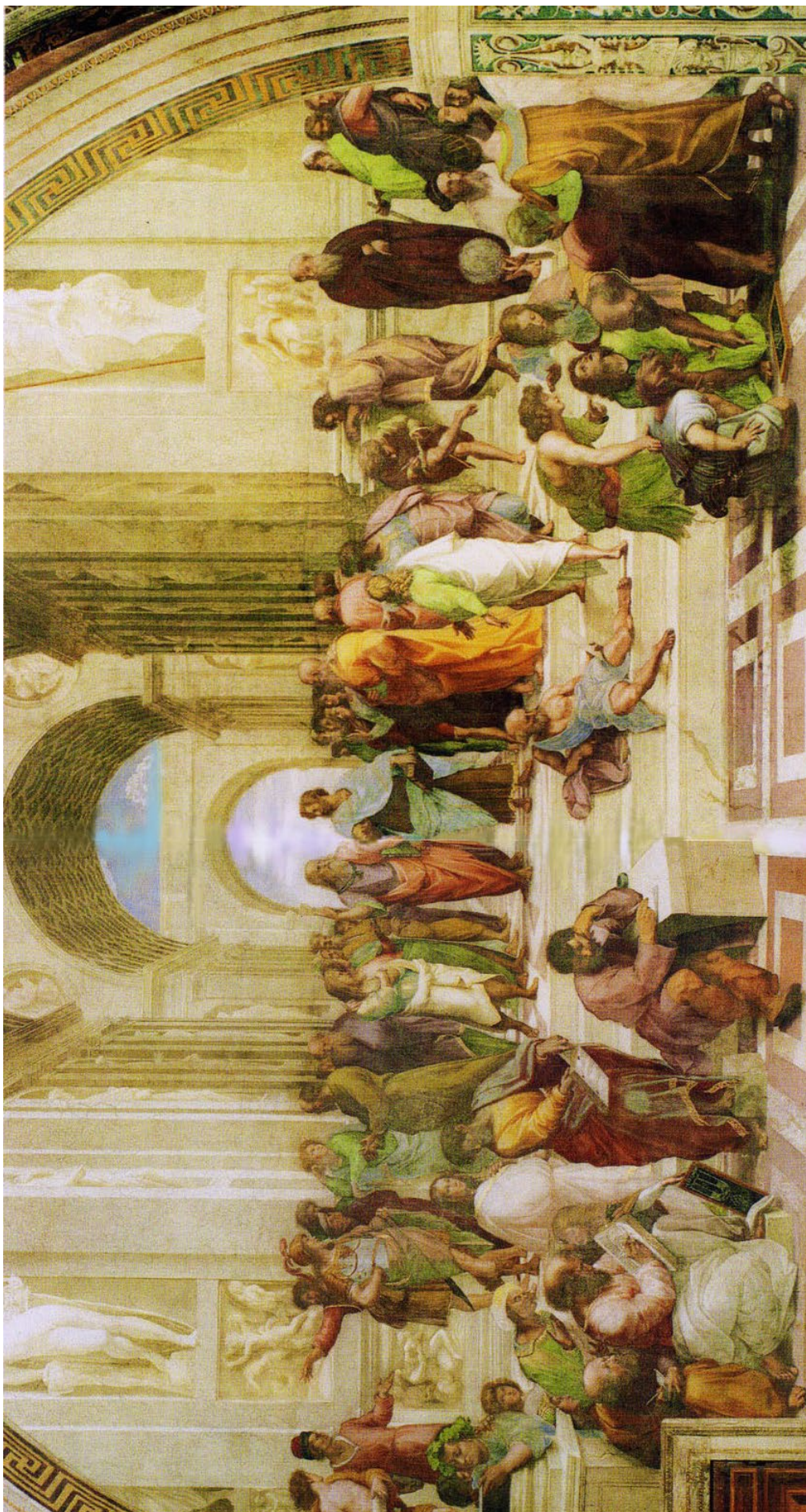
26. Микеланджело. Скульптура «Святой Матфей»,
1506. Академия изящных искусств, Флоренция.

27. Микеланджело. Тондо «Мадонна Таддеи», 1505.
Королевская Академия, Лондон.

28. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия», фрагмент «Потоп». Сикстинская капелла, Ватикан, Рим.

29. Рафаэль. Фреска «Афинская школа». Ватикан, Рим. Здесь философы и учёные наде-
лены чертами знаменитых современников. Платон с большой бородой в арке слева-
это Леонардо да Винчи; Гераклит, пишущий на тумбе, - Микеланджело, а лысый Эв-
клид, справа от него представлен зодчим Браманте, второй справа-автор фрески.

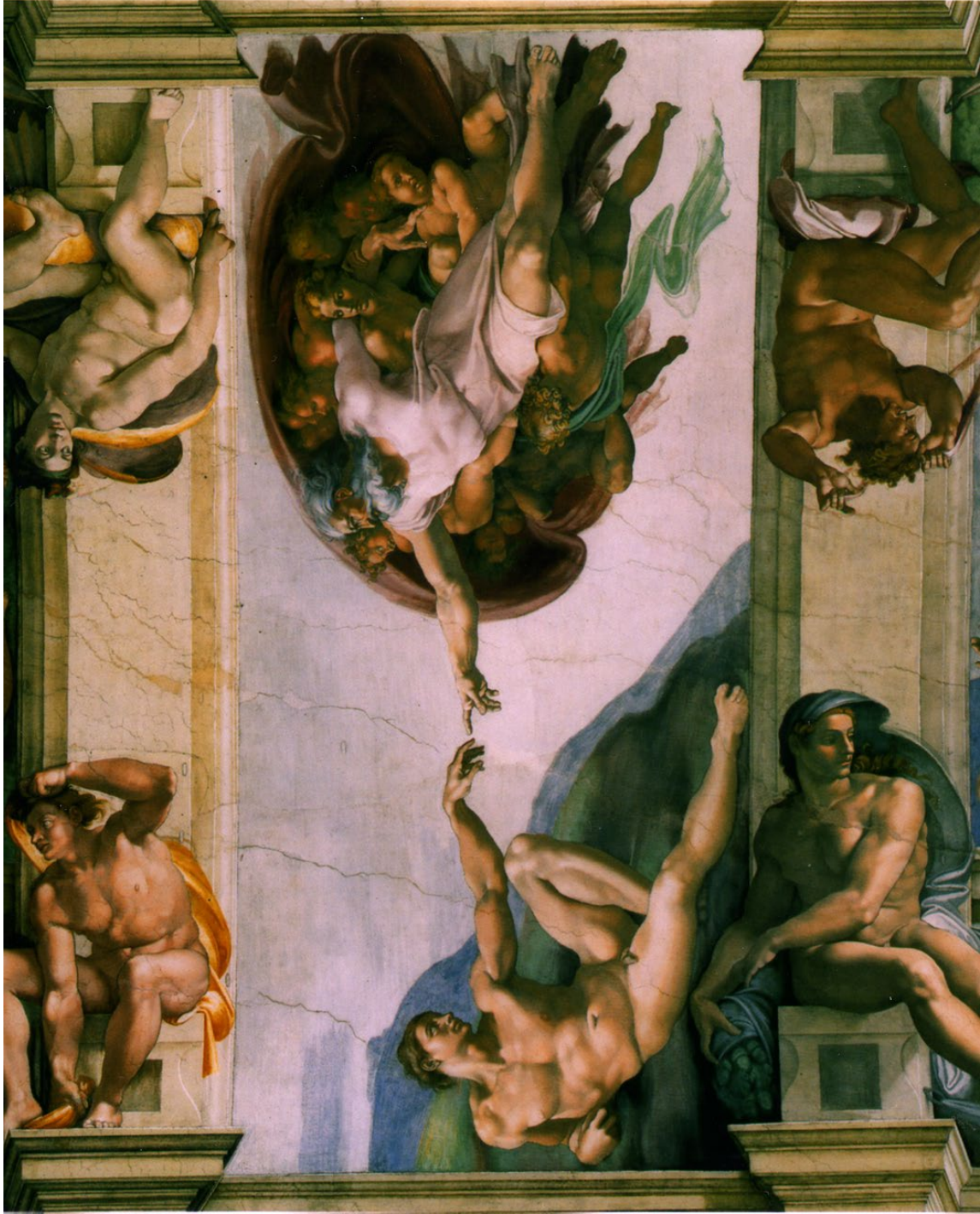
30. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия», фрагмент
«Жертвоприношение Ноя».

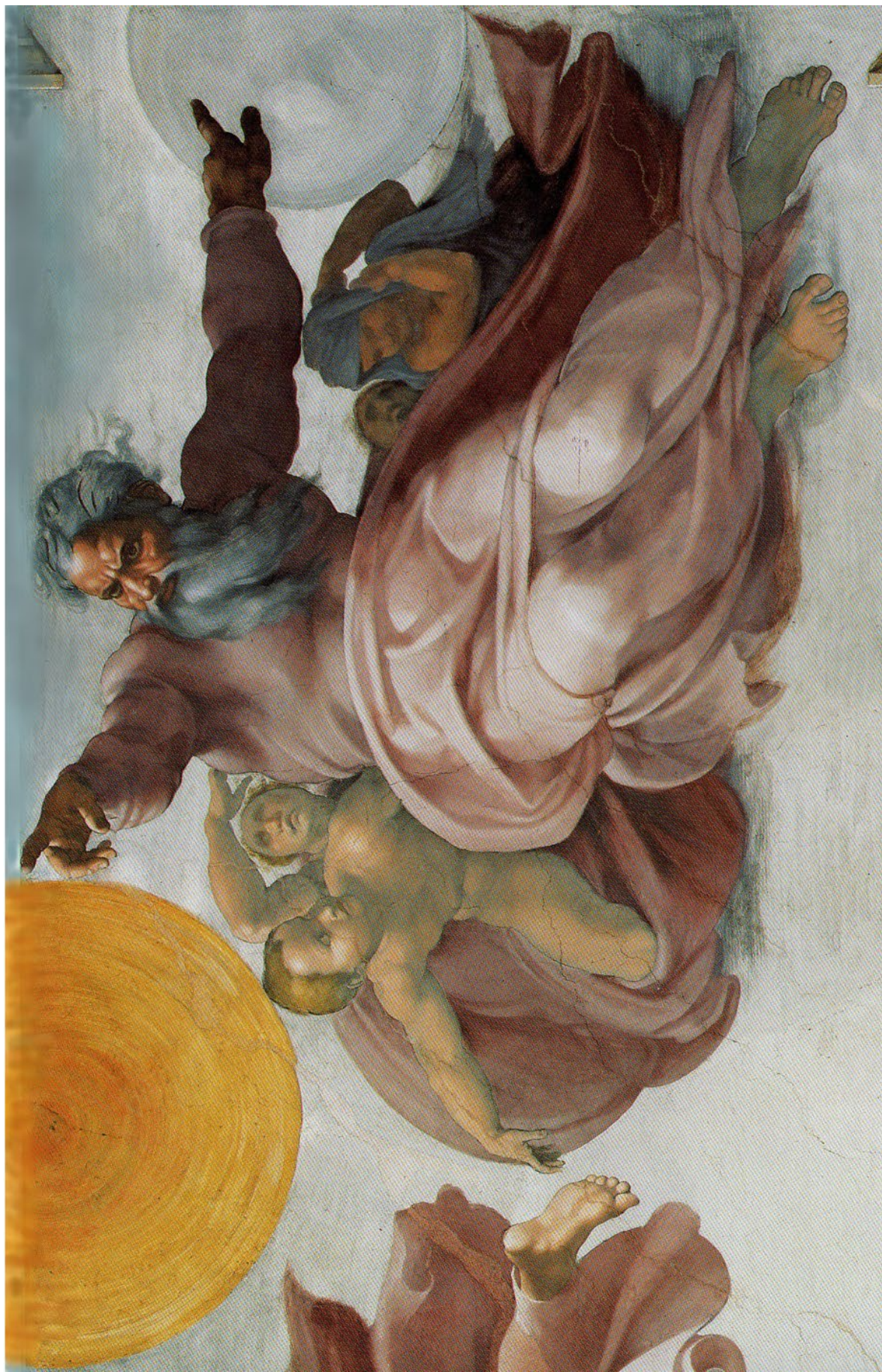
31. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия»,
фрагмент «Дельфийская Сивилла».

32. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия», фрагмент «Грехопадение».

33. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия», фрагмент «Сотворение «Адама»».

34. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия», фрагмент
«Сотворение Светил».

35. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия», фрагмент «Пророк Захария».

36. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия»,
фрагмент «Ливийская Сивилла».

37. Микеланджело. Фреска «Книга Бытия», 1512. Сикстина, Ватикан, Рим.

38. Рафаэль. Портрет папы Льва X с кардиналами Джулио деи Медичи и Луиджи деи Росси.

39. Микеланджело. Фасад церкви Сан Лоренцо во Флоренции. Деревянная модель, сделанная Баччо д' Аньоло с рисунка Микеланджело, который выполнял другую, пластичную, очень сильную по рельефу модель, насыщенную скульптурой (не сохранилась).

40. Микеланджело. Скульптура «Христос, несущий крест», фрагмент. Церковь Санта Мария Сопра Минерва, Рим.

41. Микеланджело. Скульптура
«Молодой Раб». Галерея
Академии, Флоренция.

42. Микеланджело. Скульптура
«Пробуждающийся Раб». Галерея Академии, Флоренция.

43. Микеланджело. Скульптура
«Атлант». Галерея
Академии, Флоренция.

44. Микеланджело. Скульптура
«Бородатый Раб». Галерея
Академии, Флоренция.

45. Бронзино Аньоло. Портрет папы Климента VII.

46. Джулиано Буджиардини. Портрет «Микеланджело в тюрбане». Дерево, масло. Лувр, Париж.

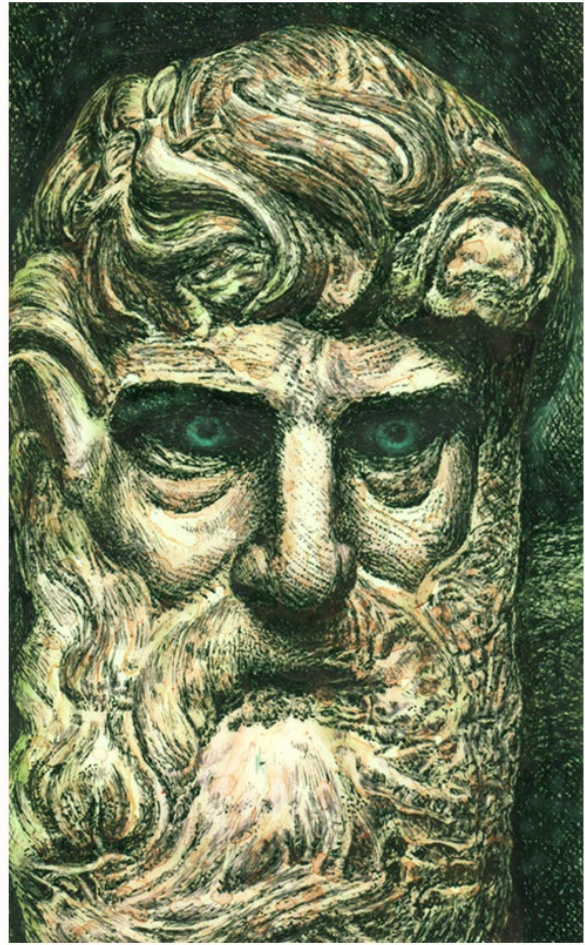
47. Микеланджело. Библиотека Лауренциана (Медичи)
во Флоренции. Лестница.

48. Микеланджело. Библиотека Лауренциана (Медичи)
во Флоренции. Интерьер библиотеки.

49. Микеланджело. Скульптура «Победа». Палаццо Веккио, Флоренция.

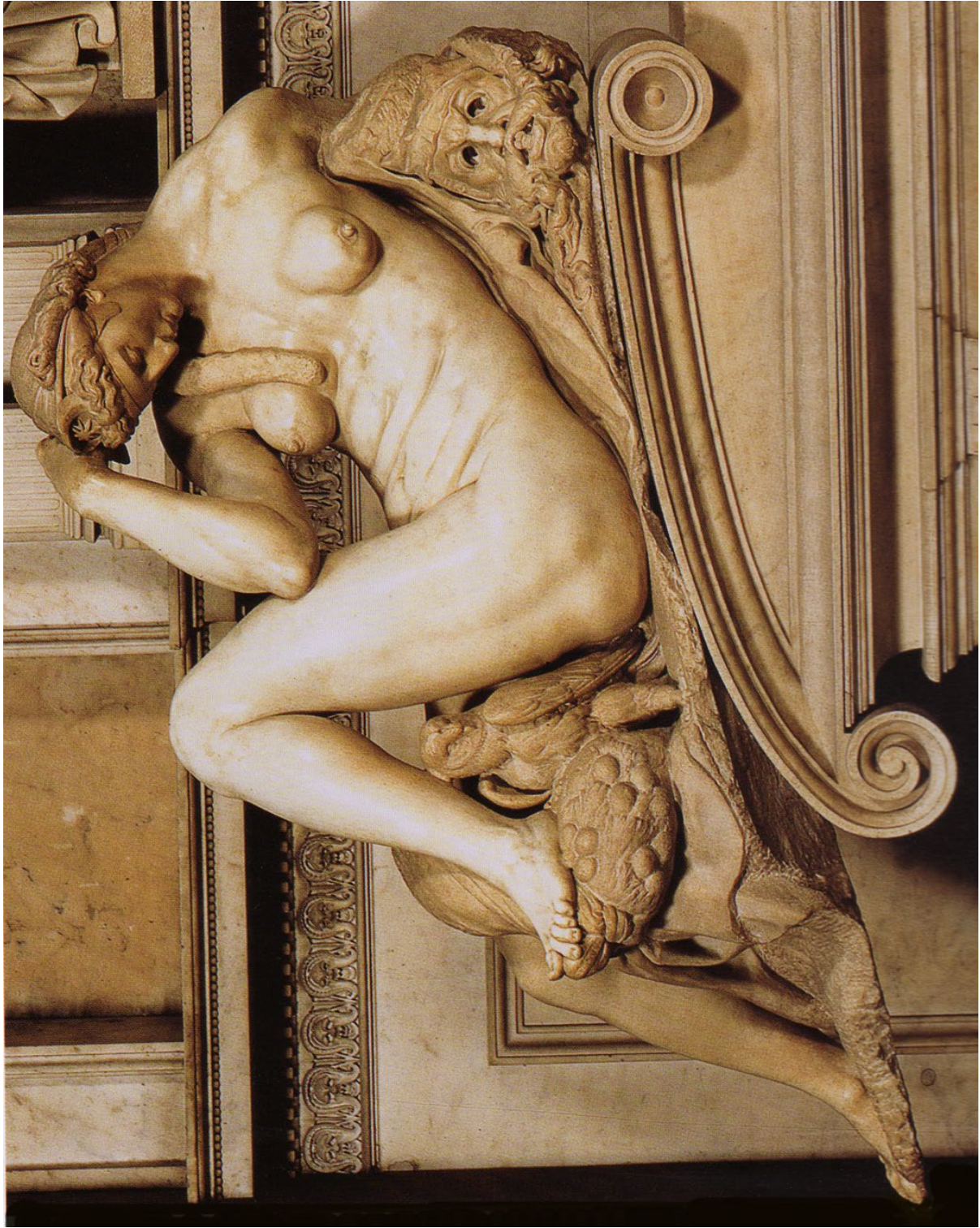
50. В. Ф. Козлов. Рисунок со скульптуры Микеланджело «Победа», фрагмент «Голова побеждённого Старика». Тушь, перо.

51. Гравюра К. Боса с картины Микеланджело «Леда и Лебедь».

52. Микеланджело. Гробница Лоренцо Медичи в Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо во Флоренции. Скульптура «Утро».

53. Микеланджело. Гробница Джулиано Медичи в Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо во Флоренции. Скульптура «Ночь».

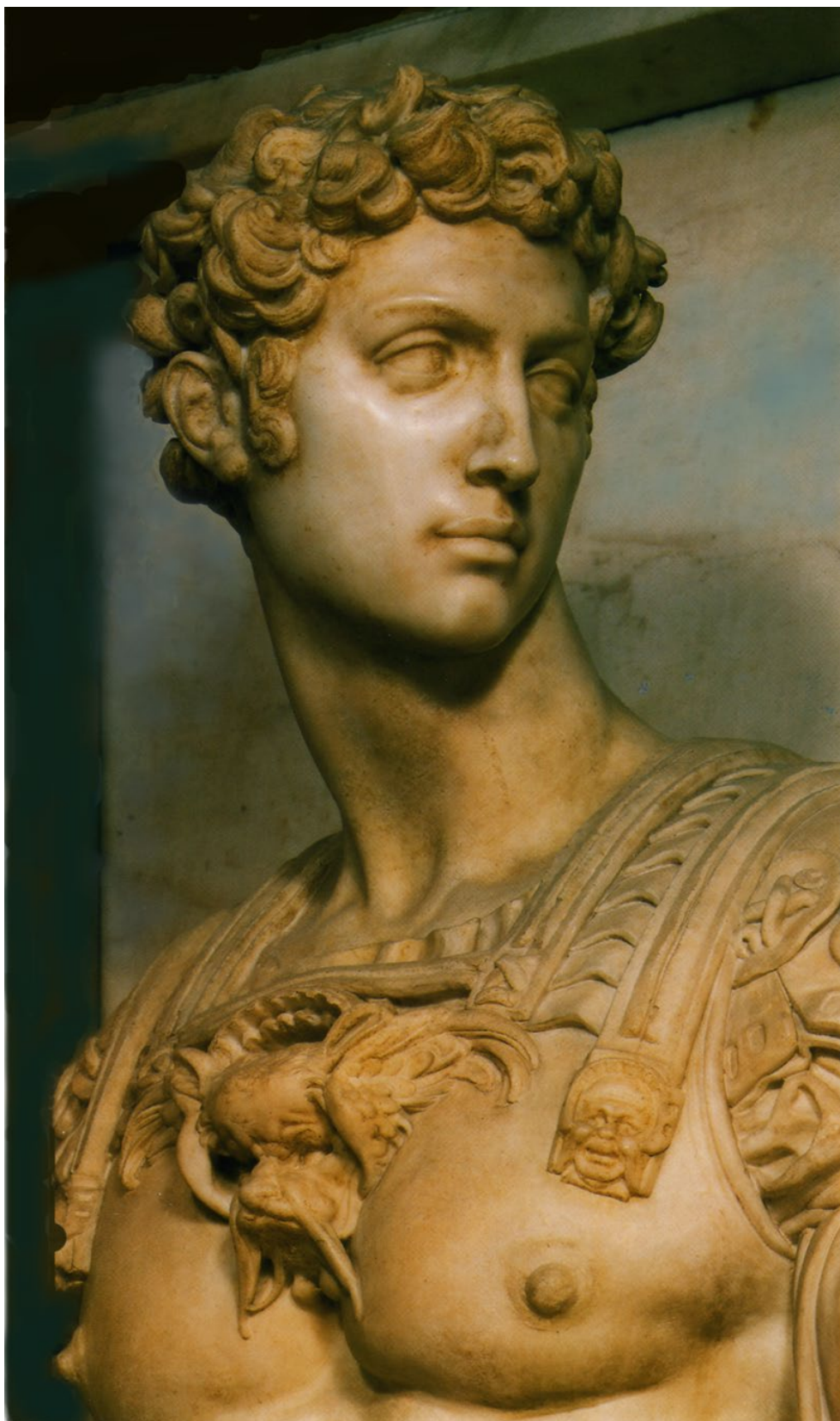
54. Микеланджело. Гробница Джулиано Медичи в Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо во Флоренции. Скульптура «День».

55. Микеланджело. Гробница Лоренцо Медичи в Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо во Флоренции. Скульптура «Вечер».

56. Микеланджело. Скульптура «Лоренцо» в Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо во Флоренции.

57. Микеланджело. Скульптура «Джулиано» в Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо во Флоренции.

58. Микеланджело. Скульптура «Мадонна с Младенцем» в Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо во Флоренции.

59. Микеланджело. Вид Новой Сакристии церкви Сан Лоренцо с гробницей Джулиано Медичи и группой Мадонны. Флоренция.

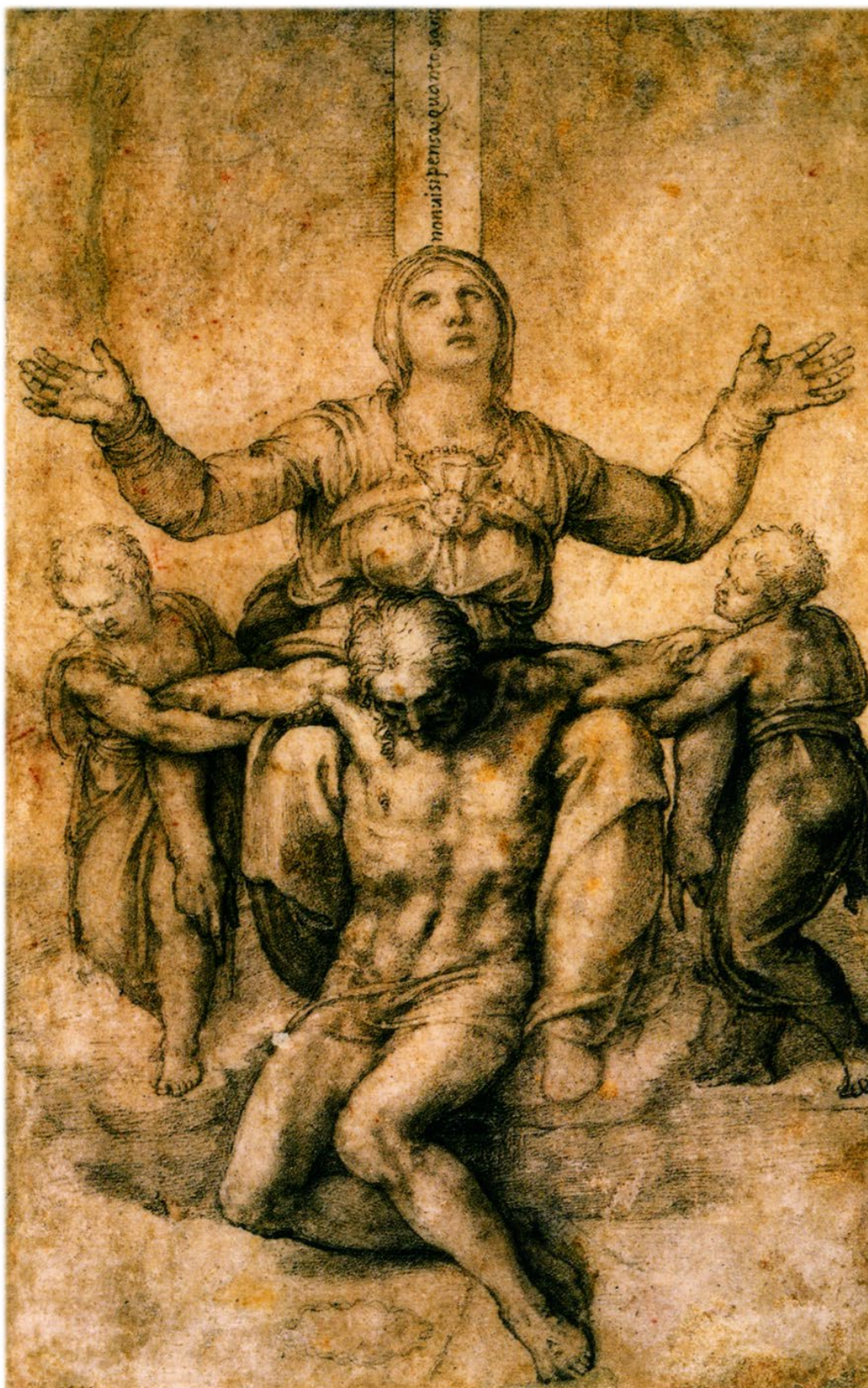
60. Тициан. Портрет папы Павла III.

61. Микеланджело. Рисунок «Падение Фазтона» для Томмазо Кавальери. Королевская библиотека, Виндзор.

62. Микеланджело. Рисунок «Голова Фавна». Коричневая тушь, перо. Лувр (Кабинет рисунков), Париж.

63. Микеланджело. Рисунок «Пьета» («Оплакивание») для Виттории Колонна. Музей Изабеллы Стюарт Гарднер, Бостон.

64. Микеланджело. Рисунок «Виттория Колонна». Музей Буонарроти, Флоренция.

65. Микеланжело. Фреска «Страшный Суд» в Сикстинской капелле, Рим. Фрагмент «Ангелы, несущие колонну бичевания».

66. Микеланджело. Фреска «Страшный Суд», фрагмент «Низвержение в Ад».

67. Микеланджело. Фреска «Страшный Суд»,
фрагмент «Грешники и судья».

68. Микеланджело. Фреска «Страшный Суд»,
фрагмент «Святой Варфоломей и карикатура
на Микеланджело».

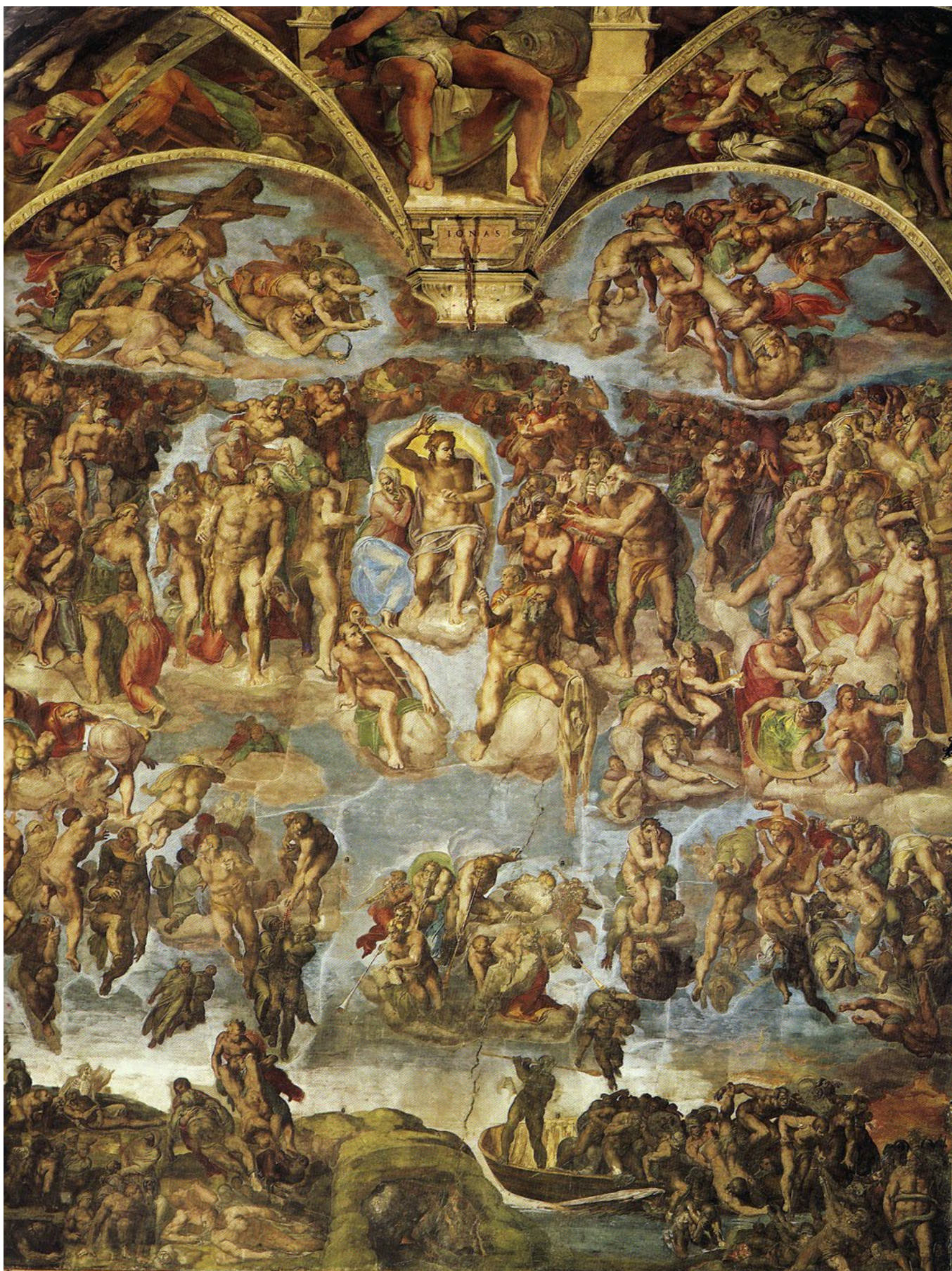
69. Микеланджело. Фреска «Страшный Суд», фрагмент «Христос, Мария и Святые».

70. Микеланджело. Фреска «Страшный Суд»,
фрагмент «Христос и Мария».

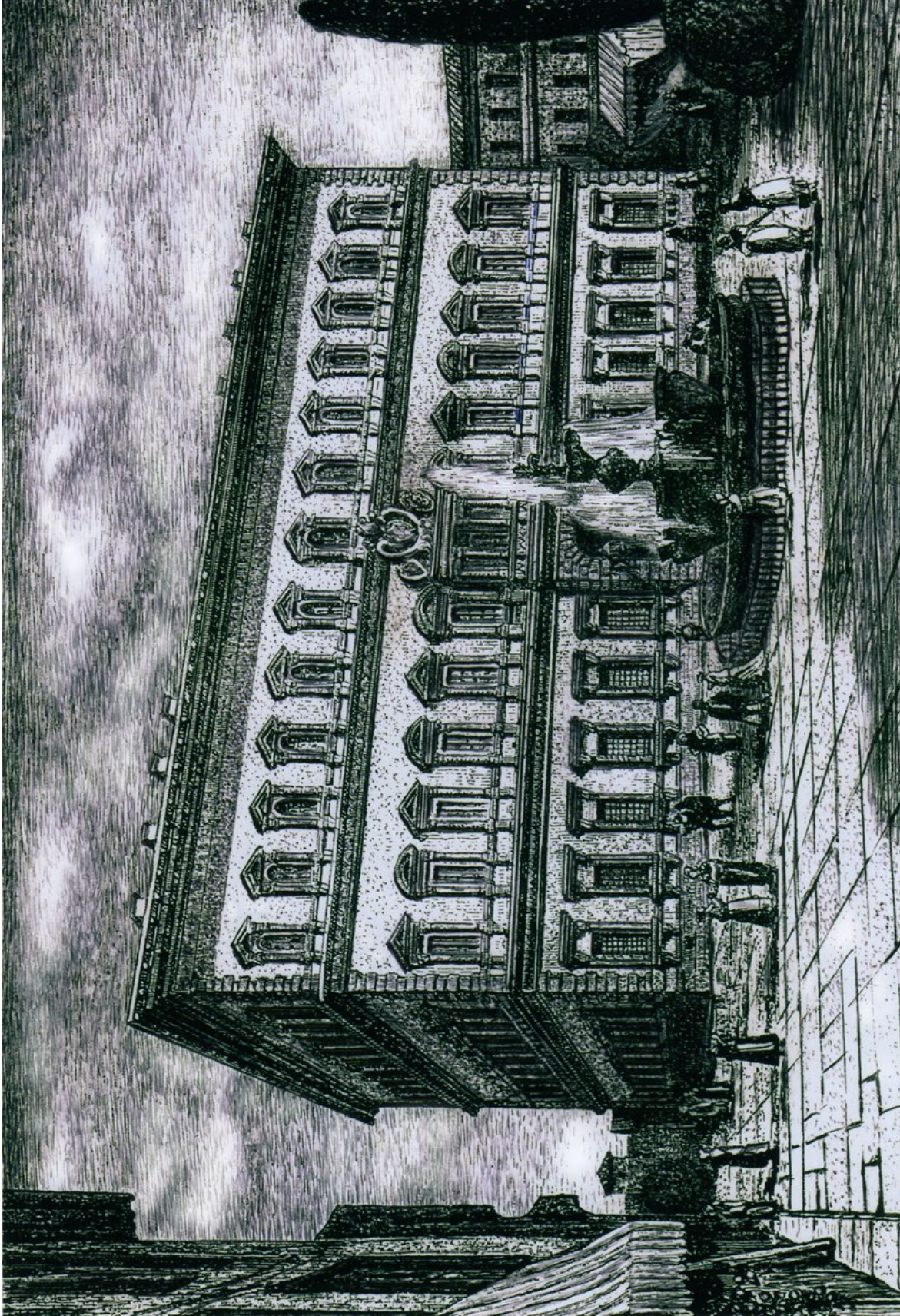
71. Микеланджело. Фреска «Страшный Суд», фрагмент «Бес Харон и грешники».

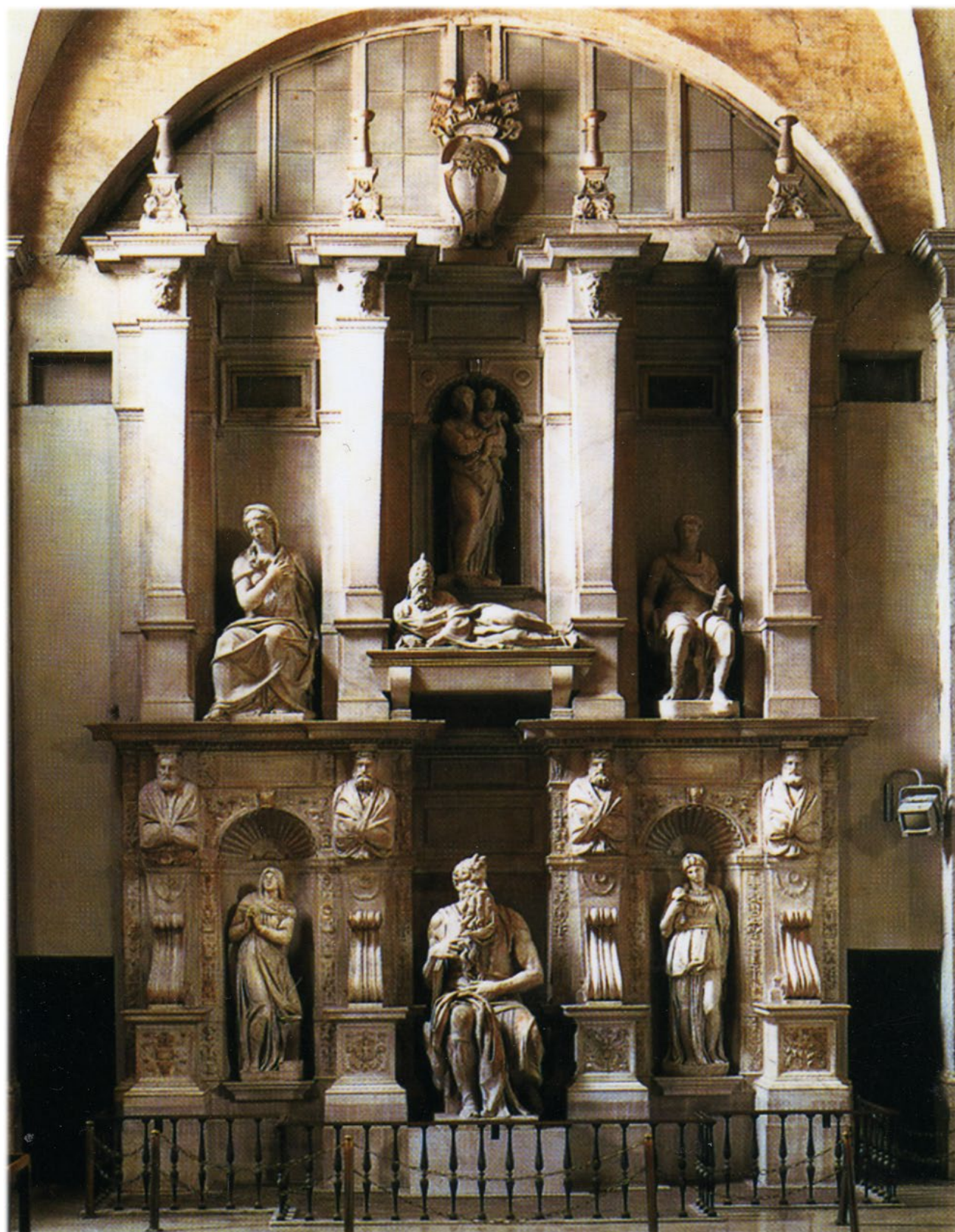
72. Микеланджело. Фреска «Страшный Суд», 1541. Сикстинская капелла, Ватикан, Рим.

73. Микеланджело. Скульптура «Брут». Национальный музей Барджелло, Флоренция.

74. В. Ф. Козлов. Рисунок с архитектурного творения Антонио да Сангалло Младшего и Микеланджело «Дворец Фарнезе в Риме». Тушь, перо.

75. Микеланджело. Гробница Юлия II в церкви Сан Пьетро ин Винколи в Риме.

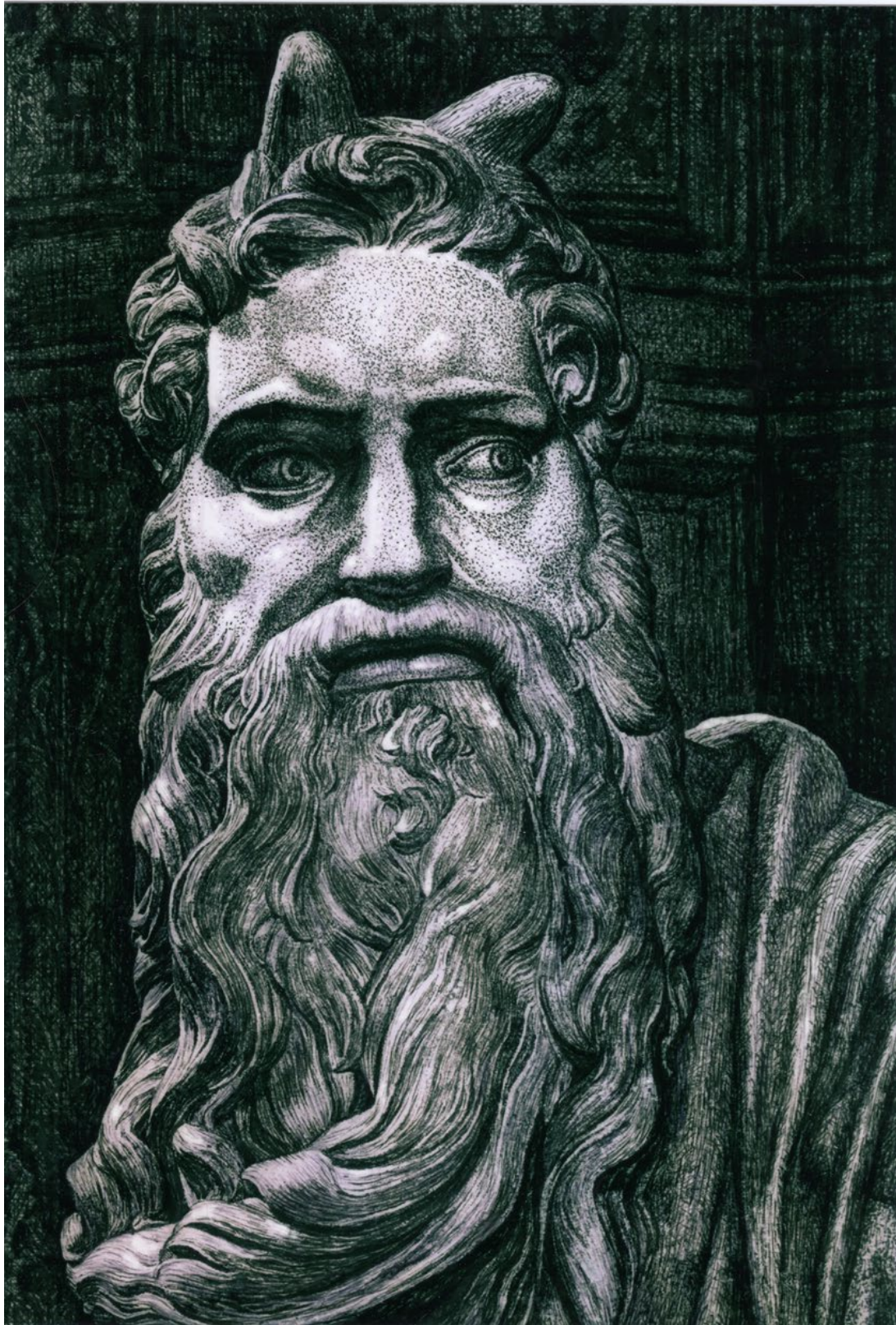
76. Микеланджело. Гробница Юлия II, скульптура «Рахиль».

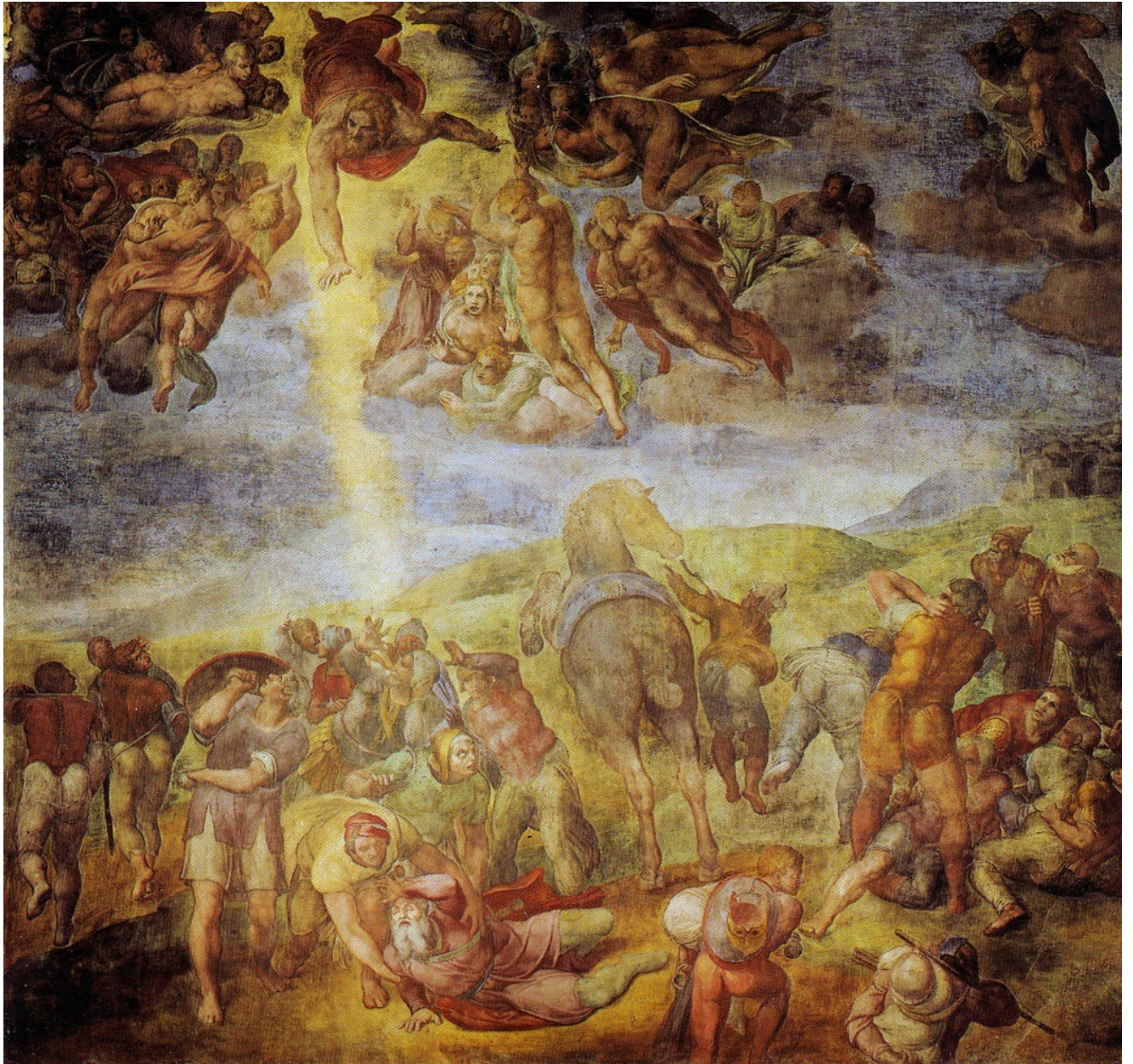
77. Микеланджело. Гробница Юлия II, скульптура «Лия».

78. Микеланджело. Гробница Юлия II, скульптура «Моисей».

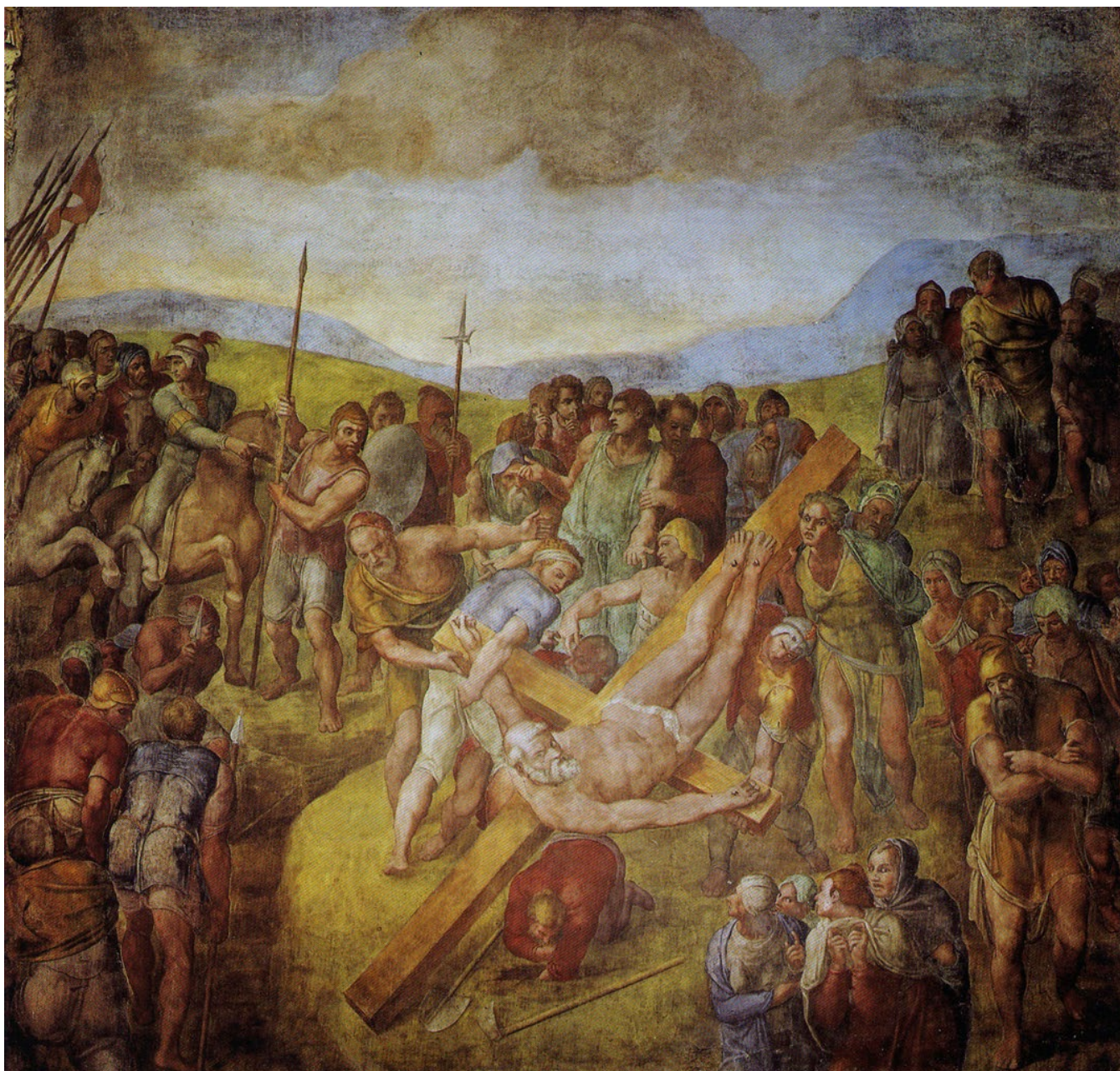
79. В. Ф. Козлов. Рисунок со скульптуры Микеланджело «Моисей», фрагмент «Голова Моисея». Тушь, перо.

80. Микеланджело. Фреска «Обращение Святого Павла»
в капелле Паолина, Рим, Ватикан.

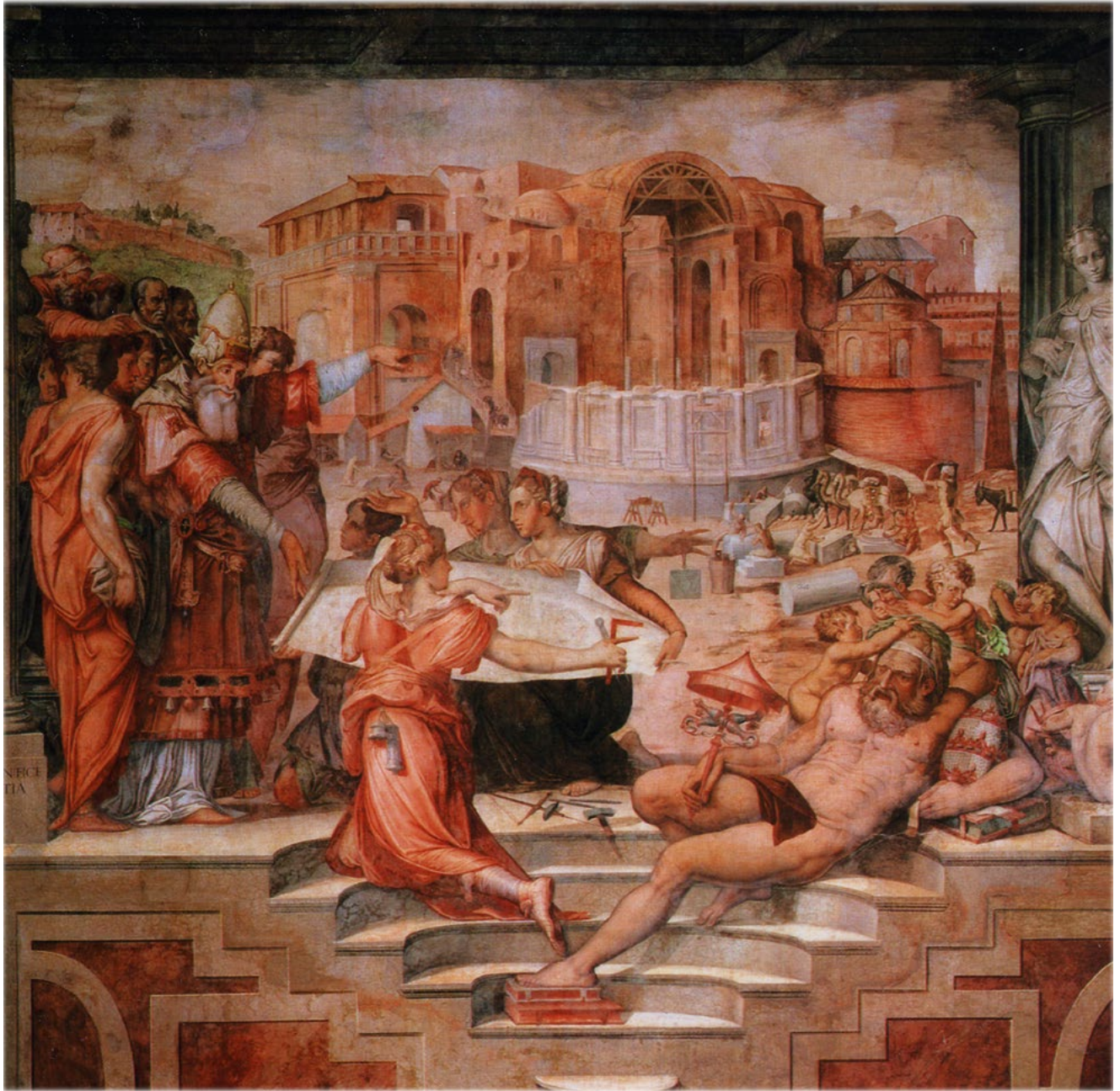
81. Марселло Венусти. Портрет Микеланджело в период росписи Сикстинской капеллы. Около 1535. Музей Буонарроти, Флоренция.

82. Микеланджело. Фреска «Распятие Святого Петра» в капелле Паолина. Ватикан, Рим.

83. Микеланджело. Фреска «Распятие Святого Петра»,
фрагмент «Святой Пётр».

84. Фреска «Папа Римский Павел III и Микеланджело на строительстве Собора Святого Петра в Риме». Палаццо делла Канчеллерия, Рим. Неизвестный автор.

85. В. Ф. Козлов. Портрет Микеланджело. Переработан с офорта И. Ф. Рерберга в книге Джорджо Вазари «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». Акварель, тушь, перо.

86. Микеланджело. Скульптура «Пьета из Палестрины». Галерея Академии, Флоренция.

87. Микеланджело. Скульптура «Пьета». Музей Собора, Флоренция.

88. В. Ф. Козлов. Рисунок со скульптуры Микеланджело «Флорентийская Пьета», фрагмент «Голова Никодима». Акварель, чёрная тушь, перо.

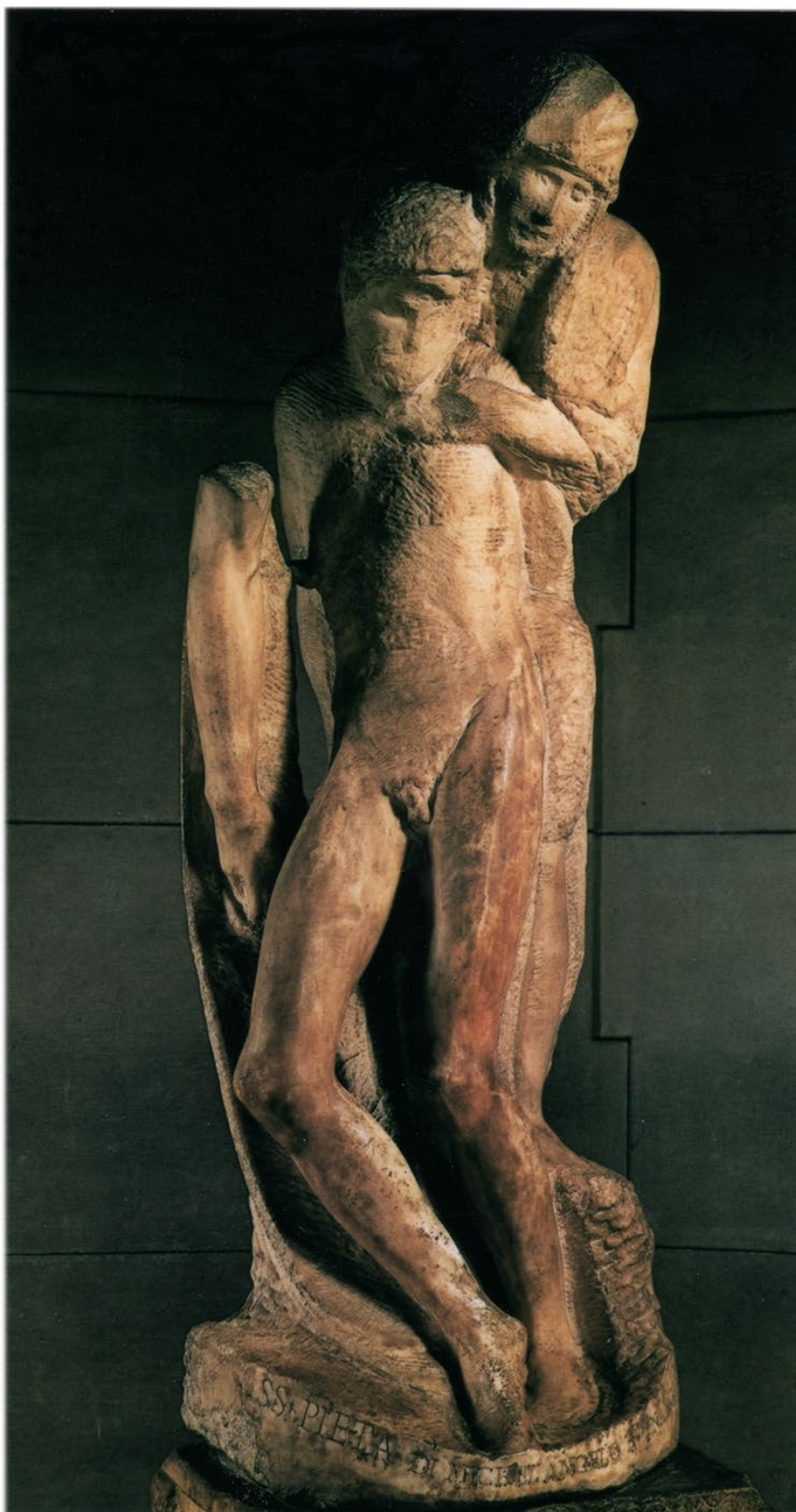
89. В. Ф. Козлов. Рисунок с архитектурного творения Микеланджело «Капитолийский ансамбль в Риме». Акварель, тушь, перо.

90. Якопино дель Конте. Портрет Микеланджело.
Музей Буонарроти, Флоренция.

91. В. Ф. Козлов. Рисунок с архитектурного творения Микеланджело «Порта Пиа в Риме». Акварель, тушь, перо.

92. Микеланджело. Скульптура «Пьета Ронданини». Каstellо Сфорцеско, Милан.

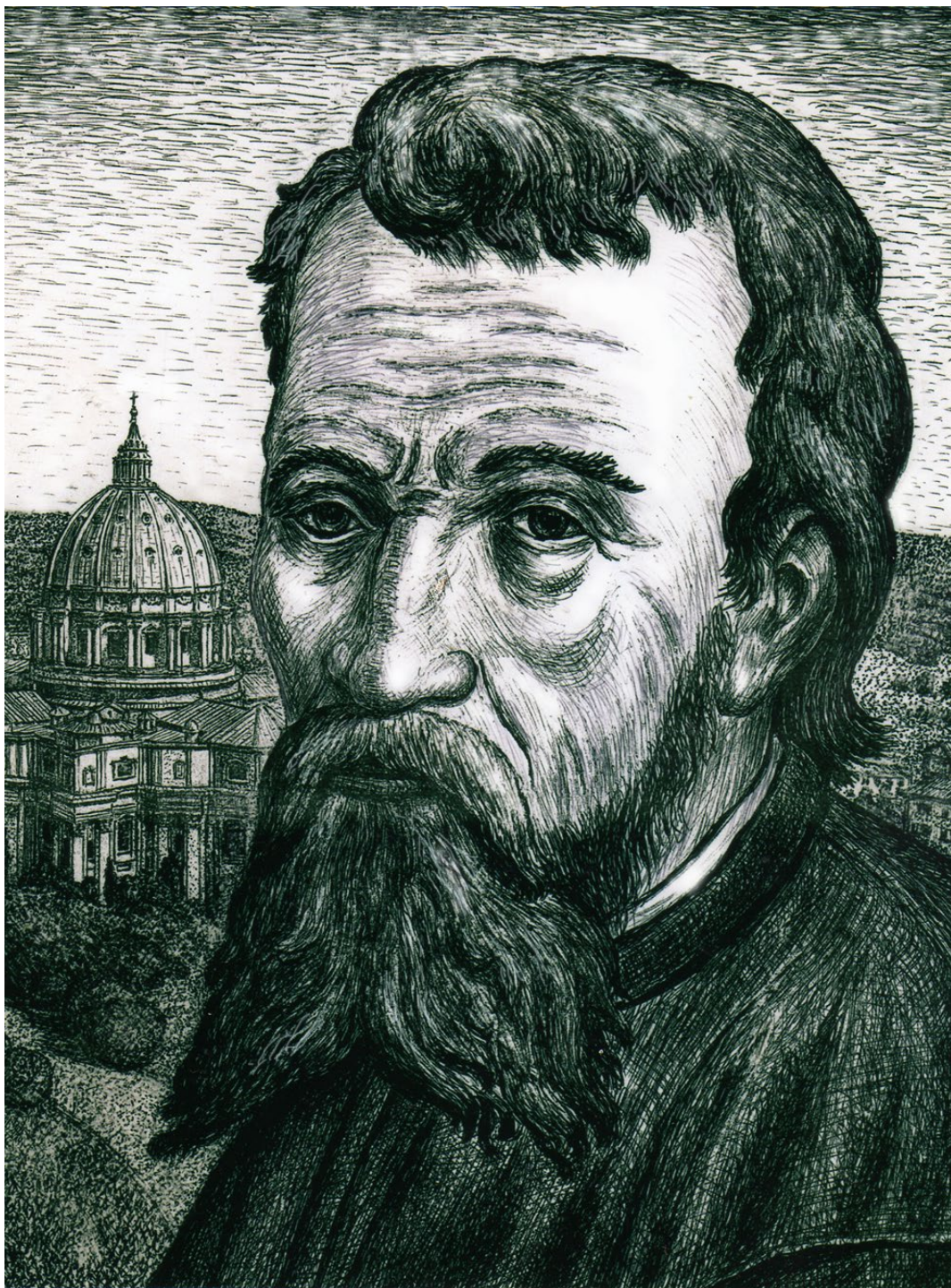
93. Браманте, Микеланджело. Собор Святого Петра в Риме.

94. Микеланджело. Купол Собора Святого Петра в Риме.

95. В. Ф. Козлов. Рисунок-композиция со скульптуры Даниэле да Вольтерра «Микеланджело». Акварель, тушь, перо.

96. В. Ф. Козлов. Портрет Микеланджело.
Акварель, тушь, перо.

97. Площадь Микеланджело во Флоренции. На площади бронзовые копии скульптур Микеланджело «Давид», «Утро», «День», «Вечер», «Ночь».

98. Площадь Синьории во Флоренции. Слева от входа во дворец мраморная копия скульптуры Микеланджело «Давид».

99. Микеланджело. Скульптура «Давид-Апполон». Национальный музей Барджелло, Флоренция.

100. Микеланджело. Скульптура «Давид-Апполон», фрагмент. Национальный музей Барджелло, Флоренция.

101. М. Антокольский. Скульптура «Микеланджело». Эскиз неосуществлённой статуи. Гипс. Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств, Санкт-Петербург.

102. Микеланджело. Скульптура
«Восставший Раб».
Лувр, Париж.

103. Микеланджело. Скульптура
«Умирающий Раб».
Лувр, Париж.

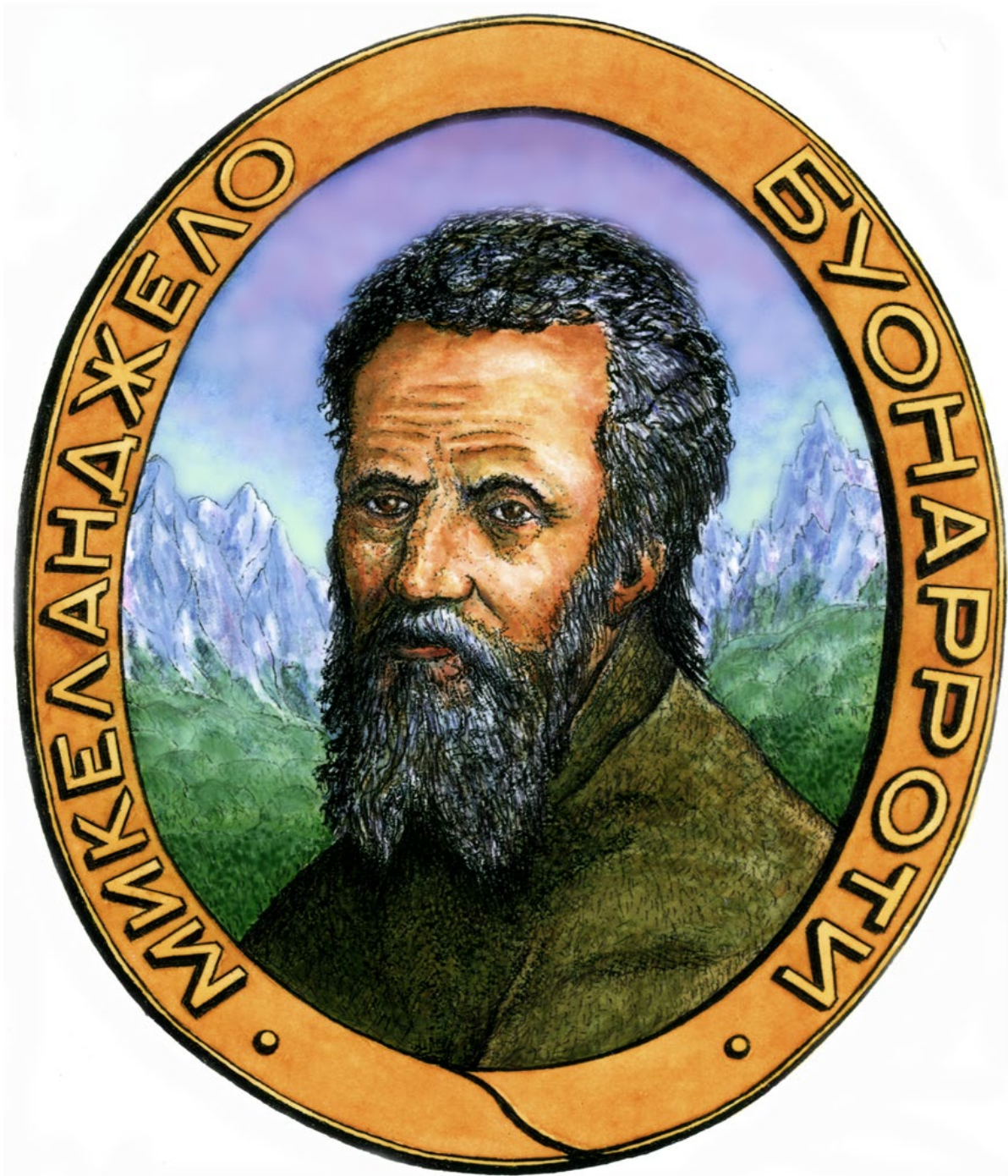
104. Микеланджело. Скульптура «Скорчившийся мальчик». Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

105. С. Д. Эрзя. Скульптура «Микеланджело».
Мордовский республиканский музей
изобразительных искусств, Саранск.

106. Собор Святого Петра в Риме – творение Браманте, Микеланджело; строительство завершили По Маде \square рна. Перед Собором площадь и колоннаду создал Берни

107. В. Ф. Козлов. Портрет Микеланджело Буонарроти.
Акварель, тушь, перо.

108. Швейцарская гвардия Ватикана охраняет папу Римского и носит мундиры, сшитые по модели Микеланджело.

109. Эжен Делакруа. Портрет «Микеланджело у себя в мастерской».

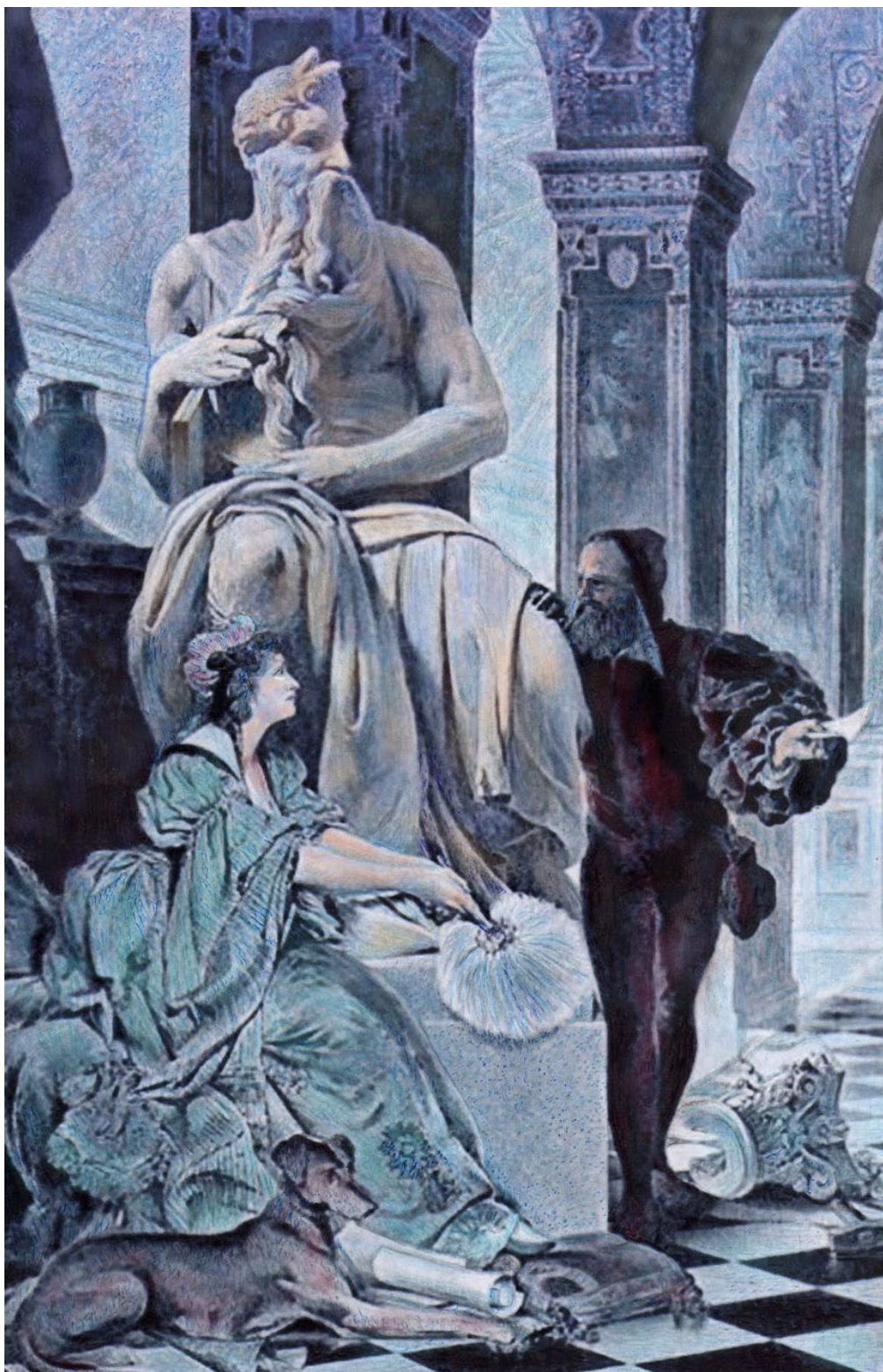
110. С. Царёв. Портрет «Микеланджело».
Акварель.

111. В. Ф. Козлов. Рисунок с барельефа
В. Лемпорта «Микеланджело».
Акварель, тушь, перо.

112. А. Рукавишников. Скульптура «Микеланджело». Гранит. Собственность автора.

113. В. Ф. Козлов. Рисунок с картины Германа Шнейдера «Виттория Колонна и Микеланджело у скульптуры Моисей», фрагмент. Акварель, цветные карандаши, тушь, перо.

114. В. Ф. Козлов. Барельеф «Микеланджело во Флоренции».
Глина, пластилин.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
От автора	5
Глава 1. Учеба у живописца Гирландайо	7
Глава 2. Сады Медичи	24
Глава 3. Ваятель во дворце Медичи	37
Глава 4. Уход из дворца Медичи	62
Глава 5. Вечный город Рим	86
Глава 6. Гигант Давид	115
Глава 7. Папа Юлий Второй	150
Глава 8. Медичи	193
Глава 9. Защита Флоренции	214
Глава 10. Любовь	252
Глава 11. Собор Святого Петра в Риме	285
Глава 12. Бессмертие	330
Часть 1. Вторая жизнь гения	330
Часть 2. Эпоха Возрождения	351
Часть 3. Вершина Возрождения	358
Часть 4. Скульптор	367
Часть 5. Художник	380
Часть 6. Архитектор	388
Часть 7. Поэт	394
Часть 8. Дань поколений гению	401
Примечания	415
Иллюстрации	429

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы о книге и пожелания присылать по адресу: 426053, г. Ижевск, Удмуртская Республика, А/Я 628; тел. дом. (3412) 71-37-38; сот. 8.951.205.07.38. Козлову Виктору Фёдоровичу.

Козлов Виктор Фёдорович

МИКЕЛАНДЖЕЛО

Героическая поэма

Оформление книги, обложка, форзацы «Флоренция» и «Рим», часть рисунков, подбор иллюстраций, компьютерная вёрстка, печать, переплётные работы выполнены В. Ф. Козловым – автором книги.

Подготовлена книга к печати 24. 11. 2012.
Формат А5. 536 стр. Бумага типа «Снегурочка» и «Priviision»; обложка картонная с ламинированием.
Тираж 50 экземпляров.

Книга одобрена Удмуртским отделением Союза архитекторов России; «Дом архитектора». Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Советская, 16. Тел. раб. (3412) 78-27-22.

Микеланджело –
Величайший мастер времён Возрождения.
И в нашу жизнь ныне вошёл сквозь века.
Не забудут в мире его все творенья.
Да будет жить гений народный всегда!

Его Италия Планете дала,
На радость, муки навсегда обрекла.
Предстал он лишь великим и в скульптуре,
И живописи, и архитектуре;
И непревзойдённым в поэзии стал.
Творенья прекрасные людям создал.

Честен, правдив, безжалостен мастер к себе;
Счастье своё находит в исканьях, борьбе.
Жил свой век в постоянном неступлении,
Для него весь труд адский – устремление.
Ведь к нам явились образ титанический
И подвиг жизни дерзкой, героической.

Один из величайших на тысячи лет.
Героя на Земле не померк яркий свет!
Искусство творца Планета в веках познавай.
Звезда Микеланджело во Вселенной сияй!

В. Ф. КОЗЛОВ

МИКЕЛАНДЖЕЛО

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭМА

МИКЕЛАНДЖЕЛО

В. Ф. КОЗЛОВ

